

Ирина Котова

Королевская кровь- 12

Часть 1

временная обложка

Первая книга серии бесплатно

<https://author.today/work/152728>

«Мы все пленники судьбы. Но иногда наступают эпохи, великие эпохи, когда меняется мир. Смотри внимательно, и ты увидишь знаки. Увидишь, как люди вырастают над судьбами, и даже боги склоняются перед их силой, перед добровольными и безоглядными жертвами во имя другого. Как борьба идет до последней капли крови, до последнего вздоха и смерти вопреки — и отступает рок, и ломается предначертание. Никогда такое не бывает случайно. Смотри. Наблюдай. Помни. Такое случается только тогда, когда мир уже треснул и нужны те, кто сошьет его вновь».

- [Королевская кровь-12. Часть 1](#)

- [Часть 1. Глава 1](#)
 - [Часть 1. Глава 2](#)
 - [Часть 1. Глава 3](#)
 - [Часть 1. Глава 4](#)
 - [Часть 1. Глава 5](#)
 - [Часть 1. Глава 6.1](#)
 - [Часть 1. Глава 6.2](#)
 - [Глава 7.1](#)
 - [Глава 7.2](#)
 - [Глава 8.1](#)
 - [Глава 8.2](#)
 - [Глава 8.3](#)
 - [Глава 9.1](#)
 - [Глава 9.2](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Часть 2. Глава 1.1](#)
 - [Часть 2. Глава 1.2](#)
 - [Часть 2. Глава 1.3](#)
 - [Nota bene](#)
-
-

Часть 1. Глава 1

Первое мая, графство Нестингер, Инляндия

Тиодхар Ренх-сат

Новость о том, что великий, бессмертный и кровавый император Итхир-кас побежден, что ему перерезали горло, быстро распространилась по лорташским войскам у йеллоувиньского города Менисей. Ее в страхе выкрикивали друг другу простые нейры и благородные норы, она катилась от солдата к солдату и провалилась на ночной Лортах вместе с дрогнувшими наемниками, которые успели сбежать до того, как над порталом поднялся купол из золотистого прочнейшего дерева.

А в Нижнем мире новость достигла сначала ушей тиодхара Тмир-вана, занятого поимкой двух крылатых и одного красноволосого беглецов, затем понеслась со связными на раньярах по империи к столице и одновременно вынырнула в разных частях Туры, полетев к генералам, ведущим бои в Рудлоге, Блакории и Инляндии.

Генерал Ренх-сат узнал о смерти повелителя к вечеру того же дня, в который тот был убит.

— Врата со стороны Йе-лоу-виня накрыты волшебным пологом, — говорил связной, тха-нор Арвехши, жадно прикладываясь к чаше с водой. Он прилетел прямо на балкон единственной башни замка, тот самый, на котором их с тиодхаром чуть не снес колдун Дармоншир, и сейчас находится в личных покоях Ренх-сата. Покои были обставлены аскетично — генерал не любил излишеств.

— Тмир-ван пытался отправить на помощь Бема-тону в Йе-лоу-винь несколько отрядов невидши, — продолжал Арвехши, — из тех, что оставались у ключа к последним неоткрывшимся вратам, но невидши не смогли ни пройти, ни прогрызть золотое дерево, ни сделать подкоп — корни уходят на невиданную глубину. С той стороны на Лортах тоже не может вернуться никто. Бой все еще длится, и никто не знает, смогут ли наши воины победить.

— Даже если Бема-тон сейчас проиграет, скоро к нам на помощь придут наши боги. Никакой полог их не остановит, — ответил Ренх-сат, глядя из высокого окна на залитый закатом городок Нурбидж, на пологом склоне холма у которого находился замок, на перегороженные улицы. За городом располагались загоны с тысячами инсектоидов, а дальше на холмах начинался лес, в котором скрывались бесконечные укрепления, построенные пленниками и рабами. Город окружали холмы с хитро скрытыми, продуманными лично генералом ловушками.

Ренх-сат подтягивал войска со всех концов Инляндии, а в подземелье замка, чтобы не попасться на глаза лазутчикам врага, ожидали почти полторы тысячи невидши, невиданная сила. Тиодхар велел вести их от портала у столицы к графству Нестингер ночами. Пусть наличие и умение невидши недолго останется тайной, но даже крошечная ошибка в расчетах у противника мажет стать решающей.

Ренх-сат тренировал несколько сотенных отрядов ловчих на раньярах, сам учился обращаться с сетью Лесидия от бога-войны Нервы: та при броске из горсти раскрывалась в гигантскую режущую паутину, оставляя в руках охотника сигнальную нить, и собиралась обратно в клубок или струну, стоило правильно потянуть. Ренх-сат следил, как превращаются в капканы на крупную добычу старые шахты и заливаются несколько

огромных каменных труб в холмах вокруг замка: совсем немного осталось до того, как намертво скрепит стены песчано-известковая смесь. Он знал, что враг умен и ловок, и не полагался на один тип ловушек, дублируя их.

Тиодхар, подчиненный войне, не мог не восхищаться военными машинами и оружием местных — и за прошедшие декады встроил их в систему своей армии, жалея лишь о том, что слишком мало пленных согласилось спасти свои жизни, сражаясь на стороне лорташцев и обучая их. Его вводило в восторг оружие, которое плюет огнем на дневной переход солдата, которое способно убивать на расстоянии! Кто-то из тха-норов считал его оружием трусов, боящихся честного ближнего боя. Но Ренх-сат всегда был лишен сентиментальности и использовал все, что могло принести победу.

Колдун из Дарморшира атакует со дня на день, вражеские отряды уже близко, так близко, что на них можно напасть. Но Ренх-сат ждал и выигрывал время.

Он вызовет атаку чуть позднее, когда все будет готово. Сделает так, чтобы армия врагов двинулась в нужном направлении. Пусть войска колдуна наступают, и не подозревая, что играют по задумке Ренх-сата. Атакующий всегда в более уязвимой позиции.

— Вопрос только в том, — проницательно заметил Арвехши, — кто станет преемником Итхир-Каса. Новым императором. Боги решат?

— Или предпочтут оставить решение на нас, — жестко усмехнулся тиодхар, и Арвехши понимающе сложил руки на груди. Боги не замечали, как тха-норы режут друг друга, равнодушно относились к императорам, восходящим на трон и удерживающимся там благодаря братоубийству и детоубийству. Богам было все равно, кто их сильнейших займет трон, но они щедро награждали за верную службу.

— Ты пойдешь сейчас за своей невестой Анлин-Кас, тиодхар? — спросил связной. — Брак с кровью императора укрепит твои позиции. Я могу донести тебя в Лакшию быстрее ветра.

Ренх-сат поморщился. Он понимал, что сейчас в борьбе за корону выигрышнее всего позиция у Манк-теша, который захватил всю Блакорию, а сам находится в ее столице, рядом со воротами. Манк-теш молод и не так опытен, в личном бою не устоит против Ренх-сата, но сейчас у него есть время долететь с отрядами наемников до Лакшии и силой взять Анлин-Кас в жены.

Виса-асх, проигравший на Севере Рудлога, уже не опасен и лег под Манк-теша. А Тмирвану, оставшемуся охранять врата со стороны Лортаха, власть не нужна и он встанет под руку любого, кто будет императором.

Зато опасен Тенш-мин, который сейчас наступает с Юга Рудлога к Центру. Он старше Ренх-сата и может еще иметь детей, он хитер и опасен. И вряд ли сейчас полетит к Лакшии. Зато потом придется столкнуться именно с ним.

— Я не оставлю войну ради женщины, — покачал головой тиодхар и усмехнулся. — Взять ее в жены я могу и вдовой: ведь императорскую мантию недостаточно надеть, надо еще и удержать. Но моему богу Нерве будет приятно, что я не изменил ему ради нее.

На следующий день у замка, в котором обосновался Ренх-сат, опустилсь раньяр. На нем восседал старик в красных одеяниях старшего жреца, поддерживаемый жрецами младшими.

Ренх-сат не стал выходить ему навстречу. Но и заставлять ждать не стал — встретил в бывшем пиршественном зале, который использовался для приема связных и посыльных от других генералов, а также военных советов.

— Боги огорчены тем, что Итхир-Кас позволил себя убить, — мелодично сообщил жрец,

опираясь на плечи помощников. Его слушал Ренх-сат, слушали тха-норы и норы, собравшиеся в зале. — Но боги довольны тем, что он успел послужить делу. Боги отправили меня и четырех моих братьев ко всем тиодхарам, потомкам первых воинов Лортаха, — голос его окреп, словно он читал молитву в храме. — Боги велели сообщить: ворота укрепляются, и ждать открытия последних осталось несколько дней.

По залу пронесся гул голосов — были так и радостные, и настороженные, и звучащие с облегчением. Война многих накормила, но и многих утомила.

— И как только последние ворота откроются и окрепнут, господа наши придут в этот мир, — жрец обвел взглядом слушателей. — А верным воинам своим боги велют бить врагов, дабы не подошли они ко воротам, и не давать закрыть их. Тех же, кто решит устроить смуту ради императорского трона до того, как враги будут побеждены, а этот мир падет, ждет жестокая смерть. Ничего нет важнее сохранить ворота до прихода богов сюда! — воскликнул жрец тонко и громко. — На Ларте остался править наместник, оставленный Итхир-Касом, а Анлин-Кас заключена под стражу, чтобы никто не мог выкрасть ее и сделать своей женой. Здесь же после победы каждый получит огромные земли во владения. А ежели кто потом захочет побиться за верховную власть, то у каждого будет целый мир, чтобы это сделать.

— Я услышал тебя и волю богов, жрец Имити-ша, — веско обронил Ренх-Сат. — Ты останешься моим гостем?

— Боги велели проследить, как ты исполняешь их волю, — кивнул жрец, и его жидкая борода коснулась груди.

— Тогда ты сможешь начать это делать с завтрашнего дня, — усмехнулся тиодхар. — Ибо завтра я начинаю бой.

Третье мая, Инляндия, Нестингер

Люк Дармоншир

Люк вместе с леди Викторией и озмеившимся Робертом Таммингтоном вернулись из Милокардер в расположение дарморширских войск по первому призыву командующего Майлза. И не сказать, что они были в форме — спать за эти дни удавалось урывками, внимание за почти двое суток спасательной операции начало рассеиваться, да так, что Виктории, тоже уставшей донельзя, пришлось чуть ли не фейерверки перед носом несущегося к Драконьему пику Люка пускать, чтобы тот среагировал.

— Сигналка от Майлза сработала, — сказала она, когда Люк наконец-то снизился к ней и опустил клювастую голову, стараясь не задеть остальными частями тела драконов и людей на берегу. — Нужно уходить.

Еще какое-то время занял поиск Тамми, который сонно гонял баранов, ради разнообразия хватая их и лапами, и хвостом, и с закрытыми глазами. Люк не протестовал — для тренировки меткости и ловкости — самое то. Таммингтону повезло с ударной тренировкой в почти боевых условиях. А скорость обучения давала надежду не только на значительную поддержку в боях, но и на удачный исход задумки с коронацией.

«Тамми, ты меня восхищаешь, — хвалил Дармоншир во время редких встреч над берегом, где расположился временный пункт спасения драконов, и похлопывал собрата длинным хвостом по спине. — Я на третий день после инициации был неуклюж, как новорожденный щенок».

«Стараюсь, Лукас», — застенчиво отзывался лорд Роберт, стараясь не глядеть на дракониц и леди Викторию. А особенно на Владычицу Ангелину, на которую не смотреть было очень сложно. Но опасно: она могла таким ледяным взглядом одарить в ответ, что

поджимались лапы.

Люк понятоливо усмехался и улелал.

С бывшей невестой он успел обмениваться радушными приветствиями, погрелся у огромных раскаленных ею камней, которые источали жар как плавильные печи, посмотреть, как она управляетя с детьми и сбежать от картин нелегкого родителства, наблюдаемых им с настороженностью. И попрощаться с ней и Нории успел перед уходом в Дармоншир. И удивиться — потому что сначала она величественно протянула руки, чтобы он подошел, обняла, а затем строго велела, отступив:

— Не заставляй нас снова плакать по тебе, Лукас. Удачи. Надеюсь в скором мирном времени навестить вас с Мариной.

— Очень постараюсь, — галантно ответил Люк, от удивления даже не нашедший, как отшутиться.

Командующий Майлз встретил их на пороге мобильного командного пункта. Лучи утреннего солнца, заливавшие округу, спотыкались на фуражке полковника, и потому бледное лицо его с веснушками и белесо-рыжими ресницами выглядело до неуютного мрачным.

— Все вышло? — спросил он сухо, окидывая взглядом растерянно озиравшегося вокруг Таммингтона. Повернулся к леди Виктории, поднес руку к козырьку. Та слабо улыбнулась в ответ.

— Все удачно, — отчитался Люк. — Командующий, позвольте представить вам герцога Роберта Таммингтона, он же второй змей и наша поддержка с воздуха. Роберт, это полковник Венсан Майлз, мозги и воля нашей армии.

— Рад, рад, — сдержанно ответил Майлз. — Наслышан о вас, лорд Роберт. Остроумнейшие идеи сопротивления!

— Благодарю, — Таммингтон хмурился, на глазах уходила растерянность.

Вокруг мобильного командного пункта кипела работа, справа и слева в лесу окапывались бойцы, отдавали приказы офицеры, слышны были разговоры связистов. Леди Виктория смотрела на это с одобрением. Шумели деревья, было тепло и сыро, как бывает в лесах в мае.

— Враг атаковал нас в долине у Дувлинских холмов, ближе к морю, завязался позиционный бой, — сообщил Майлз, пока они шли к столу, выставленному на траве. — Я приказал по возможности удерживать позиции, на провокации не поддаваться, за иномирными вглубь фронта не идти. Рано нам атаковать, хотя, конечно, когда это войны проходили четко по планам? Но нам бы еще день на подход отставших, окапывание и артподготовку. А если иномирные подведут к холмам подкрепление, придется ввязываться в битву раньше и большими силами: там две высоты рядом, которые, если отдадим им, станут нашей головной болью.

— Какова сейчас расстановка сил? — поинтересовался Люк.

— На нынешний момент осталось подойти нескольким нашим подразделениям, остальные все на тех позициях, которые и планировалось занять перед атакой на Нестингер, — Майлз ткнул в карту, прикрепленную к столу. — Вот здесь наш штаб, — он показал на точку в лесу, где-то на трети расстояния от моря до границы Инляндии с Рудлогом. — Ближайшие позиции иномирных в полукилометре от нас, на подступах к городку Вилью. Вот замок Нестингер и столица графства, Норбидж, — он ткнул пальцем чуть вверх и правее. — Корабли эмиратцев, — его рука проскользила к морю, — подошли по воде параллельно с

нами и готовы поддержать бортовыми орудиями. Когда боезапас закончится, стрелки присоединятся к своей пехоте, которая сейчас у нас по левому флангу. По правому флангу, — он провел пальцем по дуге из точек, обозначающих позиции дармонширцев вдоль вражеских засек, и остановился где-то на половине расстояния до границы, — смешанные дармонширские, берманские и рудложские отряды.

Люк кивнул — где-то там находился и Берни.

— Артиллерия за нашими спинами в десятке километров. Мы не можем бить по городам, но зачистить ближайшие позиции врагов до начала пехотной атаки мы в состоянии. Мы нанесли на карту все укрепления и засеки, которые видели вы во время разведывательных полетов, лорд Дармоншир, но нужно знать, что враги успели сделать за время вашего отсутствия. Есть у вас сейчас силы отправиться на разведку? Если нет, то у вас максимум пара часов на сон и восстановление. Боюсь, что больше нам не дадут.

— Я полечу, — отозвался Люк и повернулся к Таммингтону, вглядывающемуся в карту. — Роберт, я и хотел бы настоять, чтобы ты потратил это время на сон, ибо нам, скорее всего, придется подменять друг друга. Но я обязан ввести тебя в курс дела и показать все сверху.

— Разумно, — поддержал Майлз. — Леди Виктория, а вам я очень рекомендую отдохнуть. Боюсь, вам тоже предстоит много работы. Для вас поставили палатку, — он кивнул в сторону леса, — там вы найдете плотный завтрак и запас молока.

Волшебница не стала спорить.

— А нас кормить не будут? — не удержался Люк. Тамми, проводив взглядом леди Викторию, сокрушенно вздохнул.

— А вы не заслужили еще, ваши светлости, — позволил себе суховатую иронию Майлз. — Да вы и не дамы, чтобы я за вами ухаживал. Разведданные нужны срочно. Слетаете в разведку — и затем позавтракаете.

Люк столько летал над Нестингером, что его рельеф накрепко врезался в память. В основном пейзаж был пасторален и уныл — соединенные сетью железной и автомобильной дорог городки, протянувшиеся от моря по пологим возвышенностям и окруженные пшеничными полями и лесом. Население — до десяти тысяч человек, и только в столице, Норбидже, проживало тысяч тридцать. Вокруг Норбиджа, где в отдалении и стоял захваченный Ренх-сатом замок, поднималось сразу несколько высоких холмов со старыми шахтами.

Командующий врагов был умен — и потому в загонах оставалось малое количество инсектоидов, и уничтожить сразу тысячи несколькими ударами артиллерии теперь было невозможно. Инсектоиды были рассеяны в лесах и городах, меж домов мирных жителей, и у Люка создалось впечатление, что количество тварей удвоилось. Раньяры бесконечно перемещались по холмам небольшими стаями — Ренх-сат сделал все, чтобы уменьшить возможный ущерб от огневого превосходства противника.

Укреплений на позициях иномирян в лесах перед городками действительно прибавилось: до сих пор на засеках трудились тысячи местных, роя канавы и делая насыпи под понукания надсмотрщиков. Леса казались перекопаны вдоль и поперек, и понятно становилось, что битва будет затяжной и непростой. Люк, глядя на рабский труд соотечественников, осознавал, что делает Ренх-сат: он, смешивая врагов и заложников, ограничивал дармонширцам использование оружия массового поражения, а Люку — родовой силы. Вызовешь вихрь — уничтожишь не только чужих, но и своих.

И единственный способ спасти их — не наступать. Или не использовать артиллерию.

Люк с Таммингтоном, который то и дело дергался из-за перелетающих с холма на холм раньяров, несколько раз облетели графство под покровом невидимости. Своего помощника-змееветра, ослабленного долгим пребыванием у земли, у Драконьего пика, Люк отпустил отдохнуть и набраться сил в небесах.

Дармоншир приглядывал за Тамми и рассказывал о том, что увидел и узнал при прошлом облете, показывал замок графа Нестингер с разрушенным балконом и обрушенной им, Люком, крышей, и, признаться, ждал, не появится ли в окнах Ренх-сат.

И за этим ожиданием едва не упустил момент, когда Тамми, взбешенно что-то прошипев, все же рванул вниз, за замок, к загонам раньяров, которые поедали трупы. Дармоншир успел перехватить собрата почти у земли, обвить его поперек туловища и, лавируя меж находящимися в воздухе инсектоидами, утащить вверх, туда, где ледяной ветер охладил горячую голову.

«Глупости — это моя с-стеязя, Роберт, — выругался Люк, — больше выдержки!».

«Но там были тела женщ-шин, — яростно возразил Тамми, — инляндских женщин, хотя какая, к чертям-с, разница?!».

«Мы сейчас-с делаем все, чтобы больше жертв не было, — Люк еще раз потрянул коллегу и отпустил его. — Но если тебя обнаружат, это может спровоцировать начало широких боев, а нам пока это не нужно».

Он чувствовал себя совершенно сюрреалистично и нелепо. Будто не он это говорил, а его многочисленные наставники — Тандаджи, отец, дед, Луциус, — ему. Будто с появлением Таммингтона и его обучением вдруг логическая, холодная часть усилилась, а ответственность заставила стать занудным и предусмотрительным.

«Я понял, — примирительно прошипел Тамми. — Это тяжело, но я постараюсь не реагировать».

Между Дувлинских холмов, где велась вялая перестрелка, помощи змеев явно не требовалось — и они, вернувшись к Майлзу, внеся дополнения на карту и рассказав о том, что местное население используется как живой щит, полетели к морю, поохотиться и отдохнуть.

Чуть позже крылатые коллеги, насытившись, сидели на просоленном берегу: Люк с удовольствием курил, потому что за последние дни это удавалось сделать очень редко, а уставший от восторга после ловли косаток Таммингтон жадно вдыхал йодистый ветер.

Пять минут покоя, прежде чем лететь обратно.

— Я ведь так и не поблагодарил тебя, — глядя на синее майское море, сказал лорд Роберт. Люк покосился на него — молодого, чуть взъерошенного, в очках и мокрой одежде, потому что Тамми ухитрился обернуться раньше, чем выполз из воды. — Я никогда не думал, что мне доведется испытать подобное. Что змеи воздуха — это не сказка. Я до сих пор не верю, понимаешь?

— Понимаю, — очень искренне сказал Люк, с наслаждением выдыхая дым и поднимая за ним лицо к яркому синему небу. — Я и сам до сих пор, признаться, иногда сомневаюсь, не снится ли мне все это.

— И вот это? — как-то сдавленно произнес Тамми.

Люк опустил взгляд к морю. Из пенистого прибоя один за другим выходили громадные, похожие на бульдогов водяные псы с красными глазами. Первый, размером с хорошую корову, укоризненно рыкнул на Люка, не разжимая зубов, а потом аккуратно положил что-то у его ног.

— Он у вас, — обрадовался Дармоншир и поднял золотой кружляш на цепочке с выгравированным знаком воды. — Значит, после крушения смыло в море. Спасибо. Вы снова подросли, да? — Герцог протянул руку, чтобы потрепать пса по загривку, но тот глухо рывкнул, мол, без вольностей, и вся стая в несколько прыжков ушла обратно в море.

Люк оглянулся на Таммингтона. Тот сидел бледный, глядя на пену, оставшуюся после тер-сели, но во взгляде его было мало страха — все больше очень знакомый азарт.

— Дай-ка мне закурить, Лукас, — попросил Тамми с достоинством. — Кажется, пора начинать.

Люк молча протянул ему пачку и затем с любопытством наблюдал, как зеленоватый Таммингтон давится дымом.

— Ну и дрянь, — с сердцем заметил лорд Роберт, отбрасывая сигарету и поднимаясь.

— Первые раз пять я тоже так думал, — хмыкнул Люк. — Надо лететь в лагерь. Если повезет, успеем выспаться. Иначе, если бой затянется, есть риск рухнуть без сил. Сожрать-то и инсектоида можно, хотя гадость редкостная, как скорлупа от яйца с кислой слизью и ложкой мяса, а вот от усталости за раз не избавишься... и потом можно несколько суток проспять. А ты так и не спал нормально после инициации.

Таммингтон с отвращением сглотнул.

— Ты же говорил, что можно подпитаться в небесных ветрах?

— Можно, — нехотя признал Люк, возвращаясь к некомфортной как узкий воротничок роли учителя, — но спать все равно надо: даже если подпитываешься и чередуешь ипостаси, усталость накапливается. И на подпитку нужно время, а по первости может унести на край света или затянуть так, что растворишься в стихии. Надо все-таки показать тебе, как это делать, — он тоже поднялся, поглядел на эмиратские корабли на горизонте, обернулся на далекие точки раньяров за пустынным шоссе. — Знать бы, сколько у тебя это займет и не пропустим ли мы момент, когда будем нужны...

Внизу расстилалась зеленая, залитая солнцем Инляндия, как женщина, окунающая край одежд в море. С ледяной, наполненной только свистом ветра высоты не видны были ни инсектоиды, ни виселицы — а если не присматриваться, то под брюхом редких облаков можно было не заметить и полосы засек в графстве Нестингер.

Люк, сам преодолевая ощущение блаженства и восторга, наблюдал, как парит рядом в разреженных, сильно ослабевших перламутровых потоках Таммингтон с полуприкрытыми глазами и выражением морды точь-в-точь как у Тандаджи, когда тот употреблял дурман-траву, и лишний раз убеждался, что обучается пернатый коллега невероятно быстро.

Может, конечно, дело в том, что Люку после краткого курса у Луциуса пришлось почти все осваивать самому, и он совершил все ошибки, какие мог, а Тамми сейчас был под присмотром. А может, все-таки работала сила крови и близость к трону.

Глядя на молодого герцога, кувыркающегося на пути к земле, и сам несясь наперегонки с ним, Люк вдруг представил, как учит летать своих детей. Но будут ли они способны к обороту?

Он вспомнил импровизированную лекцию профессора-генеалога, которого посещал, когда вел расследование смертей инляндских аристократов. Да, Маринина кровь сильнее, и дети, конечно, многое возьмут от нее, но Дармоншир — глава дома и рода, и потому все основные способности по крайней мере у старших детей будут унаследованы от него. Благо брак заключен до того, как они родятся. А Маринина кровь их только усилит.

Значит, если война закончится, полетам с детьми быть. А, может, лет через пятьдесят

получится собрать свою стаю, как у Нории... нет, тысячи Змеев Инляндия, конечно, не прокормит, но десяток-полтора вполне, вполне...

Таммингтон, забывший и о войне, и о времени, с восторженным клекотом заложил петлю, и Люк усмехнулся, присоединяясь к нему.

По всему выходило, что это будет весело.

Уже когда они, невидимые, подлетали к лагерю, раздался грохот артиллерии и далеко слева по курсу на Дувлинских холмах начали расцветать огненные цветы.

«К земле!» — рывкнул опытный Люк. Не хватало еще попасть под дружественный огонь.

Тамми послушно рухнул в лес рядом с Дармонширом, ломая пышные кроны. Сильно запахло липкой весенней листвой.

«Что с-случилось?» — прошипел Тамми, скорчившийся рядом с Люком меж остовов деревьев, пока над ними свистели снаряды. Хвосты змеев почти синхронно нервно дергались.

«Вполне ожидаемое отсутствие возможности поспать с нами случилось», — с некоей едкостью ответил Люк, оборачиваясь. Снова сунул в зубы сигарету и уже благодушнее вслух добавил:

— Возвращайся в человеческий облик, Тамми. Пора добавить к радостям сегодняшнего дня и пробежку по пересеченной местности.

* * *

До лагеря они добежали запыхавшись и изрядно вспотев, невольно пригибаясь от взрывов артиллерии. Леди Виктория уже была на ногах — она накрывала лагерь куполом, чтобы защитить от налетов раньяров, да и вся ставка напоминала растревоженный муравейник.

— Ваша светлость, случилось то, что я предполагал, — сообщил Майлз, который принимал сводки в мобильном командном пункте. — Нас выманивают в атаку меж Дувлинских холмов. Там сейчас заперто около трех сотен наших солдат: их отвлекли перестрелкой, а тем временем холмы обошли отряды всадников на охонгах и зажали наших в клещи. Отступать по склонам мешают раньяры. Мы начали гладить тылы врага артиллерией, чтобы усложнить им подвод подкрепления.

— То есть враг фактически провоцирует нас стянуть значительные силы к холмам и ударить там, чтобы выручить своих? — уточнил Люк.

— Так и есть, — Майлз хмуро потер щеку с едва заметной рыжей щетиной. — Я не понимаю пока, зачем это нужно: да, высоты важные, прикрывают город за ними, но по фронту есть куда более стратегически выигрышные, рядом с которыми мы не видим даже небольших скоплений сил врага. Например, вот Йостлевские холмы, — он ткнул пальцем в очередную карту, расположенную на стене командного пункта, — недалеко от замка Нестингер, вокруг Норбиджа, все то же самое, только площади можно прикрыть большие.

— Однако у них мы никого не видели, — вмешался Таммингтон озадаченно. — Только повал срубленных деревьев. Укрепления иномирян километрах в двух от них в лесу, не ближе.

— Именно, — кивнул Майлз. — Что такого в Дувлинских холмах, что нас настойчиво

приглашают атаковать?

— Ничего не могу сказать, кроме того, о чем уже докладывал, — Люк помял в кармане пачку сигарет. — Расположены близко друг к другу, высокие, по макушку заросшие очень густым лиственным лесом. Редкие каменные проплешины, несколько больших скал на обоих холмах. Я заметил там несколько выходов старых шахт, похоже, добывали известняк, но очень давно, потому что дорога заросла напрочь. Тха-охонги в долине вряд ли пройдут, слишком высокие деревья. Охонги, пехота — да. Бой проходил прямо в лесу, перестрелка велась из-за деревьев, охонгов на момент нашего облета не было. Полковник, — добавил он без всякого перехода, — давайте я слетаю и выведу людей. Играть по сценарию Ренх-сата нельзя, но и солдат оставлять на убой невозможно.

— Никто и не собирался, — буркнул Майлз. — Я и сам хотел вас просить, потому что к открытию широкого фронта мы еще не готовы, а плотное столкновение у холмов неизбежно в него выльется: иначе никак не отвлечь силы противника. Меня смущает только одно: что мы используем ваши умения на мелкий случай, когда они совсем скоро могут потребоваться глобально. А вы так и не отдохнули.

— Пусть лорд Роберт отдохнет, а я слетаю, — предложил Люк.

— Но мне нужно набираться боевого опыта, — возразил Таммингтон, выпрямляясь. — Ты учился точности управления воздухом у Владыки, а у меня нет такой возможности. Вдвоем мы справимся быстрее, и если получится отсрочить начало наступления, после и отдохнем.

— А если не получится? — поинтересовался Дармоншир. — И мы оба свалимся без сил тогда, когда наше участие будет нужно? — он повернулся к Майлзу. — Полковник, рассудите нас как командир, раз уж у вас тут образовалось подразделение из сразу двух змеев.

Майлз нетерпеливо постучал пальцами по карте. Жужжание голосов в машине становилось все громче и напряженнее. В стороне ожидало окончания разговора несколько адъютантов и офицеров связи.

— Задача малая, — сказал полковник сухо, — а опыта, у вас, Дармоншир, больше. И если спать во время основных боев будете вы, это принесет куда больше проблем. Поэтому вы сейчас отправляетесь отдыхать, а вы, Таммингтон — выполнять свою первую сольную задачу. Доведите людей вот сюда, — он ткнул чуть южнее Дустловских холмов, — к месту базирования пехотного батальона, а я передам приказ, как появитесь, чуть отступить. Так выиграем еще несколько часов. Их нам хватит.

— Так точно, — не дрогнул лорд Роберт. На лице его появилась глубокая задумчивость, словно он уже прикидывал, как действовать дальше.

— Я не согласен, — отреагировал Люк, которому отправлять молодого коллегу, считанные дни назад вставшего на крыло, в бой без присмотра, казалось смертоубийственным.

— Дармоншир, не тратьте мое время, — в голосе Майлза прозвучало раздражение. Он оглянулся на очередного торопливо поднявшегося в командный пункт офицера. — Я понимаю ваши сантименты, но на войне им места нет, я много раз об этом говорил. Герцог Таммингтон — не малое дитя, имеет боевой опыт. Извольте выполнять приказ, раз уж переложили груз решения на меня. Или, ваша светлость, — он намеренно выделил это голосом, — меняйте командующего, если мои приказы вы планируете выполнять только если они совпадают с вашим видением.

Люк поморщился от отповеди... и отступил, признавая правоту Майлза и возвращаясь к субординации. Приказы старшего по званию должны исполняться, какой бы титул у тебя ни был.

— Ни о какой замене командующего речи быть не может, — абсолютно искренне сказал он. — Давайте закроем эту тему раз и навсегда, полковник. Все будет исполнено.

* * *

— Постарайся не снимать невидимость, — торопливо говорил Люк, когда они с Тамми шагали сквозь лагерь, в лес, туда, где можно было обернуться без опасности кому-то навредить, — пролети сначала под кронами, чтобы понять, где наши, и не задеть их при дальнейшей работе. Найдешь командира — убедись, что тебя никто из врагов не видит, и сначала обернись, договорись о том, что будете делать, чтобы они не испугались вихрей и не побежали в другую сторону. Пусть прижимаются в группу как можно ближе друг к другу, а ты прикрой их вихрями с двух сторон и выводи. К раньярам не приближайся, сбивай их издали. Если все пройдет гладко, то часа за три с учетом пешего хода справишься.

— Я все сделаю, — пообещал Таммингтон, зачем-то снимая очки, затем снова надевая их. Лицо его было сосредоточенным, но он слабо улыбнулся. — Спасибо, Лукас. Ты беспокоишься почище моей матушки, славного ей перерождения.

Незамысловатая шутка чуть разбавила напряжение.

— И верно, еще немного, и я тебе слюнявчик повязывать начну, — хмыкнул Люк и похлопал коллегу по плечу. — Лети, Тамми, и надери им всем задницы.

Люк поглядел, как улетает младая змеиная поросль, на ходу оборачиваясь клубами ветра, снова закурил (ибо понимал, что скоро будет не до сигарет) и дисциплинированно зашагал к большой палатке, у которой, вытянувшись, стоял его адъютант Вин Трумер.

Его светлость шагал и понимал, что у него на ходу начинают слипаться глаза. Организм, осознав, что ему дадут выспаться, решил не терять ни минуты. Осталось только гадать, хватит ли сил у Таммингтона выполнить задание.

Люк еще раз оглянулся, всмотрелся в небо — которое тут же превратилось в сплетение разноцветных ослабленных ветров, среди которых вдалеке виднелось перламутровое пятнышко. Тамми.

Внутри плеснуло желание отправиться следом вопреки здравому смыслу. Но он скользнул мимо отдавшего честь лейтенанта Трумера в палатку, с наслаждением рухнул на спальный мешок и стащил ботинки.

И правда, что ли, становится занудой. Но если начальство приказывает спать — надо спать.

Лорд Роберт Таммингтон

Если бы Люк мог проследить за лордом Робертом, он бы убедился, что не зря беспокоился. Таммингтон в целом чувствовал себя неплохо — если брать за норму не отпускающее чувство изумления от того, что с ним произошло за последние дни.

«Наверное, так себя ощущала бы бабочка, если бы помнила, как это — быть гусеницей», — думал герцог, получивший классическое образование инляндского высшего аристократа и потому, при всей сухости, не лишенный поэтической образности.

Сознание в полете иногда становилось зыбким, а окружающее словно сужалось до

пределов тела, как бывает перед засыпанием под гул автомобильного мотора или треск камина. Но Таммингтон пока легко заставлял себя выходить из этого состояния. Да и громкие «поглаживания» артиллерией области за холмами служили хорошим будильником.

У лорда Роберта была цель — дойти вместе с дармонширской армией до своего герцогства и очистить его от иномирян, спасти жителей, которых он не сумел защитить, как ни старался. И если один из шагов к этой цели — вывести триста бойцов из окружения — то он готов еще пять суток не спать, но сделать его.

Однако монотонный полет все чаще заставлял его проваливаться в дрему прямо на лету. В эти моменты перед ним мелькали картины прошедших дней — и чаще всего милая и слегка слишком порывистая Маргарета с томиком сказок...

— Я вас поцелую на прощание, и только попробуйте отказаться или подумать про меня дурное, — пригрозила она в последний перед вылетом день.

Он, конечно, не отказался, но темперамент сестры Дармоншира его одновременно восхищал и заставлял побаиваться.

Видел он и леди Марину, которая, не дрогнув, разрешила себе ладонь и поила его кровью прямо из горсти, мудрого и спокойного Владыку Нории, спасенных драконов, огромного змеядуха-защитника Дармоншира... Била артиллерия, Таммингтон вздрагивал всем невидимым телом и приходил в себя.

Было жарко, а между пышными кронами, покрывавшими Дувлинские холмы, струились теньевые легкие ветерки. Слышались редкие выстрелы, далекие крики, визг охонгов, и Таммингтон насторожился — похоже, отряд дармонширцев уже находился почти за холмами, ближе к левому.

Над склонами кружили несколько десятков раньяров, то и дело подлетая к низине и поднимаясь обратно, еще с десятков сидели каким-то странным строем у вершин: там промежутки между деревьями позволяли стрекозам приземлиться, а внизу такой возможности не было. Лорд Роберт еще раз облетел холмы, внимательно глядя, нет ли отрядов врага на подходе, а затем вернулся ко входу в долину, перегороженную несколькими цепочками иномирян на охонгах. Они о чем-то громко переговаривались и то и дело глядели в небо. Боялись артиллерии?

Невидимый змей завис над кронами в раздумиях: было бы неплохо запустить по листве легкий ветерок, чтобы не выдавать себя, но силы, которые и так на исходе, могут понадобиться, если придется принять бой. И потому он снова обернулся ветром, пролетел над иномирянами и нырнул под кроны метрах в пятидесяти за их спинами. А затем потек меж стволов вперед, выглядывая попавших в окружение бойцов и стараясь не касаться ветвей, чтобы не качать их. То и дело попадались следы боев — обугленные туши охонгов, тела иномирян и дармонширцев.

Выстрелы и визг инсектоидов становились все ближе, а спать хотелось все больше... Таммингтон уже клевал клювом, когда еще метров через двести наткнулся на странный то ли канат, то ли кабель.

Будь Роберт пободрее, он бы, возможно, и разглядел его до того, как коснулся — пусть тот и был прикрыт травой. Но сейчас герцог изо всех сил пытался не уснуть, и задел-то его самым краешком, перышком-ветерком, и лишь потом заметил, как сверкнуло что-то, похожее на хрустальные длинные бусы толщиной в руку ребенка, с металлическими каплями между многогранными бусинами...

Таммингтон взвился от боли, отчаянно шипя: казалось, что ему в живот впились

раскаленные крючья, — и каким-то чудом сохранив невидимость, выскочил над кроны, поднимая вместе с собой столбы листвы и древесной щепы. Он так отчаянно дернулся, что удалось вырваться, оставив на ловушке часть ауры — и скользнул вперед, и быстро потек от страшного места, корчась и извиваясь меж деревьев от ощущения, что рану жжет каленым железом.

От сна не осталось и следа.

Раньяры с верещанием начали слетаться туда, где опадала поднятая на уровень вершин листва вместе с сучьями. Позади что-то заблестело, но Таммингтон оглянулся лишь раз, не поняв, что увидел: место, где он был мгновения назад, накрыло какое-то сплетение теней и бликов, словно большая паутина, поднявшаяся меж холмов. Он устремился дальше. Лорд Роберт ранее думал, что ничего не может быть больнее ожогов, полученных в последнем бою, затем — что предел боли он испытал во время инициации. Но сейчас хотелось орать, и только движение спасало от обморока.

«Соберись, — приказал он себе через несколько минут. Раньяры летали над кронами, явно в поисках того, кто тронул ловушку, пронеслись мимо с десятков всадников на охонгах, но ничего устрашающего за спиной Таммингтон уже не видел. — Нужно вывести людей. И через эту ловушку их вести нельзя».

Еще через несколько минут он нашел группу дармонширцев, которые, прижавшись к левому склону, отстреливались от всадников с охонгами. Лорд Роберт размазал инсектоидов об стволы деревьев и обернулся человеком. Тратить силы на воссоздание одежды не стал.

Хорошо, что догадался обернуться в паре десятков шагов от своих, за панцирем дохлого охонга и сразу с поднятыми руками, — иначе быть бы ему наштигованным свинцом.

Бойцы были потрепаны и молчаливы.

— Впереди еще несколько наших групп, — сообщил ему командир под взрывы артиллерии, — а с двух сторон долины постоянно подходят инсектоиды. Нас зажимают в клещи и вынуждают подняться по склону, а это верная смерть.

Бойцы косились на Таммингтона с суеверным сочувствием. Сбоку на животе у лорда Роберта кровоточила свежая выжженная рана, похожая на след от раскаленной рыбацкой сети с крючками-утяжелителями между ней.

— Выберемся, — пообещал Роберт с уверенностью, которой не ощущал.

Первое самостоятельное задание, названное командующим Майлзом «легкой задачей», далось лорду Роберту примерно так, как дается плавание брошенному в воду ребенку. Ребенку, который в любой момент может заснуть и пойти ко дну.

Он не стал сразу запускать смерчи, ветром стелясь рядом с бойцами под прикрытием деревьев — но издали замечал охонгов и швырял их о стволы. Группа дармонширцев двигалась, собирая отряд за отрядом, прижатые к склону — но дело замедлялось ранеными, которых нельзя было оставлять.

Обратно через долину идти было нельзя, и Таммингтон повел растущий отряд вокруг левого холма. На половине пути уже за холмом лес стал редеть, и людей начали атаковать всадники на раньярах, вооруженные автоматами и гранатометами. Тогда и пришло время прикрывать своих смерчами, размазывая раньяров о склон.

Ночь на четвертое мая, Нестингер

Люк Дармоншир проспал часов восемь, не меньше, и очнулся уже поздней ночью. Вовсю грохотала артиллерия, и по протяженности ударов даже на слух было понятно, что широкомасштабная артподготовка уже началась.

Адъютант разогрел поздний ужин, но Люк прежде всего пошел в командный пункт, хотя живот подводило от голода.

— Таммингтон вернулся? — поинтересовался он у Майлза, который все так же был на посту, только глаза запали и лицо осунулось.

Полковник как-то невесело хмыкнул.

— Везут сюда из расположения шестого батальона, лорд Лукас.

— Жив? — напрягся Люк.

— Жив, — подтвердил Майлз. — С задачей справился, но выход занял не менее шести часов, и, по словам бойцов, на пятом часу лорд Роберт прямо из воздуха соткался в человека и рухнул на землю уже спящим. Благо на тот момент их почти не преследовали, он успел покрошить инсектоидов. Его выносили вместе с ранеными на спинах. Командир доложил, что им пришлось обходить холм, так как герцог обнаружил опасную ловушку, перекрывающую долину, и сам был ранен.

— Серьезно?

— Будет жить.

Люк повеселел и потянулся в карман за пачкой.

— Что за ловушка? С утра во время облета ничего похожего там мы не видели.

— Проснется и узнаем, — ответствовал Майлз. Глаза у него были не менее стеклянные, чем у самого Люка до сна.

— А вы-то когда спать, полковник? — полюбопытствовал его светлость с сочувствием.

Майлз снова хмыкнул и потер веки.

— Как победим, ваша светлость, так сразу и выплюсь. Однако, — он выпрямился, — хватит болтать. Идите подкрепиться, не пугайте подданных змеиными глазами. Да еще эти клыки... Идите, лорд Дармоншир, идите. Задача для вас будет позже.

* * *

Тиодхар Ренх-сат никому не мог доверить драгоценную сеть. Да и управлять группой инсектоидов с помощью мысленных приказов умел только он.

Он прилетел к двум холмам на раньяре, а за ним следовал второй раньяр, без всадника. Ренх-сат лично сложил Лесидию в нить и прикрепил к сбруе обоих стрекоз, а затем, велел каждой приземлиться на свою вершину холма, так, что сеть легла через всю долину и оба склона, стал ждать.

Лесидия не замечала людишек и мелкую живность, как паутина не замечает пыль, ибо сил в них было даже не плоток — капля. Нет, сети Нервы были предназначены для крупной добычи с большим запасом жизненных сил. Они должны были спеленать жертву, вцепиться в нее, обездвигать и испугать болью так, чтобы сопротивление прекратилось.

Генерал смотрел внимательно на лес, покрывающий долину, и заметил-таки, как кроны в центре чуть заметно трепещут не в такт, как трепетала бы трава, в которой, невидимая глазу, быстро ползет большая змея. Змея эта была очень осторожна и тот, кто не знал, чего ждать, ничего бы не заметил.

Но Ренх-сат помнил, что колдун Дармоншир слишком бережет людей и не оставит их без спасения. Поэтому ждал и заметил.

И когда зеленая волна достигла места меж вершин, а хрустальная нить загудела,

показывая, что ловушка сработала, и по ней прошли голубоватые блики чужой силы, помогая стать еще крепче, еще опаснее и шире, Ренх-сат велел стрекозам взлететь — и затем опуститься по дуге, чтобы накрыть добычу. И взревел от досады, когда понял, что колдун ускользнул.

Он видел, как тот уходит — по вихрям с той стороны холма. Он пытался вновь накрыть его сетью, ориентируясь на звуки выстрелов, но колдуну, которому повезло с ловушкой, повезло и второй раз: он так беспорядочно и странно разбрасывал вихри, что ухитрился переломать крылья раньяру-спутнику Ренх-сата отлетевшей стрекозой. Тиодхара потянуло вниз, за рухнувшим раньяром, привязанным сетью, и спасло его только то, что он успел мысленно подозвать к себе одну из свободных стрекоз и спрыгнуть на нее. Неудачно, опять выбив плечо и потеряв сознание — но хотя бы не разбившись всмятку.

Пока он пришел в себя под охраной нор, пока отвязал от рухнувших раньяров сеть — отступающие уже растворились в ночи, в густом лесу.

— Ну что же, — процедил он, сплевывая кровь с разбитых при прыжке губ, пока один из нор вправлял ему плечо, — ты дал мне еще опыта, колдун. Я учту и его. Тебе придется прийти ко мне.

Ночь на 4 мая, Нестингер

«...Как слышите? Прием. Прием. На нас напали. Иномиряне на охонгах. С ними какие-то твари, мы таких еще не видели! Двигаются быстро, вырезают всех. Обычным оружием с ними не справиться. Мы находимся под щитом мага. Нас осталось семь человек. Остальные мертвы. Враги еще здесь. Щит долго не выдержит! Просим подмоги. Просим подмоги! Прием. Прием!»

Долго наслаждаться ужином Люку не пришлось. И поспать полковнику Майлзу тоже не удалось.

В ночи под грохот артиллерии одна за другой стали приходиться радиogramмы, что на позиции дармонширцев по всему фронту произошли жесточайшие нападения. Выжившие сообщали, что враги появлялись молниеносно, малыми отрядами, и после атаки откатывались обратно, за укрепления иномирян. Сообщали, что наемников на охонгах сопровождали некие твари, выглядевшие как если бы муравья сплывили с человеком и дали ему разум убийцы.

Три передовых стрелковых батальона молчали, и по молчанию этому все было понятно. Люк метался от позиции к позиции — но враги уходили так же быстро, как нападали. И он, опускаясь туда, где лежали изуродованные трупы солдат — его солдат, людей, которых он призвал на защиту дома — шипел и выл от жалости и ярости. И едва удерживался от того, чтобы броситься к замку Нестингер и самому разбить его, разрушить, похоронив слишком много, слишком умелого в войне врага под камнями.

Нет. Пусть работает артиллерия.

Сумели отбиться берманы — но и они потеряли десяток своих людей, при этом разорвав куда больше странных тварей. С потерями, но справились огнеметчики, а также те отряды, в составе которых были хотя бы несколько магов. Особенно магов с амулетами, подаренными Марине старшими сестрами.

— Огнедухи жгут этих тварей, как обычных инсектоидов, — докладывал ближе к утру один из стихийников, пока Люк рассматривал обугленных существ, воняющих паленой плотью и муравьиной кислотой, тела которых лежали вперемешку с телами иномирян. Половина головы у одной твари была выжжена, и от мерзкого переплетения человеческих и

инсектоидных элементов Люка замутило.

Маг продолжал:

— Нам повезло, что дозорные успели подать голос и запустить сигнальную ракетницу. В ее свете я увидел нападающих и сразу активировал амулет. Огнедухи их подчистую всех выжгли. Мы посчитали — пятьдесят охонгов и пятьдесят этих... особей. А в моем камне восемь огнедухов, они почти не истощились. Так и спаслись. Хотя и не все, — он мрачно посмотрел под дерево, где лежали тела дозорных.

В погребальных кострах после нападения горели все, потому что дармонширцы при продвижении к Нестингеру ежедневно встречали группы нежити. И ее становилось все больше.

Утром от одного из пленных удалось узнать, что новых тварей называют невидши и они и есть секретное оружие вражеских богов. Примерно в это же время пришла информация из Рудлога, что в бою в Йеллоувине участвуют подобные бойцы и нужно быть готовыми к их появлению.

Не успели передохнуть от ночной атаки, как со стороны врага тоже заработали артиллерийские орудия — пусть их не так много было, как у дармонширцев, но, значит, врагу удалось сломить кого-то из пленных операторов боевых машин и заставить работать на себя.

— Они поджимают нас артиллерией к фронту, — резюмировал бледный Майлз на очередном коротком совещании. — И пытаются рассеять армию. Делают ровно то, что мы. Их командующий, — он поморщился, — слишком быстро учится.

Проблема заключалась в том, что удары были хаотичны и коротки — Люк не успевал подняться в воздух, чтобы засечь расположение машин противника, как выстрелы прекращались. И пусть в ответ расположение иномирян тоже «гладили» с бортовых орудий эмиратцев и из тыла дармонширцев — по всему выходило, что артиллерия иномирян спрятана где-то в городках, в которых еще находилось много жителей. И поэтому тотальная зачистка была невозможна.

Тамминтон спал и просыпаться не собирался. Люк, поднимаясь над зоной поражения артиллерии, летал над городками, искал места дислокации машин. Как минимум две точно находились в районе замка Нестингер: с высоты герцог заметил парную вспышку, но точное местоположение определить не смог.

Хватило суток, чтобы над дармонширцами вновь замаячил призрак поражения. Сейчас не было фортов, к которым можно было прижаться, не было системы укреплений. Ничего не было — но враг настойчиво напрашивался на столкновение.

— Что мы будем делать? — спросил Люк хмуро. — Ночью нападение наверняка повторится.

Майлз потер глаза в воспаленных прожилках, отчего они стали еще краснее.

— Мы примем приглашение, ваша светлость.

Часть 1. Глава 2

Ночь с 4 на 5 мая, Истаил

Вечером после прилета спасенных драконов в Истаил дворец Нории превратился в гигантский лазарет и одновременно огромную кухню. Слуги и служащие потрудились на славу, подготовив его к приему почти трех с половиной тысяч драконов.

Прямо во внутреннем дворе у фонтана стояли котлы, в которых доваривался мягко-пряный мясной суп х́аши, липкий и жирный, придуманный давным-давно для восстановления тяжелых больных и детей. Горели костры, на которых запекались бараньи туши, в ворота въезжали повозки с высокими кувшинами с молоком, маслом и медом. Их перетапливали вместе и отпаивали детей и самых слабых.

Помощники из людей и тех драконов, которые участвовали в спасении, отводили наиболее истощенных в горячие источники, щедро рассыпанные по парку — проведешь в объятиях Матери-воды ночь и легче станет. Тем, кто чувствовал себя сносно и мог стоять на ногах после долгого перелета, помогали пройти в купальни, к пару и чистоте. Тех, кто валился с ног, а таковых было большинство, быстро кормили и укладывали в огромных шатрах, поставленных среди деревьев. Из старых сундуков достали множество одежд, перестирали, сложили в стопки — и сейчас слуги носили их в купальни и к источникам. Много было сделано, и все равно забот и для Владыки, и для Владычицы оказалось достаточно.

Нории обходил соплеменников с другими виталистами, а Ани принимала текущие решения. Сирот, прилетевших с нею, Ангелина отвела к нани-шар и временно поручила их хлопотам. На женской половине дворца было достаточно комнат. Девушки разобрали детей с причитаниями и воркованием, и уж тут не надо было волноваться — ласки и тепла они получают достаточно. Даже Валентина, оставив детей на попечение бабушки, помогала на кухне — сейчас любые руки были нужны.

Родителям с детьми выделяли отдельные покои, мужчины ложились спать в холлах, драконицы предпочитали шатры. С десятков красноволосях девушек расположилось на плоской крыше второго этажа.

— Мы хотим видеть небо, — объяснила одна из них неохотно, когда Ангелина спросила, удобно ли им здесь. — Я не могу находиться под крышей.

Они все держались настороженно и отстраненно. Без явной агрессии, но без тепла, хотя и с интересом, и с некоторой долей благодарности.

Огромный дворец затих только когда последний спасенный был осмотрен, когда всех накормили и обиходили. Ани дремала рядом с малышом Нери на половине нани-шар, когда ее щеки аккуратно коснулись.

Нории был уставшим и тревожным, и Ангелина сонно шагала к их покоям по тихому ночному дворцу, под светом магических светильников и редких огнедухов, снующих под потолком, держала мужа за руку и слушала его.

— Большинству моих соплеменников потребуется не больше недели, чтобы окрепнуть окончательно, — говорил он, — дальше они разлетятся по Белым городам. Те, кто жил в Истаиле, останутся тут и будут слушать и слышать тебя, моя Ани.

— Ты все-таки полетишь? — вычленила она главное.

Он со вздохом сжал ее руку. Открыл дверь в покои.

— На востоке сейчас идут бои и исход их непонятен, но Йеллоувинь больше Дармоншира, и армия его сильнее. Хань Ши погиб, но тигры должны выстоять. У них один путь, но у меня два: я должен быть сейчас здесь, но я должен сейчас быть и с моим братом по Воздуху, Ани-эна. Люк удачлив и хитер, под его крыло встали большие силы. Но я боюсь, что их недостаточно. Он так помог нам — разве могу я оставить его?

— Не можешь, — подтвердила Ангелина, направляясь к купальне. Нории последовал за ней, и там, лежа рядом в теплой воде, поднося к губам чаши с вином, они продолжили разговор:

— Я думал, пока мы летели сюда, думал весь этот вечер. Да, я не могу быть одновременно в двух местах, у меня нет второго Владыки, чтобы оставить на него Пески. Но у меня есть Владычица. Скажи мне, моя Ани, — он повернул к ней голову и пытливо взглянул зелеными глазами. — Готова ли ты остаться без меня здесь, среди драконов, которые приняли твою волю и твою помощь, но в сердцах которых еще живут боль и ненависть? Среди тех, у кого не было времени перестать ненавидеть Рудлог, несмотря на ту помощь, которую твоя родина оказала сейчас? Тех, кто не знает новый мир и новые законы, и для которых война закончилась считанные дни назад?

— Конечно, — ответила Ангелина и улыбнулась. Разве могла ее душа не откликнуться на этот бой?

— Я понимаю, что могу погибнуть, — отвечал Нории на ее невысказанные вопросы, — и не хочу оставлять тебя одну, моя Ани. Мне страшно остаться без тебя и уйти на перерождение. Я знаю, что ты выстоишь, ибо сделана из огня и стали, но также знаю, что тебе будет больно. И сейчас больно. Прости меня за это, Ани-лиша. Есть ситуации, когда нельзя быть в стороне. Понимаешь?

— Конечно, — ответила Ангелина во второй раз и глотнула терпкое вино. В сердце ее плескалась боль, но и спокойствие, потому что все происходящее было правильным. — Я всегда выстою, Нории. Но что будет с Песками, если войну мы выиграем, а тебя я потеряю?

— Богиня уже дала Пескам второго Владыку, — тихо пророкотал Нории. — Может, если не вернусь ни я, ни Четерии, даст и третьего? Ты останешься Владычицей до появления нового Владыки, Ани. Выдержишь ли ты? А когда появится новый Владыка — сможешь ли уступить ему правление? Ты всегда будешь почитаемой в Песках, тебе обеспечат все привилегии и дадут тот пост, который ты захочешь. Но примешь ли ты это?

— Конечно, — и в третий раз ответила Ангелина. Допила вино, отставила чашу. Возможно, из-за его терпкости чуть сдавило горло, а голос стал надсаднее. — Как мне поступить, если в Песках откроется портал? Василина писала, что порталы нельзя закрывать — а я умею уничтожать, но не умею вести войну.

— Пошли мне зов, и я прибуду так быстро, как смогу, — проговорил Нории. — Я улечу с воинами боевого крыла Четери, и если мне придется вернуться, то Дармоншир не останется без помощи. Часть воинов останется здесь, в подмогу тебе. Здесь же будут те драконы, кто управлял нашими войсками в период войны с Рудлогом. У них есть опыт. Если же мое присутствие не понадобится, я помогу Дармонширу переломить хребет врагу и вернусь, моя Ани.

— Хорошо, — ответила Ангелина, закрывая глаза и опуская голову на плечо мужу. Вода тихо, усыпляюще билась о края огромной ванны. Как мало времени у них оказалось. И как было бы проще, если бы она могла полететь вместе с ним — как летала обуздывать цунами, вызванное болью Иппоталии, как летала к Драконьему пику. Но она смирится и будет

следовать долгу здесь. И не станет тревожить сейчас Нории, и не станет говорить, что разумнее остаться и защищать свои земли, наращивать силы.

Это все может сделать и она. А если уж муж заговорил о принятом решении, значит уже все обдумал и все вероятности учел.

— С тобой останутся и Ветери, и наставник Уми, который знает о нашем племени и Песках больше, чем какой-либо другой дракон, — продолжал Нории. — Он сейчас слаб и набирается сил в источнике.

Ангелина кивнула: всех освобожденных она не запомнила, но седовласого наставника Уми — да. Он был очень измотан, когда они увиделись на берегу у обрушающегося пика: Ангелина обходила раскаленные ею камни, чтобы добавить жара, — но при ее приближении с достоинством встал, кутаясь в доху, подаренную жителями Теранови, и величаво склонил голову. И она молча кивнула в ответ.

Он не смог лететь в Пески на своих крыльях и расположился на спине одного из драконов.

— Я поговорил с ним, рассказал о тебе, но он и так все видел и все понял про тебя. Я при всех официально представляю его тебе завтра, моя Ани. Он не Владыка, но драконы почитают его не меньше Владык, и он станет тебе опорой, — он мягко погладил ее по боку, коснулся груди. — Ты тревожишься, Ани-эна. Я чувствую это и все бы отдал, чтобы не беспокоить тебя. Но не могу поступить иначе.

— Я и не попрошу тебя, — отозвалась Ани. Она тоже поглаживала супруга — по груди, по животу — и вдыхала теплый запах его кожи, смешанный с травяным запахом мыла.

В их движениях было больше ласки, чем чувственности, — слишком уставшими они были, чтобы жаждать иных наслаждений, — но прикасаться друг к другу стало таким же естественным, как дышать.

— Конечно, я тревожусь, — продолжила она, придвигаясь ближе, закидывая ногу на бедро мужу. — Ты сделал меня счастливой, Нории, ты — часть моего сердца, часть меня, моя семья, — она поцеловала его в плечо и почувствовала, как он улыбается. — Тем более что я уже раз чуть не потеряла тебя, — она запустила пальцы в красные волосы с седой прядью, — и не желаю пережить это снова. Не желаю! — повторила с силой и, прикусив кожу на шее так, что он запрокинул голову от удовольствия, прошептала в ухо: — Ты должен жить!

— Как я люблю, когда ты так яростна, Ани, — пророкотал он с нежностью. Тоже отставил чашу на бортик и, приподняв, усадил супругу себе на бедро так, чтобы она могла лечь ему на грудь.

— Я много отдала бы, чтобы быть уверенной, что ты вернешься, — говорила Ангелина, касаясь его шеи, груди в едва заметном орнаменте ауры, царапая ногтями сосок и чувствуя, как разминает Нории ей спину, все еще ноющую от долгого перелета, как делится он витой: словно она своей вспышкой подпитала его, и он теперь питал ее. — Но я не могу закрыть глаза и сделать вид, что войны нет. Ты летишь к Дармонширу из-за долга чести, а я думаю о том, что за спиной Лукаса — моя беременная сестра. Что он уже несколько месяцев отвлекает на себя силы, способные ударить по Рудлогу со стороны Инляндии и быстро дойти до столицы, где сейчас Василина. Моих умений не хватит, чтобы защитить их, хотя я жажду этого всей душой. Они тоже моя семья, Нории, и не перестанут ею быть. Никогда.

— Я понимаю, — пророкотал дракон почти рычаще — ибо теперь они вели свой разговор, а их тела — свой. Глаза его медленно наливались вишневым.

— Но только с тобой мои возможности удваиваются, — голос ее снова становился приглушенным, тогда как руки становились все смелее. — Я возьму на себя твой долг здесь. Но и ты берешь на себя мой долг перед моими сестрами. Я буду работать здесь за нас двоих, а ты будешь защищать их за нас двоих. Так как я могу отказаться от этой возможности?

— Твоя разумность неиссякаема, моя Ани, — согласился он. — Как и твой огонь.

Она царапнула его живот под пупком, и дракон, снова вздрогнув, приподнял ее подбородок и, склонив голову, приник к губам супруги в тягучем, нежном поцелуе.

Как можно было жить, не зная его? Губ с травяным вкусом, свежих, словно воздух и живая вода? Больших рук и тела, которое она изучила так хорошо, которое принадлежало ей — и она восхищалась им, и любовалась, и любила? Без его внимательности, мудрости, и спокойствия, и силы, и невероятного ощущения единства, которое она ни с кем не испытывала?

— Не отводи взгляд, — прошептала она, когда он оторвался от нее, и села лицом к лицу, обхватывая бедрами его бедра.

— Ни за что, моя владычица, — пообещал он гулко, поддерживая ее за ягодицы и улыбаясь. — Моя Ани... Единственная, кто может мне приказывать... — Губы его приоткрылись, он рвано выдохнул — когда она начала движение, — и мраморные стены купальни надолго заполнились медленным, почти медитативным плеском воды, тяжелым дыханием и приглушенными стонами.

После, едва не отключившись в ванне, смыв, сцеловав друг с друга все напряжение последних дней, они как были нагими побрели в спальню. И, слишком уставшие и разнеженные, чтобы тревожиться о будущем, заснули, оставив страх на потом.

Утро 5 мая

Проснулась Ани под отдаленное уханье со двора, свежая, словно проспала всю ночь, а не несколько часов. Подошла к окну, кутаясь в шелковое покрывало, вдохнула свежий влажный воздух. Почти уже летний.

Далеко в парке под косым дождиком тренировались с клинками с полсотни драконов. Отсюда их движения казались сложным, быстрым танцем.

— Это воины боевого крыла Четери, — пророкотал Нории из-за ее спины. Она оглянулась и прислонилась к его груди, наблюдая за тренировкой. Супруг ласково поцеловал ее волосы. — До войны их было около сотни.

— Столько учеников? — удивилась Ани.

— Они не все ученики, — усмехнулся Нории, — всего трое, а остальные мечтали бы попасть к нему в обучение. Четери их тренировал и был командиром в боях. Но учеников он всегда брал избирательно, как и его наставник, Мастер Фери.

— А из тех, кого обучал Мастер Фери, никого не осталось? — поинтересовалась Ангелина. Разговор этот словно продлевал утро, время на двоих, после которого придется снова погружаться в дела и расставаться.

Она почувствовала, как муж покачал головой.

— Четери сейчас — второй по старшинству из драконов после наставника Уми. Даже магистр-регент Тафийского университета Нёфиди младше на десяток лет. Кто-то из старших ушел на перерождение до войны, кто-то погиб в войне. Из старых Мастеров Четери остался один. Все трое его учеников прошли шесть ступеней испытания и получили звание Мастера. Но победить учителя не смог никто.

— Пусть и дальше будет так, — проговорила Ангелина твердо — как будто вознесла

молитву. — Пусть он останется непобедимым и выведет Алину на Туру.

Наставник Уми ждал их у большого малахитового зала, где собрались все драконы и драконицы, которые до войны были советниками и помощниками Владык Белых городов. При приближении Нории и Ангелины он с прежним достоинством склонил голову, сложив руки на вышитом шарване, надетом на длинную рубаху.

— Как ты чувствуешь себя, наставник? — спросил Нории с почтением, обнимая его.

— Как если бы сама Мать-Вода пестовала меня этой ночью, — улыбнувшись, ответил старейший, и вокруг глаз его разбежались лучики-морщины. — А в душе и радость оттого, что мы живы, и печаль оттого, как все произошло. Дивен мне новый мир. Я успел расспросить тех, кто проснулся прошлым летом, и не могу осознать, как он мог настолько поменяться.

— Ты даже не представляешь, насколько, — подтвердил Нории.

Наставник перевел взгляд на Ангелину, разглядывая ее с высоты своего роста, — и Ани прямо смотрела в ответ.

Мало кто из драконов, заключенных в горе, сохранил волосы. Уми был почти лыс, с наметившимися за эти дни седовато-красными бровями и ресницами, со впавшими скулами, но не выглядел стариком — лет шестьдесят ему можно было дать, и только выцветшие зеленые глаза выдавали возраст.

— Я наблюдал за тобой издалека в горах и теперь вижу тебя вблизи, дочь Красного, — проговорил он слабо. — Ты питала Владыку и помогала ему спасать нас, ты лелеяла наших детей, ты грела нас. Мой разум говорит, что нужно ненавидеть тебя, но я не могу. Я чувствую, как вы связаны с Владыкой, которого я знал еще ребенком, и понимаю, что ваши чувства чисты. Чувствую, что в тебе нет злости. Неужели дети Красного сменили ярость на милосердие, а ненависть на любовь и решили искупить то, что сотворил Седрик?

— В каждом из нас есть и ярость, и любовь, — ровно ответила Ангелина. — И в моих предках они были. Мой далекий прадед сотворил огромное зло, но он же сделал для Рудлога много доброго, и я никогда не отрекись от него. И я здесь не во имя искупления. Я здесь потому, что решила: мой путь — рядом с Норией. А значит, его страна — моя страна, его народ — мой народ, которым я правлю, а не приношу жертву.

Норией в их разговор не вмешивался, слушал с едва заметной улыбкой, и она была благодарна за это. Он знал, что она справится сама.

Старик смотрел на нее строго. Затем поднес руку ко лбу и снова склонил голову.

— Моя Владычица, — сказал он. — Вижу, что и ярости дети Красного не растеряли. Понимаю, — повернулся он к Нории, — понимаю, отчего ты так счастлив. А я все думал — кто та, с кем ты полетишь в брачный полет? Дивен, дивен новый мир.

Малахитовый зал был роскошен — песчаного цвета пол, на котором из центра-цветка расходились лучи с растительным орнаментом, белые стены, зеленые малахитовые колонны и окна, изумительный высокий потолок с золотым плетением. У стены, подпираемая с двух сторон фонтанами, стояла малахитовая ротонда, под золотой купол которой и прошли Владыка с Владычицей.

Несколько сотен драконов ждали их, рядами разместившись на шестиугольных изумрудных коврах, скрестив ноги и опираясь на яркие твердые подушки.

И сам Норией опустился на такой ковер под куполом ротонды, и Ангелина села рядом, так же скрестив ноги в длинном платье. Обвела взглядом присутствующих, которые на несколько секунд склонили головы, положив правую руку на сердце.

Наставник Уми расположился в первом ряду, рядом с матерыми драконами и драконицами. Даже если бы Ани не знала ничего о тех, кто собрался в зале, уверенность во взглядах выдала бы их принадлежность к власти.

Ангелина с трудом выделила несколько десятков знакомых лиц, но не смогла бы отличить друг от друга большинство присутствующих как женщин, так и мужчин, несмотря на с детства привитое умение запоминать особенности внешности и имена. Все бывшие пленники были похожи, слишком худы и почти безволосы. Высокие скулы, кошачий разрез глаз, очень светлая кожа, носы с горбинками. Но Ани знала, что пройдет время — и она ни за что не перепутает одного с другим, как не перепутала бы Ветери и Мири, например. Они сидели в первом ряду, как управляющие Белыми городами.

Не было видно Огни — она всю себя посвятила детям и оплакиванию погибших. Не было никого из знакомых дракониц.

— Драконы Песков! Я собрал вас, хотя все мы должны бы сейчас отдыхать и набираться сил, оплакивать тех, кто не вернулся, и прощаться с ними, — проговорил Нории рокочуще. — Мы должны бы разговаривать о том, как будем жить дальше, или сидеть за пиршественным столом, радуясь вызволению. Я сам желал бы проводить мать и отца, отдать дань их памяти и поторжествовать с вами. Но сейчас дорог каждый час.

Он говорил, но смотрели не на него — на Ангелину: и настороженно, и задумчиво, и с любопытством, и откровенно хмурясь, а она переводила взгляд с одного лица на другое, улавливая эти оттенки и запоминая их.

— Хотел бы я, чтобы вы проснулись в мирные и благословенные времена, а лучше бы и никогда не пришлось нам засыпать, а старшим Владыкам — отдавать свои жизни, — говорил Нории, — но прошлое нам не исправить. Зато можно сотворить будущее. Сейчас Тура пылает в новой войне, которая тысячекрат страшнее старой. К нам через межмировые двери вторглись бесчисленные армии захватчиков, и лишь вопрос времени, когда они придут в Пески.

Драконы едва заметно кивали — видно было, что эта информация не стала для них новостью, что об этом уже успели поговорить.

— И чтобы нас не похоронили второй раз, на этот раз навсегда, нам придется вступить в войну, — продолжал Нории. Голос его отражался от белых и малахитовых стен, гудел под потолком. — Я начну с малой помощи. Многие из вас видели у Драконьего пика наших братьев по отцу, змеев воздуха, которые, не жалея себя, помогали спасать наших детей и близких. Один из них, герцог Дармоншир — мой друг, который сейчас защищает свою страну. В его замок улетел мой брат Энтери, чтобы помогать супруге герцога, сестре моей Владычицы...

Снова хмурые взгляды на Ангелину, но теперь больше заинтересованные и озадаченные столь сложными родственными связями.

— И я тоже направлюсь туда сразу после нашего разговора, отправлюсь с половиной боевого крыла Мастера Четери, чтобы выплатить наш долг и не дать войне прийти к нам. Править Песками останется моя жена, ваша Владычица. И она же будет править до появления нового Владыки, если я не вернусь. А вы окажете ей всю поддержку, которую она потребует.

Зал зашумел тревожно, недовольно, вопросительно. Ангелина ожидала этого. Но страха не испытывала.

— Позволь сказать, Владыка? — подал голос один из суровых драконов из первого ряда.

Губы его были сжаты в линию.

— Говори свободно, советник Эфили, — кивнул Нории. — Сейчас время разговоров.

— Я почитаю тебя, как почитал и твоего отца, Владыка Владык, — велеречиво начал дракон. — И принимаю твое право взять Владычицей под свое крыло кого угодно, если Владыкой остаешься ты. Но не ослышался ли я сейчас? Разве девять Владык отдали свои жизни ради того, чтобы в Песках правила дочь нашего врага, на коей лежит неоплатный долг перед нашим народом?

Стоило этим словам прозвучать, и в зале воцарилась мертвая тишина. Ангелина не удивилась, хотя почувствовала, как леденеет ее лицо, словно тело покрывается доспехами, чтобы не пробили, не ударили несправедливые слова. Хотя раньше, когда их кричала одна лишь Огни, ей было больнее и невыносимее, чем когда она ощутила, сколько же драконов в зале разделяют произнесенное.

Не все. Но очень многие.

Ведь для большинства тех, кто только вышел из горы, она столь же безлика, как и они для нее. Зато ненависть и боль реальны, и совершенно естественно для драконов, лишь несколько дней назад летевших подписывать мирный договор, а затем переживших вероломство, страх, смерть родных, заключение в тисках камня, надеть на Ангелину маску Седрика Рудлога. И не играла роли сейчас ни ее помощь у Драконьего пика, ни история с терновником, ни работа на благо Песков, потому что боль всегда превышает разум.

Ани едва заметно пошевелилась, готовая заговорить, но Нории качнул головой: «сейчас мне нести ответ, Ани-эна», — и она отступила.

— Девять Владык отдали свои жизни, не думая о правлении, но для того, чтобы наше племя выжило, — ответил Нории спокойно, но в раскатах его голоса слышался гром. — Я своим Словом и своей кровью закрыл все долги дома Рудлог перед Песками. Ты хочешь оспорить это?

— Это невозможно оспорить, ты знаешь. Но не слишком ли у тебя короткая память, Владыка? — проговорил советник резко. — Будь жив твой отец, что бы он сказал о твоём решении?

— Владыка Тэрии был умен и мудр и никогда не казнил детей за грехи отцов, — отозвался наставник Уми. Никто не возмутился его вмешательству.

— Не стоит прикрываться крылом моего отца, — посоветовал Нории с мягкой улыбкой, но советник отчего-то склонил голову. — Не стоит говорить устами мертвых ради оправдания страстей живых, советник Эфили.

— Ты прав, Владыка, и прости меня за это, — ответил дракон примирительно. Но взгляд, брошенный на Ангелину, был тяжелым.

— Я не могу облегчить ваши потери, не могу забыть войну сам, — говорил Нории, — но вы поймете скоро, как поняли мы все, проснувшиеся ранее, что нынешний мир слишком далеко ушел от прошлого, и жить надо сейчас, и учитывать то, что имеет значение сейчас, — он посмотрел на Ветери и Мири, и те закивали. — Именно от Владычицы, — он положил ладонь на ладонь Ангелины, — во многом сейчас зависит жизнь Песков.

— Я не могу принять этого, — ответил советник, и значительная часть драконов едва заметно загудела в знак согласия. — Да, ты решил, и мы не ослушаемся, потому что еще у горы ты сказал свое Слово, и мы знаем, что ее воля — это твоя воля. Но пока ты разрешил говорить свободно, я не могу не говорить.

— Я хочу слышать вас, — без сомнений проговорил Нории. — Говорите.

Его пальцы чуть сжались, но Ангелина и так все понимала. Нужно дать им свободу высказаться, чтобы озвучены были самые черные, самые тяжелые мысли. Потому что оставшись в душах, они будут разъедать их изнутри. А выплеснутые, могут больше не вернуться.

— Не слишком ли ты поддался чувствам, Владыка? — вступила в разговор одна из дракониц с низким, звучным голосом и широкими скулами. — Мы все ощущаем чувствительные потоки между вами, но не туманят ли они тебе голову? Я согласна с советником Эфили, мы можем почитать дочь Красного как твою жену, но отдавать ей правление — неразумно.

— С каких это пор чувства у драконов стали чем-то нежелательным или способным затмить разум, советница Отиди? — осведомился Нории.

— Возможно, с этих самых? — не дрогнув, парировала драконица.

— Брак Владыки и Владычицы благословен Отцом-Воздухом и Матерью-Водой, — вмешался хитрец Ветери и легко улыбнулся Ангелине прежде, чем снова перевел взгляд на Отиди. — Не хочешь ли ты сказать, что они ошиблись и связали Владыку с той, кто может влиять на его рассудок и вредить Пескам?

На этот раз шум в зале был более доброжелательный, слышны были возгласы: «Он прав, прав!». Советница Отиди нахмурилась, но промолчала.

— Став Владычицей, дочь Красного попала под твою защиту, — заговорил еще один, сосед советника Эфили. — Но разве она перестала быть дочерью нашего врага, раз ты заставляешь нас служить ей?

Внутри Ани медленно закипал гнев, и только прохладное поглаживание пальцев Нории и спокойствие, которым он щедро делился, не позволяли ей взорваться.

— Странно, что мне приходится напоминать, что вы служите не человеку или дракону, а Пескам, — напомнил Владыка. — Дочь нашего врага, советник Дэйи, уже послужила Пескам больше, чем многие здесь собравшиеся.

— Но она восстанавливает то, что разрушено из-за Красного Седрика, — почти крикнул еще кто-то.

— Не обязана ли она это делать? — поддержала одна из дракониц.

Вскочил Мири.

— Владычица согласилась отдать свою жизнь, чтобы жили Пески, — крикнул он, повернувшись к драконам. — Все прошлые дни отдавала свою силу, чтобы Владыка мог питать вас, еще не выбравшихся из камня, чтобы он мог лечить вас, чтобы у него были силы звать вас! У вас хорошая память, но об этом вы забыли?

Начался шум. Драконы начали вскакивать с мест, перекрикивать друг друга.

— Это все — малая плата за то, что случилось с нами, с нашими родными!

— С нерожденными детьми, которые так и не развились в окаменевших яйцах!

— За то, что сделали с нами, весь род Рудлог должен быть уничтожен!

— Ты сам, Владыка, своей рукой, должен был взять ее жизнь за смерть отца и матери!
В воздаяние!

Раздались поддерживающие возгласы, и женские, и мужские, впрочем, тут же оборвавшиеся в тишину — будто кричавшие осознали, что именно они предлагают и поддерживают. Глаза Нории за мгновение налились вишневым, лицо заострилось, стало хищным... но тут по залу пронесся ледяной ветер, оставивший на малахите разводы изморози, и с неожиданной силой прозвучал голос Ангелины:

— Хватит!

Все взгляды снова скрестились на ней, вставшей на ноги. Нории тоже поднялся, но она выставила ладонь, останавливая его и заглядывая в глаза с молчаливым приказом, — и сняла с руки защищающий ее брачный браслет. Вложила его в ладонь мужу и, вытащив у него из ножен на поясе нож, спустилась по ступеням малахитовой ротонды.

— Вы хотите крови, — проговорила она, обводя зал посветлевшим взглядом и сжимая клинок, — вы решили, что это облегчит вашу горечь и тяжесть. Что же, я дам вам возможность пролить мою кровь. Сделайте это, и я обещаю, что вам не будут мстить. Кто из вас хочет убить меня? Может быть ты, советник Эфили? — она мягко подошла к нему, протянула нож. — Хочешь?

Он встретился с ней взглядом, вздрогнул, взглянул тяжело — и отвернулся.

— Или ты, советница Отиди?

Драконца покачала головой, и Ангелина пошла дальше, разглядывая каждого. Спиной она чувствовала взгляд Нории. Но он не двигался. Он понимал, что она делает.

— Кто хотел справедливости? — говорила она, шагая туда, где стоял крикун провоздаяние. Драконы поднимались, когда она подходила, драконы отводили взгляды. — Кто хочет мести?

Она протягивала кинжал то одному, то другому — и рука ее не дрожала. Смотрели поразному, и с болью, и с ненавистью, и с одобрением, и с восхищением, и со стыдом. Но никто не брал.

— Ты ведь желал моей смерти? — сказала она, остановившись перед драконом возраста Энтери и глядя на него снизу вверх. Именно он прокричал про долг жизни. Глаза его были тусклы и мрачны, скулы остры как бритвы, и сам он был изможден больше других. — Возьми.

Он первый из драконов коснулся ножа — и она почувствовала, как замерли окружающие, почувствовала, как готов сейчас заговорить Нории, чтобы остановить все. Как тяжело ему оставаться на месте и позволять ей продолжать демонстрацию.

— Как тебя зовут? — спросила она у молодого дракона. — Я хочу знать имя своего палача.

— Меня зовут Вимери, — ответил он хрипло. Рука его подрагивала, но нож он держал лезвием вниз, крепко, уверенно. — У меня была возлюбленная, Йнити, которая должна была стать моей женой. Но она не вернулась из горы.

Имя что-то всколыхнуло в памяти Ани, но она была слишком напряжена, чтобы вспоминать.

— Так что же, ты ударишь? — проговорила она.

Дракон сипло вздохнул и перехватил нож обеими руками... вокруг ахнули, а Ангелина едва успела коснуться рукоятки, чтобы Вимери с шипением выронил раскалившийся клинок, который пытался направить себе в сердце. Нож прожег ковер и растекся на полу красноватой пышущей жаром лужицей.

Молодой дракон тряс обожженными руками. По щекам его катились слезы.

— Мне жаль, — прошептала Ани, склоняясь к нему. — Мне жаль, что она не выжила, Вимери.

Он зарыдал уже в голос — и его повели куда-то в угол, к фонтану, залечивать раны и успокаивать.

Она развернулась, оставив его за спиной. Драконы расступались, и вокруг нее

образовался большой круг. Нории, стоя на возвышении под золотым куполом ротонды, смотрел на нее с мягкой улыбкой. Глаза его до сих пор были вишневыми.

— Я жива не только потому, что вы боитесь воздаяния Владыки. Но и потому, что вы не хотите убивать меня, — сказала она властно, и это прозвучало утверждением. — В вас нет ненависти ко мне. В вас есть боль. Я не сенсуалист, но я чувствую ее, и понимаю, потому что я тоже теряла родных. Я не умею лечить боль, но я умею биться за то, что мне дорого. Мне дорог Владыка и мне дороги Пески. Я забуду о том, что я услышала здесь, если вы будете трудиться со мной на благо Песков.

Что-то изменилось во взглядах драконов.

— Раз все молчат, тогда я скажу, — раздался громкий голос. Ани, даже не поворачиваясь, могла бы поклясться, что он принадлежит военному.

И правда, драконы расступились, и в круг вышли несколько десятков воинов — выглядели они крепче остальных, и даже волосы, красные и оранжевые, отросли сильнее.

— Я, Юнеди Игириán, присягну Владычице, — сказал тот, кто стоял впереди, чем-то неуловимо похожий на Четери. — Мы все присягнем, — воины за его спиной подтверждающе склонили головы. — Мы не можем ненавидеть красных, — продолжал он, — потому что Вечный воин — и наш покровитель тоже. Война с Седриком закончилась в честном поединке. Марк Лаурас, павший от клинка Мастера, был нашим братом, и мы никогда не ненавидели его, потому что война — это наша работа, наш бог, хотя мы оказались по разные стороны. Мастер Четери всегда учил нас судить по делам. Я могу ненавидеть и презирать Седрика за то, что он предал заповеди, записанные Вечным Воином в воинском кодексе. Но эта женщина, — он взглянул на Ани, — ничем не заслужила вашей ненависти и порицания. Она заслужила лишь уважение и почет. Моя Владычица, — он прошел вперед и, склонившись, положил клинок у ног Ани. — Прими мое оружие и мою защиту.

— Принимаю, — ответила Ангелина. У нее болели скулы и шея — в таком напряжении, оказывается, она находилась. Но звяканье оружия, складываемого у ее ног, словно сняло это напряжение.

И вдруг Ангелина вспомнила. Инити — именно так звали младшую сестру Огни, в которой сватался Седрик Рудлог.

Выходит, он стал причиной смерти той, кого любил.

Часть 1. Глава 3

Когда она шла обратно мимо вставших драконов, перед ней склоняли головы. За ней следовали воины, а Ани смотрела на Нории. Лицо его оставалось спокойным, но в глазах виднелись и гордость, и нежность, и восхищение. Он вновь надел на ее запястье браслет и поцеловал руку — а затем опустился на ковер и подождал, пока она сядет рядом.

Все остальные остались стоять. Воины расположились по обе стороны от ротонды, у фонтанов.

— Сейчас я хочу, чтобы вы меня услышали, — так ровно и рокочуще, будто ничего и не произошло, продолжил Нории. — Да, идет война и мир на грани гибели, вы измотаны, но нельзя складывать крылья и ждать конца света. Вам нужно восстанавливаться, а затем учиться жить в новом мире, жить так, будто впереди — долгие годы, жить ради процветания Песков. Если вы захотите уйти на покой, я не осужу вас, но если вы хотите продолжать работать на благо страны, вам придется работать с Владычицей. Я же обязан внести свою лепту в победу над врагом.

Думайте, драконы. Я никого не буду неволить, но сегодня, до того как я выйду из зала, вы должны принять решение, что будете делать дальше. Осталось у вас, — он повел рукой, и над фонтаном поднялась большая водяная роза, с которой начали медленно облетать прозрачные лепестки, — не больше половины часа. Через полчаса я улечу, и те, кто решит уйти на покой, выйдут из этого зала. А остальных наставник Уми представит Владычице. Наставник будет помогать ей столько, сколько потребуется.

— Это истинная правда, — громко подтвердил старый Уми.

Снова несколько сотен пар глаз остановились на Ангелине, и она спокойно кивнула. Нории выжидательно обвел драконов взглядом. Те выглядели задумчивыми, переговаривались.

— Мы сможем вернуться на свои старые должности? — спросила советница Отиди.

— Многие из вас, — ответил Нории, — но если ваше место уже занято, вам подыщут другую достойную работу.

— Но мы почти ничего не знаем о нынешней Туре, — проговорил советник Эфили. — Как работать, если все торговые и посольские связи остались в прошлом?

— Я расскажу вам о Туре, — вступила в разговор Ангелина. Ее еще потряхивало от пережитого напряжения, но голос Нории и его присутствие рядом успокаивали. — И не только я. В Истаиле уже работают учителя, которые смогут донести азы географии и нынешнего политического устройства. В Белых городах мало что поменялось за эти пятьсот лет, а о них вы знаете много, и помогать управляющим будет для вас просто. Потом, если захотите встроиться в государственное управление, вы сможете пройти специальное обучение. Наши министерства еще формируются, людей не хватает, поэтому всем найдется и место, и работа.

— Никто, кроме Владычицы, не знает о нынешних Песках столько же, сколько я, — подтвердил Нории. — А об остальном мире она знает куда больше меня. Она сможет рассказать вам и о мире, и о войне. Поэтому думайте, драконы. Магистр Нефиди?

К ротонде подошел дракон с пронзительными умными глазами в сопровождении нескольких драконов и дракониц.

— Владыка, мне нечего думать, — проговорил он. — Я хочу вернуться в Университет и

забрать с собой преподавателей и выживших магов, пусть, — он с сожалением и болью оглянулся на небольшую группу за спиной, — после войны нас и осталось меньше десятка. Я слышал, что Университет стоит пустой, и хочу убедиться, что он не пострадал.

— Конечно, магистр-регент, — откликнулся Нории, — но я попрошу остаться одного из вас в Истаиле как придворного мага. Магистр Вэнти, может, ты? — обратился он к скромно стоящему позади всех дракону. Тот выглядел рассеянным и задумчивым и вскинул глаза, словно не сразу поняв, что обращаются к нему. — Я понимаю, что ты предан Университету, но обещаю, что это временно, и как только мы найдем достойного придворного мага, снимем с тебя эту ношу. Сейчас же дворцу нужен маг. Я не классический стихийник, чтобы суметь напитать артефакты дворца. Они работают без подзарядки уже почти год. Также необходимо зарядить наши семейные чаши для связи. Зеркала сейчас не открыть, а чаши были бы полезны для быстрого обмена информацией, если развезти их по городам. Хотя бы в Тафию для начала.

— Владыка, я не могу тебе отказать, — отозвался новоиспеченный придворный маг слегка удивленно, — но ты ведь знаешь, что я никогда не жаждал подобной должности, а во дворцах мне неуютно. Полагаюсь на твое слово и на то, что ты меня отпустишь.

— Обещаю, магистр, — успокоил его Нории.

Маги отошли в сторону, и перед возвышением встали трое воинов.

— Владыка, — проговорил представившийся Ангелине как Юнеди, — много разного мы уже слышали о нашем учителе, Мастере Четери. И то, что он стал Владыкой Тафии, и то, что женился, и что улетел несколько недель назад и с тех пор его не видели. Скажи, где он сейчас? Его не было у горы, которая стала нашей тюрьмой, нет и в Истаиле, говорят, нет и в других Белых городах. Наша связь очень слаба, ибо образовалась незадолго до войны, но даже с ней я ранее мог понять, где Мастер, а сейчас не могу.

Ангелина впиалась взглядом в воина. Сердце вдруг забилось часто — чаще, чем во время прохода с ножом.

— Что ты имеешь в виду, говоря «наша связь»? — спросила она требовательно.

— Между учителем и всеми его учениками есть связь, он может ощущать, где они, — почтительно пояснил воин. — А те ученики, которые прошли испытание на звание Мастера, со временем и ростом их мастерства могут найти его. Из нас троих только я на это способен.

Ани повернулась к Нории.

— Ты хотел взять их в бой, — проговорила она тихо. — Но если их мастерство хотя бы на одну десятую сравнимо с умениями Четери... и если один из них действительно может найти его и в другом мире... я сейчас же напишу Василине, чтобы она приказала Свидерскому встретить их в Теранови.

Владыка задумчиво кивнул.

— Мастер ушел в другой мир, — сказал он, обращаясь к воинам. — Если помните вы истории о порталах, из которых иногда выходили чудовища, то знайте, что это были порталы в мир, откуда пришли к нам захватчики. Именно туда отправился ваш учитель, чтобы помочь вернуться на Туру Вечному Ворону.

На зал упала изумленная тишина.

— Мастеру это по силам, — почтительно высказался Юнеди. Ученики удивленными не выглядели.

— Я не знал, что твои умения так выросли, Мастер Юнеди, — продолжал Нории. — Если ты можешь определить путь к Четери, то вы не полетите со мной в Дармоншир. Я

отнесу вас к командиру отряда, который пойдет на выручку Черному. Вы обязаны защищать меня и Владычицу, но это важнее.

— Если бы ты не приказал, я бы умолял тебя об этом, Владыка, — невозмутимо ответил воин, и остальные согласно склонили головы.

Водяная роза почти облетела, когда все было оговорено и спланировано. Нории поднялся, сжав пальцы Ангелины на прощание, и пусть этот жест был мимолетным, столько нежности супруг передал вместе с касанием, столько тоски и любви, что присутствующие в зале на мгновение отвели взгляды, чтобы не нарушать интимность момента.

И Ани посмотрела в зеленые глаза, потянулась к Владыке руками — и, когда он склонил голову, коснулась губами его губ и лба — и отступила.

Он ушел, и она позволила себе боли ровно до того момента, как за ним и воинами боевого крыла закрылась тяжелая створка двери, украшенная малахитом и золотом. Затем Ани опустилась обратно на зеленый ковер. Стебель водяной розы с плеском обрушился в бассейн.

Оставшиеся драконы молчали. Она смотрела в их лица — такие похожие, такие настороженные, — но это были лица тех, с кем ей предстояло работать и строить страну. Маги пока не уходили — расположились в отдалении.

— Сейчас я расскажу вам про ту Туру, на которой вам предстоит жить, но сначала про те Пески, которые встретили вас, — сказала она, и голос ее был повелительным и сильным, как у полководца. — Вы все еще нуждаетесь в отдыхе и лечении, поэтому сегодня я буду краткой. А с завтрашнего дня начнется серия лекций от преподавателей. Даже если вы решите не участвовать больше в управлении Белыми городами, а уйти на отдых, вы можете их посещать. Я бы даже крайне рекомендовала их посещать, — она едва заметно перевела дыхание, и дальше речь пошла ровно, уверенно. — Мир, в котором вы проснулись, прекрасен, несмотря на войну. И если она закончится победой туринцев, вас ждет множество удивительных вещей. Пески сейчас в запустении, но уже очень много сделано, и в наших с вами силах вернуть им былое величие. Но они и сейчас великолепны. Природа здесь щедра и тепла, и люди добрые, работающие и гостеприимные. Сейчас мы восстанавливаем дороги, но они так хорошо сохранились, что по ним возможно автомобильное движение. Автомобили вы уже наверняка видели, если выходили в город...

Несколько слушателей закивали.

— Но огромным прорывом станет прокладка железной дороги, которая соединит Пески с Рудлогом, Эмиратами и Йеллоувином, — продолжила она. — Железная дорога, это... это как много огромных телег, которые движутся по специальным колеям, влекомые локомотивами. Это... огромная машина, как автомобиль, но сделанная по другому принципу...

Ани посмотрела на озадаченные лица драконов и сделала мысленную пометку послать в Теранови гонца и запросить в тамошней школе проектор с накопителем по школьной программе, где записаны и фотографии, и видео. Иначе рассказ будет очень долгим.

Или попробовать организовать познавательную экскурсию? Чтобы все показать наглядно? Нужно согласовать это с Василиной...

Она обдумывала — и параллельно рассказывала. Поднялась, потому что на ногах говорилось лучше, и продолжила речь, перемещаясь перед рядами туда-сюда, как учительница. Она говорила об электричестве и нефти, о добыче соли и руд, о наделах, которые выдавались беженцам и жителям Песков, желавшим осесть на земле, о телефонной

связи и вышках, о договорах с Рудлогом, Эмиратами, Йеллоувином...

И пусть плечи ее все время были прямы, а взгляд — строг, так увлечена она была, таким интересом горели ее глаза, такая сила и убежденность в великом будущем звучала в ее словах, что слушатели, как замороженные, поворачивали за Владычицей головы.

— ...Я знаю, что Истаил славен пастбищами и здесь делали тончайшую ткань, ткали прекрасные ковры, — говорила она. — Знаю, что Лонкара принимала тысячи кораблей, варила соль, кормила рыбаков и купцов. И чем знаменита Тафия, тоже знаю. А чем могут похвастаться остальные Белые города? Что в них производилось такого, чего не было в других?..

Не успел отзвучать ее вопрос, как ответы посыпались со всех сторон.

— Ата́вия близка к Йеллоувию. И у нас производился шелк, который превосходил качеством тигриный, — степенно отозвался один из советников. — Все купцы ехали к нам за шелком. И за благовониями, потому что все террасы за Белым морем были усажены цветами... И за белым мрамором — из него построены все Белые города...

— Джиба́ль стоит на золотых рудниках у Тидусса, — неохотно вмешался дракон Эфили. — Все драконы могут приманивать золото, но у нас его было больше всего. Джибаль — город ювелиров. Наши украшения были во владении всех королевских домов. И Рудлога тоже, — добавил он, полоснув острым взглядом по Ангелине.

— А наш Ферке́йн славен серебром! — крикнул кто-то ревниво.

— В Харка́не делали латунную посуду и мебель, — раздался еще один выкрик.

— Уголь и железо в Ике́лии!

— В Ки́фере производили мед и пиво. И сыры! — вмешалась советница Отиди.

— Наши Ставийские сыры куда лучше! — запротестовал кто-то еще, и тут возмутились представители других городов. Видно было, что спор давний.

Ангелина, наблюдая за разгорающейся дискуссией и думая о том, далеко ли сейчас уже Нории и успеет ли она отправить письмо Василине до того, как он долетит до Теранови, поощрительно и мягко улыбалась. Это было скорее в стиле Василины, но сейчас было важно показать свое миролюбие и вовлечь бывших пленников в живое и благожелательное общение.

И пусть большинство предпочитали молчать. Тех, кто вступил в разговор, загоревшись от огня Владычицы, было достаточно. Пусть большинство предпочли уйти после того, как Ангелина завершила встречу, — но они почтительно кланялись, и в глазах их была задумчивость. Были и те, кто ушел быстро, едва склонив голову, как обожженный Вимери. Ани их не винила — свежие раны и потери не могли затянуться после одного разговора. Но постаралась запомнить.

Тех же, кто после разговора терпеливо дождался своей очереди, чтобы наставник Уми представил их правительнице, оказалось немало — около семидесяти драконов. Да, не больше пятой части от присутствующих. Но это не стоило печали.

— Владычица, завтра к тебе придет вдвое больше, — коротко шепнул ей наставник, который стоял у ступенек ротонды и, не сбиваясь представлял подошедших. Ветери, расположившись по левую руку от Ангелины, делал записи. — Некоторым плодам нужно больше времени, чтобы созреть.

«Глава стражи Вэнфи, распорядился стражей Икелии... желает служить Городу и Пескам», «госпожа Ливи, советница, управляла казной Ставии»...

— Я знаю, — ответила Ангелина наставнику, величественно кивая в ответ на очередное

пожелание служить.

В кабинет она возвращалась через непривычно наполненный людьми дворец. И пусть шла она в сопровождении свиты: управляющие Белых городов, наставник, несколько воинов из боевого крыла, — ощущение, что ее нынешний дом снова превратился в место, где не все ей рады и можно ждать удара из-за угла, было неуютным. Но тем прямее казались ее плечи и жестче взгляд. А огнедухи, снующие под потолками, добавляли уверенности.

О случившемся в Малахитовом зале, об отлете Владыки и правлении Владычицы уже успели разойтись слухи, об этом вполголоса говорили в холлах и коридорах, замолкая и склоняя головы, когда Ангелина проходила мимо, но она не обманывалась кажущейся почтительностью. Она смогла переломить эмоции сотен драконов, но во дворце оставались тысячи. Да, многие будут впечатлены рассказами, но многих это заставит ожесточиться еще больше. Сила брачного браслета, слово Владыки защитит от неподчинения и нападения. Но спасут ли они от безумия, которое в посттравматический период может захватить и одиночку, и толпу?

В любом случае для защиты у нее есть не только браслет и Слово, не только воины, но и собственная сила. А сражаться Ани готова всегда.

Сразу по возвращении в кабинет она обнаружила щенка тер-сели — тот, уже заметно подросший, смиренно лежал на подоконнике и наблюдал за огненными саламандрами, бегающими по арке окна. Ангелина попросила Зару, исполняющую роль секретаря, сделать ей кофе. А затем отправила огнедуха Василине с сообщением Свидерскому о том, что в драконьем посольстве в Теранови его будет ждать ученик Четери, способный найти путь к Мастеру и в другом мире. Ответ пришел через полчаса, и по обилию восклицательных знаков было понятно, насколько сестра обрадована и взволнована.

Мелькала мысль сразу написать и Каролине, которая ждала каждого письма как лучшего из подарков, — но дел было слишком много, и Ани отложила это до вечера.

Нужно было сверить список бывших должностей драконов, заведенный Ветери на встрече, с уже занятыми должностями в разных городах, и Владычица, выпив кофе, занялась тем, что должна была делать канцелярия Владыки Владык. Которой еще только предстояло появиться.

— Все будет, — сказала она себе. — Я все смогу.

Попросил аудиенции магистр Венти, за которым слуги внесли с полтора десятка серебряных чаш — размером с блюдо для плова, на основательных ножках, с плоским широким дном, в которое посередине был вплавлен драгоценный камень, и высокими стенками с затейливыми узорами, среди которых, однако, угадывалось имя рода Валлерудиан, написанное на языке Песков. Края чаш были толстыми, плоскими — не поднесешь ко рту, не выпьешь из такой, даже если захочется, — и в них тоже как-то странно и бессистемно были вделаны разные самоцветы. Снаружи на стенках виднелись кольца, с которых свисали звонкие колокольчики. Чаши едва заметно, на грани слуха гудели.

— Я зарядил их, как приказал Владыка, — сообщил придворный маг Ангелине, которая с любопытством переходила от одной чаши к другой. — Это все, которые мы нашли в сокровищнице. Возможно, где-то в домах родных семьи Валлерудиан остались еще...

— Пока хватит и этих, — проговорила Ангелина. — Они работают в нынешних условиях?

— На близком расстоянии да, — ответил магистр, — но нужно будет проверить на дальнем. Магистр Нефиди возьмет одну в Тафию, с твоего позволения, Владычица, и

попробует связаться из университета.

— Пусть возьмет две, — велела Ани, — одну нужно передать Светлане, супруге Владыки Четерии, и научить ею пользоваться. Да и я не откажусь научиться. Покажете мне, магистр?

— Они зачарованы по принципу подобия, — охотно принялся объяснять дракон. — Корневой камень в дне, — он ткнул пальцем в один из крупных камней, — не повторяется. Чтобы связаться с чашей, в центре которой изумруд, нужно коснуться изумруда на другой чаше. С сапфиром — касаемся сапфира. Вот так, — он что-то сделал с соседним артефактом, и колокольчики на чаше, в которую смотрела Ани, вдруг зазвенели, а дно дрогнуло, пошло волнами, и словно расступилось. На Владычицу смотрел магистр, бесцветно-серебряный, но вполне узнаваемый. — Видишь меня?

Голос его прозвучал одновременно с двух сторон — глухой и далекий, как в трубу, из чаши, и обычный — рядом.

— Вижу, — согласилась Ангелина. — И проблему вижу. Магистр, сможете ли вы под этими камнями на стенках чаш написать, в каком городе какой корневой камень останется? Изумруд на ободах пусть соответствует Истаилу, рубины — Тафии, сапфир... ну пусть Лонкаре, это логично. Если останутся лишние, ничего страшного.

— Кошунственно портить столь дивные артефакты, — покачал головой маг.

— Мы их не портим, а улучшаем, — спокойно заверила его Ангелина. — Во избежание путаницы, магистр.

Чаши в конце концов были подписаны, распределены и улетели в разные города; Ангелина распорядилась найти преподавателей, которые могли бы подготовить для драконов лекции, встретила с представителями беженцев, которые просили о дополнительной помощи... прошло время обеда, который принесла верная Суреза, прочитано было письмо от Василины, что Нории уже улетел из Теранови, а встреча Александра Свидерского и Юнеди Игириана состоялась. Дело клонилось к вечеру министры, служащие, помощники приходили и уходили, а работы становилось все больше, когда в двери заглянула растерянная Зара. За ее спиной стояли несколько девушек из бывших нани-шар. Они были испуганы.

— Госпожа, — затараторили они, перебивая друг друга, — нужна ваша помощь, нужна ваша помощь!

— Что случилось? — проговорила Ангелина, используя эту передышку для того, чтобы подняться и размять ноги.

— Одна из детей, Кетí, проснулась после дневного сна, заплакала и обернулась в дракона, — выпалила одна из добровольных нянек. — Она застряла в комнате и плачет. Она размером с комнату!

— А за ней обернулся маленький мальчик и тоже плачет!

— И еще одна девочка!

— Мы сразу побежали к вам!

— И наверное, там уже все обернулись!

Ангелина уже направлялась по коридору в сторону женского крыла. За ней стайкой неслись девушки.

В коридорах рева слышно не было, но стоило зайти в холл, в котором когда-то Ани проводила уроки для наложниц Нории, как стал слышен многоголосый гортанный и отчаянный плач. В холле носились нани-шар, уговаривали детей успокоиться, кто-то

отважный гладил торчащее из двери крыло, кто-то протягивал в другую дверь поднос с фруктами, кто-то звал поиграть. Несколько девушек обнимали детишек в человеческом облике.

К Ангелине тут же заковылял малыш Нери, требовательно схватил ее за ногу — и она, улыбнувшись, взяла его на руки.

Так, с ребенком на руках, Ани заглянула в одну комнату — там, кое-как свернувшись калачиком, упираясь лапами и крыльями в стену, изогнув длинную шею и сунув лобастую голову под пушистое крыло, плакал огромный драконенок. Метров шести-восьми в длину, с коротким хвостиком, он весь был как толстенький трогательный щенок. Светло-желтые глаза были полны слез, а ноздри — совершенно прозаических соплей, и шмыгал он совсем как обычное дитя в перерывах между ревом. Гребень его, едва розовый, был выше двух третей комнаты. У Ани в груди защемило от того, как отчаянно он плакал.

Она попробовала позвать его, поворковать, поуготоваривать ласково — но он не слышал или не хотел слышать. Пробовала звать и других драконят — действительно, из девяти детей обернулись уже пятеро — но и они были в истерике. Нери что-то бормотал на своем ей в ухо, оттягивая руки, но ей было приятно его держать.

Нужна была помощь того, кто знал, как управляться с драконятами. Не станет же она слать Зов и тревожить Нории, когда он едва-едва улетел, когда с проблемой может справиться любая драконья мать? Тем более когда тут полный дворец помощниц.

А не выйдет — попробует выйти в парк к окнам детских, обернуться — как тогда, когда она летала с Нории, — и позвать детей уже в виде драконицы.

Огни подошла в сопровождении молодых драконов, изящных, очень красивых, видимо, сыновей. Дочь осталась с другими драконицами. Огни повернулась к комнатам, где орали дети, а нани-шар, преодолевая страх, предлагали им молоко в тазиках, фрукты, свежую рыбу. Безуспешно.

— Владычица, — едва заметно склонила голову драконица. — Почему ты послала именно за мной?

— Ты мать, — ответила Ангелина. — Не могу представить, почему бы ты могла не отозваться.

— Я потеряла сестру, — сказала Огни резко. — Я не буду винить тебя, ибо помню все, что ты сделала. Но и добрых чувств я к тебе не испытываю.

— Мне нет дела до твоих добрых чувств, — Ангелина посмотрела ей в глаза, и драконица чуть отступила. — Помоги мне научиться общаться с детьми в драконьем обличье, раз теперь я им мать. Как ты помогала им обернуться обратно?

Огни подошла к двери, за которой плакал ребенок, и что-то гортанно прорычала-проговорила в комнату. Наступила тишина, прерываемая криком из других покоев. Драконица вошла внутрь и вышла, удерживая на руках четырехлетнего мальчишку и похлопывая его по спине. Ребенок обессиленно всхлипывал и повторял «мама, папа!».

— Он проснулся, не понял, где он, вспомнил гору, вспомнил родителей, — проговорила драконица. — Ты не заменишь им родных. Когда они вырастут и начнут все понимать, возненавидят тебя.

— Возможно, — ответила Ангелина спокойно. — Но пока у них нет других родителей кроме меня и Нории. Хотя у всех драконов была возможность ими стать.

— Драконам нужно время прийти в себя. — Огни неохотно и очень осторожно оторвала от себя мальчишку, отдала его, снова начавшего подвывать, Заре и быстро пошла дальше.

Сыновья следовали за ней как приклеенные. — Нам сложно долго находиться рядом с другими драконами, даже если это дети, если они не родные. Мири, взявший к себе близнецов и Медити, вызывает у всех изумление. Но, я уверена, найдутся матери, которые захотят взять сирот под крыло. Никогда у нас такого не бывало, — со злой горечью сказала она, — чтобы ребенок оставался круглым сиротой, чтобы даже из рода никого не выжило.

— Многого из того, что случилось, никогда не бывало, — Ани выслушала от Огни еще один гортанный рев, который успокоил девочку в соседних покоях. Та была постарше, лет шести, и выбежала сама — с такой надеждой в заплаканных глазах, что стало понятно, кого она надеялась увидеть — и не увидела.

Ангелина погладила ее по голове, вытерла слезы. Нери ревниво таскал Владычицу за волосы. И был он тяжеленьким, носить оказалось нелегко — но при попытке опустить на пол он вцеплялся в нее намертво и начинал орать.

— Где мама и папа? — сипло и тоненько выдавила девочка.

— Амिति, они ушли на перерождение и сейчас летают с Инлием-ветром в небесах и плавают с Сереной-водой в морях, — за Ангелину очень мягко ответила Огни. — Они вернуться, обязательно родятся снова. А тебе нужно быть сильной, чтобы вырасти и дожждаться их возвращения. Возможно, ты даже сможешь их узнать.

Ани с удивлением посмотрела на драконицу — но та отвернулась и пошла дальше. Ангелина встала, и девочка схватила ее за руку, не желая отпускать, пошла рядом. Ладонка ее была горячей, лицо — красным.

— Как ты это делаешь? — повторно и уже требовательно спросила Ани, когда Огни вывела из комнаты еще одну девочку.

— Ты не драконица, ты не сможешь повторить, — бросила Огни. Но тут взгляд ее упал на Амिति, виснувшую на Владычице, на Нери, который облизывал ей ухо и разворошил волосы, и плечи ее дрогнули.

— Я просто прошу их принять другую форму, — сказала она. — Легче всего это не словами, а звуками, понятными дракону. Но это как сходу правильно спеть песню на йеллоувинском или тидусском. Невозможно.

— Я постараюсь, — сухо ответила Ани.

Она старалась, но получалось паршиво. То ли связки у драконов были более приспособлены к гортанному звуковоспроизведению, то ли талантов Ани к языкам не хватало на этот конкретный, но она с полной серьезностью рычала в дверь с последним застрявшим дракончиком, который даже чуть успокоился, изумленно глядя, как она раскрывает рот, вытягивает шею, модулирует звуки. Нани-шар посмеивались, хохотал на руках Нери, удивленно смотрела девочка Амिति, которая в конце концов с опаской отошла подальше, и даже Огни не могла сдерживать улыбки.

— Владычица, — попросила драконица, — возможно, тебе стоит потренироваться подольше? Ты не просишь помощи, и я понимаю, почему, но я помогу тебе пока в эти дни, — она обернулась туда, где сидел, играя яблоками на блюде, первый высвобожденный мальчишка. — И попрошу других женщин помочь.

— Вы не всегда будете рядом, — отрезала Ангелина. Драконенок зашевелился в комнате, наступил толстой лапой на хвост, снова взвыл.

«Только не это!», — взмолилась она мысленно, и хвостато-крылатый ребенок вдруг недоуменно заморгал, пошевелился, что-то проскулил в ответ.

Она задержала дыхание. И проговорила мысленно, вспоминая то состояние, в котором

она могла послать Нории Зов.

«Обернись! Смени форму, малыш! Стань маленьким и двуногим!»

Очертания драконенка засияли, и он медленно сгустился в ребенка лет шести, на теле которого мерцали линии орнамента.

Огни покачала головой, показывая свое изумление, и направилась к дверям.

— Постой, — проговорила Ани. — Ты предложила помощь с детьми. Я принимаю ее.

— Благодарю, — ответила драконица почти без ядовитости. — Я прикажу слугам подготовить мне и моим детям комнаты здесь.

Судя по лицам нани-шар, такому соседству они были не слишком-то рады.

Ангелина обессиленно уселась на софу. Из щели пола вдруг вытек тер-сели, с любопытством огляделся, ткнулся холодным носом в ногу хозяйке, и сразу начал носиться кругами. Нери сполз по Ани на подушки, затем на пол, затопал к щенку. Дети вокруг бегали за водяным духом, спорили, играли, что-то требовали, визжали, снова плакали или смеялись.

Как же справлялась мать? И как это удастся Василине — быть и матерью, и правительницей?

Сделав очередную мысленную заметку поискать профессиональных няnek с крепкими нервами и хорошей реакцией — чтобы обернувшийся ребенок их не раздавил, — Ани, пользуясь суматохой, направилась к дверям. Ей хотелось остаться с детьми еще немного, но пока не закрыты все ключевые должности в министерствах, пока не собран и не заработал полноценно государственный аппарат, который способен обойтись и без прямого управления, придется чем-то жертвовать.

Впрочем, ей было не привыкать.

Ночью в огромной постели было пусто и холодно. Нории часто улетал по государственным делам из Истаила, часто не ночевал рядом с нею, и она спокойно спала одна. Но сегодня она крутилась и сбивала простыни, и сорочка мешала, и голова была тяжелой.

Ани встала и подошла к окну. Отодвинула легкие занавеси, подставила лицо под голубоватый свет луны, заливающий сад.

Ей не было страшно сегодня в Малахитовом зале, но сейчас сердце колотилось и руки холодели. И она закрыла глаза и выдохнула, заставляя себя успокоиться.

— Мой муж силен, — сказала она луне. — Он вернется ко мне.

Луна на минуту скрылась за быстрым облачком — и вновь вынырнула. Но Ангелина этого уже не видела. Она приказала подать успокаивающий чай и легла в постель с твердым намерением заснуть.

И заснула, конечно. Но тревога, липкая и холодная, как туман, ощущалась и через сон — ведь самая сильная воля слаба там, где дело касается любимых и родных.

А утром ей с огнептицей пришло письмо от Василины — что после их вчерашней переписки по поводу встречи учеников Четери и Александра Свидерского успело произойти масса масштабных событий. Что на Иоаннесбург началось и продолжается наступление, произошла битва у хутора, где в бункере спала Алина, и что Василине пришлось убивать.

За несколько дней до атаки на Иоаннесбург, Александр Свидерский

Время, отпущенное Туре, неумолимо утекало, и Александр Свидерский с каждым днем ощущал нарастающее напряжение. Макс, идущий с принцессой и драконом в Нижнем мире, давно уже должен был добраться до портала — но враги не дремали и путь все удлинялся...

Александр понимал, что его задача — быть готовым прийти на помощь в любой момент. Поэтому он оставлял Алмаза общаться с Чернышом (эти двое уже ухитрились организовать лабораторию и проводить опыты) и натаскивал свой отряд боевых магов, с каждым днем все ожесточеннее. Они выбирались в тыл врага, чтобы ввязаться в бои, помочь своим, и, выполнив зачистку, быстро возвращались обратно — потому что нужно было «пристреливаться» в боевых условиях, но при этом беречь резерв для конечной цели. Они находились в круглосуточном дежурстве, сменяя друг друга — потому что в любую минуту могло понадобиться выдвигаться к portalу.

По опыту Алекс знал, что по мере приближения к кульминации наступает затишье, а затем события срываются с места сокрушительной лавиной.

Разрешение на ситуативную зачистку врагов вокруг портала Александр Свидерский получил три дня назад от главного штаба, с одобрения министра обороны. Королева тоже была в курсе, как и глава Зеленого крыла. И для получения этого разрешения Алекс лично наведлся на тактическое совещание в Иоаннесбург.

В подчинении Александра были не только боевые маги, но и специалисты по магической маскировке и наблюдению, а также обычные военные разведчики, которые делали не меньше тех, кто обладал стихийными способностями. От них-то и поступали каждый день сведения, все более тревожащие: из расположения вражеских войск у портала то и дело исчезают группы тха-охонгов (а ведомство Тандаджи передавало в ответ, что они появляются в захваченных городках на пути к столице), стаи раньяров поднимаются в небо и улетают в сторону Центра Рудлога.

После разгрома под Угорьем армия иномирян отступала от побережья к portalу под Мальвой и сдавала город за городом, преследуемая рудложцами — и генералу Тенш-мину вернее было бы отправлять подкрепление от портала к отступающей меньшей части своей армии, а не к огромной и слаженной, прущей на Иоаннесбург. Более того, исчезновение групп тха-охонгов наблюдалось и в освобождаемых городах от Угорья к Мальве, которые иномиряне сдавали без боя.

Это не просто настораживало — это кричало о том, что раз где-то убывает, где-то прибудет.

— На сегодняшний момент у портала под Мальвой осталась треть инсектоидов и личного состава, — говорил Александр на совещании, стоя у огромной карты Юга Рудлога. — Около двух тысяч тха-охонгов, пяти тысяч охонгов и тысячи раньяров. Замечу, что из портала практически не появляется новых подразделений — если не считать инсектолюдей, которые тоже уходят к Центру, — значит, можно не ждать выхода значительной подмоги, хотя Зеленое крыло и передавало, что, по допросам пленных, с той стороны осталась армия, охраняющая порталы. Однако сюда они не суются. Следовательно, можно сделать несколько предположений, — он сделал паузу, чтобы сформулировать точнее. — Первое — отступление от Угорья без боев происходит потому, что южную часть армии иномиряне

пытаются спасти и довести до портала для исполнения единственной задачи — его охраны. Но эта задача для них второстепенная, и я могу предположить, почему.

— Потому что основная — Иоаннесбург, — кивнул министр обороны Лосев.

— Да, но я говорю не об этом, Геннадий Иванович. От пленных мы знаем, насколько ценны для иномирян порталы и как они боятся их закрытия. И тут они снимают почти треть защитников, отправляя на подкрепление к армии, которая и так мощна и которой до столицы идти с боями еще не меньше пяти сотен километров. Им нет смысла это делать: путь до Иоаннесбурга займет не меньше месяца, даже если мы не будем сопротивляться. Если только они не нашли способ ускориться.

— Способ у них всегда был — телепортация тха-охонгов, — вмешался Тандаджи. — Правда, мы узнали о принципе ее действия не так давно. Как мы предполагаем, как только они подошли к столице на расстояние, которое раньяр может преодолеть за ночь, началась заброска диверсантов. Вопрос в том, насколько этот способ массовый и сумеют ли они использовать его для переброски большого количества войск к Иоаннесбургу. И сможем ли мы это предотвратить.

— В любом случае, Иоаннесбург сейчас превращен в крепость, — добавил министр обороны.

Александр кивнул, укладывая в голове новую информацию и продолжил:

— При этом отступающие от Угорья части иномирян и преследующие их наши подразделения подойдут к portalу максимум через семь дней. Больше иномирянам бояться некого, про мой отряд они не знают. Однако они не пытаются задержать наши войска, хотя понимают, что у портала будут окружены и разбиты, и портал может быть закрыт. И это означает, что...

— Либо они хотят уйти обратно на Лортах, либо к ним навстречу выйдет подкрепление... либо они уверены, что переход их богов случится раньше, чем к portalу подойдет наша армия, — ровно проговорил Тандаджи.

— Именно, — проговорил Александр. — Ситуация играет нам на руку. Раньше я предполагал расчистить в окружении портала узкий проход, чтобы суметь пройти в Нижний мир и там на оставшемся магическом резерве помочь нашим путникам. Сейчас, когда охрана портала ослаблена, есть возможность попробовать зачистить все пространство вокруг него, а в нужный день войти в Нижний мир, не тратя резерв на бой с нашей стороны. Даже если с первого раза нам не удастся уничтожить всех, кто прикрывает портал — у нас до подхода отступающих от Угорья иномирян будет время на восстановление и вторую попытку. Мой отряд регулярно помогает рудложской армии, но тренировка у портала в реальных условиях бесценна. Поэтому прошу вашего разрешения на дальнейшее наблюдение и удар в выбранный мною момент.

— А если они все же выведут на помощь войска из Лортаха? — с сомнением проговорил министр обороны.

— Значит, меньше останется у портала с той стороны, — ровно ответил Александр.

— Мне не нравится, что мы раскрываем наличие у нас вашего отряда, — заметил Тандаджи. — Наши враги не глупы. Если не удастся полностью зачистить периметр за одну атаку, ко второй иномиряне уже будут нас ожидать и разработают тактику противодействия.

— Я согласен с вашими аргументами, полковник, — слегка склонил голову Свидерский. — Но прошу учитывать и то, что сила стихий, а значит, и магов, с каждым днем падает.

— У вас же запасено достаточно накопителей? — уточнил Лосев.

— Да, но даже на них с каждым днем площадь моих массивированных заклинаний сужается, длительность удержания щитов и их крепкость тоже. От моих сил осталась половина из того, что было всего месяц назад, и с каждым днем сейчас резерв сдувается на пять-семь процентов. То есть через пять дней от нынешнего останется три четверти, через десять — половина... а может случиться так, что ниже какого-то предела стихии перестанут нам отзываться. Если мы ударим сейчас, то зачистим пространство у портала, и даже если стихийные силы в ближайшем будущем нас покинут, мы сильно облегчим задачу нашей армии.

5 мая, день атаки на Иоаннесбург

Разрешение на проведение операции зачистки Александр получил. За порталом продолжалось наблюдение.

А пятого мая чуть позже полудня ему пришла информация из Зеленого крыла — что Владыка Нории несет в Теранови трех учеников Четери, один из которых, Юнеди Игириан, способен найти учителя в Нижнем мире.

В час тридцать Александр уже стоял у драконьего посольства Теранови рядом с взволнованным и очень разговорчивым мэром (господина Трайтиса предупредили на случай, если Владыка прилетит раньше) и смотрел, как стрелой, невиданно быстро, приближается вылетевший из-за гор дракон. Он приземлился, чуть не сбив ожидающих с ног порывами ветра: со спины его соскользнули трое воинов, а по меньшей мере пара десятков остались сидеть меж шипов гребня.

— Владыка, привествую вас! — крикнул мэр, поклонившись. — Мы приготовили для вас напитки и угощение, — он повел рукой в сторону посольства, — отдохните хотя бы полчаса!

— Некогда, — трубно и рокошуще проговорил дракон. Повернул огромную башку к Александру, кивнул ему — они встречались и на королевском совете, и на семейном совете Рудлогов в покоях принцессы Алины, когда в университете произошла ее инициация и выброс на Лортах, спровоцированные смертью Белых королей.

— Пусть хранят тебя боги, маг, — прогудел дракон. — Я принес тебе хорошую подмогу. Под твою руку поступают Мастер Юнеди, Мастер Ити и Мастер Киноли, — он повел головой в сторону подошедших к Алексу драконов. — Надеюсь увидеть тебя в Истаиле, когда на Туре воцарится мир, а твой темный друг и Мастер Четери будут рассказывать нам историю своего путешествия.

— Пусть так и будет, Владыка, — почтительно ответил Александр, и дракон, взмахнув крылом, молнией поднялся в небо.

— Приветствую, — обратился он к воинам, протягивая руку, и те, странно глядя на нее, по очереди коснулись его пальцев пальцами. Он улыбнулся — вот и первое столкновение культур.

Драконы рассматривали его, а он рассматривал их. Похожи и непохожи одновременно: видишь различия, как только начинаешь привыкать к экзотичной почти белой коже с орнаментом ауры и удлинённым зеленым глазам.

Юнеди Игириан — пониже Четери, пошире, лицо словно чуть вдавленное внутрь, орлиный нос, скулы, красные волосы, едва-едва пробивающиеся на голове. Оба его спутника поизящнее, у Киноли отрастающие волосы оранжевые, у Ити — красные, светлая родинка на щеке. Все одеты в свободные рубахи чуть выше бедер, с вырезами по бокам, шельвары, мягкую обувь. Из оружия только ножи на поясах, из вещей — мешки на веревках,

переброшенные через плечо. От всех троих веет спокойствием и внутренним достоинством.

— Может, хотя бы вы, господин Свидерский, и господа воины разделите с нами стол?
— подал голос мэр.

— Некогда, — повторил за Владыкой Алекс и открыл Зеркало в расположение боевых магов между Мальвой и Милокардерами.

Пока они шли по коридору базы, Александр представился и рассказал, для чего собран его отряд и что такое порталы. Драконы, как оказалось, издавна знали о небольших переходах, из которых выходят чудовища, но это не мешало им с интересом смотреть на большие фотографии «цветка» и окружающих его войск.

Такие фото делались с листов для разведки, а в коридорах развешивались в для поддержания тонуса бойцов, чтобы не забывали о серьезности задачи.

Алекс рассказал и о том, что сны о продвижении Четери, Тротта и Алины видит молодой маг, его ученик, и сейчас путники все еще в лесах движутся к portalу. Что из обрывков наблюдаемого глазами принцессы удалось нарисовать карту равнины с порталами, а затем совместить с результатами допросов пленных тха-норов — так и узнали, что путники собираются выйти из портала, соединенного с переходом под Мальвой.

— Сейчас послеобеденный отдых, с бойцами я вас познакомлю во время вечернего построения, — говорил он, — пока покажу вашу комнату, поставлю на довольствие. Там, — он кивнул за окна, где виднелись далекие мишени, полосы препятствий, пятна гари на земле, — полигон, где мы отрабатываем слаживание. Мои бойцы не только маги — в Нижнем мире после истощения резерва и накопителей нам придется сражаться как обычным пехотинцам, поэтому все владеют огнестрелом и ближним боем. Вам успели рассказать, что такое огнестрельное оружие? — Он достал из кобуры на поясе пистолет, показал драконам. Те на ходу рассматривали с удовольствием.

— В наше время уже были пушки, — отозвался Юнеди, — посему понимание имеем.

— Да, маленькая пушка, — согласился Александр, убирая оружие в кобуру обратно. — Потом вам покажут принцип действия. У врагов такие тоже теперь есть, — предупредил он, — они могут убить издалека. Вам выдадут амулеты с щитами и доспехами.

— Мы бьемся без доспехов, — покачал головой Мастер-дракон, — а щиты умеем творить сами. Но на стрельбище с тобой ходим, надо знать, какое еще оружие появилось за время нашего заключения.

— Хорошо, — Свидерский двигался дальше. — Здесь столовая, в это время обычно никого нет, — он распахнул двери и увидел увлеченно и вполне дружелюбно беседующих Черныша, на шее которого в магическом спектре мерцал ошейник, и Алмаза Григорьевича.

— Это наши старейшие маги, — представил он. — Алмаз Григорьевич, Данзан Оюнович, это Мастера клинков, ученики Владыки Четерии, которые недавно освободились из горы. Они нам очень помогут.

Драконы на слове «старейшие» почтительно поклонились. Два заклятых друга разглядывали их с одинаковым интересом.

— Любопытно, — заметил Алмаз Григорьевич.

— Я бы хотел позже побеседовать с вами, молодые люди, — проговорил Черныш. — Ваш опыт длительного стазиса ... негативный, но все же, может стать неоценимым для магнауки.

На лицах драконов не дрогнуло ни жилочки.

— В любое время, — уважительно ответил Юнеди, а Александр покачал головой. Двери

захлопнулись, и он повел драконов дальше, размышляя — смог ли бы он так, если бы кто-то из друзей ушел бы за грань морали? Если бы Мартин стал преступником, или Вики ставила бы антигуманные опыты, или Макс не сдержал бы темную часть и выпивал бы людей — смог бы он по-прежнему легко общаться, покрывать, спасать, испытывать глубочайшую привязанность, которая, без всякого сомнения прослеживалась со стороны Деда по отношению к Чернышу? Что ощущал Черныш, сказать было сложно — но Алекс был уверен, что, представься необходимость, и он легко свернет Алмазу шею ради высшей цели. Несмотря на всю их общую историю и явное удовольствие, с которым Данзан Оюнович проводил время со старым другом-соперником.

С другой стороны — если бы Михей тогда выжил, разве Алекс не постарался бы его защитить и от суда, и от наказания? А если бы Миха сделал все сознательно, тогда как?

— Здесь, — открыл он следующую дверь, отбрасывая от себя некомфортные мысли, — диспетчерская и пункт связи. Когда будете в патрулях — именно сюда по радиосвязи поступают отчеты. Радиосвязь это... передача голоса на расстоянии через небольшой прибор, — и он продемонстрировал рацию на поясе.

Воины-драконы оказались молчаливыми, но уверенно кивали, запоминая сказанное, и без смущения разглядывали в ответ проходящих по коридору магов.

— Подполковник, — позвал его один из связистов, — только что пришла информация от группы Видова.

— Что там? — Александр зашел в диспетчерскую, драконы ступили за ним.

— Передают, что за прошедшие сутки охрана портала значительно уменьшилась. Множество тха-охонгов исчезло, а большинство раньяров снялись с места и направились в сторону Центра Рудлога. Остальные заканчивают передислокацию ближе к переходу. По подсчетам разведки, у портала осталось около семи сотен раньяров, пяти сотен тха-охонгов и тысячи три охонгов, — зачитал с расшифровки связист. — В Зеленое крыло уже шифрограмму отправили.

Александр выпрямился.

— Дождались, — в тело плеснуло доброй дозой адреналина, пальцы закололо предчувствием боя. — Объявляй десятиминутную готовность.

— Я и не смел надеяться, что сразу попаду на добрую драку, — подал голос дракон Юнеди. Двое его соплеменников с улыбками переглянулись.

— Бой будет преимущественно магический, — проговорил Александр с сомнением. — Вы можете пострадать от своих же.

— Мы умеем защищаться от стихий, — невозмутимо возразил дракон. — И как упустить шанс пощупать тварей, сквозь которых нам предстоит пробиваться к Мастеру? Нас отдали под твое командование, поэтому скажи: нам сейчас, когда мы зачистим врага вокруг портала, пойти Мастеру навстречу или ждать здесь с тобой его прорыва к переходу с той стороны?

Стало понятно, что они сработаются и проблем с неподчинением не будет.

«Боевая тревога! Сбор на площадке А в четырнадцать-ноль-ноль! Всем бойцам — сбор на площадке А в четырнадцать-ноль-ноль!» — заговорили динамики. Коридор оживился, заполнился людьми.

Александр, раздумывая над ответом, быстро вел драконов к свободной комнате — чтобы они могли кинуть пожитки, посетить уборную перед сбором. Он был в камуфляже, но тоже нужно было заглянуть к себе — взять снарягу с максовыми тониками, накопители. И

маленькую жеоду с аметистами, подаренную ему сомнарисами, питомцами Катерины.

— Мастер Юнеди, как я слышал, у тебя опыт не меньше моего, — он повысил голос, перекрикивая динамики. — Я хочу услышать, что думаешь ты.

Дракон с улыбкой кивнул. Понял, что проверяют.

— Наша подмога Мастеру была бы не лишней, — зычно ответил он, — но первейшая нужда — уничтожить сейчас силы врага у портала в нашем мире. И большой удачей будет, если сегодня же выйдет выманить часть тех сил, что находятся за порталом. Я знаю Мастера — по лесу он своих спутников проведет сам. Нам же стоит расчистить им путь.

— Все верно, — согласился Александр, открывая дверь. — Это ваша комната, уборная справа. Не опаздывайте!

— Не опоздаем, командир, — ничуть не обидевшись, проговорил Юнеди. — Мы воины и научены выполнять приказы.

* * *

Открыть портал в ровной как доска степи, залитой солнцем, когда каждый раньяр может тебя заметить, было сложно. Разведчики для того, чтобы подобраться к лагерю, использовали амулеты невидимости.

Поэтому Алекс вышел в нескольких километрах от портала, накинул на себя невидимость и поскользился к нему на воздушной доске. Переход сиял в степи, как белесый цветок. Пахло майским разнотравьем, степь цвела, степь жила, но земля вокруг была загажена, виднелись опустевшие грубо сколоченные загоны для инсектоидов, пересекали степь патрули на охонгах, сверху наблюдали дозорные на раньярах. И почти неощутимо тянуло муравьиной кислотой.

Александр запустил маскировочный щит, под ним открыл большое Зеркало с опорой на Алмаза и вывел за километр от лагеря пятьдесят магов, двух патриархов магии и трех учеников Четери.

— Идеально для массированного удара, — заметил Алмаз Григорьевич. Ветер трепал его седую бороду, но вид Дед имел вполне профессорский — костюм, начищенные ботинки. Черныш, одетый скромнее — в темные брюки и кофту под горло, молчал, безразлично созерцая лагерь.

Виднелись дымы костров, шатры тха-норов и лежанки обычных наемников, стрельбища... Праздно шатающихся иномирян было немного, инсектоиды не прохлаждались в стойлах — группы всадников отрабатывали совместные маневры, слышны были выстрелы — там оттачивали владение оружием этого мира, у портала были выставлены несколько линий охраны — воины на инсектоидах либо неспешно двигались вокруг, либо стояли почти вплотную к туманным стенкам перехода. Изнутри то и дело появлялись груженные бочками и вьюками тха-охоги, их тут же принимались разгружать у больших шатров: по всей видимости, подвозили припасы из Нижнего мира. Видно было, что командование иномирян знает правило «солдату нельзя бездельничать» и к охране портала подошло тщательно.

— Сначала работаем мы с Данзаном Оюновичем и Алмазом Григорьевичем. Пойдем с трех сторон, запустим массированные заклинания, — напутствовал Алекс бойцов. — Вы распределяетесь группами по пять человек по периметру, как мы и тренировались. Юнеди, — обратился он к дракону, — я не видел вас в бою, поэтому примкнете к группе лейтенанта

Смецкого, — он кивнул в сторону молодого офицера. — Под заклинания не лезьте, держитесь в стороне. — Он снова повернулся к своим. — Мы уничтожим большую часть отряда и займемся раньярами, ваша задача — уничтожать тех, кто побежит. Невидимость слетит с вас через десять минут. Чувствуете, что резерв уходит — не геройствуйте, отступайте к точке сбора.

Враг оказался не готов к нападению — и когда с трех сторон на лагерь обрушились огненные столбы, которые выжгли почти половину войска и остановились в десяти метрах от портала, началась паника. Но слишком много было тех, кого нужно было истребить — и этот бой вовсе нельзя было назвать легкой прогулкой. Скорее, это было побоище, полное смрада муравьиной кислоты, визга и крови. Маги добивали раньяров, драконы, действуя тройным тараном, прорежали наземных инсектоидов. И все равно несколько десятков человек, пусть магов и закаленных бойцов — это немного против сотен и сотен инсектоидов.

Командиры иномирян ухитрились как-то привести остатки войск в порядок и попробовали контратаковать. Если бы не раньяры, им бы это не удалось.

Но стрекозы были — и рушились с небес на бойцов. Где-то щиты магов продавливали массой, где-то слишком быстро терялся резерв и боец не успевал выходить из боя. Александр видел и тела своих ребят, и то, как точно работает Алмаз, зависший в воздухе и ловящий раньяров гигантской сетью, и как поджаривает врагов Черныш, но их все еще было очень много. Все осложнялось и тем, что задевать портал было нельзя — вдруг схлопнется? И иномиряне, вычислив это, то и дело отступали в спасительную кромку перехода, чтобы передохнуть, перестроиться, а то и вовсе исчезали в нем — так что с той стороны уже точно знали о нападении с этой.

В какой-то момент туман дрогнул и расступился, выпуская на Туру подкрепление — сотни новых тха-охонгов со всадниками, между которыми теньями стелились уже известные разведкам по битве в Йеллоувине невидши.

А минутой спустя Алекс, вспотевший, но сохраняющий хладнокровие, несмотря на слишком быстро тающий резерв и сильно просевшую убойность заклинаний, ощутил вибрацию сигналки, связанной с Катей.

Сердце кольнуло, но сейчас он прикрывал своих от пикирующих раньяров и одновременно управлял десятком огненных Лопастей, кромсающих тха-охонгам ноги. Он не имел ни права, ни возможности отвлечься. Но мысли то и дело возвращались к Катерине — и по позвоночнику льдом растекался страх за нее.

Невидши оказались быстры и мощны, и жертв среди отряда прибавилось. Бой затягивался. Раненых вытаскивали под щит, и если бы не модифицированный Викторией Доспех, закрепленный на амулеты, погибших было бы в разы больше. К вечеру стали выдыхаться и самые опытные бойцы, часть перешла на автоматы и огнеметы. Только Алмаз да Черныш по-прежнему жгли врага без устали, но и их реакция не всегда успевала за молниеносными бросками невидши. Александр хлестал цепом, то вытягивая его на десятки метров, то используя, как обычную дубину, — с привычным оружием он чувствовал уверенность. К тройке сильнейших твари не подходили, из-под заклинаний то и дело выскальзывали.

Садилось солнце. На степь у портала опускалась бархатная южная ночь, и биться стало труднее — старшим магам пришлось поддерживать сонмы Светлячков, которые помогали как своим, так и врагам.

Драконы, заняв круговую оборону недалеко от Александра, как гигантскими жерновами перемалывала нападающих на них инсектоидов. И при этом улыбались — а иногда с их стороны доносился слегка безумный смех. Да, теперь он видел, что эти трое могли бы пробиться в Нижний мир и пройти сквозь даже такую армию, пользуясь эффектом неожиданности. И что, как это ни прискорбно, вероятности вернуться живыми у них больше, чем у магов с накопителями.

Когда солнце ушло за край и погасли сумерки, Александр, разрубив цепом очередного раньяра, отпрыгнув в сторону — чтобы рядом не оказалось своих — сжал в кармане жеоду сомнарисов и прошептал: «Смертью призываю вас».

Он не знал, сколько раз может сработать призыв, и хотел оставить ее на последний прорыв — но вдруг на тот момент стихии уже перестанут существовать и стихийные духи развеются? Значит, нужно использовать сейчас. «Придут все, кто рядом», — сказал старый сомнарис.

Сердце не успело сделать и трех ударов, как высокая степная трава вокруг него покрылась инеем, а из тьмы сгустился с десятков серебристо-черных змеептиц. Раздались изумленные крики, и свои, чужие отступали подальше, а сомнарисы молча смотрели на него, зависнув в воздухе, поводя хвостами, и глаза их мерцали зеленою.

— За-ч-ссем тыссс позсссвалссс нассс? — прошипел то ли один, то ли все вместе.

— Мне обещали помощь! — крикнул он, и изо рта его вырывался пар. Он соображал, как отдать приказ, чтобы не навредить своим. — Так помогите! Уничтожьте столько летучих стрекоз, сколько сможете! А если останутся силы — то существ, похожих на смесь людей и насекомых.

Он не успел договорить, как сомнарисы рванулись от него во все стороны — и стали один за другим рассыпаться прахом раньяры.

Помощь сомнарисов словно добавила сил бойцам. Где-то удалось продавить врага до портала — особенно когда невероятно быстрые невидши стали истлевать, пронзенные туманными молниями, где-то, наоборот, приходилось идти своим на подмогу. Но силы все равно таяли, и когда один за другим начали схлопываться щиты у его ребят, Алекс усилил голос и над полем боя пронеслось его:

— Отступаем! Все на точку сбора!

Они с Алмазом и Чернышом отступали последними, прикрывая тех, кто выносил раненых. И единственными, кто уходил с явной неохотой, были драконы.

Когда они уходили в Зеркало, сомнарисы все еще метались над полем, уничтожая оставшихся невидши.

Не все задачи были выполнены. Да, удалось истребить большую часть инсектоидов и подкрепление — но неизвестно, сколько их осталось внутри.

Пленных, чтобы вытащить сведения, не захватывали — да и не до пленных было. Осталось надеяться, что Тандаджи распотрошит на эту тему кого-то из недавно захваченных.

В любом случае, для себя, как и Тротта, принцессы и Четери задачу они облегчили. Но не решили.

На базу они вернулись ночью — потеряв семь человек, из которых двое были выпускниками Александра в МагУниверситете.

Сердце ныло, но он проверил раненых, оставив их на коллег, быстро направился в диспетчерскую с докладом для командования — потому что после хотел наконец-то перенестись к Катерине. И только тогда узнал, что Иоаннесбург атакован, а бункер у

деревеньки Березовое — почти разбит.

Алекс вколол себе сразу два Максовых восстановителя и открыл Зеркало к хутору.

Общение с Катей оставило чувство вины, горечи и облегчения оттого, что ничего смертельного не случилось. Он бы хотел остаться с нею или забрать ее с девочками с собой — но истина была в том, что безопасных мест на Туре уже не осталось, а здесь, рядом со спящей принцессой и подземной часовней Катю хотя бы не сорвет, да и охрану хутора теперь усилят во много раз.

Он зашел к Матвею — проверить его состояние. Аура Ситникова напоминала решето, куда хуже, чем у спавшего рядом Поляны. Но и к удивлению Алекса, она не коллапсировала до состояния обычного человека — эти ошметки по-прежнему взаимодействовали с ослабшими стихиями, хотя кто бы другой с таким выгоранием уже не смог бы никогда видеть стихии и управлять ими. А у Ситникова была надежда. Крохотная, но была.

— Сила крови Рудлог, — пробормотал Александр, доставая из сумки очередные инъекторы с восстановителями, репараторами и прочими придумками Троттовского гения. Его самого шатало от слабости.

Плохо было то, что в таком состоянии никакой связи Ситникова с принцессой в другом мире быть не может. И если путники сегодня дадут знак во сне, то он останется не увиденным. Оставалось надеяться, что препараты и виталистические процедуры Александра помогут и завтра студент придет в сознание.

Иначе придется действовать на свой страх и риск — и повторять нападения на войска у портала, и проходить в него с боем просто затем, чтобы при прорыве Четери, Тротта и принцессы к выходу на Туру их ожидало как можно меньше врагов.

Часть 1. Глава 5

Нижний мир, 1 мая по времени Туры

Максимилиан Тротт

Дело шло к полудню, когда стальное небо почернело от птиц. Тротт, замыкавший группу, на бегу проследил за суматошным кружением — тысячи пернатых, больших и малых, поднимались из леса в паре километров и впереди, и позади, и по бокам — и перехватил острый взгляд Четери.

Тот качнул головой и потянул носом воздух.

— Проверю, — он ускорился, подпрыгнул, цепляясь за выступ коряжистого высокого папоротника, полез вверх, как белка.

Тротт, не останавливаясь, сместился ближе к принцессе, но та, коротко взглянув на него, даже не запнулась — побежала дальше сосредоточенно, молча, сберегая дыхание. Сумка плотно прилегает к телу, крылья помогают рукам, ноги расслаблены — марш-броски на жаре она теперь выносила не хуже иного спецназовца.

И только расширившиеся от всплеска адреналина зрачки и бледность показали, что от нее ничего не ускользнуло. Он много раз уже видел такую реакцию — потому что три последние дня после встречи с мелькодерой и внезапного послания от Алекса сквозь лес приходилось прорываться с боем.

Макс потерял счет группам ловчих, от которых удалось ускользнуть, петляя, уходя глубже в лес и возвращаясь обратно к реке, ночами пробираясь по кромке обрыва под носом у стрекоз. Но не от всех удалось убежать — и несколько отрядов лорташцев на охонгах навсегда остались удобрениями для папоротников. Он перестал даже пытаться подсчитать, сколько раньярв кружит над лесом и скольких удалось уничтожить.

Последнее нападение всадников на стрекозах произошло около двух часов назад, ранним утром, когда беглецам пришлось прижаться ближе к обрыву над рекой из-за заболоченной местности. Отбились, но раненый Четом раньяр рухнул прямо на склон, и это означало, что об их местонахождении теперь в точности до километра знает вся вражеская армия, остающаяся около порталов.

После стычки с мелькодерой оно и так перестало быть секретом, но до сих пор плотный папоротниковый лес хорошо помогал прятаться от преследователей и укрывал уничтоженные группы — пока враги обнаруживали, что какой-то из отрядов не подает сигналов, удавалось убежать далеко вперед.

Было бы хорошо не бежать, а лететь, но крыло у принцессы после ранения мелькодерой еще было слабым — она могла парить минуты две-три и затем сваливалась на землю. Крылья оставляли для преодоления оврагов и других препятствий.

Принцесса резко вильнула в сторону — потому что мимо промчалось стадо косуль. Мхи словно ожили — то метались туда-сюда вынырнувшие из многочисленных норок крысозубы. Сверху раздался свист — и Алина прижалась к дереву, расширенными глазами наблюдая, как сразу несколько пауков, не обращая внимания друг на друга и на живность внутри, прыгают по кронам в сторону реки. Но навстречу, от обрыва, спешил еще один лорх.

Снова помчались косули, огибая папоротник, у которого они остановились. Кабанчики. Мелкие хищники, некоторых из которых Макс и не опознал. Звери бежали со всех сторон, сталкиваясь, мечась по лесу. Невыносимо орали птицы, и к ору этому присоединился

знакомый гул — над лесом неспешно, шеренгой летели раньяры. Всадники вглядывались вниз, и Тротт прижался ко стволу рядом с принцессой. За Чета он не беспокоился — если тот не захочет, его и в упор не увидят.

— Что происходит, лорд Макс? — прошептала она, тяжело дыша и приподнимая ступню, на которую пытался вскарабкаться крысозуб. Рука принцессы снова сжимала рукоять ножа.

Все эти дни ее оберегали, не подпуская врагов — да и она, понимая, что скорее помешает, не лезла в бой. Но Тротт видел в ее глазах, что она готова убивать.

— Похоже, пожар, — ответил Макс, глядя на сизоватую дымку, которая медленно затягивала лес. Потянуло гарью. — Попейте, — приказал он, сам открывая свою флягу. — Видимо, ближайшие часы нам будет не до этого.

Шагах в тридцати от них на красочной и манящей зеленыю полянке вдруг вздыбилась земля. Вехент, выпростав жвала, спешно захватывал пласты земли по краям своей ловушки и накидывал по кругу горкой, создавая земляной вал. Алина смотрела на это, механически глотая воду. Услышала шорох, подавилась, закашлялась — и отпрыгнула в сторону, роняя флягу и сжимая в руке нож.

— Это всего лишь я, — по стволу спустился Четери, перебравшийся сюда по кронам.

Алина передернула плечами, с облегчением выдохнула и подняла флягу.

— Лес подожгли по кругу со всех четырех сторон, путь к реке отрезан, — сообщил Мастер, тоже сделав несколько глотков. — Ветер сейчас от реки, огонь идет сюда по кронам. Очень быстро.

— На Лортахе пожары сокрушительны и быстро распространяются, — хмуро кивнул Тротт, — из-за того, что много смолы в папоротниках.

— Правильнее бежать вдоль линии огня, но раз нас замкнули в кольцо, нужно сдвигаться глубже в лес, — Чет мотнул головой не вдоль реки, куда лежал их путь, а перпендикулярно. — И пытаться выбраться, пока там могут оставаться хоть какие-то проходы. Если повезет, выйдем на ручей, тогда спасемся по руслу. Но лучше бы вернуться к оврагу с речушкой на дне, который мы прошли утром. Один бы я успел, но...

Он бросил взгляд на Алину.

— Другого выхода ведь все равно нет, — сказала она чуть дрогнувшим голосом. Но не уязвленно, спокойно принимая, что слабее. — Никто не гарантирует, что мы найдем проход в огне или какой-то новый ручей, правда?

Тротт развернул карту, которую нарисовала Одекра, вгляделся в нее. Они определяли свое местонахождение, считая овраги — уже семь было преодолено после скал, в которых находилось жилище мелькодеры.

— Вот овраг, — он говорил быстро, — и, если верить Одекре, та же речушка, прежде чем впасть в него, пересекает лес с нашей стороны. К нам она ближе, чем овраг. Карта неточная и русло может быть куда дальше линии огня... но до оврага мы точно не добежим. Если речку не найдем, будем искать проход в пожаре. Хотя и с той стороны нас наверняка ждут.

Запах дыма становился невыносимей, деревья в тридцати шагах уже казались окутанными плотным туманом.

— Ждут, конечно, — откликнулся Чет, — со всех сторон за огнем висят тучи раньяров. Но со стрекозой я могу справиться и в этом обличье, — и он похлопал себя по животу, — а с огнем — нет.

Они быстро разодрали одну из рубах, подаренных гостеприимными тимавеш из долины богини Хиды, смочили длинные тряпицы водой, обмотали лица так, чтобы закрыть рты и носы. Дыма все прибавлялось, живность, окончательно обезумев, врезалась друг в друга, забивалась под корни...

Принцесса была так тиха и бледна, что Макс коснулся ее крылом.

— Не бойтесь, — сказал он. — Выберемся.

Она на секунду прикрыла глаза. Веснушки над краем повязки на бледной коже выступали особенно ярко.

— Я не боюсь огня, лорд Тротт, — ответила она сипло. — Я боюсь за вас.

Они остановились через минут сорок бега, кашляя и задыхаясь. Макс оглянулся. Вокруг кишело зажатое между двумя полосами огня зверье — животные уже впали в шок и бродили в дымной мгле стаями туда-сюда, крысозубы облепляли стволы. Впереди как свечи полыхали папоротники, рушась на землю и стреляя смолистыми язычками, поджигая траву. Дым казался уже не сизым — оранжевым, видимость снизилась до нескольких метров и полуденное солнце мелькало белым пятном в черных клубках. Позади, перепрыгивая с кроны на крону и все ускоряясь, с гулом несло пламя — вот-вот накроет и спустится вниз по стволам. А сверху то и дело мелькали раньяры. Даже если бы у принцессы нормально функционировало крыло — не перелететь, схватят.

Хотя если вокруг будет огонь, он, Макс, поможет ей подняться. И попробует прорваться с ней.

А Чет справится. Или нет.

Алина кашляла и не могла остановиться. Они все кашляли. Четери снова поднялся на вершину папоротника, затем быстро спустился вниз, прижался к стволу — опять сверху пролетела стрекоза.

— Если река и есть, то только там, — тяжело дыша, Мастер кивнул чуть в сторону и вперед, на уже выгоревший проход между двумя пылающими папоротниками. — Там пожар полосами, возможно, как раз по берегам речки.

— Моего щита хватит, чтобы нас прикрыть от огня, — просипел Тротт. — Но не от дыма. Можем задохнуться.

— Мы и здесь задохнемся, — подала голос Алина. Глаза у нее были красными от дыма, лоб — мокрым, волосы сбились в колтуны. Некогда было расчесываться.

— Почву под ступнями щит тоже не охладит, — добавил Тротт. — Нужно защитить подошвы.

— Нужно... — Четери закашлялся. — У какого из этих папоротников самая прочная древесина?

Макс огляделся — у них с Четом мысли шли в одном направлении.

— Из тех, что знаю, у этого, — показал он, вытаскивая из воздуха один из клинков Дезеид. Чет тоже достал клинок — и они за пару минут нарубили шесть длинных, длиннее и шире ступни кусков коры.

Затем они привязывали эти «подошвы» к ногам — да, тряпки прогорят, да, защитит ненадолго, но защитит. На смачивание тряпок на лица ушла последняя вода — а затем Макс взял Алину за руку, подождал, пока приблизится Чет и накинул щит.

И они шагнули в пылающую тьму.

Сразу стало так жарко, что высохли губы. Под ногами похрустывала зола, дым выедал глаза. Макс двигался зигзагами — приходилось переступать через уголья, в которые

превратились огромные стволы, пробираться под пылающими кронами и молиться, чтобы на щит не рухнул гигантский папоротник, потому что пробьет и ничего уже не спасет. Принцесса дышала так шумно, будто была в предобморочном состоянии, впрочем, у Тротта у самого уже мутилось в голове и ноги заплетались.

Он то и дело мысленно взывал к Жрецу — но холодок в сердце оставался спокойным. Вечный Ворон после посещения долины Хиды-Роженицы себя еще не проявлял. То ли слишком глубоко спал, то ли считал, что пока птенцы могут справиться и без его участия.

Пролетевшего над ними раньяра потоками воздуха швырнуло влево, вправо — и вдруг одно крыло его скукожилось и он рухнул куда-то далеко в лес. Остальные стрекозы поднялись выше — и к лучшему, меньше вероятности, что увидят беглецов.

За спинами загудело — то долетел подпал от большой реки, оставшейся далеко позади, встретился с пожаром, через который они шли, начал поглощать те деревья, которые из-за избытка влаги в коре горели неохотно, медленно.

Через пару сотен шагов они вышли на нетронутую огнем полосу. Реки не было. Отдышались, пошли дальше — и уперлись в настоящую стену огня. Ни прохода, ни обхода.

Принцесса судорожно вдыхала и выдыхала. Не от страха — от удушья.

— Поднимай ее, — приказал Чет. — Я вернусь назад, попробую обойти по кронам. Одному мне будет проще.

— Подожди, — прохрипел Тротт. — Отдай Алине сумку, есть риск, что останешься без вещей. И встань еще ближе.

Сил не было объяснять — и Четери, не спрашивая ничего, действительно перевесил на принцессу поклажу. Тротт прошептал два слова молитвы, обращаясь внутрь, к себе — и одновременно накрывая дракона отдельным щитом — и горящее дерево по кругу от него шагов на тридцать осело мелкой гниelisto-влажной пылью, а дым обернулся сажей, хлопьями опавшей на землю. Воздух на какие-то мгновения очистился, и беглецы задышали жадно, сипя и откашливаясь. Но снова потек по очищенной полянке дым — и снова они надели повязки.

Алина смотрела на Макса, стискивая его ладонь — от нее наполнял его вены жар, который не палил, как пожар вокруг, а питал. Чет изумленно поцокал языком.

— Направленно вперед не можешь?

Тротт покачал головой:

— Только так.

Дальше они двигались так же — перебежками, отряхивая тлеющие «подошвы» и останавливаясь, когда окружал огонь, чтобы Макс мог истлеть стволы вокруг. Или когда начинало не хватать кислорода и срочно нужно было подышать.

Шли долго, очень долго, а реки все не было, и края огню не было видно. Тротт чувствовал, что слабеет, что жар, идущий от принцессы, становится все прохладнее. Но не жалел ни себя, ни ее — потом пожалеет. Сейчас нужно было выживать.

Алина

Принцесса ни за что не призналась бы сейчас в том, что ее невозможно тянет спать, а от дыма она вот-вот потеряет сознание. Ее тошнило, тело начинал бить озноб, хотя воздух шел волнами от жара, а выжженная, покрытая золой и угольями земля казалась раскаленной духовкой. Но Алина раз за разом послушно вкладывала ладонь в руку Тротта и закрывала глаза.

«Пожалуйста, пожалуйста, пусть у него получится и сейчас».

Последний раз пятно тления вышло совсем небольшим, и вдохнуть чистого воздуха удалось немного. Щит Тротта тоже сжимался. Алина отпустила руку лорда Макса, покачнулась. Мышцы мелко дрожали. Внутри было холодно, словно внутренности сковывало льдом. Нижняя часть «подошв» превратилась в уголья, тряпки почти истлели — еще немного, и треснут, и тогда ни шагу не получится ступить.

Или получится?

Она сказала правду — она совсем не боялась огня. Огонь ведь одинаков во всех мирах. На Туре пламя ее грело, но не обжигало — это единственное, что она при всей своей пытливости решилась проверить, сунув руку в камин. И здесь, при готовке на кострах, ни разу огонь не обжег ее. Но, скорее всего, младшая разбавленная кровь пройти по углям уже не позволит. Особенно здесь. И уж точно не уберезет от отравления дымом.

Они шли дальше, согнувшись, пытаясь задерживать дыхание, а впереди с треском и гулом по-прежнему пылали стволы и трава. То и дело попадались мертвые птицы, обгоревшие животные. В какой-то момент беглецы снова уперлись в непреодолимую стену пожара — полыхала высокая трава, толстые бутылочные папоротники.

Чет вдруг закрутил носом — Алина уже привыкла к этой его манере.

— Чуешь что-то? — спросил Тротт. Ему тоже было тяжело. — Я уже ничего не различаю кроме гари.

— Там вода, — сказал дракон, указывая за стену огня. Папоротники полыхали так яростно, будто пропитаны были маслом, а кроны казались факелами — так высоко поднимался огонь. — Много воды. Летите.

— Сколько расстояние?

— Шагов пятьдесят.

— Не протянет. Рухнем оба. Слишком высоко подниматься, чтобы потоками не швырнуло вниз.

Алина слушала этот разговор отстраненно, сосредоточившись на том, чтобы не потерять сознание. Впрочем, все были на пределе.

Чет еще раз огляделся.

— Тогда тление. Сможете еще раз?

Инляндец покачал головой. Взглянул на Алину.

— Попытаюсь.

— Все хорошо, лорд Макс, — заверила она и закашлялась. И кашляла так долго, что казалось, что у нее сейчас из горла кровь пойдет.

Когда Тротт вновь шептал слова молитвы, ей казалось, что тело сейчас превратится в камень. Но когда Алина открыла глаза — веки едва поднялись — проход оказался совсем небольшим. Три-четыре метра, окруженные дымом, колоннами горящих папоротников и пылающей травой.

Зато когда они сделали несколько глотков воздуха и подошли ближе, они увидели воду. Метрах в десяти впереди, чуть ниже по склону. Речка была небольшой, неглубокой, но даже на ее ближайшем берегу сохранились зеленые, нетронутые огнем папоротники, — из тех, чьи корни стояли в воде. Их ветви дымили, как очень сырое дерево, но держались.

Но к ним было не пройти.

Все молчали.

— Нужно лететь, — наконец, измученно проговорил лорд Тротт. — Алина, дайте мне руку. Если сумеем перелететь, постараемся залить водой проход для Четери.

Она потерла лицо рукой.

— У меня нет сил лететь, лорд Макс.

Голос был скрипучий, надрывный.

— Нужно, — жестко отрезал он, как всегда, когда ему приходилось заставлять ее преодолевать усталость и боль.

— Зато я могу попробовать пройти сквозь огонь, — добавила она совсем тихо. — Если срубить вон то дерево, смотрите, то получится сделать проход для вас. Дайте мне клинок.

— Вы когда-нибудь уже ходили через пламя? — сквозь зубы спросил Тротт и она неохотно покачала головой. — Тогда что заставляет вас полагать, что это получится, тем более в другом мире?

Алина в отчаянии посмотрела на Четери.

— Я бы в жизни не пустил женщину рисковать, но в этом есть смысл, Макс, — признал дракон серьезно. — В ее крови всяко больше огня, чем у нас с тобой. Нужно пробовать, — и он повернулся к Алине. — Могу предложить тебе свой клинок, малышка. Я уже одалживал его твоей старшей сестре. Глядишь, это станет традицией.

Она улыбнулась с благодарностью и снова посмотрела в глаза Тротту. Вокруг полыхал огонь, но ей было важно, чтобы он понял.

— Я должна хотя бы попробовать, — прохрипела она упрямо. — Вы бы так и поступили, да? Поэтому дайте мне свой клинок!

Он тоже потер лицо ладонью. Но достал из воздуха одну из Дезеид, протянул ей.

— Не спешите, — попросил он. — Если почувствуете, что огонь обжигает — возвращайтесь.

Алина взяла призрачный клинок, весом как настоящий — на удивление, он не исчез в ее ладони. Потрясла головой, приходя в себя, и шатаясь побрела к пылающим стволам. Коснулась рукой пламени — и ей показалось, что тонкий слой воздуха вокруг ее кожи вспыхнул белым, как будто здесь, в отсутствии красного первоотца ее аура была совсем тоненькой и маленькой.

— Моя кровь — это тоже огонь, — прошептала она алым языкам. — Ты в моей крови.

Огонь окутал ее... и пропустил сквозь себя, не тронув. Но жарко было так, будто она шла меж плавильных печей. Озноб стал проходить, внутри то ли от движения, то ли от работы кровной магии стало чуть теплее.

Принцесса, кашляя, шагала мимо пылающих стволов вниз к реке. Рядом раздался треск и окрик Тротта — Алина в ужасе прыгнула в сторону — то, поднимая снопы искр, рухнуло огромное дерево, перегородив путь. Принцесса, отдышавшись, обошла его.

Земля становилась все влажнее, здесь уже сохранилась трава и ягодник. Но кроны сверху пылали, дождем сыпались горящие ошметки листьев, и принцесса все боялась, что сгорят волосы, одежда, что родовой защиты не хватит.

Всего хватило. Она вышла к речке, почти закрытой нависающими папоротниками, наполовину заросшей их корнями, оглянулась в задымленную горящую чашу, оценивая расстояние до спутников, и, подойдя к длинному дереву, которое склонялось не к речке, а от нее, примерилась и нанесла первый удар.

Дезеида разрезала его как масло, остановившись где-то посередине ствола, и Алина, закусив губу и сдерживая тошноту, принялась рубить, раз за разом вырезая щель все глубже и дальше. Глаза слезились так, что она периодически переставала видеть, руки были слабые, ватные. И больше всего она боялась, что потеряет сознание и все будет зря.

Наконец, удалось прорубить ствол насквозь. Принцесса встала в воду с обратной стороны, начала толкать — раз, два, — и дерево, покачнувшись, рухнуло, сбив горящие деревья и зависнув метрах в четырех над землей недалеко от того места, где были Четери и Тротт. Алина от толчка плюхнулась в воду, больно ударившись о скользкий корень, и забарахталась, пытаясь подняться и стараясь не упустить Дезеиду. Сил не осталось вообще.

Тротт, спрыгнув с полого среза папоротника, поднял ее, забрал клинок. Удерживая на ногах, взгляделся в лицо. Сам он был чумазым, красноглазым.

— Вы не устаете меня поражать, — прохрипел он.

— И меня, — отозвался Четери, который рядом шумно пил воду. — Ты спасла и меня, дитя Красного.

— Ты бы и сам спасся, Четери, — убежденно прошептала Алина, прижимаясь плечом к груди Тротта. Ее вело в сторону, сильно кружилась голова.

Дракон покачал головой.

— Возможно. Но я не бог. У каждого из нас есть уязвимость. Мое тело закалено, но против сил природы оно — ничто. А ты истинная дочь Красного, малышка. Начинаю думать, что зря женщин в вашем роду не учат обращаться с оружием. Как это принято у Желтых, например.

Алина измученно улыбнулась и снова посмотрела на Тротта, который придерживал ее за талию.

— Но это же не все, лорд Макс?

Он, закашлявшись, глянул на пожар, подступивший к речке и где-то уже перебравшийся на другой берег. Вытер большим пальцем что-то с ее щеки — сажу или слезы.

— Далеко не все, Алина. Попейте. И нужно идти.

Они ушли далеко в нетронутый огнем лес, огибая пожар, и издалека видели, как кружат там рядом раньяры, как ищут их. Беглецы, кашляя и едва волоча ноги от того, что надыхались гарью, шли целый день и часть ночи, потому что ветер мог перемениться в любую секунду и огонь мог снова пойти на них.

Но они все еще были живы.

Часть 1. Глава 6.1

Те, кто двигался к своей цели сотни тысяч лет, вряд ли могли помнить, что такое нетерпение. Но сейчас, когда до открытия последних врат оставались считанные дни, чудовищные боги Лортаха вспомнили, что это такое. Ныне сплетение богов, темный шар под холмом, состоящий из мрака и голода, дрожал от беспокойства, да так, что в Лакшии, столице империи, постоянно слышался нутряной гул и рев.

Сколько их было, этих новых миров, ставших для них кормовой базой? Переход из одного в другой давно воспринимался буднично, как шаг между двумя накрытыми столами. Но не в этот раз — ибо бесконечный путь завоевателей, тысячи истощенных планет, миллиарды кровных жертв и напряженная работа непостижимых разумов наконец-то принесли свои плоды.

— Скоро наш путь будет завершен, — говорили они друг другу, сплетаясь в попытке ни упустить ни крохи силы, текущей к ним от Лортаха.

Новый мир должен был стать не просто очередным перевалочным пунктом, на котором они нарастят свою мощь и пойдут дальше. О, нет. Теперь они станут полноценными элементами мира, сольются с ним, не разрушая, а развивая его и развиваясь сами в вечном круговороте энергий. Не зря же все эти тысячелетия шла работа древних разумов — даже в дреме они обдумывали варианты, просчитывали решения, ставили эксперименты... Невидши, сплав человека и инсектоида, стали последними их творениями — и принесли озарение.

Можно не высасывать силы у врагов. Можно победить их, но не разрушить, оставив суть для подпитки, а в последний миг слиться с побежденным, впитать его в себя, переплестись энергиями так, что не разделишь — и тогда мир будет воспринимать новых богов частью себя, а они станут связаны с миром, станут его первоэлементами.

— Не попробовать ли слияние с местными богами, заключенными под вулканами? — спрашивали они друг друга.

— Но планета слишком истощена, слияние убьет и ее и нас, — отвечали они сами себе.

— Нам нужна новая земля и новые боги.

Подавить чужой разум будет нетрудно — ибо они старше и опытнее — и пусть какие-то черты характера, образ мыслей или чувства от побежденных перейдет победителям, неизбежно изменив их. Это преодолимо. А получив во владение планету, на которой не нужно защищаться от чужих эманаций, можно снова вернуться к тем, какими они были когда-то.

Да, их четверо, а стихий в новом мире — шестеро, если считать бога-чужака, который каким-то образом оказался на Лортахе. И никто из захватчиков не согласился бы, чтобы другой впитал в себя сразу две стихии, став сильнее. Но и уничтожать богов Туры окончательно было нельзя — иначе планета разрушится.

Однако были уже планеты, часть богов которых после уничтожения основного пантеона перешли на служение новым хозяевам. Когда произойдет слияние, двум оставшимся стихиям ничего не останется, кроме как принять новые порядки. Если они захотят жить.

Для богов-захватчиков человеческая жизнь была одним мигмом, а тысячелетие могло пройти в дреме, подпитываемой чужой кровью и болью. Но теперь, решив извечную свою задачу, они напряженно и ежесекундно всматривались в равнину у трех вулканов и леса

вокруг нее. Не сработала ли сфера из эновера, открывая желанные врата? Не мелькнул ли где бог-чужак, который никак не должен был прийти сюда из своей долины, но почти дошел — и Нерва не смог уничтожить его.

От жрецов, служащих проводниками между тидохарами и богами, стало известно, что в лесу у равнины с вратами видели беловолосую девку в сопровождении двух защитников, что беглецы раскрылись, убив мелькодеру, и теперь за ними идет погоня. И пусть это случилось далеко от порталов, но беловолосую девку не смогли пока остановить ни люди, ни созданные богами твари.

Смерть Итхир-Каса не так взволновала богов, как это известие. Пусть император верно служил им, но таких, верно служащих, за это время были миллионы. Люди сами разберутся, кто должен кланяться богам и приносить жертвы. А с божественным должны разбираться боги.

Бог-Нерва не видел бога-чужака, когда гнался за ним, но ощущал, что тот сжал свою суть до крошечного сосуда, которым мог быть только человек. Когда-то и боги-захватчики так могли, пока их суть не стала настолько омерзительна и мощна, что ее не могло вынести слабое человеческое тело.

— Чужак не может идти никуда кроме порталов, — говорили они в вечном мыслеобмене.

— Там его спасение. После его выхода врата закроются, — подтверждали они друг другу.

— Но старая жрица сказала, что врата может закрыть беловолосая девка.

— Теперь ясно, как, — дрожал шар из тьмы.

— Все нам ясно. Все.

— Именно в тело девки вселился бог-чужак, — этот вывод был ясен и логичен.

— Именно его проход через врата может закрыть их.

Они выжидали, ибо никак не могли найти решение задачи: если убить чужака здесь, то на Туре не останется шестой стихии и планета будет обречена. А если не убивать, то велик риск, что чужак дойдет до уже открытого портала раньше, чем откроются последние врата, которые и позволят богам-захватчикам выйти на Туру.

Но решение нашлось.

Боги знали, что сила бога-чужака была родственна силе Владыки Смерти Девира. И они знали, что на Туре оставалась некая частица бога-чужака, часть его сути, — это ощущали тени, когда пробрались в новый мир на разведку, это понималось логически: не будь этой частицы, планета бы разрушилась за время пребывания чужака на Лортахе. Если вживить эту суть в суть Девира, велика вероятность, что она прорастет и сольется с ним, и тогда чужак будет не нужен.

Между риском закрытия порталов и риском несожительства двух сутей они, как истинные исследователи, выбрали второе.

И участь чужака была решена.

Жрецы донесли весть, что беловолосую девку со спутниками окружили огнем и лес горит уж второй день, но тел беглецов пока не обнаружено. Пока боги принимали решение, над пожаром кружились тени — при разрушении человеческого тела бог-чужак должен был проявить себя. Но он не проявлял. И темный шар под холмом, состоящий из мрака и голода, дрожал от нетерпения.

— Нам нужны силы на бой в новом мире, — говорили они друг другу.

— Мы не можем тратить их сейчас...

— Но мы не можем рисковать и допустить его к порталам, не можем...

— Нужно выжечь там все, — соглашались они.

— Пришел черед колокола Девира. Пусть Демир заставит бога проявиться, чтобы он мог его убить...

— Пусть Демир возьмет у этой земли столько сил, сколько сможет... Ей все равно осталось недолго.

Ночью, чтобы избежать жгущего света солнца, бог-богомол-Демир переместился к трем вулканам, вонзил длинные передние лапы-лезвия в тело скованной путами Хиды и стал пить ее силы. Он пил долго — всю ночь и часть дня, а богиня тяжело и яростно ворочалась, билась и стонала, но была бессильна. И вместе с ней стонал Лортах. Она слабела, и вместе с ней слабел Лортах.

Огромный материк Ларта со всех сторон пошел огромными трещинами, в которые хлынуло море. Начали извергаться все вулканы, образуя огромные лавовые озера. Местами берега проседали на несколько метров, местами поднимались горами. Люди метались, люди молились — но что было захватчикам, столько лет пившим их кровь, до их молитв? Рыбаки, живущие на побережьях, не успевали уйти — бывало и так, что одна соседняя рыбацкая деревенька наутро оказывалась на вершине горы, вторая оставалась на месте, а третья проседала в море. Океан, отхлынув, вернулся неумолимой волной, которая ушла далеко вглубь материка, образовав новые мелководные моря.

Полночи и полдня тряслись и горы, в которых находилась долина Источника, в которых были убежища дар-тени, но защита Черного держалась, не позволяя обрушиться сводам пещер.

Дар-тени, в страхе выйдя из пещер, когда все закончилось, обнаружили, что внизу, в нескольких десятках метров по склонам гор, там, где раньше были долины, теперь плещется море, а горы превратились в острова и архипелаги.

Не пожалели боги и Лакшию, город, который давал им силы и поклонялся им. Море затопило столицу, сорвав дома с цепей, поднявшись на несколько метров — и едва не укрыв холм, где стояли императорский дворец и храм. Только они и остались целы.

2 мая по времени Туры, Нижний мир

Алина

Принцесса проснулась оттого, что земля под ней заходила ходуном. Было темно, очень болела голова. Она, испугавшись до паники, покатила в сторону, уткнулась в кого-то, пахнущего гарью, вцепилась в него, и ее придержали рукой, крылом. Тротт.

— Наружу! — прокричал он, подпихивая ее к проему меж корней, но Алина едва слышала — потому что пространство заполнял шум, похожий на шум тяжело груженного поезда, несущегося по рельсам. Она, сонная, дезориентированная, надрывно кашляя, кое-как на четвереньках выбралась из убежища, цепляясь за корни папоротника, в яме под которым путники ночевали: мотало страшно, и она ухитрилась отбить себе бок и ушибить колено, и никак не могла встать на ноги. Тротт оказался быстрее, протянул ей руку, помог подняться, но от толчка они оба свалились на землю. Лорд Макс ухватился за корень, оперся на него, и, подтянув к себе Алину спиной, обхватил ее рукой и ногами, прижимаясь к стволу. Тротт тоже кашлял, но куда меньше, чем пятая Рудлог.

— Землетрясение! — крикнул Четери сипло. Он стоял шагах в пяти от убежища, чуть согнув ноги, как моряк во время шторма, и поворачивал голову туда-сюда, словно

прислушиваясь. Было жутко — на тонких облаках виднелся отблеск недалекого пожара, по фиолетовому небу неслись две лорташские луны — выкинутые с родной планеты боги, — освещая лес, который раскачивался как от сильного ветра. Большой папоротник, под которым ночевали беглецы, скрипел и ронял огромные листья. Почва то успокаивалась — и тогда становилось слышно, как орут птицы и верещат ящеры, — то начинала трястись, подбрасывая людей как взбесившийся жеребец. Шум нарастал волнами, перемежаемый гулким треском — будто где-то далеко лопалась земля. Деревья раскачивались как от сильного ветра.

Алина заморгала — далеко над деревьями, в стороне от зарева пожара, небо окрашивалось в алый цвет. Такие пятна она видела ночами над местными вулканами.

— Что это? — спросила она скрипуче и громко. Мысли все еще ворочались тошнотворно медленно, глаза были словно засыпаны песком. — Вулканы Хиды начали извергаться?

— Похоже на то, — крикнул ей в ухо лорд Макс.

Заскрипело, затрещало душераздирающе — неподалеку рухнул большой папоротник. И от этого звука у Алины голова взорвалась такой болью, что померкло все вокруг. Она согнулась в приступе кашля, и стало еще больнее. В глазах поплыло.

Сказывалось отравление дымом.

Что-то ревели — то ли ветер, то ли кровь в ушах, — земля продолжала трястись, Тротт крепко удерживал Алину за талию, а принцесса зажала руками виски и закрыла глаза, старательно мыча, чтобы усилить целительские способности. Ей казалось, что еще немного — и она просто умрет от боли, а нужный холодок никак не откликался.

На лоб легла мужская ладонь, и принцесса откинула голову назад, на плечо Тротта. Трясло невероятно, но он держал крепко, упираясь в корни крыльями, прижимал ее голову к себе. От руки его лилась прохлада и спокойствие. Становилось так хорошо, что на глазах выступили слезы, и она проморгалась. Зрение вернулось — но лучше бы она была в счастливом неведении, потому что на ее глазах землю метрах в двадцати от убежища прошила трещина, раздвигая почву, образуя овраг. Деревья рушились туда вместе с корнями.

Заскрипел, стал крениться большой папоротник справа. Четери прыгнул ближе к Алине с лордом Максом, склонился к ним.

— Самое безопасное — вернуться под папоротник и переждать там, — крикнул он. — Иначе придавит деревом.

— А если под нами тоже образуется такой овраг? — нервно спросила принцесса, кивнув на расширяющуюся трещину. Говорить стало легче, кашель ушел.

— Здесь уже не образуется, — ответил ей на ухо Тротт. — Смещение слоев уже прошло по этой трещине, по разрыву будет идти и дальше. Ползите вниз, Алина. И ложитесь на землю, чтобы от толчка не расшибло голову о корни.

Они расположились втроем там, где сплетение корней было наиболее плотным, прижались друг к другу, вцепились руками в корни. Земля продолжала ворочаться. Вокруг слышался треск и грохот, ломались деревья, корни укрывшего их папоротника скрипели и натягивались, и Алине, вцепившейся в руку Тротта, было страшно — что сейчас рухнет и их убежище.

Четери, одной рукой сжимающий выступ корня, а другой прижимающий Алину к земле, лежал с закрытыми глазами. И, похоже, спал. Принцессу это так изумило, что она едва удержалась от желания тронуть его за нос, чтобы убедиться.

— Он спит, — неверяще сообщила она Тротту.

— Правильно делает, — глаза лорда Макса светились в темноте ядовито-зеленым. Он кашлянул. — Вам тоже не мешало бы. Сейчас от нас ничего не зависит. Землетрясение рано или поздно кончится, и если мы выживем, нам нужно будет идти дальше.

— Да как тут можно заснуть? — возмутилась Алина, но Тротт уже сомкнул веки.

Тряска по всем природным правилам должна была уже закончиться — но почва продолжала содрогаться лишь чуть слабее, чем раньше. Принцессе начало казаться, будто она лежит на гигантском вибрирующем барабане, но она вдруг зевнула, зажмурилась... и ощутила, как мягко уплывает в сон.

Ночью она еще раз проснулась под оглушительный грохот. Снаружи выл ветер, земля тряслась слабее, но все равно ощутимо.

— Спи, — сказал ей на ухо Тротт. — Скорее всего, наш папоротник сломался.

— Точно сломался, — подтвердил из-за спины голос Четери. Дракон перевернулся на другой бок, спиной к Алине, поджал ноги, звучно зевнул и снова затих.

Принцесса сильнее вцепилась в руку Тротта.

— Мы все ненормальные, лорд Макс, да? — громко зашептала она. — Это же ненормально, что мы так спим сейчас?

— Все полезное нормально, — сказал он, поворачиваясь к ней лицом и накрывая крылом — земля затряслась сильнее, снова затихла. — Психика отключает все лишнее, Алина. Чтобы мы по-настоящему не свихнулись. Потом пойдет компенсация, конечно, но это потом, когда опасность будет позади.

Она помотала головой и глубоко вдохнула.

— Иногда мне кажется, что это какой-то затянувшийся кошмар, — проговорила она едва слышно. — Когда я думаю, что ничего страшнее произойти уже не может, случается что-то, что и вообразить было сложно. Только от кошмара можно проснуться...

— А сейчас можно заснуть, — проворчал Тротт и сунул ей ладонь под крыло, погладил пальцами пух.

— Но иногда в кошмаре бывают и приятные моменты, — прошептала она, млея. Потянулась ближе, едва от тряски не ткнув носом ему в глаз, поцеловала куда-то в щеку. Он усмехнулся, ничего не ответив, и закрыл глаза. И Алина закрыла тоже.

Макс Тротт

Макс проснулся от кашля тогда, когда сквозь корни уже пробивался солнечный свет. Почва продолжала содрогаться, но землетрясение выдохлось, и толчки ощущались вдесятеро слабее тех, что были ночью.

Четери под папоротником не было. Принцесса лежала на боку, на своей сумке, и держалась за руку Тротта — чумазая, бледная, с синяками под глазами, потрескавшимися губами и торчащими волосами. Сейчас она откроет глаза и посмотрит на него уставшим взглядом.

И тень этой усталости, если она выживет, сохранится в ней до конца жизни. Макс последние семнадцать лет видел ее в отражении в зеркале. Потому что есть кошмары, которые навсегда остаются с тобой.

Но с ними можно жить. Главное — жить.

Он, оставив принцессу спать, выбрался наружу, туда, где Четери жарил на маленьком костерке невезучего ящера. Дракон кивнул, кашлянул пару раз, но не сильно — кровь Инлия позволила ему перенести отравление дымом легче всех.

— Я уже размялся, — ответил Мастер на молчаливый вопрос, — а у тебя есть еще время.

Макс потер глаза руками, сделал несколько глотков воды и потянулся за Дезеидами.

Часть 1. Глава 6.2

Упражнения он выполнял отстраненно, перепрыгивая через поваленные стволы, иногда ловя на себе внимательный взгляд Четери.

Гул стоял отдаленный, почти незаметный. Земля дрожала, со стороны вчерашнего пожарища дым застилал небо. Трещина, образовавшаяся ночью, еще расширилась и зияла теперь метрах в десяти от них. На огромном стволе сломанного папоротника, корни которого служили им убежищем, висела закопченная рубашка дракона. На ней из-за грязи и сажи едва читалась сделанная Алиной надпись «Идти осталось не менее четырех дней» и зачеркнутыми предыдущими цифрами. Последняя запись была сделана два дня назад, тридцатого апреля по времени Туры, но кто мог теперь предсказать, сколько им осталось — теперь, когда они так далеко ушли от реки и так долго убегали от пожара? Два дня? Три? Пять?

Тротт слышал вчера, когда они убегали от огня, как Алина бормотала послание Ситникову, и надеялся, что тот ее услышал и Алекс не пойдет на прорыв тогда, когда они будут еще слишком далеко.

Словно услышав его мысли, принцесса высунула из-под корней лохматую голову, выбралась, волоча за собой сумку. Направилась куда-то в заросли.

Вернувшись, села у костра, наблюдая за Максом, и задумчиво заметила:

— Пожар почти не приблизился.

Дракон кивнул на образовавшийся ночью овраг.

— Вряд ли это единственная трещина. Похоже, они и перегородили путь огню.

— И раньяров не слышно, — продолжала Алина, не отводя взгляда от Тротта.

— И не видно, — подтвердил Четери. — С самого утра ни одного.

Тротт слушал, но в разговор не вступал, выполняя наклоны и перекаты.

— Может, они решили, что мы погибли? — с надеждой проговорила принцесса. — Вряд ли они боятся землетрясения.

— Будем на это надеяться, — Чет снял с огня ящера, разломил его на три части, завернул в листья и передал одну Алине. — Но действовать будем так, будто нас по-прежнему ищут.

— Разве может землетрясение длиться так долго? — спросила принцесса у Тротта, когда они уже поели и снова выступили в путь. Идти приходилось медленно из-за поваленных деревьев и дрожащей земли. — Так бывает только рядом с извергающимся вулканом, но мы уже очень далеко от них. Такое на Лортахе раньше бывало?

— На моей памяти — нет, — покачал головой Макс.

— Не нравится мне это, — тоскливо вздохнула принцесса. — Как бы еще какой гадости не случилось.

Макс мог бы ответить, что она обязательно случится. Но не стал. Это и так было очевидно.

Он привычно заглянул в себя, в сердце, где постоянно ощущал легкий холодок, тень присутствия Черного. Но Жрец молчал, и это и тревожило, и внушало надежду, что ничего страшного, того, что с чем они не смогут справиться сами, в ближайшее время не предвидится.

Землетрясение закончилось после полудня, и наступившая тишина навевала жуть

больше, чем непрерывная дрожь земли. Ни одного отряда ловчих они не встретили, ни одного раньяра так и не пролетело над их головами. Более того, когда Макс рискнул взлететь над лесом, чтобы оглядеться и сориентироваться, только далеко слева, за рекой, он увидел кружащиеся стаей точки над равниной. Ни над пожарищем, ни впереди их не было.

— Я чую опасность, — сказал Мастер, когда Тротт спустился вниз и рассказал о том, что увидел. — Я чувствую, но не понимаю, где она. Нужно идти и глядеть в оба. Ровно такое же ощущение у меня было, когда мы с отрядом попали под камнепад в ущелье. Словно сейчас захлопнется ловушка.

По пути попало уже несколько новообразованных оврагов. Яркое солнце должно было жарить, но становилось холоднее, и распевшиеся было птицы снова замолкли. Начал усиливаться ветер. Принцесса шла, втягивая голову в плечи.

— Жуть какая-то могильная, — пробормотала она, встретившись взглядом с Троттом. — Будто кто-то замахивается со спины.

На них словно упала холодная тень. Четыре оглянулся, оглянулся и Макс — но там ничего не было.

Сердце застучало как сумасшедшее... и тут из сердца холодом плеснул Жрец, и на фоне неба как негативом проявилась белая фигура бога-богомолы, окруженная черным сиянием. Девир, Владыка Смерти. Он был огромен, выше дыма, поднимающегося от пожара, и казалось, заслонял собой все небо. Фасеточные глаза гиганта, в котором человекообразного была только нижняя часть морды и торс с двумя руками, оглядывали лес. А в руке он сжимал огромный колокол, сделанный из черепа неведомого великана.

— Ох ты ж Матушка-Богиня, — пораженно выдохнул Мастер, задирая голову. Бог-богомол становился плотнее, и теперь его видели все. Алина мелко дышала, вцепившись в сумку. Взгляд гиганта упал туда, где стояли Тротт с Алиной и Четыре — и на них пахло тленом и гнилью, папоротники стали увядать на глазах. Макс ощущал, как усилилась вокруг защита Черного.

«Бежать, птенец! — каркнул изнутри Жрец. — Он пока не видит нас! Чем дальше мы от него, тем дольше моя защита продержится под его ударом!»

— Бежать! — крикнул Тротт, и троица сорвалась с места, уходя дальше от бога, поднимающего колокол.

Они мчались вперед, перепрыгивая через деревья, огибая стволы — но что такое выигранный километр-другой перед богом, который выше гор? Они оглядывались и видели, как раскручивает Девир перед собой колокол, который наливается алым и золотым — пока движения не превращают его в сияющую ленту, а затем выплескивают из него пламя, которое гигантской дугой с ревом льется вниз, на лес, и несется вслед за беглецами.

Впереди был овраг, но до него нужно было еще добежать. Сзади уже палило жаром, когда они рухнули в трещину, покатались по стенкам вниз, а вслед за ними текло пламя, оплавляя породу... окружая и сдавливая защиту Черного.

«Не выдержит! — плескал холод внутри Макса. — А проявлю себя — ударит прямо по нам, и точно не выживем!»

— Не выдержит? — с ужасом кричала Алина.

Сверху ревел огненный ураган, сжимая защиту до крошечного пузыря, прижимал ее к земле — уже ниже человеческого роста опустилась она, вполроста.

— Если осталась в тебе хоть капля силы, — услышал Тротт шепот Чета, — прошу, помоги!

Дракон, лежа на спине и глядя на опускающийся огненный потолок, стягивал с руки фису, перчатку Веты-океана. Бросил ее рядом — и та растеклась небольшим озерцом.

— Лучше захлебнуться, чем сгореть! — крикнул Мастер перед тем, как нырнуть в озеро. За ним, изворачиваясь, поползла Алина, и следом рухнул в воду Тротт.

Над головами пылало белым и золотым. Вода оказалась прохладной и глубокой, Тротт поплыл вниз, туда, где виднелась Алина и Четери.

На сколько у них хватит дыхания? На минуту? Полторы?

Над головой вдруг мелькнула темная тень — потоки огня словно расступились, и беглецы отчетливо снизу увидели, как перешагивает через овраг бог-богомол, как идет дальше, не обращая на них внимания. Овраг для него, должно быть, был одной из многих крошечных трещин в земле.

Защита Черного сжималась так стремительно, что еще пара минут — и лопнет. Но они в любом случае захлебнутся раньше.

Принцесса начала судорожно дергаться через секунд пятьдесят — и Тротт, схватив ее, прижался к губам губами, выдыхая остающийся воздух. У него самого уже сдавливало в груди — но она должна была дышать дольше, чем мог бы делать это он. Алина держалась за него, глаза были огромными, паническими. Еще секунд десять он ей отдал. Или пятнадцать.

Огненное сияние над головами начало тускнеть.

Четери хлопнул в воде его по плечу, показал на свою флягу, которую поднес к губам, протянул ему. Алина принялась судорожно отдирать от пояса свою, открыла, вдохнула воздух, который оставался там — но сколько его было? Макс тоже открыл свою, тоже поймал губами несколько пузырей... но Четери насильно втиснул ему в зубы свою флягу, в рот хлынула вода... и Макс невольно сглотнул, закашлялся...

... и тут же рванула в стороны сила Жреца, приподняв купол защиты над озером. Они втроем вынырнули под образовавшийся пузырь, жадно хватая ртами неожиданно прохладный воздух, который над куполом уже не горел, а тек горячими потоками в лучах солнца. Стены оврага оплывали расплавленной породой. А под ноги ткнулось вдруг поднявшееся дно, и получилось встать, а затем и сесть в обмелевшем озерце под куполом Жреца.

— Я подумал, — сказал Четери, тяжело дыша, — что вода из колодца моей Матери может и не пригодиться, если мы сейчас тут падем.

— Это ты правильно подумал, — тоже пытаюсь отдышаться, ответил Макс. Принцесса молчала, держась за его плечо. — Но там хоть что-нибудь осталось?

Четери потряс флягой.

— На самом дне. Хватит напоить тебя перед последним броском.

— Сначала надо выбраться отсюда, — прохрипел Тротт, оглядывая стены оврага. — Там же наверху сейчас раскаленная пустыня. Даже если сможем пролететь или пройти, мы будем как на ладони. Разве что попробовать двигаться вдоль трещины — может, она выходит к реке? Но все равно нужно ждать, пока остынет дно.

— Великий Ворон, ты нам не поможешь? — почтительно поинтересовался Четери.

В сердце Тротта колыхнулся холод.

— Я слабею с каждым часом, — проговорили его губы. — Сила жены моей, Воды, подкрепила меня, но здесь вокруг не осталось ничего живого, чтобы я мог впитать виту и перенести нас. А пить ее дар до конца нельзя. Если против нас встанет кто-то из богов перед порталом, я не смогу без него отбиться.

— Тогда нужно ждать ночи и пытаться за ночь пройти до леса, если таковой где-то еще остался, — проговорил Четери.

— Остается только это, — согласился Тротт.

Это были очень долгие часы. Солнце двигалось по небосклону невозможно медленно, а беглецы вели неспешные разговоры, ели то, что не размокло и было съедобным, дремали, привалившись друг к другу, разминались прямо в воде. Чет, не стесняясь, устроил многочасовую тренировку у края озерца, и периодами к нему присоединялся Тротт. Принцесса тоже поднималась, бродила кругами по воде — и вытребовала у Макса бой на ножах. А затем попросила научить ее ножи метать.

Получалось у нее плохо, но это для первого раза было нормально.

Метали изнутри в защиту Черного, но Жрец не обижался. Он снова молчал.

После тренировки Макс опустил в воду, скрестив ноги и оперевшись на руки. Принцесса, понаблюдав за неутомимым Четом, который прыгал и крутился с клинками, поднимая тучи брызг, села спиной к спине Тротта, прислонилась к нему. Макс тоже повернул голову к Чету.

Надписи на рубашке дракона стали почти неразличимы, и Тротт мысленно посчитал даты.

— У вас же сегодня день рождения, — пробормотал он.

Алина хмыкнула.

— Я и забыла, — призналась она.

— Немудрено.

— Семнадцать лет. А как будто семьдесят. Столько всего случилось. Вы себя вообще на сотню ощущаете, наверное? — она невесело засмеялась.

— Если не на две, — согласился Тротт и покрутил шей, ощущая, как прижимается к нему мокрый затылок принцессы.

— Насколько же вы старше... я для вас по-прежнему маленькая? — требовательно спросила она.

Он усмехнулся.

— Не взрослая точно. Но и не ребенок. Вы очень изменились, Алина.

— Это так.

— Жаль, что мне нечего вам подарить.

Она засмеялась, нежно, недоверчиво.

— Вам хочется меня порадовать?

— Безусловно, ваше высочество.

Алина нащупала в воде его руку, сжала.

— Вы уже подарили, — ответила она после паузы. — Три глотка воздуха там, под водой. Умения. Жизнь мне — много раз. А на самом деле... Все это... все эти даты кажутся такими неважными сейчас. Все эти подарки, поздравления — это такая ерунда. Главное — что мы еще живы, да? Главное — что живы.

Четери двигался, не обращая на них внимания, ухитряясь на пяточке в пару метров выделывать такие пируэты, что Макс только головой качал от восхищения.

— На самом деле я знаю, что вам подарить, — сказал он наконец. — «Вита мирабис». Запомнили?

— «Жизнь удивительна» на древнесеренитском? — удивленно перевела Алина.

— Да, — он улыбнулся. — Это ключ к щитам на моем доме. К моей лаборатории. К

сейфу с артефактами и старыми заговоренными драгоценностями. И к хранилищу с моими идеями, к которым я даже не приступал.

Рука ее судорожно сжалась.

— Я все равно ваша жена, — сказала она сдавленно. — Я это и так унаследую.

— Но не откроете без ключа, — он повернул к ней голову. — Я, видите ли, не предполагал, что женюсь, когда ставил защиту.

Алина снова помолчала.

— Просто останьтесь живы, — попросила она в который раз. — Останьтесь со мной.

Он мог бы сказать, что ему тоже страшно. Что никто не хочет умирать. Но ведь есть что-то большее, чем страх. А произнес другое:

— Я буду с вами до конца моей жизни, Алина.

Наступили сумерки, затем опустилась темнота. Порода продолжала кое-где светиться раскаленно-красным. В щели оврага мелькнула первая луна Лортаха... затем показалась вторая... и вдруг озерцо пришло в движение.

Алина взвизгнула, Тротт выругался.

Четери захохотал и раскинул руки в воде, как чайка в полете.

Вода, подхватив путников, волной понеслась по дну оврага, перепрыгивая через раскаленные камни. Овраг все расширялся, а волна все катилась и катилась, упруго удерживая беглецов над собой, как в гигантских бережных руках. Стенки оврага постепенно становились все менее оплавленными, сверху стали попадаться несгоревшие стволы. Волна докатилась до обрыва — блеснула внизу разлившаяся река — и водопадом излилась вниз.

Макс вынырнул среди валунов, искал взглядом Алину. Наткнулся на Чета, который удерживался на плаву. На руке его вновь была надета фиса. Перчатка стала почти в половину меньше — но блестела серебром и лазурью, а на костяшках по-прежнему проступали шипы при сгибании.

Принцесса держалась за камень, не издавая ни звука. Кажется, у нее был шок.

— Нам нужно добраться до леса до рассвета, — хрипло сказал ей Макс. — Нужно двигаться, Алина. Утром мы будем здесь видны каждому раньяру.

Она мотала головой и молчала. Затем плеснула в мокрое лицо воды, посмотрела на свою руку — и вдруг засмеялась дико, закашливаясь.

Он подплыл ближе, обнял ее — и она несколько минут без слез выла ему в плечо, выплескивая пережитый ужас. Чет за его спиной уже плыл к берегу.

— Нужно идти, моя сильная девочка, — шепнул Макс ей в макушку.

— Я знаю, — ответила она сдавленно. — Нужно идти.

Над ними уносилась вдаль вторая луна Лортаха, и на миг она блеснула тем же серебром и лазурью, которыми переливалась фиса Мастера.

Ночь с 3 на 4 мая, Дармоншир, Марина

У меня появился секрет.

И это были не растяжки на заметно увеличившемся животе, которые я периодами рассматривала с недоумением и раздражением: мое тело менялось и не все я хотела принимать. И не то, что с пальцев моих иногда при волнении начинали сыпаться искры — я спрашивала у Василины, она — у Ясницы, но у нее такого не случалось, да и на его памяти не было. У мамы я тоже не припоминала, поэтому мы дружно решили, что это влияние детей-потомков Инлия.

Секрета из искр особого не вышло, потому как посыпались они первый раз ранним утром, когда мы пили чай с леди Лоттой и Ритой, и доктор Кастер позвонил мне с сообщением, что у герцога Таммингтона ночью началась ломка. Меня будить не решились.

— Я иду, — нервно сказала я, вставая, и тряхнула рукой. Как результат — прожженная скатерть, наше всеобщее изумление и деликатный вопрос свекрови:

— Милая, может, тебе успокоительных трав попить?

Нет, мой секрет был таков, что я не желала кому-то его озвучивать.

Шел пятый месяц войны, которая накрывала нас, как одеяло, набитое мокрым песком и пахнущее гарью. Человек привыкает ко всему — и мы привыкли. Люди в замке и герцогстве продолжали жить, радоваться и плакать, сближаться, рожать детей. Потому что жизнь невозможно остановить, пока ты жив.

И я тоже привыкла к войне — после отлета Люка охрана замка вместе с моими гвардейцами еще дважды отбивалась от нежити, которой становилось все больше, один раз недалеко от фортов заметили группу разведчиков на раньярах и мы по воздушной тревоге спустились в подвалы. Но стрекозы улетели и жизнь пошла своим чередом.

По-прежнему шел поток беженцев, и я следила за тем, как их принимают и размещают. Как-то незаметно мэры городов Дармоншира стали обращаться ко мне за решением насущных проблем, и теперь в госпитале я работала только на процедурах, ранним утром и вечером. Вся оставшаяся первая половина дня была занята делами герцогства, после обеда я по настоянию доктора Кастера отдыхала (на самом деле — разбирала в кабинете Люка корреспонденцию) и гуляла вокруг замка в сопровождении двадцатки охраны: ходить было необходимо, но нежить могла появиться в любой момент.

Шел пятый месяц моей беременности, и я уже чувствовала слабую, нежную, как крылом бабочки, щекотку изнутри — я и не сразу обратила внимание, занятая работой в госпитале, и только когда она стала повторяться после выпитого молока с медом или дисциплинированно съеденной моркови, я поняла, что детям надоело все время спать.

Я одновременно была словно отрешена от мира, невероятно спокойна и легка, потому что даже следов токсикоза не осталось и я чувствовала нереальный прилив сил. И в то же время меня штормило от умиления, совершенно несвойственного мне, до страха — какая судьба ждет детей? Что ждет мир и всех нас? В каком мире им предстоит родиться и родятся ли они вообще?

Мне очень не хватало Люка, чтобы он выслушал все мои страхи и сказал: «Я одержу победу и никто не будет больше угрожать ни тебе, ни детям. Я буду с тобой всегда и больше не умру. Ты легко родишь, потому что вокруг тебя миллион специалистов, виталистов,

драконов. Если понадобится, я слетаю на Маль-Серену, похищу царицу Иппоталию и привезу помогать тебе в родах. А теперь просто поплачь».

Но Люка не было — мы лишь изредка получали радиogramмы от него, и я говорила эти слова себе сама, и плакала, и смеялась от своей глупого желания, чтобы кто-то пообещал мне, что все будет хорошо. Потому как я прекрасно понимала, что история может повернуться как угодно, мой муж может проиграть, и тогда завтра в замок снова придут враги, и куда бы я ни сбежала — рано или поздно они могут достать и там.

Но я и все вокруг продолжали делать свою работу. Пусть мы могли проиграть, но если не верить в победу и не вкладывать в нее все, что ты можешь на своем месте, то точно проиграешь.

Я говорила со свекровью, которая после воскрешения Люка твердо была уверена в том, что больше ничего плохого случиться не может, и не хотела ее разубеждать. Мы должны были демонстрировать уверенность, даже если разум говорил, что ничего еще не решено.

Я звонила Кате, которая рассыпала свою крупу на будущее — и раз за разом говорила мне, что там не видно ничего, только хаос и огонь.

— И я не знаю, что это означает, Марина, — поясняла она, — что наш мир будет в хаосе или огне, или что впереди неопределенность?

Я требовала от Леймина сводки с фронта, я жадно ловила новости из Рудлога и других стран: так, я знала, что в Йеллоувине первого мая открылся портал, и в битве погиб император Хань Ши, а битва идет до сих пор, что Мартин в составе сводной блакорийско-рудложско-бермонтской армии наступает на Блакорию, что в Рудлоге враг подбирается к Центру, но ситуация разворачивается не в его пользу и иные городки переходят из рук в руки, а инициация Таммингтона прошла удачно, и мой муж уже вернулся в армию, успев поучаствовать в спасении драконов из рушащегося Драконьего пика (я только-только три дня назад отправляла туда вместе с драконами Вейна, услышавшими Зов Нории, вещи и пропитание).

А еще я заметила, что мой внутренний голос почти замолчал.

«Это потому, что ты наконец-то пришла к миру с самой собой», — тут же отзывался он, и я улыбалась.

Я действительно больше не ощущала себя неправильной сестрой, которую очень любят, но которая постоянно в чем-то виновата. Я была Мариной, герцогиней Дармоншир, медсестрой, сестрой, невесткой, женой, будущей матерью, которая ни от кого не зависела, никому не подчинялась и ни перед кем не должна была держать ответ, кроме своей совести.

Со мной продолжали твориться странные вещи. Иногда я видела в сумерках в зеркалах змеиные тени.

— Почему вы приглядываете за мной? — спрашивала я с любопытством, но они только загадочно шипели и качали хвостами.

Мне не хотелось складывать два и два: вопрос Люка, не желаю ли я становиться королевой, и интерес змей-хранительниц Луциуса, но мысль, уже оформившись, меня не покидала. Поэтому я искренне желала Таммингтону удачи. Большой, всегосударственной удачи.

Иногда, когда я засыпала, мне казалось, что я парю над кроватью, но спалось мне так сладко, что меня ничуть это не пугало.

А еще я продолжала летать во сне. И это и стало моим секретом. Первый раз это случилось, когда я сходила с ума после смерти Люка и мне снилось, что я птицей летала к

нему, обнимала его. Потом оказалось, что это не было сном. И что способность неосознанно оборачиваться птицей осталась со мной.

Люк улетел двенадцать дней назад и ночь после этого я спала тревожно, ворочаясь, просыпаясь, думая о том, что нам предстоит. А на следующую ночь от бессоницы не осталось не следа. Правда, утром я вспомнила свой полет над морем и лесами, вспомнила, как восхитительно ощущение мощи крыльев, бьющих по воздуху, скольжение, как грозно и в то же время совершенно выглядят сверху холмы. Я решила, что мне все приснилось — пока еще через ночь не очнулась в воздухе над фортами в птичьем облике.

С тех пор я летала почти каждую ночь, иногда просыпаясь во время полета, иногда — нет, и тогда мне оставались лишь воспоминания.

Я вспоминала, как с башен замка, стоит мне вылететь из окна, срываются огнедухи и сопровождают меня так далеко, как могут (слава Богам, что они иногда так играли сами по себе и это не вызывало беспокойства охраны), а затем, чтобы не иссякнуть, прячутся ко мне под крылья. Как одна за другой поднимаются огнептицы, привязанные мною же к фортам, и летят поздороваться, а оставшиеся части гарнизонов выбегают во двор, чтобы посмотреть на вереницу играющих огней в небе.

— Течение стихий сейчас меняется, — объяснял на вопросы Леймина наш маг Тиверс, — возможно, с этим связано поведение огнедухов. Чтобы сказать точнее, нужно наблюдать.

Жак морщился, хмурил брови, и я надеялась, что он не прикажет внимательнее просмотреть ночные записи с камер, направленных с леса на замок — иначе внимательный глаз может и заметить птицу, вылетающую из моих окон ночью и возвращающуюся к утру.

Мне было страшно, что я не могу контролировать свои обороты — днем после первого полета я попыталась обернуться, но полиморфия всегда давалась мне куда хуже, чем Полине, и получилось не сразу. Я вспорхнула на столик перед зеркалом, чтобы рассмотреть себя — маленькую соколицу с темно-красным оперением и замешательством во взгляде. А во сне же это происходило так естественно, будто я с рождения существовала в двух обликах.

Мне было страшно, что во время полета я наткнусь на раньяра (хотя ночами они практически не летали) или меня подстрелит кто-то из своих. Вечерами я уговаривала себя никуда не летать, напоминала о долге — но другая, свободная я, раскрывала ночью крылья и вырывалась в окно. И летела к Маль-Серене или за границу с Рудлогом, или к фортам и далеко за форты, глядя на следы войны, заглядывая в окна домиков, где каким-то чудом продолжали жить люди. Я летела по следу дармонширской армии, видела военные машины, орудия, берманские отряды, которые спали прямо на земле, эмиратские корабли в море. Я видела штаб нашей армии и узнала командующего Майлза, который в ночное время бодрствовал. С каждой ночью я залетала все дальше и боялась, что однажды не успею вернуться к утру.

Но я успевала, и утром была полна сил, а дети так активно толкались и щекотали, что понятно было — у них сил тоже достаточно. Мне было страшно, но я вспоминала, кто их отец, и успокаивала себя — возможно, эти полеты были нужны им, а не мне.

— Что со мной происходит? — спрашивала я у теней в зеркалах. — Как мне это контролировать?

— Крассные, — шипели в ответ, — всссегда полны неосссжданосссстей. Летайсссс, разсссс ветерсссс зоветсссс... а для контролясссс змеенышей всегда просссят всспомнить сссвое имясссс... посстарайся всспомнитьсссс в полетесссс.

Разумом я понимала, что не стоит это держать в секрете, ведь случись что со мной — и

меня даже не найдут. Но... меня всегда сопровождали огнедухи, а выносить еще одну волну заботы о моей безопасности я просто не желала.

Вчера нам принесли радиограмму, что Люк с лордом Робертом вернулся в расположение штаба армии. А сегодня, незадолго до обеда, сразу две: от Зеленого крыла Рудлога — что спасательная операция у Драконьего пика завершена, и все драконы Вейна сейчас летят в Истаил, помогать восстанавливать истощенных собратьев, но через несколько дней вернуться в замок. Мы, конечно, привыкли к помощи виталистов-драконов и теперь нам приходилось туговато. Благо раненых было немного — в основном те, кто находился на долечивании.

А вторая новость была из штаба — что скоро раненых снова будет много и нужно привести госпиталь в повышенную готовность. Потому что ночью начались атаки иномирян, и сейчас войска готовятся к новой большой битве.

Весь день мы ходили притихшие, потому что осознавали, что в ближайшие дни решится судьба и Инляндии, и Дармоншира. На меня опять давило эхо того отчаяния, которое я испытывала после смерти Люка, и приходилось делать усилие, чтобы не дрожали руки при установке капельниц и уколов. Брачный браслет, который после возвращения Люка почти не активничал, мягко слал по телу успокоительные мятные волны, но я все равно была далека от спокойствия.

Леди Шарлотта пригласила священника, и к ночи мы все, семья и домочадцы, собрались в часовне Вейна, в той, что я выходила замуж, и отстояли службу, молясь о победе. Я просила Красного и о Люке, и о Берни, и о своих родных, и о мире.

«Отец, если я могу что-то сделать, покажи, укажи, подскажи».

Но в этот раз мой первопродок молчал. Может, был занят. Ну, или не слышал, или не счел возможным отвечать в часовне Инлия Белого.

Но я очень надеялась, что Целитель ему все передал.

Спать я ложилась с беспокойным сердцем и холодными от страха за Люка руками. Дети вертелись в животе, видимо, чувствуя мое состояние. Раньше я бы не стала себя мучить — спустилась бы вниз, в госпиталь, потому что единственным отвлекающим средством для меня всегда была работа. Но сейчас я больше не могла не спать сутками.

Я попросила горячего молока, я попросила успокоительного — и наконец бешеный стук сердца начал замедляться, а дети — успокоились. С ними заснула и я.

«Ссвое имясссс ...Поссстарайся всспомнитьсссс в полетессс...».

Я вздрогнула и очнулась далеко за фортами, над лесом, освещаемым голубоватой луной. Грохотала артиллерия, и я поднялась выше. Под крыльями грелись огнедухи с башен Вейна, а я парила в воздухе, пытаюсь понять, куда и зачем я прилетела. И как мне вернуться обратно. Мне было страшно, но даже испуг казался каким-то далеким, словно мой мозг не до конца проснулся.

Далеко слева в отражающем лунный свет море виднелись силуэты кораблей, то и дело выплывающих огненные вспышки. Артиллерия работала и подо мной, а впереди, в холмах и у городков расцветали пятна пламени.

Я осторожно пролетела чуть дальше — и узнала место, где я в прошлый раз видела Майлза. Штаб сверху казался вымершим — лишь горело несколько костров, да большие штабные машины освещались изнутри, в них виднелись операторы. Несколько военных курили у машин и рядом с палатками.

Люк тоже должен был где-то там — и я спустилась еще, чтобы разглядеть, нет ли его —

но наткнулась на огромный защитный купол, проскользив по нему до самой земли. Разочарованно крикнула, поднявшись выше, стукнулась грудью с одной стороны, с другой, зависла в воздухе...

И тут надо мной мелькнула большая тень.

— Задержите его! — крикнула я, метнувшись вверх, но из клюва вырвался лишь клекот. Однако огнедухов это не смутило — четыре комка сжатого пламени вынырнули из-под моих крыльев, разворачиваясь в ярко-алых сияющих птиц, и рванулись исполнять мой приказ. А я полетела за ними.

4-5 мая, Нестингер, Инляндия

К вечеру четвертого мая командующий Майлз, так и не спавший со вчерашнего дня, после ночных нападений невидши развил ошеломляющую деятельность.

— Мы планировали позиционные бои, — говорил он, обводя указкой скопления дармонширских войск напротив городков графства Нестингер, занятых иномирянами. — Каждая армейская группа должна была отбивать свой участок, проламывать линии вражеской обороны, рассекать иномирян и окружать города.

Люк, который, в отличие от Майлза, успел подремать полтора часа после ночных полетов на места нападения невидши и помощи артиллеристам в вычислении орудий противника, расположился у двери командно-опорного пункта и курил, хмуро разглядывая карту Инляндии. Днем во время полетов по фронту он успел увидеть и перекинуться парой слов с Берни, который ныне занимал позицию командира роты и со своим подразделением окапывался восточнее, ближе к столице графства.

Брат за последние дни похудел и словно еще заматерел, выглядел невеселым. Нападение невидши произошло на соседнюю роту, и Люк осознавал, что вполне мог найти брата разорванным, что ему просто повезло. Понимал это и Берни.

— Ну что, вломим им, братец? — спросил он, когда они молча перекурили, глядя на дальние дымы иномирянских костров, щурясь на ярком майском солнце и вдыхая запах выброшенной из окопов земли и влажного леса. — Сколько им наших людей еще нужно зарезать, чтобы мы их задавили?

— Вломим, — пообещал Люк, приобнимая младшего за плечи. Вокруг переговаривались бойцы, исходила паром полевая кухня, распространяя запах перловой каши с мясом. — Ты только не геройствуй, Берни.

— Все геройство себе хочешь оставить? — беззлобно фыркнул Кембритч-младший, и они невесело похмыкали. Покурили.

— Ты видел майора Лариди? — поинтересовался Берnard.

— Вечером увижу, — отозвался Люк, затягиваясь. — Майлз собирает командиров подразделений. Передать что-то ей?

Берни покачал головой.

— Никакой надежды? — понимающе спросил Дармоншир.

Кембритч-младший кивнул. Помолчал.

— Она сказала, что она — солдат и всегда останется солдатом. Что во мне великие задатки и много храбрости, но я еще малек, который лет через десять превратится в матерую акулу. И рядом мне нужна будет не сильная мать, которую я в ней вижу, а спутница нежная и спокойная для мирной жизни. А она всегда останется мне другом, если я этого пожелаю.

— Жестко. И честно. Что будешь делать? — осведомился Люк.

— Подумаю после войны, — буркнул Берни.

— Тогда надо ее заканчивать побыстрее, — согласился его светлость.

Они похлопали друг друга по спине, обнялись и разошлись — у каждого была своя задача.

Люк снова затаился, слушая Майлза. На душе было мутно и в то же время нетерпеливо: наконец-то стартует последнее столкновение с войсками Ренх-сата. И если дармонширцы не дрогнут, если переиграют умного и умелого врага, то после этого сражения оправиться иномиряне уже не смогут.

А если не переиграют — все, что поставлено на кон, будет потеряно, и Инляндия падет окончательно.

Он вытащил из пачки вторую сигарету, взглянул на карту, которую знал уже наизусть.

Графство Нестингер, которое находилось чуть ближе к Дармонширу, чем к столице, напоминало неправильную трапецию, широкой стороной прилепившуюся к морю, где стояли корабли Эмиратов, а узкой — к небольшой речке Вирной, разделяющей графства. За речкой начинались предлесья Гостловского леса. Столица Нестингера, Норбидж, находилась посередине этой трапеции, в двадцати километрах от моря. Замок, в котором расположился командующий иномирян Ренх-сат, стоял чуть обособленно, на склоне холма, окруженный парком и старым городом. Хотя вряд ли сейчас Ренх-сат оставался там, где его в любой момент могла накрыть артиллерия. В том, что враг далеко не дурак, Люк уже неоднократно убеждался.

— Сейчас нашим планам наступления широким фронтом мешают два фактора: мирные жители, которых иномиряне удерживают в укреплениях, не позволяя нам применять артиллерию, и невидши, которые вырезают наши отряды один за другим. Они наверняка опять нападут этой ночью, в темноте, чтобы мы не смогли засечь и накрыть их издалека. Да, мы сегодня заминировали подходы к расположению батальонов, выкопали нефтяные ловушки, которые сдетонируют при касании, но это дает лишь время для маневра — завтра они нападут снова и найдут, кем разминировать их. Единственный способ не выжечь заложников в окопах врага — это ближний бой, но он же с невидши для нас обернется катастрофой. И вопрос заложников очень важен для морального духа армии: сопутствующие потери мирного населения неизбежны, но в наших рядах много солдат из соседних графств, как им воевать, когда мы при наступлении убиваем своих же людей? И ради чего им воевать?

Дармоншир слушал вполуха — все, что говорил Майлз, они обсудили чуть ранее, и теперь командующий доносил изменения в стратегии до заместителей и командиров подразделений. Здесь же помимо дармонширских командиров были и леди Виктория, и эмиратский адмирал Эсий Убарак, и командир бермонтских отрядов Ольрен Ровент, и майор Лариди, и командующий рудложских полков Вилков.

Они слушали, а Люк снова и снова прикидывал свои силы и сравнивал их с силами иномирян.

После боев у фортов его войска из двадцати тысяч новобранцев и четырех тысяч армейского состава потеряли убитыми и ранеными почти половину. Но пришел пятнадцатитысячный отряд эмиратцев — из которых шесть тысяч были командами боевых кораблей, и девять тысяч высадились пехотой. Оставались почти четыре тысячи берманов, которые привезли с собой почти восемьдесят орудий. И в последние дни к маленькой армии Люка добавились еще пятнадцать тысяч рудложцев и сотня орудий. Это не считая снабжения, медицинской службы, связистов — чисто боевой состав.

Казалось бы, почти десяти тысячный перевес — сорок тысяч боевого состава против тридцати тысяч иномирян, больше двухсот орудий против нескольких десятков у них. Десятки бронированных машин для прикрытия пехоты — которые удалось провести просеками. Но при этом у противника выигрыш в мобильности и убийности в ближнем бою — больше трех тысяч охонгов, почти тысяча раньяров, две сотни тха-охонгов, и неизвестно сколько невидши, из-за которых потеряно за одну ночь несколько сотен бойцов.

А еще — подготовленные линии обороны с заложниками, сквозь которые нужно продираться.

Майлз продолжал говорить:

— Единственный доступный не-магам способ борьбы с невидши — огонь. Но у нас всего двадцать взводов огнеметчиков. И всего двадцать три мага имеют камни с огнедухами, переданными нам герцогиней Дармоншир. У нас не получится растянуть их на тридцать километров фронта. Поэтому пришлось пересмотреть стратегию и собирать локальный ударный кулак. Сразу подчеркну, что при неудаче мы окажемся в тяжелейшем окружении и нам придется прорываться обратно к Дармонширу. Зато при должной отработке всех подразделений есть шанс закончить эту войну.

Майлз поморгал, собираясь с мыслями, потер ладонью лоб и продолжил:

— Слушайте приказ — в течение часа после окончания совещания, до, — он посмотрел на часы, — двадцати ноль-ноль с наступлением темноты под прикрытием артиллерии организовать марш-бросок всех пехотных подразделений под столицу графства, — он очертил кружок вокруг городка Норбидж, прилегающего к замку. — Если минные заграждения задержат невидши, то враг узнает о перемещении не сразу, и темнота нам поможет. Идеально, чтобы он нас обнаружил только на атаке, но рассчитываем на худший сценарий — что узнает сразу. Подразделения должны быть готовы отражать атаку с воздуха и двигаться так, чтобы не попасть массово под удар их орудий.

Он прочистил горло.

— На свои позиции все подразделения должны подойти к трем ночи. Отдохнуть успеют те, кто дойдет раньше. На месте переформируемся, разделяемся на двадцать три ударные группы, по числу магов с амулетами, которые будут защищать группы от невидши. В пять утра начинаем наступление. Плохо, что уже начнет светать, значит, нам не избежать атак раньяров, но раньше нам не успеть дойти до места и перестроиться. Окружаем город дугой, продавливаем укрепления и зачищаем улицы. Командирам ударных групп предстоит сложнейшая задача — слаживание подразделения в боевой обстановке, оперативное налаживание внутренней связи и связи со штабом, снабжения, вывоза раненых.

«Марине снова придется нелегко», — подумалось Люку.

Он думал о ней в редкие мгновения отдыха, думал перед сном — ему не хватало ее огня, и едкости, и той любви, что пылала в ней, сжигая и грея. Она стала сутью его силы, воплощением того, ради кого нужно выиграть — и каждый раз, когда он выдыхался, он вспоминал о ней. И очень жалел, что так и не удалось заглянуть в Вейн после инициации Тамми хотя бы на полчаса.

Потом. Прав Берни. Все после войны. Нужно победить и тогда он позволит себе прилететь к ней. Тогда будет иметь право отлучиться. И Марина снова встретит его со всем своим огнем...

«Стоп», — приказал он себе, с усилием возвращая мысли в нужное русло и снова прислушиваясь к командиру.

— Лично от каждого командира, — Майлз обвел взглядом офицеров, — зависит наш успех. После взятия Норбиджа мы разделяемся на две армейские группы и уходим на запад и восток. Это облегчит нам захват других городов. Укрепления иномирян построены с нашей стороны, между городами их нет. Вскроем их в одном месте и затем будем действовать уже изнутри. Если же начнется отступление врага, преследуем его до полного уничтожения.

Командующий Майлз снова сделал паузу. Глаза его были красными, лицо заострилось — верный признак, что снова накачивает себя тониками и стимуляторами.

— Всем командирам артиллерийских взводов и боевых кораблей, — он кивнул адмиралу Убараку, и тот склонил голову в ответ, — пока происходит переброска подразделений к Норбиджу, отрабатывать по местам скопления инсектоидов вне городов, провоцировать артиллерийские дуэли, чтобы определить места, где прячутся орудия врага. Как только начнется штурм укрепрайонов иномирян, создать огневой коридор с востока и запада от города, чтобы усложнить подкрепление от других городов Нестингера. Ваша светлость, — обратился он к Люку, — ваша задача, как и лорда Таммингтона, когда он проснется, —крытие наших групп при передвижении, и затем с началом атаки — защита от стрекоз с воздуха. Раньяров, которые подлетят с других городов, наш огневой коридор лишь задержит, но не остановит. Как только объединение произойдет, вам нужно будет найти и уничтожить артиллерию противника. По всем расчетам, орудия спрятаны где-то в холмах.

— Так точно, полковник, — кивнул Дармоншир.

— Лейтенант Лыськова. — Леди Виктория подняла голову, и Люк некоторое время переживал диссонанс между тем, как привык к ней обращаться, и ее воинским званием. Как военнообязанные, маги при выпуске из университетов получали младшие офицерские звания.

— Нам нужна будет ваша поддержка на острие атаки для уничтожения невидши. Вам придется выставить большой щит и как можно дольше прикрывать нашу армию от артиллерии и раньяров. Вам нужно проследовать в распоряжение шестого стрелкового батальона.

— Будет сделано, полковник, — ответила леди Виктория.

— Барон Ровент, — берман коротко кивнул, — распределите своих людей по передовым отрядам. Ваша мощь нам пригодится на старте наступления. Пойдете за огнеметчиками и магами.

— Будет сделано, — рявкнул оборотень.

— Майор Лариди. У вас та же задача. Сейчас нет необходимости в стационарных снайперских позициях, потому что невидши почуют и уничтожат любого снайпера, человеческая скорость с их скоростью несопоставима. Вашим людям, всем, кого вы тренировали, объявите цель — вычислять и уничтожать командиров иномирян. Нам нужно организовать как можно больше хаоса у них на позициях.

— Так точно, — ответила Лариди.

— Вы пойдете под прикрытием берманов. Ваша задача — после первого отстрела отступить назад и работать издалека.

— А лучше вообще уйти в тыл, нечего женщинам тут делать, — едва слышно пробормотал Ольрен Ровент, и был пронзен тяжелым взглядом леди Виктории. Майор Лариди не отреагировала никак — так и продолжила стоять, сложив руки за спину и слушая Майлза.

После совещания, когда диспетчерская загудела от срочных приказов, а командиры начали спешно разъезжаться по подразделениям, Дарморшир вслед за Майлзом вышел из командно-штабной машины, вдыхая горячий лесной воздух. За ними высыпали на поляну заместители командующего. Офицеры курили и разбегались к автомобилям.

— Полковник, вам нужно поспать, хотя бы пару часов, — напомнил Люк. — Пока идет передислокация. Берите пример с Тамми, он спит уже почти сутки, и, судя по тому, сколько я спал после первого истощения, очнется не раньше ночи. У вас есть заместители, задачи все выполнены.

Майлз потер красные глаза.

— Все разумно говорите, ваша светлость. Я пробовал. Не могу заснуть.

— Давайте попросим леди Викторию, пока она не отбыла, она вас усыпит на нужное время. — Люк намеренно повысил голос, чтобы уходящая волшебница услышала. Та и услышала, обернулась.

Майлз скупой улыбнулся.

— Не стоит тратить силы леди на ерунду, — очень по-инляндски отрезал он. — Уколуюсь снотворным.

Люк поймал его взгляд. Ох уж эти нестигаемые офицеры.

— У вас скоро магпрепараты из ушей польются. Вы должны поспать хотя бы два-три часа...

Он не договорил, потому что глаза командующего вдруг закатились, и он, покачнувшись, стал заваливаться на собеседника. Люк, чертыхнувшись, едва успел подхватить его. Обморок? Или что? Офицеры вокруг, слышавшие разговор, затихли.

— Это вы его усыпили? — ошарашенно спросил он у волшебницы.

Она усмехнулась, разглядывая его с живым любопытством. Провела над Майлзом рукой.

— Я тут ни при чем. Это вы, герцог. С ним все хорошо, он действительно спит. Да вы и сами можете это ощутить.

Вокруг собирались военные, выглянул кто-то из связистов.

Люк почувствовал, как изнутри поднимается раздражение из-за старой тайны, раскрытие которой пришлось отложить на после войны, но которая то и дело поблескивает то одним краем, то другим.

— И наверняка король Луциус так умел, леди Виктория, не так ли?

— Как и все сильные потомки Инлия, — пожалала она плечами. Но взгляд ее был чуть поплывшим — Дармоншир уже знал, что маги так смотрят в магических спектрах. — Я говорила, что ваша аура стала невероятно мощна...

— Что с полковником, ваша светлость? — обеспокоенно спросил один из офицеров.

— Спит, — пояснил Люк, все еще неверяще глядя на прижимающегося к нему Майлза. — Устал, видимо, очень. Нужно отнести его в палатку. Майор Кершон, — обратился он к заместителю командующего, — принимайте командование, пока он не проснется. Леди, — остановил он Викторию, которая собралась уходить, — если все закончится нашей победой, мне понадобится ваша помощь.

— В любое время, ваша светлость, — пообещала она и направилась дальше к автомобилю, который должен был отвезти ее в расположение батальона.

Люк до поздней ночи отслеживал движение батальонов к Норбиджу под грохот артиллерии и взрывы минных заграждений — как и ожидалось, ночью невидши снова пошли в атаку. Раньяров он видел — их, как всегда ночами, было немного, но разведчики на них

подлетали туда, где гремели мины, кружили сверху в небе. Темнота и густые кроны скрывали перемещение войск, но Дармоншир все равно сбивал тварей ветром, отгонял обратно к холмам. И следил, не полыхнет ли где со стороны иномирян вспышка орудия — ночью вычислить место расположения было куда легче.

Но Ренх-сат, по всей видимости, тоже это понимал, и ответной стрельбы не было.

Могло ли им повезти так, что передислокация останется в тайне и противник не успеет подготовиться? Или их всех ждет сюрприз?

В час ночи проснулся Таммингтон — Люк заметил его, когда тот стрелой помчался к морю, поесть после суток сна, и вполне благосклонно принял косатку, которую Тамми приволок ему после насыщения. Затем они еще раз невидимыми облетели расположение войск.

«Я хотел сказать, что там, у Дувлинских холмов, меня что-то поранило, — говорил хвостатый лорд Роберт на лету, оглядывая холмистые пейзажи. — Я не знаю, что это было, Лукас. Возможно, ловушка иномирян. А, может, какой-то туринский старый артефакт или недобрый стихийный дух. Точно что-то магическое, но раны вполне реальные — ожоги словно от металлической сети. Виталист в полевом госпитале сказал, что не встречал подобных ран».

«Нужно посмотреть. Когда мы облетали холмы в первый раз, ничего необычного не видели ни обычным зрением, ни магическим, — прошипел Дарморшир мысленно. — Значит, это нечто появилось или проявилось уже после нашего пролета. И как удобно — ровно тогда, когда наших солдат заманили в окружение. Ты не разглядел, как это нечто выглядело?»

«Краем глаза. Толстая, почти прозрачная нить, усеянная многогранными кристаллами и сферами, словно сделанными из ртути. Никогда ничего подобного не встречал. И не ощущал. Это было очень больно, словно меня поддели на гарпуны, и зацепись я чуть сильнее, уже не вырвался бы. И потом, когда оглянулся... я не уверен в том, что увидел... словно сплетение теней выше холмов или какой-то сетчатый щит...»

«Нужно посмотреть, не осталось ли чего там, — сказал Дармоншир и, поймав легкий попутный ветер, некоторое время неся на его потоке, как на доске в океане. — Покажешь, где это произошло?»

Они невидимыми долетели до Дувлинских холмов и там очень осторожно, страхуя друг друга, осмотрели лес, кроны, сломанные рывком Таммингтона из ловушки, и раскрошенные деревья, на которые он наткнулся.

«Ничего, — невесело резюмировал Люк. — Даже трава не примята. Но если бы здесь был какой-то старый артефакт, то мы его бы нашли... и я очень сомневаюсь, что есть стихийные духи, которые используют подобного рода воплощения. Хотя тут бы вернее проконсультироваться у леди Виктории, но ей сейчас точно не до этого. В любом случае теперь нельзя сбрасывать со счетов, что у иномирян может быть непознаваемое оружие, способное нас поранить. Правда, если оно есть, непонятно, почему до сих пор его не использовали. И что нам делать в этой связи, тоже непонятно».

«Только ссмотреть в оба, Лукас, — Тамми, судя по шипению, разволновался. — Разсс я увидел, то и тысс сссможешь. И ессли видишь что-то похожее на огромную сеть — улетать вверх со всей возможсссной сскоростьюссс».

«Разве что так, Роберт, — согласно вильнул хвостом Дармоншир. — Ссмотреть в оба и летать быстро».

Дармонширская армия встала дугой у Норбиджа, в нескольких километрах от укреплений иномирян, еще когда не было трех. Началось переформирование.

«Дармоншир, у тебя есть три часа, чтобы отдохнуть, — напомнил Таммингтон. — Неизвестно, сколько нам придется бодрствовать. Не теряй времени».

Люк не стал спорить — в словах младшего коллеги был резон — и направился к штабному лагерю.

Он уже почти спустился к куполу, когда навстречу ему метнулись четыре огненные птицы, заставив по-змеиному чертыхнуться, затормозить, зависнув в воздухе и дернув хвостом, а затем раздался птичий крик — и под нос ему вылетела крошечная соколица. Села на нос, что-то опять крикнула — он, обалдев от такой наглости, скосил на нее глаза... под крылья к ней метнулись огнедухи, и он вдруг узнал. Вспомнил то, что было в усыпальнице, как она такой же маленькой птицей прилетала к нему, и обнимала, и оборачивалась женщиной... Любимой и до злости непредсказуемой женщиной.

Он, мотнув головой, зашипел и очень аккуратно пронес ее на своем носу к своей палатке через купол. Опустил на землю — она соскочила, обернулся сам. Потер руками глаза, и, чтобы не наговорить грубого, потянулся к сигарете.

Марина как-то странно подлетела, перекувыркнувшись в воздухе и обернувшись собой — лохматой, в пижаме, босой. Живот стал еще больше, хотя и двух недель с их расставания не прошло. Она, ошарашенно оглядываясь, поджала ногу, хотя было тепло. Посмотрела на Люка.

Над ней реяла четверка огнедухов.

Дармоншир, глубоко выдохнув, снова затянулся.

— Я даже не знаю, с чего начать, — наконец, признался он.

— Я знаю, — покачала головой Марина. Подошла, отвела руку с сигаретой и поцеловала. Обняла, прижавшись — и продолжила поцелуй, вовсе не виновато, уверенно и сладко.

И гнев, и злость испарились — он усмехнулся ей в губы и ответил. Кажется, мимо ходили люди, кажется, из палаток выглядывали офицеры, привлеченные светом огнедухов, но на эти мгновения и мир, и война вокруг перестали существовать.

— Что-то случилось в Вейне? — спросил он, когда они оторвались, наконец, друг от друга. Лицо ее, поднятое к нему, освещалось всполохами огнедухов.

— Нет, — ответила она шепотом, — в замке все в порядке.

— Тогда зачем ты рисковала?

— Уж не ради того, чтобы рискнуть, — огрызнулась она со знакомой едкостью, но тут же прихватила зубами мочку его уха. Люк затаенно улыбнулся, затянулся. Все это напоминало какой-то сумасшедший сон — артиллерия, близкая битва, Марина здесь, рядом. — Я, конечно, очень хотела тебя увидеть, но прекрасно понимаю, что тебе сейчас не до меня и не стала бы мешать.

— В целом — да, но сейчас мне очень до тебя, — пробормотал Люк, выбрасывая сигарету, и вдыхая запах ее волос. Она тихо засмеялась. Он боялся за нее, и злился, и кипел, но был уже научен, что супругу не запрешь и не удержишь, если она чего-то захотела. Можно было воевать с ней или смириться. Но войны ему хватало и без Марины. — Все же, Марина, — как?

Марина пожала плечами.

— Со мной само это происходит, я в сознание прихожу уже в воздухе, — объяснила она.

— Вот и сегодня очнулась здесь. Я сейчас улечу.

Люк хмыкнул.

— Думаю, полчаса у нас есть, — сказал он, увлекая ее в палатку. — Поужинаешь со мной? Сейчас вызову адъютанта.

— Конечно, — в голосе ее звучала нежность. — Охраняйте, только никого не сожгите, — попросила Марина огнедухов, и те послушно поднялись выше. — И попроси для них огня и масла, — добавила она уже для Люка.

Адъютант Вин Трумер принес ужин на двоих, таращась на Марину, накинувшую на плечи китель Люка и скрестившую босые, измазанные травой ноги на койке. Люк, расстегнув воротничок рубашки, закатав рукава, сидел напротив, ел сам, смотрел, как она ест, как смеется, как говорит. Как смотрит на него — задумчиво, спокойно. Она рассказывала про Вейн, про матушку, про Риту и госпиталь, про дела герцогства, он — про Тамми и драконов, про то, что ему предстоит. Пахло крепким чаем, пряным жарким с мясом. Снаружи мерцали всполохи от огнедухов. Послышался голос Майлза — он, видимо, уже проснулся, но Люк не мог себя заставить выйти к нему. Если очень будет нужен, докричатся. Пока он хочет побыть с женой.

«А ведь это может быть нашей последней встречей», — вдруг мелькнула у него мысль, и он скрипнул зубами, обругав себя.

— Что такое? — тут же заметила она.

— Ничего, — хрипло проговорил Люк. Посмотрел на часы, на выход из палатки. На Марину. Та вопросительно и весело подняла брови.

— Твои охранники надежны? — поинтересовался он небрежно.

Она засмеялась, кивнула.

— Исключительно надежны, — пообещала она. Потянувшись, сбросила с плеч китель и откинулась назад.

Он любил ее там, на узкой армейской койке, почти на полу палатки — осторожно, горячо, и она, чуть медлительная, была так же отзывчива и безрассудна, царапая по его груди, сжимая волосы, склоняясь, чтобы поцеловать. И очень тиха — им обоим не хотелось посвящать в свою супружескую жизнь весь штабной лагерь. Затем, разгоряченные, восстанавливая дыхание, они минут двадцать дремали, обнявшись, прижавшись друг к другу.

Люк, уткнувшийся лицом ей в плечо, обнимающий за живот, почувствовал, как кто-то ударил изнутри, словно поздоровался. Он усмехнулся, потерся губами о влажную кожу. Силы в нем сейчас было столько, будто он сутки отсыпался.

— Нужно лететь, иначе в Вейне начнется паника, — лениво проговорила она. — Не хочу. Отодвинь войну на пару суток, а?

— Не могу, — с сожалением сказал он. — Я провожу тебя. Постарайся ближайшие несколько суток не соваться сюда, прошу.

— Я понимаю, — так же замедленно ответила Марина. — Попрошу забить ставни и запирать меня на ночь. Или вообще затребую у Ирвинса клетку.

Он лизнул ее в плечо. Не сдержался. Марина повернула голову и серьезно посмотрела на него.

— Не волнуйся, я не буду тут крутиться и подставлять тебя под удар. Мне и сегодня не стоило прилетать. Но теперь я понимаю, куда меня тянет, и смогу ограничить себя, пока не научилась этим управлять.

Люк потянулся. Покрутил плечами.

— Не стоило прилетать, — согласился он, — но, детка, я в восторге, что ты сейчас тут.

Он змеем проводил ее за линию дармонширской артиллерии, понаблюдал как крошечная птица улетает под лунным светом, и направился назад. Туда, где он сейчас был нужнее.

Глава 8.1

Через несколько часов после отлета Марины, Люк, зависнув рядом с Тамми в наливающимся рассветом небе обозревал будущее поле битвы. В лесу, в нескольких сотнях метров от того места, где двигался на прорыв передовой сводный отряд, располагались засеки врага, почти пятидесятиметровая полоса открытого, простреливаемого пространства, проход которого осложнялся ямами от пней и собственно выкорчеванными пнями с длинными корнями, далее — несколько вырытых один за другим рвов с насыпями — внутри шевелились иномиряне и невидши, застыли от страха местные, связанные за руки друг с другом, между рвами прохаживались дозорные на охонгах, то тут, то там виднелись единичные тха-охонги. За первой полосой обороны еще на полкилометра продолжался лес, который постепенно редел и уходил в поля, разделенные дорогами. В широкой низине меж двух пологих холмов лежал Норбидж, границы которого ныне гладила артиллерия.

На улицах было полно тха-охонгов — захватчики знали, что дармонширцы не бьют по своим людям, и потому инсектоидам грозил только ближний бой.

«Тяжело придется», — мысленно проговорил Тамми.

Дармоншир только кивнул. Но вместе со страхом по телу шел знакомый азарт — как тогда, когда он гнал на пределе сил, или ускользал от смерти, или рисковал, или добивался Марину, ломая все запреты. Все на кону. Абсолютно все.

Как же хорошо-то.

* * *

Тиодхару Ренх-сату в начале ночи доложили о том, что армия врага снялась с места, однако перемещение отследить пока невозможно. И без доклада несложно было понять, что местные что-то затевают по усилившейся работе их плюющихся огнем орудий. Он кивнул — этого он и добивался сначала попыткой выманить противника на помощь запертым меж холмов отрядам, затем — ночными нападениями невидши. Сбить, сломать проработанную тактику врага, заставить его торопиться, а, значит, делать ошибки.

Ренх-сат не знал, куда теперь изберет ударить противник, но сам он действовал бы несколькими способами: либо отвел бы все войска в сторону границы страны Руд-лог, обошел врага по флангу и начал давить к морю, очищая город за городом, либо разбил бы армию на две части и начал работать с двух флагов. Либо врезался бы клином в центр обороны, коим и являлось поселение Нор-бидж, зачистил его, и затем бы уже пошел добивать остатки врага по обе стороны. Общим оставалось лишь то, что во всех случаях войска нужно было сконцентрировать в один или два кулака. Это было второе, чего он добивался — на ограниченном пространстве легче окружить и задавить врага числом, а уж инсектоидов у него сейчас было достаточно. Не зря после разгрома своей армии под фортами противника он собирал их по всей Инляндии.

Он был готов ко всем трем вариантам. В любую точку на помощь его армии охонги подойдут за три-четыре часа, ударную часть тха-охонгов можно перенести манками, а раньяры долетят и того быстрее.

Самое главное — связать руки колдуну военной хитростью, связать работу их орудий,

плюющих огнем, смешением с войсками противника, а до этого как можно больше накрошить на подступах к укреплениям и втянуть в длительные уличные бои. Чем дольше бой, тем больше магов выдохнется, тем меньше у местных останется оружия и патронов, и пусть каждый из людей Ренх-сата уже умел обращаться с таким оружием, все решится в конце концов в рукопашной. А местные уступали лорташцам в ближнем бою.

Сам Ренх-сат со связными (был среди них и Арвехши), тханорами, священниками и слугами переместился из замка в одну из старых горизонтальных шахт в холме у города, которую обустроивали все это время. В таких шахтах таилась значительная часть раньяров, в такой же, рядом с укрытием тиодхара, готовые взлететь в любой момент, находились всадники на раньярах и его раньяр — они должны были помочь Ренх-сату загнать и накрыть сетью Лесидия змея-колдуна.

Колдун должен был умереть — слишком давно Ренх-сат вел на него охоту, и слишком свежо еще в памяти было его нападение на замок. Да и не подчинишь такого, хотя его умения тиодхару быгодились, и на змея с раньяра он бы пересел с удовольствием. Но нет, слишком непредсказуем, слишком непонятна природа его силы — поэтому пойдет на жертву богам, чтобы дать им силы перед приходом в этот мир.

А вот командующего местной армией Ренх-сат взял бы к себе советником: и подчинить его не будет сложным, ибо по всем допросам пленные говорили, что он обычный человек. Хороший ум, хорошее предвидение. Одно плохо — слишком мягок, слишком бережен к простолюдинам. Оттого и легко этим пользоваться. Оттого и проиграет.

И когда Ренх-сату доложили, что противник пошел на Норбидж, он довольно ударил кулаком о кулак и вознес молитву богу-Нерве. А затем приказал использовать все манки и запалить на вершинах холмов, окружающих поселение, большие костры, чтобы показать тханорам из других городов, куда вести войска, которые с ночи ждали сигнала.

* * *

Ночью звуки разносятся далеко, и даже почти непрерывным грохотом артиллерии сложно скрыть передвижение большого количества людей, боевых машин и машин с боекомплектами, оружием, снаряжением, припасами. Отдельным подразделениям за ночь пришлось пройти до двадцати километров и их поставили в тылы наступления.

Командующий Венсан Майлз исходил из худшего: что реформирование дармонширской армии для врага и без визуального подтверждения не будет секретом, тем более что между отдельными подразделениями Дармоншира и окопами иномирян оставалось не более километра. Но Ренх-сат, если только не обладал предвидением, не мог с абсолютной уверенностью предположить, чем закончится маневр противника. Значит, дармонширцы смогут воспользоваться эффектом неожиданности.

Главное, чтобы припасенные Ренх-сатом неожиданности (а таковых не могло не быть) не свели этот эффект к нулю.

Полковник Майлз был военным до мозга костей, из династии военных, и при всей своей сухости не мог не относиться с уважением к полководческому дару противника, к его умению адаптироваться и принимать новые технологии, оружие, способы ведения войны. Такие люди оченьгодились бы Инляндии. Если бы не абсолютная безжалостность генерала иномирян.

Так думал командующий Майлз, когда ему доложили, что наступление началось. И что противодействие инсектоидам осложнено мирными жителями, которые связанными друг с другом стояли в окопах — иномиряне стреляли поверх их голов, невидши проскальзывали под их скованными руками.

Командующий Майлз понимал, что это не первый сюрприз, приготовленный Ренхсатом, и уповал только на то, что противник не знает, что змеев у них теперь двое — значит, и действовать смогут вдвое быстрее. И на леди Викторию, под гигантским щитом которой начали наступление к окопам врага берманы, маги с огнедухами и огнеметчики со стрелками.

* * *

Небо на востоке начало наливаться самой ранней, предрассветной прозрачной зеленью, когда Виктория поставила огромный щит над почти шеститысячным отрядом. Плоский, почти километр в диаметре, стойкий и динамичный — Март бы присвистнул от удивления. Над Льенпордтом он делал пятикилометровый, но статичный.

Но сейчас, в условиях, когда каждый день снижалась убойность и площадь заклинаний, когда от стихий остались лишь тени себя прошлых, это было почти на пределе сил. Однако было необходимою

Кровь Марины Рудлог усилила и его, и ее.

Подразделения, лавируя среди деревьев, двинулись в наступление. Задачей было под защитой щита довести отряды до укреплений иномирян и уничтожить всех невидши, открыть безопасный проход для пехоты. Щит предстояло переформировать в «крышку» прямо перед окопами врага — иначе бы он просто оттеснил, как тараном, все живое своей кромкой, или размазал бы о стены укреплений. Конечно, и у нее, и у магов были персональные щиты, завязанные на накопители, чтобы работали, даже если владелец оказался без сознания.

После первой схватки и зачистки указанного отрезка их подразделению предстояло разделиться, пропуская оставшиеся в тылу отряды, а самим продолжить зачистку окопов до холмов слева и справа.

Виктория шла в первых рядах под прикрытием небольших и легких гусеничных бронемашин, пришедших с рудложскими войсками и легко маневрирующих в лесах. Прятаться в центр отряда не было смысла, да и проще так было контролировать первую кромку щита. Пальцы с кольцами-накопителями холодили заготовленные массивные заклинания. С обеих сторон от города грохотала артиллерия.

Резерв таял на глазах.

Первые части дармонширцев преодолели засеки из поваленных деревьев, вышли на пустое пространство метров за пятьдесят перед окопами, все перепаханное, заполненное выкорчеванными пнями, ямами с водой и грязью от прошлых гроз. Их уже видели, стреляя в щит из гранатометов — каждый удар Вики воспринимала как удар кулаком в тело, сверху врезались в щит раньяры. Но то и дело завывал ветер, относя их назад, к городу — по всей видимости работали хвостатые герцоги, и Виктория недоумевала, почему они используют такие щадящие методы.

Ударил артиллерия, щит накрыло всполохами огня, и Вики пошанулась, чуть присела,

но тут же пошла дальше.

Позади практически непрерывно слышались глухие, гулкие выстрелы, строчили пулеметы бронемашин, мимо свистели пули и то и дело кто-то высунувшийся из рвов падал, заливаясь кровью — то на ходу работали снайпера отряда Лариди.

Вики бросила на вспаханную землю дуговую заморозку — все же бежать по льду и мерзлой грязи легче, чем просто по грязи, да и машины не завязнут, и за спиной что-то одобрительно рявкнул командир берманов. Они пока пребывали в человеческом обличе.

Кромка щита коснулась насыпи перед рвами.

... — Три, два, один... пригибаемся! — заорала Виктория, усилив голос так, что ее слышали все. Берманы заревели — так, чтобы всему отряду было слышно, и под этот рев она подняла большой щит, делая его почти плоским — продержит его еще несколько минут, чтобы защитить своих людей от раньяров.

С той стороны раздались выстрелы, навстречу неуловимо быстро метнулись невидши, щелкая челюстями, завывая, волной выплеснувшись из окопов — сколько хватало взгляда вправо и влево, они выползали, выпрыгивали из рвов, неслись вперед — Виктория, хладнокровно подождая, пока до передних останется шагов двадцать, бросила одно из заготовленных массивованных заклинаний — Великий стазис, который покрыл вширь почти тот же километр. И все впереди замерло.

— Десять минут! — напомнила она с усилением. — Уничтожьте их как можно больше, пока сюда не пришли невидши с флангов, не задетых стазисом!

Мимо нее уже неслись берманы, перепрыгивая через стволы, бежали маги, одетые в модифицированные ею Доспехи, под прикрытием машин бежали стрелки и огнеметчики. Она тоже ускорила, разжигая в руках два плазменных шара — и взбежала на насыпь среди замерших невидши.

Во рвах вперемешку застыли испуганные заложники — женщины, мужчины, старухи и старушки, дети, присевшие, закрывающие головы связанными руками, вжавшиеся в стенки... иномиряне с оружием — с перекошенными от страха и ярости лицами, за окопами метров на пятнадцать — охонги с всадниками, снова невидши. Сколько же их!

Берманы, как опытные лесорубы, секирами сносили инсектолюдам головы, команда Лариди работала разрывными, маги и огнеметчики жгли тех, кто оказался подалеже от людей. Бойцы расстреливали и резали замерших иномирян.

Грязно, бесчестно — но с бесчестным врагом не раскланиваются.

Воняло паленой плотью, кровью и муравьиной кислотой. Почти шеститысячное подразделение начало перемалывать застывших инсектоидов — но со стороны города быстро пошли, перебирая лапами, охонги с вооруженными всадниками. Виктория кинула туда несколько Таранов, сама пробираясь к левому флангу, и зная, что Ольрен Ровент сейчас так же идет к правому, туда, где на бойцов уже лезли невидши, не попавшие под стазис.

Сверху в «крышку» продолжали колотиться раньяры. Разлетелись — снова ударила артиллерия, и взрыв отозвался у нее в голове болью. Из носа потекла кровь, и она быстро, на ходу, залечила сосуд.

Вернулись раньяры. Над головой ее вдруг щелкнул, проявившись прозрачным абрисом, гигантский клюв, и одного из раньяров снесло с места. Затем — второго. Снова завыл ветер.

На фланге творилось настоящее месиво, уже носились огнедухи, давая бойцам передышку и возможность спасти свои жизни. Но невидши ломались вперед, несмотря на потери, ломались по еще содрогающимся телам сородичей, и рвали и дармонширцев, и

своих, попавших под руку, и заложников. Их много уничтожили — но казалось, что их бесконечно много, и бронированные тела способны заполнить окопы до краев.

Персональный щит Вики был забрызган кровью и слизью, и смотрелось это как дикий второй доспех, отстоящий от тела на десяток сантиметров. У ближайшего к ней невидши в стазисе вдруг дернулась голова, рука...

— Оживают! — крикнула она. — Быстрее! Добивайте тех, кто в стазисе!

Щит — «крышку» она держала из последних сил: отряды Дармоншира, уничтожая невидши, продолжали перестраиваться, разделяясь на две части — одна под командованием Виктории, вторая — Ровента. А в зачищенный центр уже пошли следующие батальоны дармонширцев, которым предстояло захватывать город. Но прежде всего — как-то справиться с всадниками на раньярах, которые, борясь с ветром, все же ухитрились и стрелять, и пытаться врезаться в щит.

Через несколько десятков секунд ушел стазис. Почти одновременно затрещал большой щит, и она поспешно сняла его, чтобы спасти крохи резерва — и тут же ударила вверх круговым Тараном.

Раньяров подбросило — и один с грохотом упал недалеко от окопов. Она бросила туда взгляд и похолодела — на спине стрекозы со сломанными крыльями, которая дергалась рядом со слетевшим всадником, к седлу была привязана женщина, безвольно свесившаяся вбок.

Вики дернулась и отвернулась. Она поняла причину медлительности змеев.

А затем ей стало не до сожалений — потому что пришлось драться, прикрывать своих от раньяров, шаг за шагом идти дальше, переступая через тела уничтоженных невидши и иномирян. Она еще была полна больше чем на две трети, но второй большой щит уничтожил бы ее резерв больше чем наполовину — а кто предскажет, сколько продлится эта битва?

* * *

Друзья, в честь старта подписки все же решила выложить начало главы, остальную часть ждем целиком, пишу. Предварительно — воскресенье.

Глава 8.2

В этой битве Люку с самого начала пришлось воевать со связанными за спиной лапами.

Он многому научился у Нории, многое познал сам — но не мог сейчас вызвать град, потому что в окопах были мирные люди, не мог запустить смерчи, потому что в таком тесном соприкосновении неизбежно заденешь и своих. Все, что им с Тамми оставалось — ветер, который порывами раскидывал раньярков, да помощь гигантского змеедуха, который спускал холодные потоки с небес, становившиеся внизу настоящим ураганом.

Зато враг не сомневался ничуть и не жалел никого — то и дело раздавалось буханье орудия, и по щиту леди Виктории, по расположению готовящихся к прорыву в город дармонширских частей или в случае недолета — по своим же наемникам и инсектоидам была артиллерия. Люк пытался засечь, откуда стреляли — он мчался над холмами, он высматривал дымки. Но ветер, который призвал он сам, относил дым в сторону, и как Люк не пытался, определить расположение орудий не мог.

Не жалел Ренх-сат и мирных жителей. Никогда раньше иномиряне не использовали заложников для прикрытия стрекоз, хотя как мера противодействия крылатому змею это было вполне логичным. Но когда Люк увидел это, похолодел — скольких раньярков они с Тамми уже разметали по холмам? Заложники были не на всех, на каждом четвертом-пятом, но этого было достаточно, чтобы прикрыть атакующую стаю. Сидит всадник с гранатометом на раньяре — а за спиной его, лицом назад, привязан к седлу человек. Сбей вихрем стрекозу — убьешь и заложника. Не собьешь — бить начнут уже твоих солдат.

Мелькнула мерзкая мысль, что лучше бы он и дальше не знал — потому что одно дело бить врага, а другое — когда ты знаешь, что любой удар становится причиной смерти невинных.

«Чтосс будем делать? — спросил Таммингтон тяжело. — Слишком много тех, кто прикрытс людьми!»

Люк на лету покрутил хвостом.

«Может, так?», — предположил он. Ворвался невидимым в группу раньярков, атакующих щит леди Виктории в промежутке между порывами ветра, схватил одного за круглую башку, выдернул из стаи, и опустил на землю рядом со своими отрядами, с хрустом откусывая голову. Плюнул с омерзением. Больше всего в процессе было боязно, что стрекоза вцепится ему в язык.

Ноги чудища продолжали шевелиться, из разорванного тела сочилась слизь, а на спине его беззвучно плакал мальчишка лет десяти и столбом замер вцепившийся в узду всадник. К ним бежали солдаты Дармоншира.

«Тут их столько с заложниками, что мы так неделю их щелкать будем, — Тамми опустил рядом еще одного безголового раньяра. — За это время они до Вейна долететь успеют».

«Ты правссс», — раздраженно ответил Люк: только что по щиту леди Виктории ударила артиллерия. Щит держался, но Дармоншир опять не успел заметить, откуда идут выстрелы. И не понаблюдать было сверху — не оставлять же свои отряды на съедение раньярам?

Мимо как с большой горки пронесся змееветер, снова холодным потоком воздуха отгоняя раньярков от атакующих дармонширцев. Люк успел схватить еще одного раньяра с заложником, плюнул останки на землю рядом со своими, рванул наперерез помощнику.

«Ветер! — крикнул он, поднимаясь рядом. — Ты можешь снова, как у Драконьего пика, выпустить десятки хвостов и помочь нам с стрекозами?»

Гигантский полупрозрачный змей поднимался все выше, и Люк, следуя за ним, ощутил, как кожу его стало покалывать от холода и силы.

«Я сссильноссс посстратилсссся у горыссс, — прогудел помощник печально. — Мойссс ветерссс ссейчасс — лишшшь сслабый отголоссок моей ссилы. Да и тыссс... расссве не видишшшь, что не можжесшь и дессятой долиссс того, что могссс у фортовссс? Но яссс все равнссс бы ссмог ссделать, как тыссс проссишшшь, ессли бы ссстихияссс нашшшего отцассс, Инлияссс, была по-прежссснемуссс сссильнассс... Но онассс иссякаетссс... сскоро и яссс сстану бессиленссс, а потомссс расстворюсссся... не знаюссс, нассколькссс меня хватитссс сейчасссс...»

«Ты не прощайся раньше времени, — нервно попросил Люк. — Не может же все кончиться... вот так просто».

«Я к тебессс тожессс привязсалсссся, змееньшшш, — шипяще усмехнулся змееветер. — Но всему приходитссс конецссс».

Люк крутанулся восьмеркой, разглядывая облака, над которыми они поднимались. В разрывах было видно, как Тамми, в невидимом состоянии для Люка выглядевший, как змеобразное сплетение перламутровых ветерков с клювом, носится туда-сюда, выдергивая раньяров с заложниками из стай. Каждый раз за ним устремлялись десятки стрекоз — то ли чтобы поймать, то ли чтобы выручить соратника.

Нужно было спешить вниз, каждая секунда — это жизнь кого-то из его людей. Но что делать? Где решение? Призвать ливень? Нории учил и граду, и дождю, но как в дождь магам использовать огнедухов? Это спасет бойцов от раньяров, но подставит под съедение невидши. Что способно остановить сейчас стрекоз?

«Посстой! — крикнул он, как всегда от волнения начиная тоже шипеть. Змееветер, огромный, тоже переливающийся перламутром и величественный, затормозил и обернулся. — Оставь ветерссс! Помоги мне сспустить это облако в долину! Так, чтобы было над землей на человеческий рост! И уйдешь в небо беречь силы!»

«Это дасст тебе лишшшь нессколько чассссов, — предупредил змееветер. — Покассс еще есссть утренняссс прохладассс. К полуднюссс оно развеетссся».

«Мне хватитссс!» — нетерпеливо мотнул Дармоншир хвостом.

Змееветер помог ему набросить на большое, плотное облако, размером больше, чем долина, сеть из сплетенных ветерков — один бы Люк и не додумался, и не справился, -и придавил облако сверху. Крылатый герцог, захватив концы ветерков, как нитки от воздушных шаров, полетел вниз. И тут бы сил не хватило утянуть — но змееветер давил, и облако, направляемое Люком, медленно спускалось в долину, закрывая ее и от восходящего солнца, и от неба.

Навстречу ему с восторженно-изумленным клекотом рванул Тамми, понял, в чем дело, вцепился в «нитки» чуть выше, чем Люк, потянул со всей змемолодецкой мощью вниз. Они оба невидимыми почти растеклись по земле, а затем выпустили хвосты ветерков. Те, освободившись, усвистали в разные стороны, взлохматив и раздергав сизое облако над Норбиджем на несколько частей. Но, самое главное — оно устояло, зависнув плотной мглой чуть выше двух метров над долиной.

Люк услышал, как с тяжелым гулом ушел вверх и помощник-змееветер.

Теперь, когда всадники на раньярах не знали, где внизу свои, где чужие, где нападают,

кого атаковать — можно было и поохотиться на тех, кто с заложниками, и попытаться отследить работу артиллерии — после выстрела на месте оставался «фонтанчик» из тумана. Не все орудия находились ниже уровня облака, однако несколько удалось вычислить и уничтожить.

Ренх-сат прятал их в старых горизонтальных шахтах, входы в которые в склонах холмов были скрыты густым лесом. И как орудия туда доставляли, непонятно — потому что подъехать было невозможно. Видимо, таскали ночами, привязав тросами к десятку раньяров.

Поднималось солнце, облако постепенно испарялось. На окраине Норбиджа занялись уличные бои. Первый шеститысячный отряд, разделившись, бился на флангах укреплений, продолжая зачистку и неся огромные потери: с других городков прибыли еще полчища раньяров. Во мгле сверкали росчерки огнедухов. То и дело на склонах раздавались глухие звуки рогов-манков, и там, где облако рассеивалось, видны были медленно спускающиеся в город силуэты тха-охонгов.

Люк и Тамми работали как ужаленные, разделившись: Тамми вызволял заложников, Люк уничтожал стаи, оставшиеся без прикрытия... но слишком медленно это происходило и спасение мирных шло в ущерб защите наземных отрядов Дармоншира.

Вся логика войны требовала подходить к ней с ледяным сердцем, убивать врагов, не считаясь с потерями женщин, детей, мужчин, но кто сможет выстрелить во врага, зная, что этим выстрелом он убьёт и ребенка?

Раньяров над долиной кружился уже рой, и от ветра, поднятого их крыльями, облако стало рассеиваться еще быстрее. А это значит, что атакующих дармонширцев просто истребят с воздуха.

Нужно было вызывать помощь.

Люк хотел оставить последний аргумент на финальные уличные бои, когда сил у союзников останется мало — но в этом бою до финала дармонширцы могли и не добраться. Он опустился на землю рядом с окопом, залитым кровью и заполненным телами своих и чужих, чудовищ и людей, обернулся человеком и, сжав в руке медальон с изображением собачьей головы, подаренный Нории, крикнул: «Аршавах тер-сели!». И тут же снова взмыл в воздух змеем.

Он не знал, сколько прошло времени — десяток минут? Больше? — когда сначала услышал вой, а затем увидел, как спускаются по склону холма в туман псы, похожие на сверкающие на солнце большие капли воды.

На месте, где он их вызвал, они выстроились кругом — поменьше, чем он видел их в бою в последний раз, но все еще мощные, с горящими глазами и широкими телами.

Он не стал оборачиваться. Завис над ними и спросил мысленно:

«Мне нужна ваша помощь в воздушном бою. Нужно убивать тех стрекоз, на спинах которых нет привязанных людей. Я видел, как из воды озера сотворялись чайки. Сможете ли вы стать крылатыми?»

Первый пес недовольно что-то рявкнул, обернулся к своим. Те ответили сдержанным рычанием.

И тогда первый подпрыгнул, в прыжке отрачивая себе крылья и клюв, и, мазнув прохладой Люка по перьевому воротнику, понесся навстречу ближайшему раньяру, явно целясь ему в глаза. А за ним метнулась целая стая таких полупсов-получаек.

Время шло к полудню. Рвали врагов змеи, рвали тер-сели, ослепшие раньяры метались по долине, врезались друг в друга, в склоны — но все равно инсектоидов оставалось очень

много.

Первый отряд Дармоншира под предводительством леди Виктории уже зачистил левый фланг и заворачивал к городу, на правом еще шли бои. Слышались взрывы и стрельба в городе, верещание раньеров, работала дармонширская артиллерия. Третья и четвертая очередь атакующих дармонширцев шла на Норбидж. Пятыми должны были идти эмиратцы — сейчас они прикрывали тыл и готовили машины снабжения, потому что боеприпасы у бойцов, которые уже в городе, не бесконечны.

Но Люк понимал, что бой затягивается, и что использование и мощи змеевetra, и терсели в самом начале битвы — плохой знак. Больше волшебных резервов у него не осталось.

Около пятнадцати часов дня майор Церсия Лариди находилась со снайперской винтовкой на втором этаже дома на окраине Норбиджа: здесь вдоль зеленых улиц располагались большие сады с приземистыми старыми домами, за каждым из которых могла ждать засада иномирян. Они и ждали — и за домами, и за баррикадами, и попросту возвышаясь посреди улицы на тха-охонгах и обстреливая наступающих из автоматов.

Позади остались бои на укреплениях, прорыв через несколько линий обороны, сражения на подступах к городу, в полях, на простреливаемом пространстве. Иномиряне оборонялись со всей отдачей, и если бы не большое облако, которое прикрывало наступление от раньяров, бои могли закончиться уже сейчас и не в пользу Дармоншира.

Активное участие снайперов группы Лариди в наступлении, когда они шли в сводной дивизии как обычные стрелки, закончилось, и теперь их задачей было прикрывать со спины продвижение своих на основных улицах городка, следуя на относительно безопасном расстоянии за ними. В соседних домах и на соседних улицах тоже располагались ее девочки, да и выученные уже в Дармоншире мальчики тоже.

За время нахождения здесь она привыкла, что мужчины могут быть не менее дисциплинированы и ответственны, чем женщины, но иерархия им требовалась жестче, иначе начиналась борьба за лидерство и расшатывание дисциплины. Оттого в армии Маль-Серены за редким исключением мужчины несли исключительно небоювую службу: снабжение, инженерные войска, медицина. Слишком конфликтные, слишком много усилий на поддержание порядка.

Но работа со снайперами здесь, пожалуй, заставила Лариди пересмотреть свою уверенность в заведомой неспособности мужчин к длительной, кропотливой и хладнокровной работе. Ее мальчики-снайпера показывали отличные результаты.

Сейчас Лариди сквозь дымку от артиллерии, заполнившую долину, следила за тем, как перебежками продвигается вперед сводный берманско-рудложско-дармонширский отряд под прикрытием одного мага и нескольких огнеметчиков, только что отбивший нападение группы раньяров. Отряд был большой — более сотни человек, и сам был разбит на несколько групп,двигающихся на расстоянии пяти-десяти метров друг от друга.

Майор уловила движение в одном из садов, мимо которого проходила первая группа. Невидши.

— Раз, два, — шевельнулись ее губы в такт выстрелам разрывными, и две твари дернулись, рухнули на землю почти обезглавленными. Берман-предводитель отряда тут же отреагировал — группы перестроились, на метнувшихся к бойцам шестерых невидши полилась огненная смесь из огнеметов, рванулся вперед огнедух. Одного инсекта успели достать секирой, но двое оказались быстрее огня и врезались в отряд.

— Раз, — шепнула Лариди, поймав движение одной из тварей, и выстрелила не туда, где она была, а туда, где она должна была оказаться через несколько мгновений — и оказалась.

Вторую забили секирами. Но итог — несколько раненых бойцов с пропоротыми животами, вырванными кусками плоти, один — на брусчатке без движения. Их оставили в ближайшем саду, по рации передали медицинской службе координаты. Тело товарища оттянули туда же, за забор. Нельзя возвращаться в тыл с ранеными — если отряд не

исполнит свою часть работы, то ослабит все наступление и потерь будет значительно больше. А у бойцов есть аптечки, которые помогут им продержаться до прихода санитаров.

Или не помогут.

Лариди перекинула винтовку через плечо, подзатянула ремень каски и спустилась на первый этаж, пробежала через загаженную гостиную, через сад — и, пригибаясь, к дому через два следующих, мимо которых уже прошел почти сотенный отряд и которые проверил. К раненым наискосок она не стала подходить. Во-первых, мимо пойдет сержант Акирос, которая прикрывает уже саму Лариди с другой стороны улицы, а во-вторых, у нее другая задача.

Дома здесь еще располагались отдельно друг от друга, но дальше начиналась улочка с плотно пристроенными друг к другу зданиями. В домах, сохранивших следы бывшего уюта, было грязно и пусто — раскидано, разворовано. Кое-где виднелись следы охонгов и проживания наемников. Были и человеческие кости.

Берманы, конечно, дрались как бешеные, издали расстреливая врага из коротких автоматов, а при сближении переходя в какую-то промежуточную боевую форму: они выглядели как люди с черными глазами, клыками и когтями, с бугрящимися мышцами, и они выходили на охонгов и невидши с одними секирами или в облике медведей. Они были хорошими бойцами, и пусть Лариди не одобряла главенство мужчин в стране и доме (а также гьелхты, в которых непонятно как драться: попробовала бы она выйти на позицию в юбке), воевать они умели.

Новая позиция.

Мысли под канонаду текли спокойно — а майор в это время стреляла разрывными, выбивая суставы и глаза чудовищ, прущих на берманов и дармонширских магов с огнедухами — уже совсем немного их осталось, и работали они теперь на раньяров, которых змеи воздуха и тер-сели значительно проредили во время внезапно упавшего тумана (всем было понятно, что это не само по себе облако вдруг ушло вниз, чтобы помочь дармонширцам), но стрекозы по-прежнему рушились сверху, выхватывая то одного бойца, то другого, а всадники на них работали из гранатометов.

Лариди сшибала и их — сколько позволяла скорость выстрелов, размеренно перезаряжала винтовку, следила за периметром, слушала, как работают ее снайперы, при продвижении отряда далее перебежала из дома в дом, пригнувшись, цепко оглядывая улицу и небо — там метались ослепленные раньяры, иногда врезаясь в дома, падая на мостовые, — и снова ложилась на позицию.

Она вновь перебежала к дому наискосок по усыпанной телами и разубленными охонгами улице. Пробралась в дом, поднялась на чердак. Судя по автоматным очередям, впереди схватка была жаркой.

Она двумя выстрелами отщелкнула передние лапы у тха-охонгов, когда на берманов вновь посыпались невидши. Лариди быстро, без суеты перезарядила винтовку. Из дома наискосок и чуть позади тоже шло отщелкивание разрывными — работала сержант Акирос. Через несколько секунд майор вновь присоединилась к ней.

Не привыкнуть было к тому, как невидши испаривают тела людей назапастными лезвиями, как рвут страшными пастями. Слишком мощны они были, слишком быстры — кажется, даже одна такая тварь могла бы перерезать сотенный отряд, если бы он был вооружен обычным оружием. Да и с огнеметами, и с огнедухами, и с секирами берманов, и с поддержкой снайперов все равно было сложно и смертельно опасно — после каждой стычки

с невидши на месте боя оставались раненые и убитые. А ведь невидши были не единственной проблемой — были и раньяры, и охонги, и тха-охонги, да и наемники дрались отчаянно.

Отряд редел, и скоро ему придется встать на опорную позицию и удерживать ее до подхода подкрепления, потому что атаковать больше не будет ресурса. Успеют ли они дойти до центра города, чтобы встретиться там с идущими по соседним улицам подразделениями?

Лариди продолжала мыслить быстро, ловко перезаряжая и стреляя, перезаряжая и стреляя. Рубка шла жестокая, у баррикад, составленных из кроватей, шкафов, садовых статуй и кусков заборов, уже сражались врукопашную, часть берманов обернулись медведями и рвали охонгов. Соппротивление иномирян слабело, вот уже кто-то побежал, кого-то давили к забору. Сверху мелькнула тень — еще одна стрекоза неслась к месту стычки, всадник стрелял из автомата вниз.

— Раз, два.— Майор сняла его, выбила стрекозе один глаз, сержант Акирос успела выстрелить во второй. Чудище пронеслось над головами бойцов и рухнуло на мостовую, крутясь и вереща.

Предводитель берманов — это был барон Ровент, матерый боец с недержанием мужского превосходства — оглянулся и с благодарностью поднял кулак.

В очередную перебежку, когда отряд метрах в двадцати впереди проходил только что зачищенный перекресток, добивая остатки сопротивления, она услышала сзади, из пройденного уже зеленого переулочка, шорох, краем глаза уловила движение — и успела сдернуть с плеча винтовку и выстрелить не глядя.

С дырой в башке отлетел на мостовую невидши — но из-за дома метрах в восьми от нее выскользнули еще двое и, не сбавляя темпа, бросились к ней.

Сержант Акирос, которая должна была ее прикрывать, их пока не видела.

Раз, — Лариди выпустила винтовку, — два, — сорвала с пояса гранату, — три, — выдернула чеку, — четыре, — бросила и рванула за угол, прижалась к нему, приседая и закрывая шею руками. Не все успела. Рвануло, полетели осколки — и ее все-таки задело, черкнув по плечу и пробив защиту, по спине в бронежилете, по каске. Пальцы остались целы. По плечу потекло горячее.

Майор развернулась — чтобы встретиться лицом к лицу с посеченным невидши, который щелкнул посеченной пастью в каких-то сантиметрах от ее лица, дернулся вперед. Она упала на спину, ударила его ногой в шею — как в камень, но и он качнулся вперед, перебирая культями оторванных конечностей, из которых текла слизь.

Раздался парный выстрел Акирос — тварь дернулась, но голова была прикрыта корпусом, в котором образовалось две дыры. Невидши полз вперед, Лариди отползала по мостовой, пытаясь вывернуть так, чтобы голова твари оказалась видна напарнице.

Снова выстрелы — отлетела одна из культей, вырвало плечо. Тварь заверещала, ковыляя, но ускоряясь.

В руку скользнула третья граната, Лариди выдернула чеку — и тут инсекта сбил огромный медведь, схватив его пастью за башку и оторвав ее. Плюнул слизь, вытер язык о камни мостовой, встал на задние лапы и перетек в командира берманов Ровента.

Майор вставила чеку обратно в гранату, схватилась за его протянутую руку, поднялась. Подняла брошенную винтовку, шагнула ближе к стене дома — под козырек, чтобы не стать мишенью для стреляющих своздуха, выдернула из аптечки кровеостанавливающую губку, бинт, антисептик, начала обрабатывать плечо прямо через порез в одежде. Руки тут же

покрылись липкой кровью.

Мимо проносились еще медведи — пробежали мимо уничтоженных ею невидши, обошли вокруг дома, откуда они появились.

— Недобитки какие-то, барон, — доложил появившийся из-за дома берман. — Там больше никого нет.

— Хорошо. Возвращайтесь к отряду, — отрывисто приказал Ровент. Тяжело посмотрел на то, как Лариди заканчивает бинтование.

— Нас защищаешь, а себя не можешь? — сказал он мрачно, снимая с пояса флягу. Глотнул жадно, вытер рот широкой ладонью. — Зачем тебе вообще воевать, женщина? Стреляешь ты хорошо, но вблизи как себя защитишь?

— Попридержи язык, медведь, — сухо ответила Лариди, — Иначе подумаю, что ты им охотнее, чем секирой, машешь. Умение бойца не в том, что у него под юбкой находится. А за помощь благодарю.

— Взорвала бы себя? — спросил он и снова поднес флягу ко рту.

Она не стала отвечать на глупый вопрос, прижалась к стене, осматривая улицу. Впереди снова началась перестрелка — атаквали раньяры, и времени идти в укрытие не было. Акирос уже стреляла — и Лариди, не успев смыть в рук кровь, взяла оружие и стала стрелять стрекозам по глазам.

Берман, обернувшись, помчался к своим. Сделал несколько прыжков — и прямо перед ним с грохотом и визгом рухнула наземь стрекоза, проехала по мостовой к дому напротив. Медведь, на ходу бросившийся вбок, задетый большим телом и оглушенный, ошалело оглянулся.

Раньяр крутился, шевелил жвалами, пытаясь кого-то ухватить — и вот с его изорванного крыла соскользнул крошечный, размером с три ладони, крылатый водяной щенок с зубастым клювом и красными глазами. Он увернулся от большой пасти, и, низко рыча, рванул к глазу, врезался в него острым клювом — и тот лопнул. Стрекоза, мотнув башкой, сбросила щенка, наступила на него лапой — тот растекся лужицей, тут же собрался рядом — еще меньше и слабее.

Раньяр вдруг дернулся в сторону Лариди — она, уже стреляя во второй глаз, вспомнила, что они дуреют от запаха крови, — а затем бросилась дальше по улице, оттуда, куда врезалась ослепшая стрекоза. Впереди тряс башкой оглушенный берман.

Рядом с ней вдруг запрыгал водяной дух, ударяя по воздуху крылышками, требовательно, басом, затыкал. Она улыбнулась, остановилась под аркой недалеко от медведя, который уже пришел в себя и встал на лапы, присела, протягивая щенку испачканные в крови руки.

— Ты храбрый боец, — сказала она, — хорошо, что я могу помочь.

Тер-сели быстро и жадно слизывал с ее рук липкую кровь, и потихоньку рос, набирался сил. Лариди не была старшей аристократкой, но и капли крови прародительницы в жилах было достаточно, чтобы помочь таким духам.

Берман покачал башкой, обернулся, оставшись сидеть, вколол себе что-то из аптечки. Понаблюдал за Лариди и псом. Тер-сели слизал все — и подрос выше колена, и окреп, и глаза засветились ярче. Он подпрыгнул и рванул в воздух.

— У нас дев-воительниц называют вирены, — сказал Ровент. — Не думал, что встречу такую при жизни.

— У нас целый остров вирен, — усмехнулась Лариди, вытирая обслюнявленные руки о брюки. — Закончится война — приезжай посмотреть.

Сверху раздалось хлопанье больших крыльев, верещание — и они пригнулись, бросились к стенке. Но то были не стрекозы. Над головами, сбивая раньяров, хватая их за крылья, в воздухе носились белоснежные драконы с красными гребнями.

— Хорошо, — прорычал берман, снова оборачиваясь, и большими прыжками помчался к своим.

— Хорошо, — согласилась Лариди и побежала на новую позицию.

Впереди начиналась городская застройка — сплошные стены старых двух— и трехэтажных домов, кварталы, узкие улицы. Меньше места для маневра, больше — для того, чтобы их могли зажать и истребить.

Из большого отряда осталось человек восемьдесят. Около двадцати убитых и раненых за последние часы, а ведь еще даже не вошли в старый город.

До центра городка было еще с десяток кварталов.

* * *

Друзья, выкладываю внеурочно то, что уже написано, потому что у меня заболели оба ребенка и смысла тянуть до написания полной главы нет.

Когда будет следующее продолжение, я не знаю, зависит от длительности и тяжести ОРВИ.

Всем здоровья!

Нории пролетел замок Вейн около трех часов дня. Он видел сверху огонь Марины Дармоншир, который стал еще мощнее, видел пламенные пятна привязанных огнедухов и золотистые ауры магов. Спускаться не стал — лучше успеть на помощь, чем потратить время на объятья и отдых. В крови его все еще плескала сила, полученная ночью от Ангелины. А бойцам крыла Четери, спокойно переживающие полет у Владыки на спине, и вовсе требовалась лишь пара коротких привалов — для них, стремившихся в ученики Мастера, лучшим отдыхом был бой, а разминаться они ухитрились и в полете.

Из переписки и общения с Люком в Милокардерах дракон знал, где окопался Ренх-сат и представлял по картам, где искать дармонширскую армию. Но если бы даже брат по отцу не рассказал ему этого, Нории нашел бы двух змеев воздуха по возмущениям ветров, которые ощутил сразу как перелетел форты. Через полчаса он услышал отзвуки большого боя, а потом и увидел — мельтешение стрекоз, задымленную долину с лежащим в ней городком, мелькание огромных аур двух невидимых змеев и мощную ауру волшебницы Виктории на окраине города.

Нории тоже накинул невидимость, накрылся щитом — и понесся к Дармонширу, который вился справа над городком и как лягушка на болоте бросками врывается в стайки раньяров, зачем-то выхватывая оттуда одного-двух, а по остальным бил огромным хвостом. Владыка с удовлетворением учителя отметил, как ловко Люк манипулирует щитом, то позволяя раньярам проходить сквозь него, то используя как большой таран. Вокруг, по полям и лесам, на улицах и крышах городка стрекоз разбросано было великое множество, дохлых, разорванных, раздавленных, но и тьма их роилась в воздухе, атаковала наземные цели — стало ясно, что помощь драконов пришлась как нельзя кстати.

Нории с ходу ударил по группе раньяров холодом — те попадали вниз как большие сосульки. Люк, мотнувший хвостом, затормозил, обернулся. Невидимым он мерцал как сплетение перламутровых вихрей.

«Ты здесь, брат», — прошипел он с облегчением.

«Где же мне еще быть? — знакомо ответил Нории, и змей понимающе курлыкнул-усмехнулся. — Рад, что застал тебя в добром здравии. Гляжу, твоя аура стала еще мощнее».

«Марина прилетала ночью», — признался Люк, и теперь уже Владыка с пониманием фыркнул, ничуть не удивившись. Он достаточно уже узнал Рудлогов и Марину, чтобы понимать, что это в ее духе.

Они поднялись выше, осматривая поле битвы. Драконы на спине Нории склонялись, чтобы тоже все разглядеть.

«Что нам сейчас делать? — спросил дракон. — Со мной три десятка мощнейших бойцов. Они могут помочь как в воздухе, так и на земле. Они не Владыки и, сойдя с моей спины, станут видимыми, но каждый обучен ставить щиты и обладает стихийными силами воды и воздуха. На земле им нет равных в ближнем бою. Где нужна наша помощь?».

«Наземные отряды пока справляются, да и огнестрелу твои бойцы не обучены. Воздух, — прошипел Люк, наблюдая, как Тамми хватает лапами двух стрекоз и с силой сталкивает их друг о друга. — Пусть вытаскивают стрекоз с заложниками из стай, тогда мы сможем работать вихрями».

«То-то я думаю, почему ты так миндальничаешь», — посерьезнел Нории.

«Будь осторожнее, — Люк, уже отлетая, оглянувшись, — возможно, у врага есть сеть против таких, как мы. С крючьями. Тамми вчера чуть не нанизался на нее».

Владыка изогнул шею в знак того, что услышал, и тут же отдал мысленный приказ. С его спины начали спрыгивать бойцы боевого крыла Четери, в воздухе обращаясь в драконов, сверкая щитами и сразу бросаясь в бой. Каждая стрекоза была не больше трети от драконьего крыла, метров пять-семь в длину, но все же схватить их пастью за головы, как змеи, драконы не могли. Поэтому хватали зубами за крылья или цепляли сверху всеми четырьмя лапами и заземляли, ломая конечности и сбрасывая всадника.

Где-то неподалеку удовлетворенно зашипел Дармоншир, создавая первый вихрь, который опустился чуть выше городских крыш и начал вихлять по долине, всасывая стрекоз, перемалывая им крылья. С другой стороны азартно толкал вперед стены воздуха хвостатый герцог Таммингтон, сшибая по несколько раньяров за раз и стараясь не задеть драконов.

Нории сплел первую сеть и швырнул ее на ближайших врагов.

В полчищах раньяров, которые тучей вились над улицами города, атакуя наземные отряды и уклоняясь от огнедухов, началось замешательство — они перестраивались, меняли тактику, врезаясь сверху в щиты драконов, стараясь придавить их к земле.

Бойцов-драконов отработанно прикрывали соплеменники, сбивая инсектоидов крошечными ледяными осколками, прижимая к крышам ветром, разрывая когтями. Но слишком много было стрекоз — и они тучей слетались к трем десяткам драконов, грозясь задавить массой несмотря на все умение.

Нории, влетев почти в самую гущу — так, что несколько стрекоз врезались в его щит, сломав крылья и свечкой рухнув вниз, на крыши, подумал, что военачальник у иномирян — очень внимателен. Энтери рассказал о битве с раньярами у замка Вейн — и очевидно, что командующий врага учел и возможность появления драконов, и разработал тактику, позволяющую победить их. Не учел только появления Владыки.

Всадники, поняв, что среди них — невидимый враг — закружили вокруг, врезаясь в щит и отскакивая. Кто-то влупил по защите Нории из гранатомета, но дракон не дрогнул, прикрывая глаза.

«Вам страшно, — проговорил он мысленно и озеро его сенсуальной силы плеснуло в стороны ужасом, смятением, тревожным безумием. — Вам не победить. Вы все погибнете прямо сейчас...»

Раздался панический многоголосый вопль — сколько он мог видеть вокруг, всадники корчились, хватались за головы, глядя на небо, по сторонам, разворачивали раньяров. Самые стойкие просто улетали прочь, но многие выпрыгивали из седел и с криками падали вниз, оставаясь недвижимыми на крышах и брусчатке. Воины-драконы, получив пространство для маневра, снова бросились в бой.

Инсектоиды, неподвластные внушению и не имеющие чувств, метались, сталкиваясь и подставляясь под когти и зубы драконов, пролетая мимо змеев, проскальзывая и ударяясь об их щиты.

Нории придерживал свою мощь, чтобы не задеть людей на земле, чтобы не продавить и соплеменников — пусть у них защита от сенсуального воздействия была поболее, чем у людей, да и тренированы они были отлично, но силой Владыки и их мог бы он пробить.

«Чтоссс это былоссс? — изумленно спросил Таммингтон откуда-то сверху. — Проссттите, мои добрые друзьяссс, но я едва удержалссся, чтобы не... эээ... ссссбежать в косссмоссс от сссстраха».

«Эксстремальненько, — нервно согласился Люк, ловко подхватывая вихрями мечущихся раньяров. Он не сорвался с места, но выглядел ошарашенным. — И эффективненько. Я видел вссплеск твоей силы, Нории. Сскажи мне, что ты можешь это повторитьсс в любую ссекунду».

«Несколько раз смогу, — гулко ответил дракон. — Может, десяток. Может, два — но вряд ли, стихии ослабели и наши силы вместе с ними. Потом наступит истощение, поэтому лучше использовать это умение по ситуации. А пока здесь все расчищено, — он развернулся и тоже создал несколько вихрей, — обойдемся и обычными заклинаниями».

* * *

Тиодхар Ренх-сат несколько раз вылетал со своим отрядом стрекоз на помощь бойцам и для оценки ситуации на поле боя. Он использовал и местное волшебное приспособление — би-нокль, да и связные, летающие туда-сюда, приносили ему информацию от командиров наземных и воздушных отрядов. Но он никогда не боялся идти в гущу сражения и предпочитал видеть все своими глазами.

Все шло по плану — армия противника почти полностью уже вошла в город, и лорташские отряды из других городов, которым пришлось делать большой крюк из-за ударов вражеских орудий по флангам города, скоро должны были захлопнуть окружение. Ренх-сат ждал только их — почти двадцать тысяч наемников и инсектоидов, которые укрепят его превосходство.

В воздухе тоже царило преимущество, несмотря на проблемы, доставляемые невидимым колдуном — Ренх-сат собрал раньяров со всей Инляндии, а также приказал вывести несколько сотен недавно вылупившихся из Лортаха, и они давили проклятого змея количеством.

Близилось время, когда он использует сеть Лесидия — но Ренх-сат понимал, что раз первая попытка провалилась, то нужно использовать вторую, иначе третьей у него не будет, и заставлял себя выжидать, глядя, как то и дело очередная стая раньяров рассыпается от страшного удара ветра, или как дергается вперед, схваченная невидимой пастью, одна из стрекоз с заложниками. Долина была немаленькой, и невидимый колдун то и дело ускользал из поля зрения генерала. Он был очень быстр, так быстр, что Ренх-сату казалось, что в воздухе орудует целая стая колдунов.

И поэтому он выжидал и размышлял, как вернее поступить. Загнать врага в ловушку, пожертвовав огромным числом своих людей, и потом уже накинуть на него Лесидию? Или использовать другую хитрость — но тогда колдун поймет, что на него идет прицельная охота и будет вдвойне осторожен?

Тиодхар уже решил было вылетать самому с отрядом подчиненных им стрекоз, а также и отправлять в полет всадников на стрекозах с привязанными сзади детьми: мимо такого колдун точно не пройдет, рванется спасать и тут только Ренх-сату останется улучшить верный момент и бросить сеть. Но что-то его беспокоило, и он ждал, осматривая в бинокль улицы города, фланги и небо над Норбиджем, пытаясь понять причины беспокойства.

— Смотрите, тиодхар, — почтительно позвал тха-нор Арвехши, который после гибели императора остался связным при Ренх-сате и нынче тоже рассматривал небо в бинокль. — Смотрите, сколько колдовских зверей!

— Это дра-ко-ны, — резко ответил генерал. — Мои люди рассказали, что такие звери защищали замок колдуна, когда я послал норов похитить его жену. Я думал о том, что они могут появиться, и научил людей, какой порядок выстраивать, чтобы победить.

— Но их много, — проговорил Арвехши.

— Много, — согласился Ренх-сат.

Если в замке по докладам драконов был едва ли десяток, то тут в разные стороны летели, разрывая раньяров и уклоняясь от выстрелов, десятка три, не меньше. И пусть Ренх-сат всегда учитывал появление любой подмоги, буквально на глазах ситуация в небе стала меняться. А, значит, без поддержки с воздуха останутся и наземные отряды норов. И могут быть уничтожены.

Здесь уже ему было необходимо вступать в бой и давить драконов подчиненных ему стрекозами без всадников, потому что врагу достаточно было скинуть всадника, чтобы безмозглый раньяр улетал прочь, а не бился самостоятельно.

Ренх-сат, продолжая наблюдение, уже качнулся в сторону пещеры, где стоял оседланным его раньяр, но напоследок взгляд его зацепился за нечто удивительное, и он поморщился, не веря своим глазам. Там, в воздухе сначала кто-то невидимый выхватил одного раньяра из стаи. И, почти одновременно на значительном расстоянии от первого еще одна стрекоза с заложником полетела вниз, словно схваченная огромной пастью. А, значит... он, наконец, понял, что именно ему не давало покоя, и зло помянул бога-Нерву.

— Их двое, — проговорил он неверяще, опуская бинокль. — Колдунов двое.

... А значит, пришла пора активировать все ловушки, иначе он проиграет, даже не увидев, кому проигрывает.

Через несколько минут из шахт и пещер в окружающих город холмах вылетели больше сотни стрекоз, каждая из которых была гружена парой десятков тяжелых мешков. А кроме всадников на раньярах сидели еще и наемники с длинными крючьями — чтобы эти мешки быстро и ловко рвать.

* * *

«Что это?» — донесся до Люка мысленный крик Таммингтона, который орудовал в паре километров от него.

Дармоншир не понял, прислушался, огляделся, не оставляя управление смерчами. Все как обычно — яркие вспышки взрывов, жужжание стрекоз и яростные крики драконов, верещание охонгов и тха-охонгов и рев берманов с земли.

«Ты о чем?»

«Наверхсс! Наверхсс посмотри!»

Герцог поднял башку и выругался, пытаясь улизнуть — но было поздно. В небесах над городом кружили десятки раньяров — и с них сыпалась меловая пыль, втягиваясь в смерчи и взбиваясь ими снова ввысь, накрывая долину дымкой, припорошивая людей, стрекоз, крыши, улицы, деревья, драконов, Тамми... и самого Люка. Сквозь щит, настраивать который на непропускание мельчайших предметов не было необходимости.

Дармоншир, безуспешно попытавшись вылететь из-под меловой ловушки, досадливо остановился — все равно уже весь был припыленным, и его каждый инсектоид мог заметить. Они и заметили — в воздухе еще продолжал оседать мел, а стрекозы, роняя с

крыльев пылевые облачка, десятками стали врезаться в его щит, и тот закрипел от нагрузки.

Люк с досады щелкнул клювом, вызвал смерч — с каждым разом это становилось все труднее, хотя Марина досыта наплатала его, — и попытался пропылесосить себя. Но пыли было слишком много, она оседала и оседала, очерчивая белесым его контур.

В поле его зрения попал Нории — точнее, его щит, усыпанный белым. Владыка был поопытнее Люка и Тамми, вместе взятых, и, видимо, вместо того чтобы суматошно нестись куда-то прочь от угрозы, додумался и успел усилить щит — чтобы он не пропускал даже мельчайшую пыль. Дракон как-то ловко тряхнул сферой щита, заставив ее сжаться и снова увеличиться, и пыль осыпалась вниз, на долину, а Нории остался невидимым — его можно было обнаружить только по чистому пространству в меловой дымке.

Неподалеку с благородными чертыханиями нервно вертелся Таммингтон, ухитряясь одновременно отряхиваться и бить по взбесившимся раньярам, и Люк снова выругался. Не смертельно, но неприятно лишиться невидимости — одного из основных преимуществ. Тем более, что в этом виноват именно он — ведь сам подсказал генералу иномирян подобную хитрость, выдав себя у меловых карьеров Форштадта.

«Роберт, тут поможет только купание, — прошипел Люк. — Давай ты первый к морю, а я за...»

Он не успел договорить — на холмах за городом отчетливо полыхнула вспышка, и зазевавшегося Тамми снесло ударом орудия. Но щит выстоял, лорд Роберт тоже — отделался испугом и снова рванулся к раньярам, которые оживились и шли на таран. Аура его слабела на глазах — скоро нужно будет подпитаться или поспать.

Полыхнула вторая, с другой стороны — Люк шмыгнул вверх, но оказалось, что это орудие ударило не по змеям, а по отрядам дармонширцев, пробивающихся к центру города, накрыв и лорташцев, ожидавших их за баррикадами.

Заработала в ответ артиллерия дармонширцев с дальних позиций, гулко ударили орудия с эмиратских кораблей, чтобы накрыть огневые точки противника. Но все зря — снова полыхнула вспышка, и ударило уже по Люку.

«Придется потом искупаться, Тамми, — прошипел он зло, — сейчас нужно уничтожить артиллерийские машины. Я быстро, вы с Нории здесь продержитесь пока».

Лорд Роберт, всю отбивавшийся от потерявших всякий страх раньяров, не ответил, но Люк знал, что он его услышал. Услышал и Нории — справа снова плеснуло оглушительным страхом, полетели во все стороны раньяры — то Владыка второй раз применил свою силу, открывая Люку путь к холмам.

И Люк полетел. Он рванул вверх, чтобы высота и облака сделали его невидимым для орудий противника, а затем так же быстро упал вниз уже за холмами,

Первое орудие он заметил на расчищенной площадке у шахты — и уничтожил ее с лету, просто схватив за кабину и бросив вниз. Там, внизу, оно и рвануло, поджигая деревья и ударяя в склоны. Второе накрыл, когда оно только-только выстрелило — он рвал металл клювом, а за его спиной на улицах города расцветал огненный цветок. Третье он опрокинул, когда оно выезжало из шахты, и не стал трогать выбравшихся из кабины оператора и водителя, которые побежали куда-то в лес.

Даже если ты все продумал идеально и обладаешь магическим преимуществом — враг всегда нарушит твои планы, если только там во главе не идиоты. А Ренх-сат явно не был идиотом.

Странно, что они сейчас активизировались. Очень странно.

Но времени обдумать это не было. Когда он взлетал после уничтожения пятого орудия, чуть не попал под дружественный удар дармонширцев. А, вильнув от поля огня вбок, заметил почти у середины высоченного соседнего холма выезжающую из шахты боевую машину реактивной артиллерии с уже поднятой ракетной установкой.

Люк рванул к ней — но водитель заметил змея и резко, взвизгнув шинами, сдал задом. Машина успела заехать внутрь, в пещеру, когда туда же, сужая щит до персонального ворвался Люк... машина панически неслась назад в темноте, к белеющему за ней пятну света, мимо каких-то подпорок и стволов, которые змей снес... раздался выстрел, другой — запыхало, у Люка сдавило голову, он чуть не оглох, и щит вдавило пузырем — то взорвалась сама машина... Он, глядя, как рушатся оставшиеся подпорки и увидев вдруг всю картину ловушки целиком, рванулся к ближайшему выходу... но затряслась земля, и по всей шахте начал оседать каменный потолок, перекрывая путь к спасению и сминая его щит.

Глава 9.2

5 мая, Дармоншир, Марина

Внимание, этот кусок про Марину уйдет при редактировании выше, до того, как Люк опустил облако!

Я вернулась в Вейн под утро, когда нежно-сиреневые сумерки уже сменялись розовой дымкой над штормящим морем. И мое состояние было таким же тревожно-умиротворенным.

Сейчас, когда я пребывала не в дреме, ощущать себя птицей было очень странно: с одной стороны, движение крыльев происходило так же естественно, как дыхание, с другой — мне сложно было осознавать свои размеры и скорость. И мысли в голове были легкие, короткие, будто сложным конструкциям просто не хватало места.

Мой взгляд то и дело выхватывал в травах и лесах мелкую живность, словно соколиная форма принесла мне соколиные же желания. Но человека во мне было еще достаточно, хотя Ангелина и говорила, что чем дольше ты в обороте, тем сложнее вернуться обратно. Инстинкты тянули сложить крылья и упасть вниз, но человек пока не хотел отведать суслика или скогтить голубя.

Огнедухи пригрелись под моими крыльями и, похоже, дремали, если духи вообще способны дремать. Но когда я подлетала к открытому окну, они сорвались с места и четырьмя огненными дугами метнулись к трем башням Вейна (духа из разрушенной башни я перепривязала к целой), и я досадливо крикнула им вслед. Такое сложно не заметить. В прошлые полеты они срывались из-под крыльев куда раньше, вне зоны видимости камер.

Я влетела в окно, крутанулась в воздухе через голову (еще помогало удариться оземь, но я боялась из-за детей) и встала на пол уже собой. Хотя нет, не встала — пошатнулась, схватилась за подоконник, переживая головокружение и учатившийся пульс, отдающийся в висках. От брачного браслета пошли прохладные волны, словно мятой успокоив кровь и добавив бодрости.

Я постояла у окна, подставляя лицо соленому ветру — море бесилось в паре километров отсюда, но казалось, что до меня долетают брызги. На лес падала тень от башен замка, виднелись патрули на земляных валах — а я смотрела и думала о Люке. О том, как он ухитрился за эти месяцы после всего произошедшего остаться прежним и при этом так измениться, будто перешагнул через себя старого и стал сильнее, спокойнее и при этом еще азартнее.

А еще я совершенно не чувствовала вины за то, что опять рискнула, опять нарушила правила, полетела к нему и не вернулась, когда осознала себя над Нестингером.

— Сейчас все правильно, — пробормотала я, прикрывая глаза. Ветер коснулся моих губ и я вспомнила, как целовал меня Люк и как хорошо мне было там, с ним.

Мне с ним везде хорошо, что уж говорить. И если он выиграет эту войну для меня... и для всех людей, которые находятся под его рукой... и для всей Инляндии, то неважно, в каком качестве он будет со мной дальше.

Мне с ним везде будет хорошо. Но нужно не помешать ему сейчас.

— Главное — победы, Люк, — прошептала я ветру те слова, которые сказала ему на прощание. — Ты слишком хорош, чтобы не победить.

Вспомнился его смешок после этих слов, и я тоже улыбнулась.

В животе шевельнулся кто-то из будущих Дармонширов, но легонько, словно не решив

еще, нужно ли просыпаться. Я погладила живот — и тут раздался звонок телефона и я, уже зная, кто это, прошла к прикроватному столику.

Звонил Леймин.

— Ваша светлость, — проговорил он, ничуть не удивившись тому, что я не сплю, — только что в ваши покои проникла птица, которая прилетела вместе с нашими огнедухами. Вы не хотите мне ничего рассказать?

— Хочу, Жак, — ответила я со вздохом, и он удивленно замолчал. — Да, меня даже не нужно уговаривать. Единственное, — я снова положила руку на живот, ибо пинались уже оба, — давайте я зайду к вам после завтрака и процедур. Поверьте, за это время я точно никуда не денусь. И мне действительно нужна ваша помощь.

Я только положила трубку, как телефон зазвонил снова.

— Да, капитан, — сказала я в трубку. Послушала его, снова вздохнула. — Да, Андрей Юрьевич, я только что говорила с Леймином. По этому же вопросу. Да, вы правы, а я неправа. Предлагаю нам всем вместе это обсудить.

* * *

— Вы, уж простите старика, в своем уме, ваша светлость? — осведомился Леймин, выслушав меня. Я безмятежно смотрела на него, затем оглядела аккуратнейший светлый кабинет: в соседнем кресле расположился командир моих гвардейцев, капитан Осокин. снова перевела взгляд на начальника безопасности.

— Предложите другой выход, Жак. Может, вы успеете за это время подготовить большую клетку, в которую поставите кровать? Или запрете в кладовке? Я могу потерпеть, но не хотелось бы — мне сейчас сложно в помещениях, в которых нет притока свежего воздуха. В покоях меня оставлять бесполезно, даже если закрыть ставни — что мне мешает их открыть руками, не приходя в сознание? Или выломать — я своей силы не знаю, к сожалению. Сокровищницу я просто открою изнутри. А вот железные решетки и двери я вряд ли смогу выломать.

— Но камеры в подвале, леди Марина! — он так негодуяюще хмурил брови, что лицо его стало похоже на сморщенный лимон. — Там холодно, сыро, каменные лежаки, кандалы... рукомойник и сортир там же. Раньше бы я вас сам туда отвел, но сейчас... — он глянул на мой живот и деликатно кашлянул. Посмотрел на Осокина в поисках поддержки. — Капитан, что вы скажете?

Старик как обычно упрямылся, но если раньше меня это раздражало, то сейчас я была на удивление спокойна.

— Нужно выбирать из имеющихся вариантов, — ответил Осокин, — и пока что Марина Михайловна права: камера подходит лучше всего.

— Жак, давайте так, — примирительно сказала я. — Если до вечера вы найдете другой вариант удержать меня, я его приму. А на случай, если нет — попрошу слуг подготовить мне камеру. Это всего на несколько ночей, как я надеюсь. Буду считать это приключением. Тем более, что я буду там не одна. Андрей Юрьевич не оставит меня без охраны.

— Нет, конечно, — Осокин склонил голову.

Леймин пожевал губами и буркнул:

— Все сделаю, моя госпожа. Но... нужно было рассказать нам раньше.

— Нужно было, — согласилась я. — Ноя не хотела. Однако признайте, что со мной становится проще, правда, Жак, капитан?

Они не ответили, скрестив на мне взгляды — но я не смутилась.

— У меня прогулка с леди Шарлоттой, — сообщила я Осокину, вставая уже с некоторым трудом — он подскочил, подал мне руку.

— Гвардейцы будут ждать у выхода, — понятиливо кивнул он и открыл мне дверь. Я вышла — пусть все обсудят наедине.

День, несмотря на утренний небольшой шторм, выдался жарким и прошел в хлопотах. Во время утренней прогулки я рассказала свекрови о своих полетах и ночной встрече с Люком, но она ни слова упрека не произнесла.

— Я уже привыкла, что ты очень необычная невестка, Марина, — сказала она, покачав головой. — Но я знаю своего сына. Именно ты и нужна ему.

Мы привычно прятали тревогу в делах и следили за новостями из Нестингера — их было немного, потому что все силы были брошены на битву, и никто не стал бы слать радиogramмы круглые сутки. Ани прислала птицу с добрым известием, что на помощь Люку полетел Нории и несколько десятков бойцов, и что Энтери с драконами вернется в Вейн через пару-тройку дней.

Ко второй половине дня море успокоилось, а вот из Рудлога пошли тревожные новости — о том, что началось наступление на Иоаннесбург, и меня накрыло такой тревогой, что я бросила письма от просителей и дела герцогства, посидела, купая руки в камине, а затем в кои-то веки напросилась на плановую операцию к доктору Кастеру, потому что это был единственный способ сделать себе эмоциональную анестезию.

К вечеру мы знали, что в Нестингере идут затяжные воздушные бои, но наши войска уже вошли в центр Норбиджа. Знали от агентов Леймина и то, что на окраинах Иоаннесбурга уже появились инсектоиды и идет их зачистка. Что моя сестра Василина лично принимает участие в битве.

Я поужинала, не чувствуя вкуса еды. Позвонила Мариану, хотя ему сейчас точно было не до меня — но он не взял трубку, набрала Катю — она оказалась вне зоны действия сети.

К тому моменту, когда пришло время ложиться спать, я не знала, куда себя деть. Выпила успокоительное, спустилась с Осокиным и Марией, которая с невозмутимым лицом несла поднос с молоком и печеньем, в подвал — там было свежо и меня эта свежесть отрезвила.

Завтра с утра уже будет новая информация. А сейчас нужно уснуть, чтобы не навредить ни себе, ни детям.

В камере сделали чуть ли не гостиничный номер — постелили ковер, поставили торшер и небольшой обогреватель, застелили кровать. Осокин поклонился, пожелал спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — рассеянно откликнулась я, глядя на маленькое застекленное окошко под потолком, закрытое железной решеткой снаружи. Посмотрела на закрывшуюся тяжелую металлическую дверь. Побродила по камере, налила себе горячего молока из кувшина, выпила. Выключила торшер и легла спать. И заснула, на удивление, почти сразу.

Во сне мне виделось, как я мечусь по камере, врезаюсь в стены, вопя от ужаса и тревоги, как бьюсь в дверь, оставляя черные подпалины. Как раскрывается дверь, и мужчина со знакомым лицом кричит мне, расставив руки:

Марина Михайловна, успокойтесь! Нельзя улетать! Успокойтесь, успокойтесь... вы

сожжете тут все!

Я кидаюсь к нему, но почему-то не пролетаю в дверь — возможно, потому что помню, что там дальше много камня и нет свободы. Я снова кричу от ярости — и поворачиваю к окну, туда, где стекло и толстые прутья, сквозь которые мне не пробиться.

— Марина Михайловна!

В какой-то момент я осознаю себя, опускаясь ниже — и мне становится очень горячо, и я засыпаю, полная тревоги, страха и желания куда-то лететь.

Вечер 5 мая, Нестингер, Нории Валлерудиан

Почти у щита Нории мелькнул хвост Таммингтона, который, отвлекая на себя внимание раньяров, заложил большой круг над долиной. Хвост хлестнул туда-обратно, и сверху полетели несколько изломанных стрекоз.

Сейчас в большинстве своем они атаковали без всадников, самоубийственно и бесстрашно, и Нории то и дело проносился сквозь стаи раньяров в надежде найти того, кто ими управляет на расстоянии. Он уже заметил, что одного всадника может сопровождать до десяти привязанных стрекоз, которые тот отправляет в атаку, как боевых псов.

Сейчас лорд Роберт отбивался почти от сотенной стаи, и это было действительно опасно.

На поле боя опускались сумерки, судя по вспышкам выстрелов, наземные отряды уже дошли до центра убеленного города и там перемалывали ожесточенное сопротивление идут.

«Где Дармоншшир? — прошипел припыленный герцог. Он так и не успел за прошедшие часы смыть мел, двигался замедленно, словно сонно, и щит его потускнел — так много раньяров шло на таран. Смерчи его уже иссякли и на новые не было сил. — Он давно долженсс былсс вернутьссся!»

«С полчаса назад видел у дальних холмов», — ответил Нории, качнув головой на север.

«Ясс только что слетал туда, — сообщил убеленный Тамми, — его нигдесс нет. И... я плохосс еще вижусс ауры, но егосс аурус не увидел ссссовсем. Посслал тамсс мысссленный зов — не отвечаетсс. И артиллериясс врагасс еще работает в тех холмахсс. Он бы никогда не оставил насс под ударомссс. Неужели выдохссся и уссснул где-то в лесссу?»

«Он был полон энергии», — возразил Нории, оглядывая холмы. Таммингтон был прав: мощная аура Дармоншира должна была кружиться медленным вихрем выше вершин даже если он скрылся где-то за ними, но ее не было видно. Последний раз Нории заметил Люка у холма, от которого сверкали всполохи огненных орудий, затем — ныряющим за другой. Но вновь собравшиеся в массовую атаку стрекозы заставили Владыку переключить внимание на них: нужно было не только прикрывать Таммингтона, но и приглядывать за драконами крыла Четери, ибо потерять тех, кто только вчера воскрес, было бы несправедливо и больно. Хотя все они понимали, на что идут.

Он еще раз покрутился, осматривая горизонт в поисках знакомой ауры. Пустота — и это дракону очень не понравилось.

«Я сам слетаю к холмам, посмотрю ближе, — сказал он Таммингтону, который в окружении десятка драконов отчаянно и устало дробил клювом стрекозу за стрекозой. — Мне нужно минут пятнадцать, продержишься? Не уснешь?»

«Нельзясс спать», — коротко ответил лорд Роберт, и эта краткость больше всего показала, насколько он измотан.

Раздался выстрел гранатомета, ударивший змея в щит. Таммингтон зашипел — и Нории,

уже отдавший своим драконам приказ прикрывать змея и отлетевший на полкилометра к холмам, развернулся, зависнув в стороне между обозленным змеем и расступившимися раньярами. В этом коридоре словно нарочно вился раньяр, показывая спину всадника, только что выстрелившего из гранатомета. А за спиной была привязана девочка лет семи, обмякшая от ужаса.

Лорд Роберт предсказуемо рванул туда, в коридор из раньяров. Драконы отстали — а навстречу ему, огибая всадника с девочкой, вырвалась целая стая стрекоз, которые на полной скорости понеслись к змею, разбиваясь о его щит в лепешки, затормаживая, отвлекая. А за этой стаей на крупном раньяре летел всадник в белых доспехах — и он как пращу раскручивал над головой что-то резанувшее Нории невероятной и чуждой мощью.

«Стой!» — рявкнул Нории, ускоряясь так, как это умели делать только владыки драконов. Он на ходу выстраивал огромный, мощный щит, многослойный щит, вливая в него максимум своей силы, он ударил вперед страхом — но в стороны разлетелись только раньяры со всадниками, а тот, кто раскручивал что-то невидимое, даже не дрогнул.

Таммингтон затормозил, ошарашенно тряся башкой, и Нории успел скользнуть вперед него: развернулся мордой к всаднику, ударил воздушным Тараном, за ним — тысячами ледяных лезвий — но то, что швырнул всадник, прорезало заклипания дракона как горячий нож масло, лишь на секунду задержалось на его щите, облепляя его сетью по кругу — и начало сминать его как яичную скорлупу.

«Нориисс!» — испуганно зашипел Таммингтон, дергаясь к нему. Со всех сторон с тревожными криками летели к Владыке драконы — спасти, убить врага, пробиться к человеку в белом доспехе, который, как невод за длинный канат, двумя руками держал сеть и подтягивал ее к себе, словно не чувствуя тяжести и сопротивления дракона. Пробивались несколько крошек тер-сели, но что они могли сделать? Раньяры словно взбесились — сотни их налетели и на драконов, и на змея, не пуская, заслоняя, отдавливая прочь.

«Улетайте, — едва сумел проговорить Нории, чувствуя, как чудовищная мощь продавливает его щит, в который он вливал все свои силы — и воздух нагревался, искрил от противостояния двух таких чуждых энергий. — Это... оружие... неподвластно вам... улетайте!»

Он выдохнул и расправил крылья, выплескивая в щит всю силу, что оставалась у него... Щит отыграл полкрыла, еще треть... и тут по сети пробежал металлический отблеск, она словно набрала силы в ответ на усиление щита, стала жестче, острее...

Раздался взрыв такой мощи, что его слышали и эмиратские корабли в море. Раскидало драконов, стрекоз, Таммингтон, который сумел подобраться почти вплотную, оглушенный почти до потери сознания, полетел вниз, на дома. Это лопнул щит Нории.

И только всадник, державший сеть, остался невредим — словно она защищала его. Впились в белую плоть дракона страшные крючья, раздирая кожу, ломая крылья, но оставляя в живых, и он закричал от боли, заклекотал, завыл — а сознание само бросило тело в анабиоз, потому что вынести эту боль было невозможно.

* * *

Ренх-сат, подтягивая к себе Лесидию, которая любую попавшую в нее жертву делала легче тюка с тряпьем, испытывал одновременно и торжество и досаду. Не та добыча — но и

этот зверь мощен, и он будет неплохой жертвой богам. Сеть его не убьет, пока Ренх-сат не захочет. Обездвижить болью, лишит воли и заставить жаждать милосердной смерти вполне достаточно.

Много раньяров пришлось погубить, чтобы его поймать — но зачем те раньяры, если в воздухе их превращают в труху? А теперь и один из драконов пойман, такой мощный, что какое-то время смог сопротивляться Лесидии, и змея в воздухе нет. А остальных зверей его норы перещелкают по одиночке. Все выдыхаются, и эти бойцы тоже.

Дракона стянуло сетью так, что голова была прижата к боку, ноги и хвост — к брюху, красный гребень торчал из ячеек, как и перья из сломанных крыльев, по белоснежным перьям которых текла кровь. Не подход бы от потери крови до жертвоприношения!

Вокруг звенели крики ярости, отчаяния, гнева — то бились, пытаясь прорваться к собрату, другие драконы — но раньяры стояли стеной, давая время тиодхару закончить дело. Били гранатометы — и вот уже у кого-то из драконов треснул щит, на крыльях повисли стрекозы, дракон полетел вниз, покатился по крышам, пытаясь стряхнуть с себя груз. Рухнул второй — и часть драконов отвлеклись помочь, часть по-прежнему рвалась к Ренх-сату.

Рядом с генералом остановился раньяр с почтительно склонившим голову Арвехши и побледневшим жрецом Имити-Ша, и Ренх-сат, сделав петлю над ними так, чтобы толстая нить легла в руки Имити-Ша, отпустил Лесидию.

— Отнесите зверя нашим господам, — крикнул он весело. — Эта кровь им придется по нраву!

Стрекоза с большим грузом под брюхом уже скрылась за холмами, и крики драконов переросли в вой и рев — но их по-прежнему не пускали следом, и приходилось биться, чтобы сохранить уже свои жизни.

Ренх-сат спустился ниже, сделал глоток из бурдюка, оглядывая центр города, куда упал змей и где сейчас отбивался от стрекоз дракон с ранеными крыльями.

— Где же ты, колдун? — проговорил тиодхар задумчиво.

Сейчас его не было видно — видимо, обернулся человеком, чтобы спастись. Ну что же, Ренх-сат лично спустится на землю. Человека поймать куда легче, даже если он избежал сразу двух ловушек.

Двух — потому что тиодхару докладывали, что одна из шахт-ловушек сработала, и он уже было полетел туда с норами, проверять, раскрывать выход и ловить колдуна на вылете, когда змей обнаружился над холмами, направляющимся к городку. И на выстрелы орудий не реагиравшим. Значит, сумел выбраться сам. Удачливая тварь.

Но всякая удача когда-либо закончится.

Он подозвал к себе жестом нескольких сопровождающих тха-норов и отдал распоряжения, как держать воздух, как работать оставшимся огненным орудиям.

— Пусть треть всадников спускаются туда, куда упал колдун и ищут его. Найдут мертвым — хорошо, живым — пусть сразу убивают. Я подойду с подкреплением.

Он развернул раньяра и полетел к холмам со стороны моря — там, где ждало несколько больших наземных отрядов на охонгах и тха-охонгах, которые поведет сам Ренх-сат, чтобы найти колдуна.

Ночь с 5 на 6 мая, Инляндия, Виктория Лыськова

Отряд Виктории вышел к центру города первым, еще до захода солнца. Благодаря щитам и мощи волшебницы, никто из ее бойцов не погиб — на них и легла задача по зачистке площади и окрестных домов. А затем, когда начали подтягиваться сводные отряды дармонширцев, идущих по параллельным улицам, Вики пришлось накрывать куполом, завязанном на накопитель, одно из отдельно стоящих зданий — для сбора раненых до передачи медицинским службам.

— Звание? — спросила она у молодого парня, который подтащил к дому кого-то из раненых и прямо на крыльце довольно умело делал ему перевязку пробитой головы.

— Младший лейтенант Бернارد Кембритч, леди, — ответил тот, не поднимаясь. — Командир четырнадцатого штурмового отряда.

Над ними в меловой дымке низко-низко пролетел дракон, уносясь от стаи раньяров, и они оба проводили его взглядами. Пронеслись несколько мелких водяных псов, мелькнула тень большого змея, и лейтенант успокоенно улыбнулся.

— Брат? — поинтересовалась Виктория. Она временно убрала доспех и наслаждалась тем, как холодит кожу через ткань свежий вечерний воздух.

— Так точно, леди, — кивнул лейтенант, заканчивая перевязку.

Появление драконов и работа двух змеев в воздухе сильно облегчила работу наземных отрядов, и пусть сейчас, с наступлением сумерек и из-за повисшей в воздухе меловой взвеси, их было видно только если присматриваться (а присматриваться не было времени) атаки раньяров снизились до минимума.

— Принимайте командование до прибытия медслужбы, лейтенант, — она качнула головой, указывая и на дом, и на купол.— Передадите дела и оставайтесь на охрану медслужбы.

— Так точно, — слегка растерянно ответил тот, поднимаясь и прикладывая ладонь к козырьку. Лицо его вдруг просветлело — Вики оглянулась туда, куда он смотрел, и увидела вываливающийся из одного из проспектов отряд Ольрена Ровента, в составе которого она узнала и серенитку Лариди. Рядом с ней летел мелкий водяной пес. Часть бойцов тащила раненых — значит, придут сюда.

Вики удовлетворенно кивнула и под звуки перестрелок и ударов артиллерии зашагала навстречу, сквозь шумящую и суетливую площадь, переступая через трупы невидши и лорташцев, обходя холмоподобные туши тха-охонгов. С удивлением она смотрела на множество выползших из подвалов местных жителей: окраины Норбиджа оказались совсем безлюдными, а ближе к центру попадались целые семьи, которые, похоже, прятались все это время от иномирян. Сейчас бойцы делились с местными сухпайками, а у Вики появилась еще одна задача: нужно было обеспечить вывод гражданский в тыл, за зону боевых действий.

У первой добравшейся сюда машины снабжения толпились маги, разбирая новые накопители и сдавая истощенные: много камней на себе не утащишь, всему есть предел. Те, кто успели первыми, подпитывались подпитывались у довезенных электрогенераторов. Примитивно, но надежно. Связисты споро прокладывали линию связи к медпункту, который стал и временной точкой сбора офицеров, а до тех пор с командованием общались через рации, передавая информацию от одного наблюдательного пункта к другому.

Засвистело.

— Воздух! — крикнул кто-то, и бойцы рванули в стороны, кому повезло — под стены, попадали на площадь, закрывая головы руками. Вики на ходу дернула руками, усиливая щит — но ударило чуть в стороне, двумя домами за площадью.

— Перелет, — выдохнули рядом.

— Сюда наверняка целились, — мрачно заключил боец, мимо которого она проходила.

Для дармонширских отрядов заранее были определены места промежуточной дислокации в центре города, ибо сосредотачиваться на одном месте было опасно — вражеская артиллерия озверела и палила, не щадя ни своих, ни чужих, покрывая мостовые Норбиджа пятнами крови. И как бы ни хотелось Виктории защитить всю площадь щитом, нужно было беречь силы: позади больше полусуток боя, а впереди еще южная часть города и дальше весь Нестингер. Одна надежда, что ночью враг поутихнет и получится выделить время на сон и восстановление.

Она поговорила с Ровентом — берман, покрытый слизью и кровью, смотрелся страшновато, и глаза его были черными от боевого азарта.

— Среди моих не все отряды еще дошли, — сказал он рычаще, — на трех улицах застряли. У тебя есть, кто посвежее, волшебница? Нужно три группы, одну поведу я.

— Есть, — ответила она. — Сейчас распорядюсь. Ты прав, вытаскивать их надо, потому что долго задерживаться здесь нельзя. Ночью нас тут зажмут в тиски. У вас есть час, затем мой корпус выступит на север по правой части города. Если не успеете, отвлечем на себя внимание, а вы вступите позже.

Берман мрачно кивал.

— Слушать сюда! — рявкнул он своим, пока Вики передавала через рацию приказ. — Всем, кто имеет какое-либо ранение — направляйтесь в медицинский пункт, чтобы обработать раны. Маги туда же — отдыхать, набираться сил, менять накопители, заряжаться. Кто может еще держать секиру или автомат — разделяемся на три группы. Через пятнадцать минут выдвигаемся! Теньин, куда собрался? — прорычал он тяжеловесному берману, который попытался затесаться среди здоровеньких, хотя рука у него висела плетью. — Вон оттуда! Обеспечь размещение наших отрядов, чтобы мы тут не маячили как живые мишени.

— Так точно, барон, — раздосадовано крикнул берман, отступая в группу раненых.

— Лариди, — не меняя тона, проорал Ровент, глядя, как две серенитки: майор и сержант Акирос поспешно и аккуратно перепроверяют оружие, забирают у своих патроны. Пес тер-сели стоял рядом, как приклееный. — Приказ о раненых и тебя касается!

— Трое моих не выходят на связь, — коротко ответила Лариди. — Без прикрывающего опорный снайпер, скорее всего, не выйдет. Разреши помочь, командир. Мы с Акирос идем с группой, которая пойдет на прорыв по Вязовой аллее. Там остался кто-то один из моих. На Устричной улице погибли оба, там отряд без прикрытия. Как я понимаю, ты пойдешь на Устричную.

Берманы с любопытством перевели взгляд на барона — ибо разговор шел через несколько десятков голов: бойцы бермонтские, рудложские, дармонширские и серенитские стояли, сидели, пили, курили, ели, проверяли оружие.

Виктории, признаться, тоже стало интересно.

— Туда, — признал он. — Кровью истечешь, — сказал он уже спокойно. — Пусть виталист хоть остановит. Спину бережешь. Осколок?

— Маленький. Подсохло уже, — она повела плечами и поморщилась. — Не нужно

виталиста, не до сна сейчас. Уколю еще раз кровеостанавливающее. Разреши пойти. У меня есть помощь — она кивнула на сержанта, затем на пса.

Субординацию майор исполняла на ура.

— Выведешь и в медицинскую службу, — проворчал берман, кривясь.

— Так точно, — ответила майор так ровно, будто не сомневалась в ответе.

Виктория, убедившись, что вспомогательные отряды ушли, вновь доложила командованию о состоянии дел, выслушала доклады наблюдателей и ответ из ставки. Все это время шло переформирование уже прибывших в центральную часть города войск. Работала медицинская служба. Для предстоящей атаки создавались боевые позиции на подступах к улицам, отходящим в незахваченную половину Норбиджа.

Мирных жителей отправили группами по зачищенным улицам в тыл, под охраной бойцов, которые из-за ранений не могли участвовать в атаке, но оружие еще удерживали. С ними же поехали машины медслужб, увозя тяжелых раненых.

Через час после того, как на помощь ушли три отряда Ровента, все подразделения, подчиняющиеся Виктории пошли в атаку — выполнять тактическую задачу, поставленную командующим Майлзом: закрепиться к ночи как можно дальше к северу.

Отряды Ровента в ожидании своей очереди удерживали подступы к улицам к западу от площади, перекрыв их бронемашинами, прощупывая баррикады врага короткими нападениями, простреливая гранатометами, и потихоньку, очень неспешно двигались вперед и отступали, чтобы вымотать противника.

На площади оставалось несколько сот человек — снабжение, медслужба, охрана и связь.

Группа, которую в сумерках вела Виктория, под автоматные очереди с соседних улиц прошла уже несколько кварталов, когда им в спину ударила взрывная волна, бросив людей на мостовые — кого на колени, кого плашмя, сорвав черепицу с крыш и баррикады, разметав раньеров. Виктория повернулась к источнику, пытаясь понять, что случилось — потому что взрыв, породивший волну, был явно магической породы. Такой выброс энергии могли дать сжатые до предела огромные накопители, щиты или стихийные духи. Но меловая пыль, поднятая над городом, не дала ей ничего разглядеть.

Через несколько минут пыль стала оседать, перестрелки постепенно начали возобновляться, а Виктория, усилив зрение, увидела, как чуть в стороне раньер уносит на север Владыку Нории, спелёнатого сетью, сияющей настолько чуждой энергией, что от нее заслезились глаза.

Иногда решения нужно принимать очень быстро. Такого ценного пленника, как Владыка Владык, врагам оставлять нельзя.

Здесь группа продержится недолгое время и без нее. Недолго. Потому что на земле все еще много невидши, и пусть в отряде два мага — они не выдержат массивную атаку.

Виктория щелкнула пальцами, создавая воздушную доску, прыгнула на нее и, выкрикнув несколько приказов своим людям, пологой дугой поднялась над городом, все разгоняясь. Она понимала, что трогать сеть неизвестной природы нельзя — зато можно тронуть тех двоих, кто несет ее, можно вырубить раньера и подхватить Владыку уже внизу.

Ветер бил по ее персональному щиту, когда она на невероятной скорости догнала похитителей. Начала обходить их по дуге, настороженно и внимательно глядя на чужой мощнейший артефакт — как были бы счастливы Март, Саня и Макс, случись им исследовать его!.. Владыка сиял стазисом, по коже его пробежали едва заметные всполохи белой стихии — тело сына Воздуха залечивало само себя...

Ее не замечали, и она сплела воздушный аркан, собираясь сдернуть с раньяра старика в странных одеждах — именно он держал сеть. Приблизилась на метр, другой, обходя артефакт как можно дальше и не упуская его из поля зрения — потому что по многолетнему опыту знала, что неизвестное волшебство может среагировать как угодно. Размахнулась арканом, чуть склонившись над доской для устойчивости — и едва успела дернуться вбок, потому что от сети вдруг выстрелили невидимые обычному глазу сияющие крючья, которые взрезали ауру волшебницы, словно впитывая ее, и понеслись к щиту... Вики долбанула навстречу заготовленным мощным Тараном, и от столкновения сил ее оглушило, сбросило с доски, в полубессознательном состоянии потащило прочь еще одной взрывной волной.

Двое на раньяре замотали головами, оглядываясь, один что-то крикнул другому, раньяр ускорился. Крючья, словно гигантские гарпуны, все тянулись к ней — и Вики, чувствуя, как чудовищно от потери резерва болит голова, ударила по ним еще раз — но раньяр улетел уже слишком далеко, и волшебница, падая спиной вниз на северную, неотбитую дармонширцами часть города, видела, как тают чудовищные крючья, которые оттяпали у нее минимум треть ауры.

Сил хватило лишь на слабенькую воздушную подушку, и от жесткого удара Виктория потеряла сознание.

* * *

На Норбидж стремительно опускалась темнота.

Бернард Кембритч, передав, наконец, медицинский пункт подполковнику медслужбы, вышел на порог, закурил, глядя на опустевшую белую затоптанную площадь. Боевые отряды распределились по позициям, с юга и с севера слышались выстрелы, сверху — визг раньяров и крики драконов. Опоздавшие, которые вышли на площадь позже (один отряд вывел Ольрен Ровент, который уже побывал в медслужбе, сопровождая раненых) отдыхали у дома под навесом старого кафе с разбитыми витринами.

Берни затаился, выйдя из-под щита, закрывавшего дом, и направляясь к расположению своего отряда — и тут бойцы вокруг закричали, поднимая головы и указывая пальцами вверх. Бернарда вдруг швырнуло на мостовую, больно приложив скулой и локтем на камень. Болели уши, вокруг так же попадали бойцы: у кого-то кровь шла из ушей, у кого-то из носа.

Берни, подняв голову, увидел, как из беловатой дымки падает огромный туманный змей воздуха. Он рухнул недвижимым недалеко от площади, не более чем в полукилometре от нее, врезавшись головой куда-то в крышу и подняв дождь из шифера, тело его повисло на уже зачищенных домах, скатилось куда-то меж домов, хвост шлепнул по другой крыше, потек туманом... и исчез.

Бернард, поднявшись на карачки, несколько раз мотнул головой, а затем рывком вскочил и побежал туда, куда, возможно, упал его брат. Краем глаза он увидел, как туда же бежит Ольрен Ровент, который на бегу рывкнул приказ — и следом понеслись с десятков берманов, перекинувшись медведями, и столько же бойцов-людей.

* * *

Майор Лариди, которая возвращалась на площадь с деблокированным отрядом, была вжата в стену дома ударной волной (потревоженная рана с осколком снова закровоточила) — а затем, едва увернувшись от одного из кусков шифера, увидела над крышами парой кварталов восточнее змея, который рухнул из молочной тьмы. Пес тер-сели, который успел растерзать нескольких невидши и уменьшиться до размеров щенка, звонко и угрожающе залаял. Лариди продолжила движение с отрядом, отметив для себя, куда упал огромный защитник.

Змей не взлетал — зато через несколько минут вниз, к нему, понеслись десятки раньеров со всадниками. Даже несведущему в военном деле человеку было бы понятно, кого они собрались искать в тех проулочках.

Лариди, выбежав на площадь, кинула взгляд на верную Акирос, повела головой на тучу снижающихся раньеров, и сержант понимающе кивнула. Не зря они столько отработывали взаимодействие.

Майор, сунув два пальца в рот, оглушающе свистнула, перекрыв гомон толпы, которую организовывали командиры, и к ней за полминуты стянулась еще семерка снайперов — из тех, что не ушли с подразделениями леди Виктории и были не ранены. Группа быстро перевооружилась, сильно облегчив машину снабжения, и поскользился по улочкам в ту сторону, куда упал змей. Пес летел с ними.

* * *

Молодого мужчину с окровавленным лицом, бледного, тяжело дышащего и при этом очевидно спящего, группа Ольрена Ровента обнаружила по запаху крови в узком переулочке между домами. Серьезных травм на раненом не заметили.

Бернард Кембритч выдохнул и тут же с тревогой посмотрел на небо, где ничего не было видно — но слышны были дикие крики драконов.

— Это герцог Таммингтон, — озвучил он очевидное с некоторым облегчением.

— Нужно выносить его отсюда, — сказал Ровент после того, как спящего просканировал виталист. Подумал и перекинул герцога через плечо. И тут же дернулся, задирая голову — потому что в крышу над проулком врезался увешанный раньярами дракон. — И этого отбить нужно. Маг среди нашей группы есть? — крикнул он через плечо.

— Есть, — отозвались из отряда. Дракон на крыше совсем рядом, прямо над ними, буйно, с пронзительными криками ворочался, щелкал челюстями, отбиваясь от раньяров, скидывая их с себя. Он перекатился через проулок, и стало понятно, что одно крыло у него сломано. Вниз сыпались черепица и мел. Свалилась на мостовую и покореженная стрекоза, дергаясь, поползла к маленькому отряду.

— Огнедухи остались? — крикнул Ровент.

— Один, господин барон, — маг потер камень, вплетенный в кожаный ремешок на шее.

— Используй, — бросил Ровент, двигаясь с раненым в сторону площади, — надеюсь, он догадается обернуться. А мы отступаем! Щит сможешь поставить?

— Ненадолго и слабый, — предупредил маг.

— Какой можешь!

Огненная птица, выскользнувшая из камня, прожгла подранную стрекозу, поднялась выше, заметалась над драконом. Сверху посыпались воняющие жженым хитином раньяры.

— Оборачивайся и давай сюда! — орали дракону снизу и перебежками, чтобы не подстрелил враг, двигались в сторону площади. Берни держал автомат, отступая спиной, и увидел, как с третьего этажа здания, легко, как белка по дереву, цепляясь одной рукой и ногами, спрыгнул обнаженный красноволосый человек. Увидел отряд, побежал к нему. С воздуха начали стрелять.

— Виляй! — орали ему. — Виляй, подстрелят!

Дракон послушно начал метаться от стены к стене. Сверху кружилась, снижаясь, уже целая стая раньоров, трое влетели в проулок.

Огнедух сеял смерть где-то сверху, не давая остальным пробиться вниз. В переулок исправно валились дохлые стрекозы, воняло паленой плотью и хитином.

— Отдавать колдуна! — крикнул один из всадников, преследующих отряд. — Бросить колдуна нам!

Убегающие отстреливались, но пули били по лбам стрекоз: всадники пригибались к их спинам, оставаясь невредимыми. В переулок спустилось еще два раньяра, но тут над головами отступающих со свистом пролетел снаряд, и в группе раньяров разорвалась граната, разметав их по стенам.

— Ну конечно, и ты здесь, женщина, — пробормотал Орвент, пробегая мимо отбросившей гранатомет Лариди. Мелкий пес тер-сели порхал вверх-вниз между ней и врагами, словно прикрывая своим небольшим телом. Навстречу убегающим с другой стороны проулка уже спускались новые всадники — но туда ударили из второго гранатомета, а затем снайперы побежали вместе с группой, прикрывая ее разрывными со всех сторон.

За спинами беглецов с раньяров массово спешили всадники, доставая стрелковое оружие и вливаясь в преследование. Стреляли с крыш, с воздуха. Казалось, что половина вражеской армии решила переместиться сюда, в проулок между площадью.

Дракон вытащил из-за пояса у сержанта Акирос нож — та только кивнула на такое самоуправство, — и теперь бежал в группе, сосредоточенно оглядываясь и, похоже, понимая, что в нынешнем бою он бесполезен.

До площади оставалось метров пятнадцать, когда майор Лариди увидела, как с зависшей в воздухе стрекозы целится в группу всадник из гранатомета. Раз — она остановилась, отряд бежал дальше, — два — прицелилась, — три, выстрелила! Иномирянин дернулся, но успел нажать на спусковой крючок. Лариди развернулась и побежала к отряду, прикрываемая тер-сели — и почти успела, когда сзади раздался оглушительный взрыв, и осколок, отскочивший от стены, прошил ей бок и живот.

Она упала прямо на ходу, упала молча, не желая сбивать своих с бега. Но заскулил, залаял, привлекая внимание, водяной дух, который привязался к ней кровью. Метнулся навстречу подступавшим врагам.

Ее схватил кто-то — кажется, молодой Кембритч, — потащил на руках. Она была в сознании, слышала ругательства Ровента, но руки не слушались и дышать становилось все тяжелее.

Открылась площадь. Со всех сторон строчили выстрелы, и снижались на площадь тучи раньяров. Откуда-то шли охонги, видимо, прорвав несколько опорных позиций у еще незачищенных улиц на севере города, метались немногочисленные огнедухи, пожирая невидши.

Отряд, отстреливаясь, бежал вдоль стен домов к закрытому щитом строению, отданному

под медицинскую службу. Их преследовали по пятам, залетали на стрекозах вперед, и только чудом и мастерством снайперов удавалось пробиваться. Из очередного переулка выскочили два иномирянина — но никто даже дернуться не успел, как дракон с нечеловеческой быстротой зарезал обоих.

— Хорош, — одобрительно прорычал Ровент.

Бернард провел их под купол медицинской службы — там было множество народу, которые вполне организованно отстреливались, стояло несколько машин снабжения, бронемашины, пара работающих по врагу танков. В небесах творилось что-то непонятное и пугающее — но разглядеть уже не представлялось возможным. На площади шли бои, охонги с всадниками, невидши и иномиряне стекались к медицинскому пункту, сверху в него колотились стрекозы.

На Норбидж упала темнота.

Дом, в котором разместился медицинский пункт, оказался отделением банка, и майор Лариди лежала сейчас в каком-то кабинете на полу среди грязных бумаг и других раненых. Было душно, но страха не было — только зыбкое безразличие. Бернард убежал искать виталиста, вколол ей в плечо шприц-тюбик с медицинской наркотой, и боль поплыла, стала терпимее.

Она слышала, как снаружи отстреливаются ее девочки и мальчики. Хорошо стреляют. Хорошо обучила.

Кровь так и текла по боку. Хотя под ней скопилось слишком мало для такого ранения.

Она знала, что это значит — что кровь вытекает в живот. И что достаточно получаса, чтобы человек так вытек полностью.

Открылась дверь, вошел Ровент. За ним прыгнул тер-сели, который был уже размером с ладонь — вот-вот развеется. Заскулил, вылизывая ее лицо.

— Тсс, — прошептала она, рукой спуская его морду к боку. — Попей моей крови. Попей.

Пес зарычал — но не стал отказываться, ткнулся носом в лужу на полу и стал лакать, на глазах увеличиваясь.

Берман ничего не говорил, только смотрел на нее, и лицо его было заострившимся, больным. И это почему-то было невыносимее боли. Жалость чужого ей мужчины.

— Не смотри, — сказала она с усилием. — Иди наружу, ты там нужнее, медведь. Пес, — тер-сели поднял прозрачную окровавленную морду, посмотрел на нее алыми глазами, — помогай этому медведю, раз мне больше не нужно.

Берман тряхнул головой, глядя на водяного духа, который отожрался на крови до размеров небольшого пони. Раненые вокруг тоже глядели во все глаза. Кто-то шепотом выругался.

— Виталист сейчас подойдет, — в комнату зашел Бернард Кембритч, тоже бледный и собранный.

— Ей бы виталистического тоника, — Ровент забрал у него кровеостанавливающую губку и бинты, присел, расстегнул Лариди китель, рубашку. — Посмотри в машине медиков, может быть в аптечке. Или найди нашего виталиста, спроси у любого бермана, где его найти.

— Поищу, — кивнул Бернард, снова уходя.

Берман ловко зажал рану губко-пакетом, замотал плотно. Лариди мутило, сознание становилось все зыбче.

— Дракон, которого мы подобрали, сказал, что Владыку драконов похитили, — сказал он.

— Плохо, — выдохнула Лариди, с трудом осознавая то, что ей говорят. Голова кружилась.

— Майлз обещал подкрепление, — продолжил Ровент. — Я говорил сейчас с ним.

— Хорошо, — выдохнула майор.

— Но ты не доживешь, — подытожил он ровно.

— Это уже не твоя забота, ты все сделал, — отозвалась Лариди, прикрывая глаза. — Иди к своим людям, медведь. И пса прихвати.

— Твоя правда, — ответил берман. — Но сначала скажи мне свое имя, женщина? Не Майором же тебя зовут. Если ты помрешь, я должен знать, кого поминать.

Она усмехнулась этому армейскому грубоватому юмору и тут же поморщилась от тянущей боли — хотя обезбол работал исправно, но, видимо, ее сильно потрепало.

— Церсия.

— Красиво, — сказал он, не уходя. — На секиру похоже. А меня Ольрен. Матушка назвала.

Она что-то промычала.

— Ты купалась когда-нибудь в нашем Северном океане? — спросил он. — Летом там вода немного теплее, чем зимой, но силу дает даже нам, потомкам Хозяина лесов. Хочешь искупаться там со мной?

— Все берманы так болтливы? — проговорила она, не размыкая глаз.

— Если нужно, чтобы ты не теряла сознание, то да.

Пес с другой стороны лизал ей руки и скулил.

Раздались шаги, рядом с ней присел еще один человек, губ коснулся флакончик. Она открыла рот и стала глотать жидкость, пахнущую вином и металлом — и с каждым глотком в животе дергало, будто срасталось что-то поврежденное. Стало легче дышать. Но сознание продолжало уплывать.

— Я хочу вывезти ее на бронемашине, — раздался голос Бернарда, — если меня прикроют поначалу.

— Вас взорвут, боец, — без насмешки, вполне уважительно, ответил берман. — Но выносить ее нужно. Не доживет даже с тоником. Он ей остановил кровь, но вытекло уже довольно.

Пес продолжал скулить и тыкать ее под бок носом-клювом, зачем-то начал прыгать рядом, привлекая внимание.

— А дух не поможет? — задумчиво проговорил Бернард.

— Как? — пробурчал Ровент. — На себе, что ли, вынесет?

Наступила тишина. Лариди с усилием открыла глаза. Оба — и Кембритч, и барон разглядывали огромного пса с крыльями.

— Полетишь? — поинтересовался Ровент. — Я бы сам отнес: когда еще такую женщину в руках поддержишь, — но здесь я нужнее. Нужно защитить и змея, раз он решил поспать, и раненых.

Бернард не обиделся.

— Отнесу, — коротко сказал он.

— Эй, собачка, — позвал берман даже уважительно. — Отнесешь этих двоих куда скажет этот юноша? Да так, чтобы не нарваться на раньяров?

Тер-сели тьякнул так раздраженно, что стало понятно, что он имеет в виду «Догадались!»». Бернард аккуратно взял Лариди на руки, вынес на улицу. Пес трусил рядом. Кембритч перекинул ногу через пса — спина того провалилась, надежно зафиксировав сидящего.

— Церсия, — прорычал от порога берман. — Хочешь, я к тебе свататься приду после войны? У нас дети хорошие будут! Я тебе выкуп принесу. Все честь по чести! Не смей помирать, слышишь, женщина?!

Бернард сжал ее крепче, она улыбнулась. Приоткрыла глаза, посмотрела на барона. Тот глядел в ее сторону серьезно. Подбадривающе поднял кулак.

— Он прав, не смейте умирать, — проговорил Бернард Кембритч. — Замуж пойдете, за кого решите. Или вообще не пойдете. Но, главное, чтобы вы были живы.

Пес взмахнул крыльями и стрелой рванул в промежуток между раньярами, лавируя между ними как сумасшедший. Движение отдалось болью в проткнутом животе, и майор потеряла сознание.

* * *

Полковник Майлз находился не в самой выгодной для прямого наблюдения позиции: мешали деревья, а затем еще и меловая дымка. Поэтому приходилось довольствоваться данными с листоватов и докладами по рациям от разведчиков, которые, рискуя жизнью, обустраивали себе пункты слежения на зачищенных улицах. Рискуюя — потому что достаточно было вокруг отбившихся невидши.

Сражение проходило планово, и, казалось, все было учтено. Доклад о прибытии драконов Майлз выслушал со сдержанным торжеством — как любой военный человек, он не полагался на случай, но был достаточно суеверным, чтобы посчитать это хорошим знаком.

И действительно, по донесениям наблюдателей, за какие-то полчаса ситуация в воздухе изменилась в пользу дармонширцев. И теперь все шло настолько хорошо, что Майлз уверенно ожидал появления еще одного неучтенного фактора, теперь в пользу врага. Им не могли быть спрятанные Ренх-сатом в холмах с востока и запада от города многочисленные отряды, не могли быть и тха-охонги, которые вот-вот должны были прийти от дальних городов Нестингера.

И когда из поля зрения пропали оба змея и Владыка драконов, а потом, ночью уже, выяснилось от спустившихся в город драконов, что Владыку похитили, а герцог Таммингтон спит в медслужбе, атакуемой иномирными, то Майлз даже не чертыхнулся, а только застыл над картой, прикидывая, как теперь изменится расклад сил и что он может противопоставить Ренх-сату.

Командующий Майлз советовался с генералами, планируя новые маневры, а про себя думал, что очень бы хотелось знать, куда опять делся, в конце концов, герцог Дармоншир. Полетел спасать Владыку? Или спит, как обычно, где-нибудь на берегу моря?

Нельзя было списывать фактор пленения Владыки. На месте Ренх-сата Майлз бы использовал этот козырь, чтобы продавить капитуляцию врага или по крайней мере капитуляцию самого Дармоншира (и, зная герцога, Майлз был уверен, что тот пойдет на предполагаемый обмен). Может, это и случилось? Хотя откуда знать Ренх-сату о дружеских отношениях Дармоншира и Нории Валлерудиана? Или его разведка работает настолько

хорошо?

Он размышлял — и одновременно решал, что делать дальше. Что бы там ни было — у Майлза были силы противостоять Ренх-сату, хотя и враг наверняка не все секреты еще выдал.

Через полчаса после известия о пропаже Владыки и Дармоншира с флангов Норбидже пошли в бой отряды Ренх-сата — и те, что ждали своей очереди, и те, что подошли от дальних городов. А еще получасами позднее оставшиеся в тылу эмиратские подразделения, свежие и отдохнувшие, получили приказ вступать в бой, закрывая подкрепление Ренх-сата меж двух слоев дармонширцев, как прослойку в пироге. Пусть дармонширцам в центре города приходится отбиваться в окружении — и наступающие части иномирян ждет сейчас такая же участь.

* * *

Гигантский змеедух, вызвавшийся помогать молодому и наглomu змею, один из холодных потоков ветра, что вечно огибают планету, слабел. Все больше ему приходилось подниматься в небеса, туда, где сильнее ощущалась стихия Инлия-Воздуха. И все же он вновь спускался вниз, каждый раз рискуя рассеяться окончательно — и не только потому, что этого хотел бы их общий прародитель. Но и потому, что к змеенышу древний и могучий ветер привязался.

Целые эпохи проходили в бесконечных гонках по ледяной высоте, играми с другими духами или с самим Инлием, частенько спускающимся из небесных чертогов погонять вместе со своими созданиями: случалось так, что один раз змееветер видел людей еще живущими племенами в грубых жилищах среди лесов или степей, а следующий его взгляд заставлял уже города или разрушенные государства.

Ветрам было хорошо наверху. Правильно. Свежо и легко.

Но когда кто-то из сыновей Инлия по дерзости или недомыслию привлекал их на помощь, становилось по-настоящему интересно. Настолько, что ради игры с ними и наставничества духи готовы были терпеть близость земли, огня или воды: чужой стихии, вытягивавшей силы. И только скоротечная человеческая жизнь заставляла возвращаться обратно к своим, постепенно забывая об очередном подопечном.

Но о том, как с ними интересно — духи помнили.

Сейчас огромный змеедух, которого сам Инлий называл слишком шипяще, чтобы это могло быть воспринято человеческим ухом, мог бы отдыхать, скользя со своими братьями вокруг Туры. Все они видели и знали, как ослабел их отец, и каждый понимал, что миру осталось немного.

Но змееныш, дерзнувший потребовать помощи, нуждался в присмотре, несмотря на то что теперь не звал духа — жалел его. А развоплощение и так стояло на пороге для всех духов, оставайся ты в потоке или спускайся к поверхности Туры. Поэтому змееветер, несколько раз облетев планету и набравшись сил, все же решил спуститься и посмотреть, где его подопечный.

И не нашел его.

В темноте он видел мечущиеся ауры драконов, любимых сыновей Воды и Воздуха, видел мерцающий вихрь второго змееныша — тот спал на земле, его защищали люди с оружием. А

старшего нигде не было видно.

Змееветер забеспокоился, потек над залитой голубоватым сиянием луны долиной, над холмами, слетал к морю, вернулся... и только на третий раз, пролетая над холмами, уловил едва заметное сияние ауры, придавленной массой земли и поэтому искаженной, сжатой. Обтек просевший холм, попытался ткнуться с одной стороны, с другой, начал откатывать скалы от большого оползня там, где аура казалась чуть ближе... но холм дрогнул, оползень начал оседать, скрипя и грохоча, и дух отпрянул, не решаясь больше трогать камни на холмах, чтобы не раздавить змееныша вместо освобождения.

Он покружил над холмом, осознавая, что единственный способ не навредить — это изымать глыбы сверху просевшей части холма. Но сколько тут придется работать? Хватит ли у него сил? И доживет ли змееныш до тех пор, когда он освободит ему путь?

Змееветер завис в темноте над холмом, выпустил щупальца-вихри и стал методично, с усилием вынимать из провала груды щебенки и целые скалы и отшвыривать их в стороны.

Работа шла медленно, и с каждым касанием земли дух слабел. А еще понимал, что не успеет — и даже позовет сюда людей с инструментами, они не сработают быстрее, чем он.

Но он упорно вынимал скалы и глыбы, слизывал языки оползней — и слабел, поднимался в небеса, снова спускался и снова работал, хотя это уже было безнадежно.

В один из подъемов, уже слабый настолько, что ему поддавались камни размером не больше овцы, он понял, что сейчас развеется. И что не сможет больше спуститься.

Он бросил последний взгляд на холм и стал подниматься выше.

Ночь с 5 на 6 мая, Нестингер, Люк Дармоншир

Люк очнулся в полной темноте и тишине, голый, слабый, скорчившись на боку. Воздуха было мало и ощутимо пахло гарью и кровью. Сколько он провалялся без сознания — было непонятно.

Браслет на запястье охлаждал тело. Ночное зрение не работало — так слаб он был.

Он пошевелился — слава богам, шевелиться он мог, протянул руки вперед и тут же наткнулся на камень. Ощупал все вокруг себя, сбивая ладони об известняк — он лежал в узком каменном кармане шириной метра полтора на два, между двух вставших чуть выше его роста аркой глыб. Похоже, ветер, коим он был на момент обвала, вытолкнуло сюда, в полость, и тут-то он и обернулся.

Дармоншир постарался докричаться до Тамми и Нории — но, видимо, толстый слой камня не пропускал мысленное общение, потому что не было ощущения, что его слышат, будто слова растворялись в камне.

— Ну что, попался, счастливчик? — каркаяще сказал он себе, парадоксально жалея, что нет сигарет: не закурить, не вдохнуть дым, чтобы успокоиться — хотя воздуха и так было мало, и от удушья он умрет явно раньше, чем от голода или жажды.

Люк снова обернулся ветром, заметался по крошечному карману — но, сколько он не струился меж глыб, нигде не было ни прохода, ни движения воздуха, с которым можно было бы сбежать, вытечь на поверхность. Он ветром пролезал между камней, он тыкался в тупики, он, отчаявшись, воздушным тараном бил по глыбам, но те даже не шевелились, надежно прижатые другими. Неизвестно, сколько он так метался, пока отчаяние не взяло свое — и он снова скорчился на полу, слушая далекое-далекое сотрясение почвы — все же вибрация от выстрелов артиллерии долетала и сюда, и надеясь, что какой-нибудь сдвинет камни и проход все же найдется.

— Или засыплет тебя, — снова произнес он вслух. Сел, закрывая глаза, сотрясаясь от дрожи — холодно здесь было. И страшно. На сколько здесь хватит воздуха? На часов шесть? Десять?

Зашарил руками по стенам, откатывая какие-то булыжники — вдруг получится прокопать себе проход? На пол сыпалась известняковая крошка и щебень, он ломал себе ногти — но со всех сторон рано или поздно натыкался на твердую породу.

Выругался, снова обернулся, снова заметался по своей тюрьме — хоть какое-то действие, хоть что-то! Но выдохся еще быстрее, вернулся в свой карман, свалился на пол без сил — и там, глядя в черноту над собой, впал в какое-то вязкое забытие, в котором виднелись ему лица и деда Кристофера, и Луциуса, и матери, и Марины. Выплывал он из него только от вибраций артиллерии и содроганий холма, с тупым интересом ожидая, придавит его все-таки или нет... затем снова впадал в дрему.

Тело покрылось холодным потом, дышать становилось все труднее, и сердце бухало как молот — когда от очередной вибрации совсем недалеко что-то утробно заскрипело, стало просаживаться... холм дрожал, а Люк с удивлением обнаружил себя в воздушной форме, прижавшимся к «потолку». Видимо, тело соображало быстрее, чем он.

Когда камень перестал сотрясаться, Люк осторожно скользнул в одну сторону, в другую. Сквозняка он так и не ощущал, и это было сродни продлению агонии. Но он упорно скользил

по крошечным только что образовавшимся кавернам между камнями, пока в одной из сторон не попал в карман пошире. Тут сильнее пахло гарью, а на земле обнаружилось несколько железяк — значит, он сейчас ближе к выходу, если учесть, что машина почти успела выехать.

«Если только их не забросило сюда взрывом», — сказал скептик внутри.

И опять повторилось все — и ощупывание камней, и попытки докричаться до Нории и Тамми, и попытки найти выход дальше, и время отчаяния, и безрезультатное раскапывание. Он так устал, что еле мог пошевелиться, и снова впал в забытие.

Что там с армией? Что с захватом Норбиджа? Справятся ли они без него?

Конечно, рано или поздно обнаружат, что он пропал, и, возможно, даже догадаются посмотреть под обвалившимся холмом... если только снаружи есть хоть какие-то визуальные свидетельства обвала. И если свои одержат победу, то его, возможно, даже начнут искать.

И пусть воздуха тут хватит на сутки-другие, слишком много «если» для выживания.

Он снова вспомнил про Марину, представил, что с ней снова будет, если он так нелепо погибнет... и стало совсем кисло. Захотелось побиться головой о стену, что он и сделал. Вновь посмотрел наверх, в темноту.

— Послушай, — проговорил Люк, — слишком нелепо погибнуть так, не находишь? Должен же быть какой-то выход... он просто обязан быть. Очень странное ощущение, когда ты еще говоришь и дышишь, — он шумно вдохнул воздух, — но уже фактически мертв. Только и остается, что молиться, правда?

Тишина была ему ответом.

— Я слышал, — сказал он через полчаса забытия, словно и не прекращал разговор, — что нужно пообещать что-то... принести обет. Честно говоря, я уже и почку готов принести и, так уж и быть, повторно отдать ногу... но зачем тебе моя нога... снова, — он хрипло и безумно засмеялся.

От смеха посыпались камушки сверху. Холм словно оживал время от времени, скрипел, хрустел, утробно ворчал, грозясь раздавить его, Люка. Темнота взирала на него неодобрительно.

— Я пообещаю... пообещаю... черт, мне и отдать-то нечего, я уже и свою жизнь прообещал, — невесело хмыкнул он. — Бросить курить... ну, ты же не моя мамочка. Нет, ты, конечно, отец, все такое, но вряд ли тебя волнует табак... Пообещать наплодить еще с десяток Дармонширов? Марина может расстроиться, я не могу обещать за нее, — он сам понимал, что несет чушь, но эта странная полумолитва, полубред были последним, что показывали ему, что он жив. — Да и какой это обет? Это удовольствие, — он снова засмеялся в темноту. А затем замолчал, выравнивая дыхание и слушая, как успокаивается истерично бьющееся сердце, и сам не заметил, как снова ушел в сон.

Проснулся от далеких, ощущаемых как вибрация ударов артиллерии и привычного содрогания холма, мокрый от удушья, с пересохшим горлом, готовый все отдать за поток воды, и еле-еле сумел сесть. На чистой жажде к жизни обернулся ветром, пронесся по щелям и уголочкам — вдруг сдвинулось еще что-то, вдруг найдется выход? Но камни стояли плотно и цепко.

Он вернулся в свою камеру и обернулся, свалившись на пол. Подполз к стене, снова сел.

— Получается, что у меня нет ничего настолько ценного, что бы я мог отдать, — признал Люк, откинувшись на стену и чувствуя, как холодит камень голову через

пропитанные холодным потом волосы. Снова холм дрогнул, снова что-то посыпалось сверху. — А тем, что действительно ценно, я свою жизнь выкупать не готов. Может, ты удовлетворишься обещанием построить змеиный храм? Они помогли мне, я сделаю место поклонения им... — он снова засмеялся, покосился на невидимые стены. — Что, нет? Понимаю, я бы тоже не согласился. Хочешь, уйду в монастырь имени тебя... Марина поймет... наверное... — он помолчал. — Обет молчания? Не стричь волос? — закашлялся, чувствуя, что начинает уплывать в бессознательное, но продолжал шептать: — Не пить ничего крепче вина? Хорошо, я готов, — теперь каждое слово он вытаскивал с трудом, прошепывая его, и говорил просто потому, что молча умирать было невыносимо. — Что, нет? — он снова засмеялся. — Хороший ведь обет, бери, отец... Я согласен на не больше четырех бутылок в год... нет? Трех, хорошо. Двух? Это очень сурово, — он снова шипяще закашлялся, — ну хорошо... одна, одна бутылка вина в год... одн...

Он краем глаза увидел накаляющееся красным пятно прямо перед собой, помотал головой. Пятно не исчезало. Подполз, приложил руку — и чертыхнулся, отдергивая ее, обожженую, шлепнулся на землю, прижимая ее к камням и по-настоящему безумно смеясь.

Камень потек, образуя невыносимо сияющую дыру размером с голову Люка, и из нее вдруг вынырнули несколько огнедухов, зависнув над истерично смеющимся герцогом, осветив страшное нагромождение камней над ним. Дармоншир с жадностью вдохнул невозможно прекрасный воздух, заструившийся из прохода.

А следом с пронзительным сердитым криком влетела маленькая красная соколица, увидела Люка — и в ярости бросилась на него, расцарапав ему грудь когтями, цапнув клювом за губу. От нее шел такой жар, что он мгновенно согрелся, и она продолжала истерично, злобно орать на него на своем, птичьем — но на удивление он все понимал. И виновато улыбался, глядя на нее.

Люк — откуда только силы нашлись — схватил ее, сжал, прижал к груди, поцеловал в красные перья. Сердечко ее стучало как ненормальное, она продолжала кричать.

— Все, все, — сказал он хриплым шепотом, — все, успокойся, навредишь себе. И детям. Потом меня побьешь, Марина. Все, любовь моя. Спасибо. Спасибо. Ты имеешь право на страх и гнев, но я тебе нужен не подранным, правда ведь?

Она снова возмущенно крикнула и вцепилась клювом в плечо, пустив кровь. Люк не дернулся, все гладил ее — но руки его дрожали. Смерть снова прошла краем, но он в полной мере ощутил ее тень.

— Ты как раз вовремя, — прошептал он. — Опять меня спасаешь, да, детка? — Он ткнулся ей в перья снова и вдруг засмеялся. — Хорошо, что ты не прилетела чуть раньше... я тут обещал кое-то, а одна бутылка вина это все же менее болезненно, чем монастырь... наверное.

Завибрировал пол, раздался далекий выстрел артиллерии.

Соколица выпорхнула из его рук, подлетела к проходу, села на его светящийся красным край и требовательно закричала.

— Да, ты права, — согласился Люк, с трудом переворачиваясь на четвереньки, затем по стенке поднимаясь. — Нужно выбираться отсюда. Нужно, — он попробовал обернуться ветром, но лишь свалился на пол. И еще раз. И еще.

Птица снова крикнула, кувыркнулась в воздухе, обернувшись Мариной — в длинной плотной сорочке до пят и вязаном кардигане. Она, шатаясь, вспорола себе пальцами с длинными птичьими когтями, запястье, склонилась к Люку и больно за волосы повернула

его голову так, чтобы ему было удобнее пить.

Как бы он ни был слаб, он понимал, как боится она за него и как яростна от этого страха. Лицо ее было бледным, глаза — расширенными, будто пьяными. С третьим или четвертым глотком тело выгнуло словно от электрического разряда, плеснуло силой до кончиков пальцев. С шестым он поднялся, зажимая ладонью запястье жены, склонился к ней, целуя и одновременно излечивая ее рану.

— Ты первая, — попросил он, и Марина, вновь обернувшись птицей, полетела наружу.

Он выскользнул по алеющему короткому проходу — подумать только, он был метрах в трех от выхода! — и нырнул вбок, рядом с оползнем, на склон холма, у которого парила соколица и маленькими огоньками фланировало несколько десятков огнедухов. Там же снова перекинулся в человека, с жадностью вдыхая свежий ночной воздух. Ветерки, струящиеся по склону, ласкали его тело, и он почти застонал от ощущения своей стихии под руками. Было темно — стояла глубокая ночь, но тьма эта была разбавлена лунным светом, и по сравнению с каменным мешком казалась светло, как днем. Со стороны Норбиджа слышались звуки перестрелок.

— Иди сюда, — попросил он в темноту, и к нему метнулась птица, кувыркнулась в воздухе, встала рядом уже Мариной. и он обнял ее, снова прижимая к себе.

— Как? — спросил он ей в волосы. — Как ты нашла меня?

Марина отстранилась, по-птичьей повела головой в сторону.

— Не знаю... Я обещала не мешать тебе здесь... и меня заперли... надежно... я заснула, а потом... кричала... — медленно, словно вспоминая, как это делать, заговорила она. — Они... Меня слышали... — она показала рукой на огнедухов... — и те, что на башнях... и с фортом. Они прилетели. Прожгли решетку... Потом я полетела... меня вело сюда, но я никак не могла понять, где ты, — она посмотрела на брачный браслет, затем в воздух. — Меня подхватил ветер и принес сюда. Мне кажется... это твой друг... потому что я видела его, кажется... и точно слышала: «Он здесь». А огнедухи прожгли камень.

Люк поцеловал ее в волосы, погладил, понимая, что она все еще сильно не в себе и страхась отпускать ее. Посмотрел в воздух — но не увидел змеедуха. Только легкий ветер струился над холмами, и Дармоншир тяжело вздохнул, проговорив мысленно:

«Спасибо, друг».

Марина молчала, прижимаясь расслабленно и сонно, а он гладил ее по волосам, по спине, незаметно сканируя ладонью и понимая, что Вита в ней течет как у спящей, и она вполне здорова и полна сил... но состояние ее пугало и хотелось самому отнести ее в Вейн, чтобы за ней приглядели, чтобы ничего не случилось.

Его все еще потряхивало от страха и осознания края, за который он вновь едва не ступил, но сила плескала в теле, и было ее так много, что она готова была сорваться с привязи. Сколько он провел в каменной тюрьме? Какова сейчас ситуация в городе? И как безопасно вывести отсюда Марину?

Снова ударила артиллерия — и на улицах города полыхнуло несколько вспышек. Марина затрепетала в его руках, повернула голову в сторону взрыва. Люк нахмурился, тоже, наконец, обращая внимание на город. Ночное зрение теперь работало исправно, он видел мельтешение стрекоз, но ауру Нории в воздухе не наблюдал. Аура Тамми мягко крутилась в центре города. В воздухе виднелись лишь с десятков аур драконов поменьше.

«Нории? Тамми?» — мысленно позвал он. Но никто ему не ответил, и его снова окатило страхом.

В нескольких сотнях метрах от них пронесся дракон, за которым гналась стая раньяров во главе с всадником.

— Мне нужно возвращаться в бой. А тебе — улетать, — попросил Люк Марину. — Безопаснее лететь отсюда к морю, и там над водой в Вейн. Я провожу тебя до моря.

Она кивнула, странно глядя в небеса. Отступила:

— Нет. Тебе нужно быть здесь. Я полечу сама. У меня надежные защитники.

Марина обернулась птицей, крикнула — со всех сторон рванулись к ней огнедухи, окружив сияющим красно-золотым роем — и понеслась к городу.

Люк чертыхнулся, обратился змеем и полетел за ней.

Первыми огнедухи Марины догнали раньяров, которые гнались за драконом — и тихо прожгли всех насквозь, так что стрекозы одна за другой посыпались на холмы. Затем огоньки начали метаться над городом, уничтожая стрекоз, помогая драконам, — а Марина кругами парила сверху, яростно крича и подбадривая их. Люк носился следом, прикрывая ее и холодея от страха, что кто-нибудь из всадников поймет, что командует огнедухами маленькая соколица, и выстрелит в нее.

Наконец, над долиной стало гораздо тише. Драконы стали подтягиваться к змею, огнедухи, сильно потускневшие, слетелись к соколице под крыло, и она, ласково мазнув долетевшего с ней до леса Люка по носу крылом, понеслась в сторону Дармоншира.

«Где Нории? Где второй змей?» — спросил Люк у одного из отбитых драконов.

Тот, истощенный, парил рядом, и раны его на глазах затягивались, мерцая серебряной дымкой.

«Владыку много часов назад поймали огромной сетью и унесли за холмы. Нас удерживали до темноты, чтобы мы не смогли полететь за ним, но десяток из наших все же смогли пробиться и понеслись следом в надежде догнать и отбить его. Змея оглушило и он упал в город, там сейчас и половина наших, помогают воинам защищать город. А мы остались сверху, чтобы сдерживать стрекоз».

Люк чертыхнулся. Что делать? Лететь спасать Нории? Или Тамми?

«Кто-сс? — прошипел он. — Кто поймал Нории?».

«Воин в белых доспехах, — ответил дракон. — Он отдал Владыку своим слугам, а сам сейчас здесь, на земле, но мы не смогли достать его — с воздуха его защищают раньяры, с земли — инсектоиды. И сам он могуч ментальной силой — стоит приблизиться, и падаешь, как подкошенный».

Люк, крутанувшись восьмеркой, зашипел и приказал себе вспомнить, что Нории — могущественнее и опытнее большинства людей на Туре. В том числе и самого Люка. И что пусть все внутри кричит, что нужно лететь за учителем и другом, есть то, что нужно закончить здесь.

Люк понесся вниз и, то и дело выхватывая из отрядов иномирян гигантских тха-охонгов и ломая клювом им спины, заструился над центральной частью города, туда, где медленно крутилась перламутровая аура Таммингтона и слышны были ожесточенные перестрелки. Он видел, как наступают к центру по уже зачищенным улицам многочисленные отряды наемников под прикрытием гигантов и невидши, как пытаются их остановить дармонширцы, расстреливая из окон домов, с крыш, и с удовольствием помогал своим, запуская небольшие смерчи, поднимавшие иномирян и инсектоидов в воздух и швырявшие о землю. Раньяров стараниями драконов и огнедухов Марины практически не осталось, и он мог не отвлекаться на них.

Он снова подумал о Марине и пообещал себе, что первое, что он сделает, когда сможет долететь до ставки — узнает, вернулась ли она в Вейн. Впрочем, защитники у нее и правда были отличные.

Видел он и последнюю линию атаки своей армии и в который раз подивился хладнокровию Майлза, который спокойно выждал с почти пятнадцатью тысячами эмиратских солдат и сейчас запустил их в бой. Они наступали медленно, что было Люку на руку — если раньше он не мог зачищать улицы смерчами, так как на баррикадах иномиряне живым щитом держали людей, а в столкновениях уже был велик риск задеть своих, то сейчас он уютжил улицы почти не глядя. Совсем скоро эмиратские подразделения подпрут подкрепление Ренх-сата, которое частично уже вышло на площадь. Значит, и Люку нужно было туда.

* * *

Виктория Лыськова очнулась от того, что ее бросили на что-то твердое, стали привязывать, и, выплывая из вязкого забытья, даже слегка удивилась этому — потому что персональный щит должен был работать даже над ее мертвым телом. Видимо, крючья неведомого оружия зацепили ее сильнее, чем показалось.

Она незаметно приоткрыла глаза — связанная, она лежала на боку на спине раньяра, а рядом с ней суетились несколько иномирян, переговариваясь между собой. Черты их лиц смазывались — одинаково черноволосые, бородатые, воняющие, как воняет всякий по любую сторону фронта через пару недель полевой жизни.

Куда собираются ее унести? Подальше от дармонширцев как заложницу или, наоборот, к командиру иномирянской армии? Судя по тому, что в иномирянской речи то и дело проскальзывало «Ренх-сат, Ренх-сат», вернее было второе предположение.

Она, проверяя, остались ли какие-то из заготовленных мощных заклинаний на накопителях, ощутила подрагивание притушенной ею сигналки, которая могла бы вызвать сюда Марта. Хорошо, что она все-таки притушила ее активность. Справится сама. Плохо, что ее друзья наверняка сделали то же самое.

Из заклинаний осталось одно. Самое мощное.

Вики задумалась — не стоит ли подождать, пока ее доставят к генералу иномирян и там, на месте, его устранить. Но опыт подсказывал, что нужно выжимать максимум из текущей ситуации, когда известны все переменные. А там они будут неизвестны. Могут ли иномиряне обладать еще таким же оружием, каким они пленили Владыку Нории? Такая вероятность есть, и тогда она не справится.

Да и тратить время, за которое можно помочь своим подразделениям, на уничтожение одного врага, недальновидно и глупо.

Пить хотелось страшно. Вики потихоньку подтягивала силу из одного накопителя, из другого, ощущая, как ее резерв восстанавливается. Он теперь восстанавливался куда быстрее благодаря крови Марины Дармоншир. Но силы на массированное заклинание пока не хватит, придется использовать единственное заготовленное. И снова подставлять под удар мирных, если они здесь есть.

Она скользнула взглядом по сторонам, насколько позволяло ее нынешнее состояние — темень, разбавляемая редкими факелами и кострами, баррикады иномирян — мирных, слава

Богам, не виднелось, — охонги, несколько тха-охонгов, невидши, тенями застывшие на четырех лапах у стен домов. Звуки перестрелок и работы артиллерии слышались далеко отсюда — по этим звукам она и определила, где сейчас находятся ее отряды, и выверила мощь заклинания.

Раньяр успел уже взлететь на уровень первого этажа, когда веревки на Вике расползлись от восстановившегося персонального щита, а она слевитировала выше под удивленные крики с земли и возглас всадника, судорожно пытающегося напашарить автомат. И, поднимаясь, ударила вниз и в стороны Молот-шквалом, построив вектора массивированного заклинания так, чтобы они, спустившись вниз, пошли в стороны над землей.

Она еще слишком хорошо помнила, сколько местных жителей пряталось в подвалах домов и не хотела стать причиной их гибели. Но и не воспользоваться тем, что здесь не было дармонширских войск, не могла.

Под ней и на сотни метров вокруг нее Норбидж осыпался, оседал руинами и пылью, смешанных с кровью врагов, хитином и слизью инсектоидов. Она же, опустившись на землю у края уничтоженной площади, там, где стояли укрепления иномирян, хлопнула себя по бедру, надевая Доспех, и на глазах изумленных и испуганных врагов долбанула по баррикаде изнутри Стазисом. А затем, проверив, что там нет мирных — снесла и людей, и инсектоидов Тараном. И ничего в ней не дрогнуло.

До площади оставалось около полукилометра, и восстанавливающийся резерв, тем не менее, вполне позволял ей пройти туда пешком, заодно подчистив улицу, чтобы облегчить задачу своим подразделениям.

* * *

Генерал Ренх-сат добрался до площади на личном охонге во главе большого отряда, почти не встретив сопротивления — не считать же сопротивлением нескольких стрелков, которые пытались снять норы, и которых уничтожили невидши, послушные воле Ренх-сата.

Ренх-сат любил бой лицом к лицу, но не считал зазорным использовать силы, данные богами — и потому врагов, попадавших на пути, сминал не только мечом, доставшимся от предков, пришедших с богами — его острие могло как масло резать камень, но и ментальной волей, заставляя их замирать и падать на землю от боли.

— Змея-колдуна обнаружили, — докладывали ему, пока он двигался к центру, — он, скорее всего, сильно ранен и без сознания.

— Враги сумели вынести колдуна от места падения, — кричал ему сверху очередной связной через некоторое время, — но далеко не ушли — защищаются в большом доме, накрытым колдовским щитом!

— У тех, кто защищает колдуна, уже кончились стрелковые припасы! — сообщал третий. Связные летали между центром и отрядами Ренх-сата как заведенные. Ему доложили, что вся центральная площадь и прилегающие улицы — это огромное поле боя, где зажатые в клещи с двух сторон солдаты колдуна ожесточенно сопротивляются, но положение их незавидное. Что ма-ги противника устали, огненных птиц, которые подчинялись им и уничтожали невидши и раньяров, осталось мало и на глазах становится еще меньше, да и оружия с припасами подвезти успели немного.

Ренх-сат знал, что у того, кто командует армией врага, есть еще силы в запасе, хотя

точного количества не предполагал. Но сколько бы ни оставалось у врага людей, противник использует подкрепление в ближайшее время — не может не использовать, иначе проиграет. И поэтому нужно как можно быстрее перемолоть те десятки тысяч солдат колдуна Дармоншира, которые дошли до центра города.

Потому Ренх-сат несся во главе отряда всадников вперед наперегонки со временем, а вокруг так же быстро неслись невидши, которые уничтожали тех, кто не попал в поле зрения тиодхара.

— Тиодхар, — кричал ему с раньяра очередной связной, следуя за его охонгом по улице. — На дальнем краю города пленили колдунью, которая упала с небес и пыталась освободить плененного дракона!

— Пусть держат ее без сознания и несут ко мне! — повелел в ответ Ренх-сат, осознав, что в руки ему попала та самая великая колдунья, одна из командиров войска колдуна. — Если понадобится, вырубать ударом по голове!

Колдунья в его руках стала бы еще одним камнем в стену победы.

Он видел, как в небе над городом десятки огненных птиц уничтожают остатки его раньяров, и вновь осознавал, что сейчас только от его скорости и мощи зависит успех сражения и судьба. Но победа была возможна — весы войны качались, и любой камешек мог помочь ее выиграть. Или проиграть.

На площадь его отряд ворвался, как ножом разрезая оборону, уничтожая дармонширцев. Здесь, на площади, под яркой голубой луной царил настоящий хаос — группы норов наступали, продавливали оборону в центр, их отбивали обратно, поливая огнем из-за бронемашин и из домов. Палили танки. То тут, то там противники уже шли в рукопашную, но Ренх-сат ощущал качание весов и чувствовал вкус скорой капитуляции врага.

И был осторожен и беззаветно смел, чтобы этот вкус не обернулся горечью.

Из-под щита, окружавшего дом, где прятали колдуна, действительно не доносилось ни выстрела, а по щиту били из гранатометов, и видно было, что он дрожит и проявляется сегментарной решеткой. То и дело в промежутках между ударами из-за щита выпрыгивали группы мужчин с тяжелыми топорами непривычной Ренх-сату формы и клинками и отбивали нападения невидши, а затем снова убирались под щит.

Генерала в белых доспехах, окруженного десятками невидши, увидели за щитом. Бойцы с секирами, пригнувшись, оценивающе смотрели на невидши — одни были странно похожи на зверей с черными глазами, когтями и чуть склоненными плечами, другие — наги и текучи, как вода. Были там и обычные люди.

— Отдайте мне колдуна, — крикнул Ренх-сат, дополняя слова мысленным приказом, — и я оставлю вам жизни!

Несколько людей дернулись назад, ко входу в здание. Но зарычал один из воинов-зверей, и остальные перехватили своих же солдат, кулаками отправляя их в бессознательное состояние.

— Возвращайся в свой мир, — рычаще и насмешливо крикнул ему один из воинов с секирами, — и, может, сбережешь свою!

— Тогда выходи, что ты прячешься под колдовской защитой? — в тон ему насмешливо поинтересовался Ренх-сат. Он любил таких бойцов, чувствуя в них сталь и верность в служении войне. Да и убить такого — честь.

Зверь-воин задумчиво посмотрел на него, усмехнулся, повел широкими плечами, перебрасывая топор из рук в руки.

— Я уже давно не медвежонок, чтобы такое действовало, враг, — ответил он уверенно. Генерал бы удивился, если бы он вышел. И поэтому, не тратя более время на разговоры, бросил:

— Стреляйте!

Со всех сторон ударили гранатометы. Щит начал мерцать. Ударили снова — выстоял, хотя видно было, что вот-вот посыпется. Но в паузе, когда они затихли, раздался грохот, похожий на звук чудовищного обвала. Ренх-сат повернул голову влево, и ему сначала показалось, что вся часть города, куда еще не добрались войска дармонширцев, взлетела в воздух, осыпаясь видимыми даже в лунном свете стенами домов и огромными обломками. Выглядело жутко даже для него, привыкшего к местным колдовским чудесам.

— Не наша ли волшебница там сердится? — крикнул воин-зверь со смехом и явственным облегчением.

Завыл ветер, и Ренх-сат, повернув голову в другую сторону, увидел, как на улицах неподалеку хозяйничают смерчи. Значит, и второй колдун выжил?

Весы закачались сильнее, но он не потерял хладнокровия.

— Бейте! — повелел он. И вновь ударили трубы, метающие огонь.

На этот раз щит не выдержал. Пошли вперед невидши — и воины, защищающие дом, бросились вперед, схлестываясь с ними. И Ренх-сат тоже пошел вперед, вынимая из ножен уже напоенный кровью меч.

С могучим воином-зверем они столкнулись почти на пороге дома, который тот так защищал. И бился зверь умело, но недаром Ренх-сат поклонялся Войне и жизнью его была война. В другой момент он бы отдал должное противнику и получил бы удовольствие от боя, но не до того сейчас было — и он, отступив, пропустив мощный удар в пальце от груди, поймал взгляд противника и ударил ментально. Пусть эти звери были не восприимчивы, силы Ренх-сата хватило, чтобы воин на мгновение дрогнул — и генерал, присев от просвистевшей над головой секиры, снес ему ногу. Отбил из рук повалившегося наземь противника секиру и пошел дальше, оставляя того истекать кровью. Норы или невидши добьют.

Ренх-сат умел слышать песню битвы. Он слышал, как ближе и ближе гудят смерчи, и воеет вокруг ветер, как с занятой его войсками части города слышатся глухие взрывы, будто кто-то огромный колотит по укреплениям его солдат. Слышал, как отчаянно бьются дармонширцы, как одинаково кричат в предсмертной агонии дети двух миров, и молчат небеса — которые раньше не смолкали от криков раньяров. Ритм битвы менялся, и Ренх-сат понимал, что, захватив одного из колдунов, подчини его, и он переломит ситуацию в свою сторону.

Генерал шагнул внутрь дома, туда, где по стенам жались испуганные бабы, а раненые солдаты, пытавшиеся как-то защитить их, пытались встать со своих мест.

— Где колдун? — крикнул он, обводя тех, кто никак не мог быть его противниками, взглядом.

Ему не ответили — и он пошел дальше. Но взвыл ветер, ударив его в лицо, подхватил — хотя Ренх-сат успел упасть, перекатиться вбок, ускользнуть — и выбросил из дома наружу. Генерала протащило по мостовым, но он перекатился через себя, вскочил, сгруппировавшись.

Вокруг как в гигантском котле кипела кровавая битва, но противники расступались, потому что над площадью клубы ветра сгущались в огромного змея со струящимися вокруг шеи перьями. И смотрел этот змей на него, на Ренх-сата, и был он на расстоянии, на

которую долетел бы нож. Генерал и метнул меч — но тот, что резал кости как былинки, разбился о невидимую защиту. И тогда тиодхар мысленно приказал ему «Ты подчиняешься мне! Спустишься ко мне, поклонись мне!».

Змей дрогнул, застыл, а затем раскрыл клюв и оглушающе зашипел, изгибаясь. Встали вокруг генерала невидши, защищая его и от людей, и от громадного противника, а тиодхар оставил попытки подчинить его — и мысленно приказал идти сюда всем инсектоидам, которые могли почуять его приказ.

Со всех сторон полетели к змею стрекозы, разбиваясь о его щит, понеслись, прыгая, опускаясь на головы людей, десятки и сотни охонгов и гигантских тха-охонгов, которые пролетали как огромные снаряды, как ядра размером с грузовик. Змей шипел, отшвыривая их хвостом на крыши, но щит его держался, лишь чуть проседая — а хруст от самоубийственной атаки инсектоидов стоял такой, что уши закладывало, и раздробленные туши усеивали площадь, вытесняя людей к домам. Муравьиной кислотой воняло так сильно, что слезы текли из глаз, а слизь, заменявшая тварям кровь, покрыла почти всю площадь, заставляя противников поскользнуться.

Ренх-сат понял, что ритм битвы изменился и запах поражением и пленом, когда хруст и грохот от ударов об щит стал затихать. Пока вновь не прорезались сквозь него звуки выстрелов и крики людей, а тиодхар, вымотанный мощнейшим ментальным усилием, не перевел дыхание.

Шумели вихри слева, раздавались глухие колдовские удары справа. Невидши его сражались с воинами-зверьями, которые отесняли их от тиодхара. И молчал воздух, будто там больше не было стрекоз. Отступали, глядя на змея и горы еще шевелящихся туш инсектоидов, истекающих слизью, норы и наемники — и их расстреливали, швыряли на землю, прижимали к стенам, вышибая оружие.

Ритм битвы изменился и запах поражением и пленом. Но не мог тиодхар, верный войне, не искать способ одержать верх и в безвыходной ситуации. И он, помня о том, как несдержан колдун, нашел его.

А если не выйдет — то он хотя бы уйдет к богам в бою, а не в пасти крылатой твари.

— Эй, колдун! — со смехом, громко крикнул он в клубы ветра, которые стужались в гигантского змея. — Что ты, как трус, все паришь в небесах и колдовством защищаешься от честного оружия? Давай решим все здесь, внизу, мужским поединком! Кто победит, тот приносит другому клятву верности! Станет другому вассалом! У меня нет больше инсектоидов, но все еще достаточно людей, чтобы они порубили половину твоих, прежде чем полечь самим!

У змея не было ни единой причины соглашаться — он насмешливо зашипел, приближаясь почти вплотную, и оскалился, показывая, что все он понял и может сейчас сожрать противника, как букашку.

— Сразись со мной! — снова крикнул тиодхар. — На что-то ты способен, кроме полета, колдун? Или всю жизнь будешь ходить трусом, если не сразишься сейчас, а сожрешь меня!

Колдун не стал жрать — он показал зубастую пасть, а затем... потек клубами ветра и соткался в человека, худощавого, бледного, со светлыми глазами. Ренх-сат видел его изображения в старых га-зе-тах, но сейчас вперился взглядом в противника, отмечая сухие мышцы, жилистое сложение, и не обольщаясь кажущейся худобой.

Вокруг расступались бойцы, дармонширцы и норы, образуя круг больше, еще больше. Всех невидши порубили, и теперь расталкивали еще шевелящиеся тела по сторонам. Краем

глаза генерал видел, как перетягивают ногу выше бедра побежденному им воину-зверю.

— Ну что же, — сказал колдун, безумно улыбаясь, и в глазах его горел азарт, отозвавшийся Ренх-сату, — бой так бой. Только я не обучен вашему оружию, генерал, потому предлагаю бой на кулаках. В вашем мире бьются на кулаках?

Ренх-сат посмотрел на свои кулаки и усмехнулся.

— Бьются, колдун.

— В доспехах бьются? — спросил колдун.

— Сниму, — ответил Ренх-сат, вновь пытаясь забраться противнику в голову. Тот чуть наморщился, и тиодхар отступил. Значит, действует. Использует. Потом. Потом. — А у вас без штанов принято биться, колдун?

— Ты прав, — согласился Дар-мон-шир, — пожалуй, попрошу дать мне штаны. А то неловко выйдет перед историей.

И Ренх-сат усмехнулся. Он ценил дерзость перед лицом смерти.

Один разделся — доспех и меч полетел на землю, другой оделся. Круг вокруг них становился все шире.

— Я, тиодхар Ренх-сат, — проорал генерал на местном, — клянусь, что если проиграю, принесу колдуну Дар-мон-ширу клятву вассала и уведу свои войска с этой земли в свой мир. — И он повторил то же самое на лорташском.

— Я, герцог Лукас Дармоншир, — так же громко крикнул колдун, — клянусь, что если проиграю, принесу вассальную клятву Ренх-сату и назову его своим королем. И пусть никто не помешает нам!

Они закружили вокруг друг друга. Колдун неожиданно ударил первым — и генерал, отвечая и попав сразу в корпус, испытал давно не ощущаемое вдохновение боя — такое удовольствие он получал, когда они потешно дрались давным-давно в родной твердыне мальчишками с братом, когда его обучали бою с ножом, когда он победил в стрельбе из лука...

Колдун оказался гибким и ловким, и достаточно безумным, чтобы атаковать постоянно, прощупывая возможности противника, но задевать ему удавалось пока только по касательной — однако Ренх-сат понимал, что он на удивление силен. Сам генерал бил меньше, но наверняка, подныривая под слишком смелые атаки противника, впечатывая кулаки в корпус, в плечо, слушая, как судорожно выдыхает колдун. Да и сам Ренх-сат несколько раз не сдержал болезненное рычание, пропустив удар под ребра. По голове попасть не выходило — колдун закрывался на диво умело, словно в кулачных драках участвовал всю свою жизнь.

Вокруг них волнами замирала площадь. Ренх-сат, наконец, долбанул ментальным ударом, одновременно впечатывая кулак в нос колдуну — тот должен бы был упасть, но лишь пошатнулся, закрываясь от добивания... заорали вокруг норы, и тут же, перекрикивая их, зашумели дармонширцы... колдун как-то хитро извернулся, оказавшись за спиной генерала — Ренх-сат, мгновенно развернувшись, увидел, как тот мотает головой, приходя в себя. По лицу его лилась кровь, под глазами набрякали синяки. Он зашипел, обнажая зубы то ли в улыбке, то ли в оскале, и Ренх-сат тоже оскалился в ответ.

Вокруг орали, кричали, подбадривали, а дальше, за кругом, все так же бились, так же убивали между тушами инсектоидов — и двое противников снова закружили по кругу. Бросок, удар, еще удар!.. разошлись, сошлись, — противник так и не пробил Ренх-сата сколь-нибудь опасно, но не выдыхался, двигался то вправо, то влево. Генерал, выбрав момент,

снова ударил ментально, а следом в висок колдуна полетел его кулак.

Но в этот раз противник не дрогнул.

Он даже не уклонился — а когда Ренх-сат уже ощутил, как ломается височная кость колдуна, тот с нечеловеческой ловкостью отклонился назад и мощным ударом в подбородок справа свалил Ренх-сата на землю.

Удар был такой силы, что у тиодхара на несколько мгновений остановилось дыхание. В глазах расплывалось, рот заполнился кровью. Он еще пытался встать, еще не понимал, что проиграл — но тело его не слушалось, а он упорно поднимался... встал на четвереньки, и его вырвало. Он упал рядом, закрыл глаза под вой и шум толпы. Голова раскалывалась. Открыл. С трудом сфокусировал взгляд на вставшем над ним колдуном.

Тот вытирал рукой от локтя кровь, которая все лилась и лилась, но добивать не пытался — хотя сам Ренх-сат бы добил. Несмотря на клятвы.

— Ты силен не как человек, — бросил Ренх-сат, силясь поднять голову.

— Да и ты бил не только кулаками, — ответил колдун, и Ренх-сат мотнул головой, закашлялся.

— Ты знал, что победишь.

— Откуда же мне знать, на что способен ты? — усмехнулся противник.

— Тогда ты глупее охонга, раз согласился, — бросил тиодхар и сплюнул кровь.

Колдун склонился к нему — с набрякшими синяками под глазами, опухшим, изуродованным лицом.

— Но я победил. А теперь прикажи своим людям прекратить сопротивление. Прикажи невидши остановиться.

Ренх-сат повернулся набок, глядя на толпу людей — которые смотрели на него с ожиданием, с ненавистью, со страхом и надеждой, и это движение чуть не заставило его потерять сознание. Что теперь с ним сделают боги? Вряд ли это будет более позорного окончания похода, который мог закончиться его славой.

— Или твое слово ничего не значит? — поторопил колдун. — Тогда и я забуду о том, что обещал отпустить тебя с твоими людьми в ваш мир.

— А ты бы, — прошептал Ренх-сат, — исполнил бы свое?

Дармоншир присел рядом с ним. И, ничуть не смущаясь, поднял его так, чтобы генерал мог сесть.

— На самом деле все дело в формулировках, — тихо сказал он что-то непонятное, и генерал качнул головой. — В том, как сложить слова, — пояснил он, криво усмехаясь. — Я рисковал только собой. Речи про моих людей не было. И они не дали бы тебе уйти со мной. Я был бы твоим вассалом только до тех пор, пока ты жив.

— И ты ждешь от меня исполнения клятвы? — бросил Ренх-сат.

— Конечно, — приглушенно сказал колдун и поймал его взгляд, и Ренх-сата словно током прошибло. — А теперь. Говори. Говори, что обещал.

Тиодхар не хотел говорить, но рот его открылся сам.

— Я, Ренх-сат, — громко проговорили его губы, — признаю, что ты победил меня. Признаю себя твоим вассалом. И приказываю своим войскам бросить оружие и уйти обратно на Лортах!

Колдун отшатнулся от него с кривой улыбкой. Ему сунули в руки полотенце, он приложил к носу. Потрогал его, явно что-то колдуя, потому что кровь останавливалась на глазах. Огляделся. Огляделся и Ренх-сат, рискуя свалиться набок. Люди в кругу слышали

его. Кто-то уже бросил оружие, но большинство стояли, словно замороженные, словно не верили в то, что все закончилось так. А за кругом продолжалась битва.

— Я думаю, лучше сделать так, — в круг вошла коротко стриженная женщина в плотном и тонком темном доспехе, защищавшем все ее тело от шеи до кончиков пальцев. Она мимоходом коснулась виска Ренх-сата, снимая муть, а затем махнула рукой. — Теперь тебя услышит весь город. Повторяй.

И он повторил.

Ему связали руки спереди, ноги, но не били и не издевались — оставили сидеть на мостовой под охраной. Группы норв сгоняли к домам, приказывали сдавать оружие. Невидши просто разрубали на части.

На площади загорались большие костры, звуки перестрелок становились реже и отдаленнее. Кто-то еще огрызался, не желая принять проигрыш, кто-то решил уходить отрядами к воротам сам.

У него мелькнула мысль использовать еще живых невидши, чтобы получить свободу — но за ним следили надежно те воины-звери, которые плохо реагировали на ментальное внушение. Да и смысл в свободе? Разве что попытаться уйти куда-то в этом мире в глушь, залечь на дно — потому что там боги его накажут.

Впрочем, в этом мире они тоже скоро появятся. И бежать ему смысла нет.

Колдун подносил к окровавленному рту сигарету, втягивал дым жадно, нервно и о чем-то беседовал с женщиной в доспехе. До ушей Ренх-сата доносились обрывки разговора, и он понял, что говорят о драконе, унесенном Лесидией. Колдун последний раз выпустил дым, отпил из фляги, подошел к Ренх-сату. Генерал знал, каким будет вопрос.

— Куда твои люди унесли дракона?

Ренх-сат усмехнулся.

— Туда, откуда он не вернется, — ответил он. — В жертву нашим богам. Хочешь его спасти, колдун, победивший меня?

— Хочу, — не стал лукавить колдун. — Ты полетишь со мной и прикажешь им освободить его.

Генерал покачал головой, сплюнул сгусток крови под ноги.

— Этого не было в нашем уговоре, колдун. Пусть я вассал тебе, но боги всегда на первом месте. В этом я тебе не помощник, и куда его понесли, не скажу. Разве что ты опять мне прикажешь?

Дармоншир поморщился. Выругался, помотав головой, сунул флягу за ремень. И вдруг склонился к нему, обхватывая пальцами за виски — и от взгляда, хищного и безжалостного, Ренх-сат выпрямился, готовый к боли.

И боль пришла, раскаленными прутами вкручиваясь в виски, разрывая голову. Из носа вновь хлынула кровь, потекла и из ушей, и генерал завыл, забился, пытаясь избавиться от того, кто влез ему в голову.

Дармоншир отпустил так же быстро, как схватил его, и Ренх-сат повалился на бок. Колдун отступил, качая головой с выражением глубочайшего отвращения к себе.

— Как Луциус это делал... Какая же все-таки дрянь, — пробормотал он, вытаскивая из пачки еще одну дымящую трубочку. Посмотрел на Ренх-сата, который силился сесть, вытащил флягу и бросил ему на колени.

— Помогите ему, — бросил он кому-то из солдат.

— Не так уж мы и отличаемся, да, колдун? — сипло усмехнулся генерал. Жадно схватил

флягу связанными руками, поднес к губам.

Дармоншир поморщился еще раз и пошел прочь.

* * *

Командующий Майлз, опять не спавший более суток, смотрел на карту своей страны. Он уже знал, что в соседнем Рудлоге идут бои в столице, что в Йеллоувине только-только закончился разгром иномирянской армии, что сводная бермонтско-рудложская армия идет на Блакорию и скоро там будут свои сражения. Но пока он оценивал свою страну, потому что уставший мозг не мог охватить картину целиком.

За ночь дармонширские войска взяли в плен более пятнадцати тысяч лорташцев. Но и потерь убитыми и ранеными со стороны Дармоншира и союзных подразделений оказалось более семи тысяч. Листолеты и машины с ранеными мотались туда-обратно, многим пытались помочь на месте.

Часть из иномирянских войск не пожелала сдать оружие и отступила в сторону Блакории в надежде соединиться с войсками Манк-теша — эти группы еще предстояло отловить. Большая часть Инляндии еще находилась под иномирянской оккупацией — и пусть в захваченных поселениях остались крошечные отряды, которые не смогут противостоять армии, все равно их нужно зачищать.

Но самое главное было сделано — хребет иномирянам в Инляндии был сломан. И это ощущалось, как результат большой и сложной работы — с удовлетворением.

Это ощущалось, как что-то невероятное — и Майлз ощущал иррациональный страх, что есть что-то, что он не учел, что может разрушить результаты победы в один миг.

Это ощущалось, как ликование, замешанное на боли. И Майлз потер глаза, которые вдруг, на миг, заслезились, сложил карту, и пошел, наконец, спать.

Потому что его задача была, наконец, выполнена. И пусть впереди оставались еще множество — теперь он мог позволить себе отдохнуть.

* * *

04/02 перезалила 10 и 11 главы, подчистила их, плюс в конце 11 главы есть существенное расширение сцены боя Люка и Ренх-сата, внесла все то, что оставила за кадром.

* * *

Друзья, я так счастлива, что я их дописала — ощущение, что Атлантический океан переплыла. Тихий переплыву, когда допишу последнюю битву) Сейчас мы уходим в Нижний мир, и главы из Нижнего мира встанут по времени ранее, разобьют дармонширские события.

А еще, подсчитав объем Дармонширских событий, я поняла, почему в мае у меня на них был ступор. Ибо они заняли почти 180 тыс знаков или 4 с половиной алок. Мой мозг просто умнее меня и понимал объем))

И вот мы перешли и этот Рубикон) Все ближе к финалу (и еще одна картинка, долго мучавшая мой мозг, наконец-то написана и освободила место для других картинок)Следующее продолжение, как я надеюсь — на выходных (ттт).Друзья из Питера, обратите внимание, 8 числа вечером в Буквоеде у нас встреча! https://vk.com/wall-52510824_146672Друзья из Самары, я буду у вас 11-12 февраля на книжной ярмарке, и у нас будет с вами встреча! Следите за объявлениями в группе вконтакте! Как только появится точная информация, я ее здесь размещу!

4 мая по времени Туры, Лортах

Алина

Пятая принцесса дома Рудлог шлепала по зыбкой почве, почти засыпая на ходу. Впереди виднелась спина Тротта, позади страховал Чет. Спать было нельзя — нужно было уйти как можно дальше к порталу, пока позволяла ночь.

Несколькими часами ранее, после того как удалось спастись от огненного колокола бога-богомла Девира, путникам пришлось пересекать широченную реку, в которую их вынесла фиса Веты-Океана. Отслеживая, не появятся ли раньяры, они доплыли до заросшего высокой травой берега, противоположного обрыву — потому что мощь Девира была так велика, что лес, способный скрыть их, почти полностью был уничтожен до самой реки. А далеко впереди, там, куда им нужно было идти, даже ночью виден был дым и алые всполохи огня — то догорали деревья, попавшие под удар.

Пока беглецы плыли, то и дело приходилось нырять, потому что в свете двух лун недалеко от реки с гулом проносились стрекозы. Благо к воде они не подлетали.

Затем путники пошли по хлюпающей почве сквозь заросли пойменной травы высотой по грудь. Там, где почва становилась потверже — бежали, на затопленных местах — перелетали вперед, а Чет перепрыгивал или уходил в реку и переплывал.

Долгий полет у Алины не получался из-за слабости крыла, раненого мелкодерой, но принцесса держалась в воздухе рядом с лордом Максом сколько могла. Потому что идти по грязи было еще сложнее. Обувь вместе с обмотками давно промокла насквозь, но снять ее Алина не решалась, чтобы не пропороть чем-нибудь кожу или не наступить на какую-нибудь мелкую ядовитую тварь.

С обрыва всю ночь стелился дым, несло гарью, и иногда снова приходилось закрывать рот и нос мокрой тканью — когда ветер менял направление и окутывал путников дымным облаком. Но прошло несколько часов, и дыма стало меньше. Дышать стало легче, хотя приступы кашля не отпускали, несмотря на способность к самолечению у всех троих.

Мужчины менялись местами, чтобы отдохнуть от прокладывания тропы, Алина шла посередине. Тротт то и дело поднимался в воздух, чтобы посмотреть, нельзя ли сдвинуться в сторону равнины, чтобы идти по суше, но заросли влажной травы простирались метров на сто к равнине, а дальше деревьев было немного, и риск, что путников в свете лун заметят с окраин лагеря иномирян или с воздуха, был слишком высок.

— Если присмотрятся, и тут могут обнаружить следы, — хмурясь, сказал Тротт Чет, оглянувшись назад: там четко виднелась проложенная ими тропа из раздвинутой травы, хотя они все старались идти, ступая меж корнями.

— Если не повезет и решат спуститься к воде, то да, — согласился Чет, — но есть надежда, что издалека подумают на кабанов или косуль, которые пришли напиться. Или на ветер — он мотнул головой вбок, где виднелись хаотично полегшие участки травы. Да и к утру грязь должна все затянуть. Это лучше, чем если бы шли по воде — там под илом светлый песок, следы будут видны с воздуха.

— Согласен, — кивнул Тротт и бросил взгляд на Алину быстрый взгляд.

Принцесса, как всегда в ситуациях, требовавших напряжения сил, шла сосредоточенно и быстро, контролируя дыхание, в разговоры почти не вступала.

Часто попадались широкие участки полегшей травы, как дороги, проложенные с равнины. На таких полосах идти было легче, хотя нужно было следить, чтобы не запутались ноги.

— Муравьиной кислотой воняет, — пробормотала она на одной из таких полос.

— Это инсектоидов водят на водопой от лагеря, — объяснил Тротт то, что она и сама поняла.

Как и то, что если не убраться с этого берега до рассвета, то они окажутся в ловушке.

— Под утро я проверю, дошли ли мы до не задетого огнем леса, — вторил ее мыслям лорд Макс. — Если там, — он кивнул на обрыв, — еще горит, то придется переждать день здесь.

— Но как? — вяло спросила она. — Нас тут заметят с воздуха.

— Я покажу тебе, как плести шалаш из травы, — откликнулся Чет из-за ее спины. — Такой, что можно стоять в шаге от него и не понять, что это не просто полегшая трава и что внутри кто-то есть.

— Да, зачем я спрашивала... Как будто в первый раз, — с усталой едкостью откликнулась она, двигаясь дальше. Чет начал тихий рассказ о том, как он охотился в Тидуссе на крокодилов за награду от тогдашнего правителя и собственного развлечения и как-то трое суток пролежал в таком шалашике, дожидаясь появления самки, которая нужна была для разведения правителю.

— А почему ты не обернулся в дракона и не схватил ее лапой? — поинтересовалась Алина, которую история Чета выдернула из отупения из-за монотонного движения.

— Потому что нет чести победить кого-то в десятки раз слабее и меньше тебя, — серьезно ответил Четери.

— А победить кого-то в десятки раз сильнее? — улыбнулась принцесса, вспоминая мелькодеру.

— А в этом есть, — согласился дракон, и она с благодарностью оглянулась на него, отвлекающего от тяжелого продвижения вперед.

Впрочем, она понимала, что для этого он и говорит — как и Тротт, который, конечно, травил байки не с таким легкомыслием, как Четери, но ухитрился рассказать полную классификацию стихийных духов и нежити. Говорит не только для нее, Алины, но и для них всех — потому что устают все, даже бесконечно выносливый дракон и двужильный, не жалеющий себя лорд Макс, а глупые, забавные, где-то раздражающе несоответствующие ситуации байки помогают не сойти с ума, сохранить присутствие духа.

Но говорить громко было нельзя, а когда они бежали, и вовсе нужно было беречь дыхание — и тогда, в часы тишины, Алине казалось, что вся жизнь состоит из пробирания по каким-то непроходимым местам с перерывами на бои, и что до портала они не доберутся никогда. И что им обязательно не повезет, и придется-таки рисковать и оставаться на день в этой траве.

Так и вышло.

Незадолго до рассвета, когда они все уже валились с ног, а принцесса спала на ходу, Тротт долетел до леса над обрывом и вернулся.

— Еще горит, — сказал он. — Лес почти уничтожен. Придется прятаться.

— Как будто в первый раз, — вымотанно повторила Алина. Ей уже было все равно, где лечь спать — но они еще все вместе плели шалашики подальше от полос, проложенных охонгами для водопоя, набирали воду в фляги, перекусывали тем, что осталось в сумках,

намазывались мазью, данной им тимавеш, чтобы отбить нюх у инсектоидов, и, наконец, залегли в убежищах, чтобы переждать этот долгий день.

* * *

Пятая принцесса дома Рудлог лежала в илистой жиже на боку, подложив под ухо крыло и прислушиваясь к происходящему вокруг. Сквозь высокую траву пробивалось слепящее солнце, плескала близкая река, звенел гнус, лез в рот и нос так, что снова пришлось замотать их тканью.

— Почему нас не кусает мошकारа? — шепотом спросила Алина у лорда Тротта. Тихо-тихо, чтобы никто снаружи не услышал. — Я только что сообразила, что меня ни разу не укусили тут. И вас ведь тоже нет, да? И Четери? — она кинула взгляд за плечо Тротта, туда, где в траве скрывался дракон. — Это из-за нашей крови? Потому что мы из другого мира?

Тротт повернул к ней голову: он лежал на спине, подложив под затылок крылья, полускрытый полосой травы и измазанный настолько, что Алине просто не хотелось думать, как же грязна она сама и как воняет гарью и рыбно-тинным илом.

— У меня другого объяснения нет, — тихо сказал он. Из-за грязи и тряпки на лице зеленые глаза выделялись особенно ярко.

Сквозь траву она заметила на его лбу бисеринки пота и сразу ощутила, насколько пересохли ее губы. Облизнула — потому что было ужасно жарко и душно. Речной ил нагрелся за время, которое они отсыпались, и охлаждению не способствовал. И плеск близкой реки сводил с ума — так хотелось окунуться, смыть грязь. Но нельзя. До темноты нельзя. И воду в флягах надо беречь — набрать до вечера не получится.

Оставалось только лежать, ждать захода солнца, дремать, подавлять все еще прорывающийся кашель, слушать, не появятся ли враги — и иногда прерывать сонное оцепенение вот такими ничего не значащими разговорами. Просто чтобы окончательно не отупеть.

— Мы столько шли, бежали, летели, карабкались по горам, — пробормотала она хрипло, — а тяжелее всего лежать так, когда от тебя ничего не зависит. Ощущение, что мы уже вечность тут, а всего полдня прошло.

— Предпочитаете бежать? — усмехнулся он.

— Нет, — Алина мотнула головой, и волосы, запачканные напрочь, шлепнули ее по лбу. Подумала и призналась: — Хотя вы правы, лучше бежать.

— Нам еще предстоит побегать, — напомнил он спокойно.

— Не сомневаюсь, — со вздохом проговорила она. Потерла грязный лоб грязной же рукой, выругалась.

— Что за выражения, ваше высочество? — очень профессорским тоном поинтересовался Тротт. Она покосилась на него — глаза были чуть сощурены от улыбки.

Все же они действительно все немного сошли с ума, раз могут подшучивать друг над другом в такие моменты. И болтать о всякой ерунде.

— Леди Тротт, — огрызнулась она наставительно. — У вас научилась. Или вы, профессор, думаете, что вежливо молчите, когда отрубаете лорхам головы?

Он хмыкнул, глаза сощурились еще больше — и она замолчала, глядя в них — такими красивыми они ей показались.

— Вы похожи на трубочиста, — проговорил он после паузы, протянул руку сквозь траву и вытер потек грязи с ее лба. Ну как вытер — размазал. А затем закашлялся тихо, глухо.

Принцесса перехватила его ладонь и сжала, не отпуская.

— Прочитайте мне еще какую-нибудь лекцию, — попросила она, закрывая глаза.

— Слишком общий запрос, Алина.

— По магмоделям.

— Уже лучше. Но я верю в конкретизацию.

— Давайте ту, с которой вы меня выбросили. Должна же я получить компенсацию.

Она была уверена, что под тряпкой он улыбается.

— А вы мстительны.

— Люблю, когда вы язвите, — призналась она, вновь открывая глаза.

Он опять усмехнулся.

— А мне очень импонирует ваша настойчивость.

— Но сейчас бы вы меня не выбросили?

Он помолчал. Крутанул плечами.

— Я бы предложил вам индивидуальные занятия, Алина.

Принцесса тихонько засмеялась.

— Это потому что вы поняли, что от меня не отвяжаться?

— Потому что вы умны. И выносливы, — серьезно ответил он. — Ваш ум гибок, вы не умеете сдаваться и в вас достаточно силы, чтобы двигаться вперед даже после множества неудач.

Я вижу, что если бы поставил вам научную задачу, вы бы не ленились, не выполняли ее поверхностно, ради звания, а занялись бы действительно глубинными исследованиями. Я ценю таких людей.

— Вы ведь понимаете, что когда вы меня хвалите, я пугаюсь? — со смешком поинтересовалась Алина.

— Сейчас мне не верится, что вы меня боитесь. Или когда-то боялись, — иронично заметил лорд Макс.

— Ужасно, — она придвинулась чуть ближе, насколько позволяла стена сплетённой травы, разделяющей их. — До дрожи в коленках.

Он снова закашлялся.

— Правда, — продолжила Алина, веселясь и одновременно ужасаясь несоответствию тона этого разговора месту, где он происходит, — сейчас уже ума не приложу, почему. Вы ведь такой милый, профессор!

— Боги, — покачал он головой в притворном изумлении, — да вы и правда отчаянно осмелели.

Тон его был ледяным, и она снова засмеялась — а потом вытребовала-таки свою лекцию. Потому что можно было смеяться, шутить, ввязываться в перепалки, просто болтать — но знание о том, что в нескольких сотнях метров от них начинаются загоны охонгов, и что в любой момент в ненадежном убежище беглецов могут обнаружить, никуда не девалось. И нужно было делать хоть что-то, чтобы не свихнуться от страха и тревожного ожидания.

Лекция была на середине, когда лорд Макс замолчал, а потом раздалось тихое птичье посвистывание от Чета. А затем и Алина услышала чавканье многих лап по грязи и сжалась в ожидании.

Гигантские тха-охонги со всадниками на спинах медленно проходили справа, слева, над

ней, входили в воду, толпились у берега, опуская в реку гигантские морды и зачерпывая туда воду жвалами. Иномиряне гортанно переговаривались на своем языке, и она вычленяла знакомые слова:

Тха-нор-арх убит...

Говорят, ему в новом мире попался колдун сильнее него... армия, которую вел Итхир-Кас, разбита...

Кто теперь возьмет власть здесь?

Какая разница, если мы будем уже в новом мире? Важно, кто будет править там.

Да... кто из тха-норов займет трон?

Алина лежала на спине, слушая, глядя во все глаза — и все же чуть не пропустила, когда огромная задняя лапа тха-охонга опустилась прямо на ее шалашик, едва не прошив ей крыло. Принцесса успела дернуться вправо, ближе к Тротту — и замерла там, прижатая травой, почти раздавленная, вдавленная в грязь, которая уже поднялась выше уровня ушей, залепив их и поднималась выше. А Алина не могла пошевелиться, глядя на хитиновое брюхо инсектоида и слыша, как нервно, тяжело дышит рядом Тротт.

Только бы они с Четери не рванулись сейчас помогать ей! Иначе погибнут оба — разве можно победить целое стадо гигантов?

Раздалось шуршание. Алина скосила глаза — лорд Макс достал нож и неслышно, почти незаметно срезал траву между ними, чтобы высвободить ей голову. Дышать стало легче. Но до тела добраться он не мог.

Сверху все говорили, а принцесса смотрела на колоннообразную лапу рядом с собой, в каких-то трех десятках сантиметров возвышающуюся в небо, на движения инсектоида, и понимала, что стоит ему совсем немного покачнуться, сместиться, и ее просто раздавят.

Тротт все резал траву. Телу справа стало посвободнее, но сместиться ей никак не удавалось — слишком глубоко ее засосала грязь. Тха-охонг пил долго — пришлось закрыть глаза, потому что жижа добралась и до них, сжать рот. Но все же снизу держали корни травы, поэтому погружение приостановилось. Алина ровно, размеренно дышала, ощущая, как засасывает ее грязь, но, видимо, ситуация была настолько ужасающей, что страх куда-то испарился, осталось только равнодушие.

Голоса звенели все глуше, и принцесса от жары, от напряжения, от дикости происходящего то ли заснула, то ли потеряла сознание.

Очнулась она в тишине. Солнце садилось. Вокруг были валы грязи, поднятые лапами тха-охонгов, а лорд Тротт, чья бледность угадывалась даже на измазанном лице, полулежал рядом, удерживая голову Алины на локте, и, склоняясь над ней, лил ей на щеки, лоб, шею тепловатую воду из фляги.

— Не надо, — попросила она хрипло, отодвигаясь. Голова шла кругом. — Не тратьте воду. Я уже нормально. Все нормально. Они ушли?

— Ушли... и еще приходили, — ответил он, резко и дергано закрывая флягу. Выругался, выдохнул и, склонившись, прижался ко лбу принцессы горячими губами.

— Испугались за меня? — спросила она тихонечко.

— Смертельно, — ответил он.

Ночь наступала долго, еще несколько раз приходили на водопад инсектоиды, и Алина отупела — так устала бояться. Подняться с наступлением темноты она смогла не с первого раза — затекло тело, да и грязь отпускала неохотно. И первое, что она сделала — направилась к реке и быстро, как получилось, отмыла тяжелые крылья, одежду и волосы.

Они снова шли всю ночь, но принцесса была этому счастлива. В этот раз они почти не говорили, но ночь все равно показалась короче, чем прошедший нескончаемый день. И незадолго до рассвета Тротт снова пролетел к обрыву и вернулся.

— Теперь там можно пройти, — сказал он, и Алина всхлипнула от счастья. — Огонь прошел по верхам, есть несожжённые полосы. Есть где спрятаться.

Четери кивнул, без лишних слов направился к воде и поплыл к тому берегу. А Тротт шагнул к Алине.

— Постарайтесь долететь как можно дальше, — попросил он. — Полетим низко над водой и у самого обрыва наберем высоту. Если поймете, что крыло вот-вот откажет, говорите мне.

— Хорошо, — сказала она, потирая грязной рукой глаза. Над равниной было еще темно, но за лесом уже начала выделяться серая полоса.

Река была очень широкой и мелкой. Они пролетели над мерно и быстро пересекающим ее Четом, добрались до обрыва — песчано-каменной стены, прошитой сверху длинными корнями — она была в высоту метров тридцать с едва заметным уклоном к воде. Алина ударила крыльями по воздуху, чтобы набрать высоту — и добралась почти до середины обрыва, когда крыло свела судорога и оно, вместо того, чтобы плашмя лечь на воздух, проскользило ребром. Она даже сказать ничего не успела, ее дернуло вниз и вбок — когда Тротт прямо в воздухе толкнул ее на стену, впечатал туда, придерживая руками и ожидая, пока принцесса найдет опору для рук и ног. Помог стащить сумки, надел на себя.

— Тут еще ползти метров двадцать, — сказал он. — Не бойтесь ничего. Я подстрахую, если сорветесь. Вы справитесь.

— Я справлюсь, — откликнулась она. Потому что этот бесконечный поход дал ей понимание, что она способна справиться со всем.

Из-под ног сыпались мелкие камушки, но Алина, выдохнув, поползла вверх, цепляясь за выступы.

Она сильно вымоталась за прошедшие дни — пожар, побег, землетрясение, раскаленная ловушка, две ночи похода по грязи. Даже не так — она очень устала за последние месяцы, так устала, что ей то и дело хотелось разжать пальцы, рухнуть спиной вниз и разбиться наконец.

Но слабость шептала ей отступить — а она ползла вверх. Ползла и думала, что еще пару месяцев назад она бы и сдвинуться по этой стене не смогла, а сейчас в ее теле столько силы, что она морщится и вздыхает только из-за боли в пальцах и страха упасть. И из-за боязни, что подставит Тротта, что ее заметят с воздуха — и его вместе с ней.

Мимо, метрах в двух от нее, ловко и быстро пополз по обрыву Чет. Проползая мимо, улыбнулся совершенно солнечно и ободряюще, подмигнул — и ей стало легче.

Она останавливалась, отдыхая, не торопилась, не суежилась, вытягивала руки и ноги, нащупывая подходящий выступ или, уже выше, корень, — и все время слышала за спиной, в темноте, шелест больших крыльев. Один раз из-под ноги у нее посыпалась порода, и Тротт метнулся к ней, прижал к скале теплым телом, поддержал — но она уже сама нащупала опору. И двинулась дальше.

И справилась-таки, добралась, перевалилась через край, схватившись за руку Чета, и встала над обрывом, повернувшись лицом в равнине, ощущая торжество и удовлетворение, знакомое только тем, кто в очередной раз преодолел себя и прошел испытание.

Рядом опустился Тротт, и она уже совершенно естественно прижалась к нему, ощущая, как мягко он гладит ее по спине.

Над равниной уже разливались сероватые сумерки, луны скрылись за горизонтом, и небо из ночного фиолетового постепенно меняло цвет на стальной. Перед собой Алина видела большой лагерь и пятна порталов, видела стайки ранних раньяров над лагерьем. Далеко слева по склонам трех сопок все еще текла багровая сияющая лава. Как же далеко они ушли за эти недели!

А затем принцесса повернула голову вправо и с высоты увидела тот портал, к которому они шли — и вновь удивилась. Отсюда он казался с ладонь, и от берега реки до него было немного. Пара ладоней.

— Он так близко, — прошептала она.

— День-полтора пути отсюда, — согласился Тротт, который опустился рядом.

Чет хмурился, всматриваясь в реку, в равнину.

— Местность понижается ступенями, — сказал он. — Обрыв сходит на нет, река дальше разливается, снова придется делать небольшую дугу вдоль рукава. И что это там белеет?

Алина присмотрелась — с места, где они находились, в рассветных сумерках видна была лишь часть русла, которое заворачивало вправо, но оказалось, что далеко впереди между порталом и ними от реки отходит несколько мелких рукавов, образуя длинные островки, покрытые густым лесом. Лес был странный — создавалось ощущение, что под кронами мелькает что-то белесое. Что-то непонятное.

Над лесом роились стрекозы.

— Полагаю, — сказала она со вздохом, — мы скоро узнаем, что там нас ждет.

Перед тем, как тронуться в путь от обрыва, они раскрыли тканую карту, которую для путников нарисовала Одекра. На ней хорошо сохранился рисунок — несмотря на то, что непромокшими в сумках после приключений последних дней оказались только остатки сушеного мяса и лепешек, которые тимавеш хранили в эластичных тканых емкостях, пропитанных чем-то очень похожим на каучук и наглухо заткнутых пробками. На карте видны были перемежающиеся лесом каменные ступени, которые предстояло пройти, а также река — которая должна была иметь одно широкое русло, а не несколько мелких вдобавок, как сейчас. И никаких отметок, что же там такое может белеть.

— Может, тимавеш просто не придали этому значения? — недоуменно спросила Алина. — Или каналы появились в результате землетрясения? Или она так разливается в дождливое время года... хотя тут не было сильных дождей...

— Все возможно, — ответил Тротт, взглядываясь в карту, — мы и раньше видели расхождения.

Чет ничего не говорил — он смотрел на нарисованный пересекающий реку осколок серпа Оки-жара, до которого от каменных ступеней было всего ничего. С обрыва его пока не было видно. Протянул руку, провел пальцем по рисунку, достраивая лезвие, и благоговейно вздохнул.

— Побежали? — предложил он нетерпеливо. — Не терпится взглянуть на еще одно чудо.

5 мая по времени Туры, Лортах

Максимилиан Тротт

Высокий берег заворачивал, открывая вид на реку и все новые рукава, и понижался террасами: папоротниковые чащи обрывались каменными уступами высотой в полтора-два человеческих роста и широкими выходами камня, который вклинивался со стороны реки в лес настолько, насколько хватало взгляда.

И если в рощах можно было идти, почти не таясь, то каменные поля и уступы приходилось преодолевать очень быстро и осторожно — потому что над рекой то и дело пролетали стрекозы со всадниками. Они не выглядели так, будто кого-то ищут, скорее, как патрули или посыльные, но все равно нужно было быть начеку.

Чет шел чуть впереди, отслеживая крупных хищников или возможные засады и распугивая разномастную живность, которую пожар выдавил на нетронутую местность.

— Ты слышал, что говорили всадники на водопое? — вполголоса сказал Тротт в спину дракону. — Местного императора убил кто-то из наших магов. Одна из лорташских армий разбита.

— Слышал, но понял со второго слова на третье, — ответил Мастер, чуть сбавляя шаг, но не прекращая цепко осматривать окрестности. — Теперь понятно. Славный должен был быть бой, как думаешь? Хотя я даже не знаю, молод ли был здешний император или стар, силен или нет.

— Стар. Его боялись. Жаль, что его смерть нам ничего не дает, кроме вероятной разобщенности противника.

— Жаль, — согласился дракон. — Было бы неплохо, если бы здесь началась смута, и про нас забыли.

— Не с нашим счастьем, — усмехнулся Тротт, и Чет, хмыкнув в ответ, снова ушел вперед.

Алина шла, прислушиваясь к разговору, но не вмешиваясь. Тротт следил за тем, как двигается принцесса, готовый подхватить ее, но она уверенно прыгивала вниз с камня на камень или планировала на крыльях. Она была угрюма и чумаза до невозможности, но смотрела не только себе под ноги, а вполне ответственно держала в поле зрения возможные опасности.

Что не мешало ему страховать ее.

Она так повзрослела, что это пугало — в лице не осталось ничего юношеского, оно заострилось, стало жестче, и движения стали скупыми, без мягкости и расслабленности, присущими ей на Туре. Сейчас это были движения человека, который привык к тяжелым нагрузкам. Испачканное лицо выглядело бледным и усталым — а впереди еще минимум день без сна.

Хотелось на нее смотреть. Однако он тоже смотрел не только на нее, но и вокруг, и слушал — чуткий слух пока улавливал в лесу только животных, но пару раз они уже натыкались на следы вражеских отрядов.

— Поглядите, — тихо откликнул ее Тротт перед одним из спусков. — Стоянка иномирян, — он кивнул на кострище, закиданное землей, на кости, перемолотые крысозубами, примятую траву. — Значит, здесь они вполне могут находиться. Или появиться.

Она кивнула, показав, что поняла, и тут же оступилась на камне — чуть не упала, сохранив равновесие взмахом крыльев.

Четери оглянулся.

«Выдержит?»), — читалось в его взгляде.

Тротт покачал головой и проговорил Алине:

— Отойдем подальше оттуда, где оставили наши следы, и устроим привал. Поедим. Вам нужно отдохнуть.

— Жаль, нельзя никого зажарить, — хохотнул Чет, которому в руки только что чуть не прыгнула маленькая косуля.

Принцесса нервно махнула рукой, примеряясь к уступу.

— Я потерплю, лорд Макс. Поем на ходу. Лучше поскорее дойти. А вы думаете, наши следы еще не затянуло?

— Должно, но я бы на это не рассчитывал, — ответил Тротт, протягивая ей снизу ладонь.

— Они ведь должны думать, что мы погибли? — она схватилась за нее и спрыгнула. И тут же быстро, пригибаясь меж крупными валунами, побежала вслед на нем по открытой местности к лесу.

— Нам все равно нужно действовать так, будто нас еще ищут, — продолжил он, когда они уже укрылись под широкими кронами толстенных папоротников. — Если мы настолько нужны тха-норам, что ради нас подожгли лес у лагеря, если за нами отправился охотиться один из богов, то, полагаю, они успокоятся, только обнаружив наши тела.

Алина передернула плечами, перепрыгнула через бойкого кабанчика и посмотрела вправо — там, в километре-двух от воды лес продолжал гореть: то ли удар бога был настолько мощным, то ли пожар по естественным причинам добрался до этих мест. А полоса зелени между рекой и огнем оставалась защищенной выходами камня и ветром, который дул преимущественно от реки.

Лишь иногда воздушные потоки над пожаром и от реки сталкивались, создавая турбулентность, и тогда путников достигала дымка и запах гари, который быстро исчезал.

— Если огонь пойдет сюда, придется снова прыгать в реку, — заметил Тротт, двигаясь рядом.

Принцесса равнодушно кивнула, словно для нее это уже было обычным делом, и притормозила, пропуская пробежавшего за мелкими визжащими поросятами зверя, похожего на низкорослую собаку.

— Сколько же здесь зверья, — пробормотала она, оглядываясь, и ее равнодушие сменилось интересом. — Я таких и не видела.

Многих и Макс еще не видел — хотя обошел почти весь континент и наблюдал самых странных существ. Впрочем, насколько он мог судить, все они имели дальних родственников на Туре, что подтверждало теорию заселения из одного источника.

— Посмотрите, этот похож на крошечную зебру с рогом! — Алина ухитрилась двигаться вслед за мелькающим впереди Четери и одновременно высматривать животных. — А это, — она махнула рукой в сторону крупных хорькообразных, — явно родственники крысозубов... как же их много! — она бросила взгляд на усмехнувшегося Макса, сделала голос тише: — Я говорила, что ваша улыбка меня пугает?

— Рад, что вы сохранили интерес к жизни, — объяснил он совершенно серьезно.

— Удивительно, да? — согласилась она. Выдохнула и пошла дальше уже спокойнее.

Неподалеку лорх доедал косулю, — принцесса бросила на него настороженный взгляд, но, оценив, что ему достаточно нынешней добычи, не стала останавливаться. Виднелись паутины других пауков, попалась пара их выеденных туш — похоже, не поделили

территорию, в поваленных стволах заметны были целые лежки ночных ящеров — они набивались в полости как начинка в пирог. Каждая полянка была заполнена мелкими травоядными, ветви деревьев и кустов облепили птицы.

Путники снова вышли на каменное поле и побежали вперед, к очередной ступени. На таких уступах открывался хороший вид на равнину — огромный лагерь выглядел опустевшим, раньяров над ним роилось далеко не так много, как раньше, видны были и стада инсектоидов, то и дело приходящие к воде попить. Вокруг ближайших порталов даже издали можно было разглядеть вереницы патрулей на тха-охонгах.

И количество тонких рукавов, на которые разливалась река среди пышной зелени, тоже с каждой пройденной террасой становилось все больше. И с каждым разом Тротт все очевиднее понимал, что с рекой что-то не так. С ней и с деревьями на длинных островах — словно стволы покрыты чем-то белесым.

Из рощ между рукавами то и дело поднимались стайки стрекоз, туда подлетали всадники, от реки к лагерю выходили цепочки охонгов и тха-охонгов. Тротт видел во взгляде Четери ту же задумчивость и непонимание. Что может быть там, между этими неизвестно откуда появившимися рукавами реки?

Для ловушки, даже такой огромной, как паутиные сети, сквозь которые пришлось пробираться им с Алиной в начале пути, слишком обширная площадь — множество неудобных островков, которые проще обойти по берегу реки. Да и сети пауков зеленоватые, их среди листвы и не разглядишь.

Для стоянки иномирян слишком странное место. Может, там загоны инсектоидов? Сделали, чтобы не гонять на водопой, не терять время? Но охонги коричневатозеленые, а не белые...

Берег реки сделал очередной поворот, и со следующей террасы открылся отличный вид — и на дымящийся, горящий справа лес, на рукава и на порталы. Чет затормозил, добежав до деревьев, которые росли за каменной россыпью прямо на берегу, прижался к одному из них, вглядываясь вниз, в долину. Алина бежала следом.

— Смотрите! — крикнула она, и в голосе ее слышался настоящий восторг. Она остановилась у дерева, запыхавшись, и Тротт уже хотел напомнить ей, что в любой ситуации нужно беречь дыхание, когда увидел то, что раньше было скрыто от их глаз рельефом и лесом.

Далеко впереди рукава реки снова сливались в одно русло, образуя острова длиной в несколько километров. А за островами, почти вплотную к ним поперек русла будто кто-то нарисовал кусок золотой дуги с рукояткой, с зазубренным осколком лезвия, которое совсем немного заходило с воды на равнину. Папоротники и трава на полях у реки внутри этого рисунка словно были окутаны золотой дымкой. Будто там начиналась осень. И это было очень красиво.

Сердце Макса кольнуло — так бывало у его дома в октябре, когда дубы еще зелены, но отойди подальше — и пышные кроны кажутся едва-едва подернуты позолотой, и непонятно еще — солнце их высветлило, или уже листва пожелтела.

— Это ведь он? — прошептала Алина. — Кусок серпа Оки-жара?

— Других вариантов я не вижу, — глухо ответил Тротт. Он смотрел на осколок — а также на светлое пятнышко портала, до которого от реки было пятьсот шагов. Пятьсот шагов до смерти — и до жизни принцессы.

Четери мечтательно, почти с нежностью улыбался.

— Так близко, — прошептала Алина. — Не верю, что это так близко... — Глаза ее были сухи, и блестели лихорадочно, отчаянно. — Мы ведь... мы ведь уже можем быть к ночи рядом с порталом, да? На осколке серпа?

— Будем, — пообещал Четери. И Макс тоже кивнул.

— И завтра нам нужно будет пробиваться, — неестественно спокойно проговорила она. И тут же оглядела себя, словно надеялась найти карман. — Нужно же предупредить Матвея. Он просил. Нужно написать, что мы рядом, на твоей рубашке, Четери! Но мне нечем!

Дракон одобрительно хмыкнул.

— Мы подойдем ближе к пожару, выудим оттуда уголек, маленькая Рудлог. Или возьмем со старой стоянки иномирян, если наткнемся — тут их немало. Разводить специально для этого огонь мы точно не будем.

— Хорошо, — сказала она. — Я пока... буду так говорить. Вдруг он услышит?

И дальше в пути Тротт слышал, как она то и дело принималась бормотать: «Матвей, мы, скорее всего, уже завтра будем пробиваться к portalу, посмотри, вот он, надеюсь, ты его видишь моими глазами».

Солнце жарило все сильнее, под ногами шелестела трава, носилась туда-сюда живность. Под бормотание принцессы и Тротт погрузился в себя, не забывая, впрочем, отслеживать периметр. Сердце холодила Черный жрец — с каждым днем этот холод становился сильнее, а с утра, когда Тротт увидел такой близкий портал, грудь и вовсе сжало. Не страхом — ему слишком давно было страшно, и страх потерял свою силу, рассыпался песком. Сожалением и надеждой.

Надеждой на то, что такой долгий путь все же не прервется перед самым финалом, что удастся выполнить свою миссию — спасти Алину, вынести Жреца на Туру. И сожалением, что он никогда не увидит больше ни Саню, ни Марта с Вики, ни своего дома и дубов, ни то, какой станет Алина по возвращении.

Под ноги ему метнулся кабанчик, Тротт ступил вправо. И повернул голову к равнине — потому что услышал приближающийся знакомый гул. Четери уже тоже смотрел туда, а через минуту встрепенулась и принцесса, чуть пригибаясь на ходу. Рука ее знакомо легла на нож.

Сюда, в их сторону, летели с десятков раньяров. Они еще не пересекли реку, но уже было видно, что на каждом не меньше пяти всадников.

— Неужели наши-таки наши следы? — тихо выдохнула принцесса.

— Неважно, — бросил Тротт. — Уходим!

Они бежали прочь от реки, перепрыгивая через живность, навстречу пожару, и успели убежать метров на триста, когда пришлось замереть за стволами, чтобы не привлекать внимание движением: стрекозы опустились на берег, всадники стали спешиваться.

Их было десятка три, не меньше — они неспешно переговаривались, похохатывали, снимали с раньяров какие-то веревки с крючьями и были слишком расслаблены для тех, кто прилетел искать беглецов. Норы доставали притороченные к седлам длинные пики, кто-то снимал арбалеты... На стрекозах осталось по всаднику.

Принцесса за соседним стволом почти не дышала — когда один из норов, коротко крикнув по-лорташски «Начинаем!», прицелился из арбалета, и на землю, обливаясь кровью, упала маленькая косуля.

Второй уже поднимал на пике верещащего кабанчика, затем хладнокровно скинул его с острия ногой и подцепил на крюк на веревке. Стрекозы, почуяв запах крови, беспокойно зашевелились, но всадники удерживали их за выросты за башкой, на шейном сочленении.

На высоком берегу разворачивалось настоящее избиение — иномиряне не щадили никого, вытряхивая из стволов ящеров, стреляя в крупных крикливых птиц, забивая поросят и мелких оленей. Охотники разделились: одни, двигаясь вдоль берега, занимались заготовлением дичи, другие — цепляли туши на крючья на веревках, пристегивали к седлам одной из стрекоз. Когда к ней, нервно дергающейся, было привязано штук двадцать таких веревок, всадник крикнул, и она тяжело поднялась в воздух, волоча за собой длинные веревки, усеянные тушами, с которых капала кровь.

Макс посмотрел на бледную принцессу, которая тоже выглядывала из-за ствола, и одними губами озвучил очевидное:

Это не за нами.

Она кивнула. Поняла.

Армию нужно было кормить, и глупо было не использовать то, что пожар выгнал на узкое пространство множество животных.

Норы распределились на четыре группы по шесть человек — две пошли вдоль берега в разные стороны, две — вглубь леса. В разные стороны — но одна из групп должна была пройти мимо путников. Двигались они медленно — живность то ли окончательно отупела от огня и страха, то ли не привыкла бояться людей, но почти не пыталась убежать.

Макс снова поймал взгляд Алины, показал на землю. Сам лег, пополз к следующему стволу, слыша, как шелестит трава под принцессой. Нужно было по возможности избежать столкновения — и им пришлось низом, ползком или короткими перебежками уходить вглубь леса, к полосе огня. Которая, слава богам, была еще достаточно далеко. Спина Чета мелькала впереди, Тротт отслеживал, нет ли полянок вехентов, нет ли поблизости пауков, но и принцесса не теряла бдительности, проползая от куста к кусту.

В один из моментов Тротт едва не подпрыгнул от неожиданности — совсем недалеко раздался гулкий звук рога, похожий на низкое мычание, и он уже решил, что их обнаружили, замер... но нет, в стороне раздался еще один, затем еще — с другой стороны, и еще... Макс приподнял голову, оглянулся — но охотники продолжали бить зверье, относить его к раньярам, и никто не пытался преследовать путников. Значит, это была обычная переключка групп, а не сигнал об обнаружении.

До группы охотников было более сотни метров, и они, увлеченные охотой, пока не замечали беглецов. Но разве может везти бесконечно?

В один из моментов пискнула приглушенно, почти неслышно принцесса — и Макс, обернувшись к ней. Но она замотала головой, делая страшные глаза, и ткнула пальцем в направлении Чета, который лежал на животе метров на семь дальше вглубь леса.

Тротт увидел, как на дракона сверху опускается огромный паук.

Мастер не видел тварь. Но оказалось, что слышал — и обладал железной выдержкой, потому что дождался, пока паук окажется в метрах двух над ним, перекатился вбок, прыгнул и отрубил ему голову.

Макс понимал, что Чет постарался снизить шум и поэтому подпустил лорха так близко к себе, но обезглавленная туша все равно не удержалась на паутине и рухнула наземь.

И это слышали иномиряне. Раздались встревоженные голоса.

Чет неуловимо быстро вскарабкался по дереву ввысь. Макс сделал знак принцессе и они поползли в сторону, подальше от паука — оставалось только молиться, чтобы охотники не пересекли места, где они ползли, потому что только слепой бы не заметил примятые мхи и траву, сдвинутую землю, и не понял бы, что кто-то тут пытается уйти. Когда иномиряне

оказались уже совсем близко, пришлось остановиться прямо на земле, среди травы и низкорослых кустиков.

Группа из шести норов прошла мимо Тротта, мимо замершей принцессы к дергающемуся пауку. Остальные группы были слишком далеко, чтобы услышать звук падения, а берега со стрекозами отсюда уже не было видно — значит и остающимся там всадникам не разглядеть было, что тут случилось.

Охотники столпились вокруг сучащего лапами лорха, держась на почтительном расстоянии. Все они были совершенно непримечательными — заросшие, с длинными волосами, перемотанными бечевками, в выдавшей виды потертой одежде. Лишь один выглядел побогаче и почище, поверх одежды — хитиновая кираса. На поясе, кроме ножа, висел и меч в ножнах, и рог. Тха-нор, аристократ.

— У него оторвана башка, — сказал он недоуменно, разглядывая лорха.

— Чисто срезана, — прошептал другой.

— Кто-то отрубил ему голову! Кто может это сделать?

— Другой лорх? — предположил еще один.

— Слишком ровно для лорха, — возразили ему.

Один из иномирян нервно оглядывался.

— Помните, — сказал он неуверенно, — из врат вышел красноволосый колдун? Тха-нор, я видел, как он отрубает головы охонгам одним взмахом... и на него ведь охотились, когда мы поджигали лес... и бог-Девир не зря несколько дней назад явил нам свой гнев...

Остальные норы тоже заозирались, тха-нор потянулся за рогом на поясе... и не успел. Чет рухнул сверху, закрутился, разрубая, истребляя иномирян с той же безжалостностью, с которой они только что били животных. Они даже не успели поднять оружие, крикнуть не успели — только птицы заорали, напуганные, но они и так орали из-за охоты. Одного, который успел отбежать на несколько шагов, Тротт снял, метнув нож в затылок.

Принцесса замерла за кустом, но он слышал ее частое дыхание.

— Их найдут, — сказал Тротт вполголоса, глядя на залитые кровью тела. Чет тоже смотрел — но с сожалением и недовольством. Макс знал, что он не любит работать мясником.

Из-за стволов стали высовываться крысозубы, дергать длинными носами. Несколько зверьков уже подбежали к телам, вгрызлись в одежду. Справа и слева слышались далекие голоса других охотников.

— Найдут, — кивнул Четери. — Нужно сделать так, чтобы не было понятно, что их убили оружием. Крысозубы тут не помогут, нужно что-то покрупнее.

— Понял, — ответил Тротт. — Пойдем вдвоем, так быстрее. Наклонился, снял с пояса одного из тел убитую птицу. Чет ничего не стал брать — он оттирал с ладоней брызги крови, которые рябью покрывали и его рубаху, и лицо.

— Что вы будете делать? — раздался тихий голос принцессы.

— Маскировать место боя, — ответил Тротт. — Вам нужно спрятаться в кронах. Смотрите, чтобы к вам не подобрался лорх, если увидите — улетайте на безопасное расстояние.

Она не стала спорить — взмахнула крыльями и поднялась к кроне дерева. А Макс с птицей полетел назад, к паутине. Четери направился в сторону, где в сотне шагов тоже виднелись сети другого лорха.

Через пару минут за инляндцем мчался паук, среагировавший на запах крови. А

навстречу Максу бежал Чет, за которым прыжками неся лорх-хаш, стреляя из клюва паутиной — та повисала зеленоватыми нитями на деревьях, а дракон неуловимо сдвигался влево-вправо. Мастер добежал до убитых, которых уже облепили крысозубы, перепрыгнул через них — а лорх-хаш, оглушенный запахом крови, затормозил и с разбега принялся рвать одно из тел. Навстречу ему выскочил паук, которого привел Макс — сам Тротт взлетел вверх, туда, где замерла принцесса.

Лорхи с верещанием, с визгом сшиблись раз, другой, разошлись, кружа друг вокруг друга, снова столкнулись, щелкая огромными челюстями — но, видимо, запах крови шибал в обонятельные щели, и пауки то и дело отвлекались на то, чтобы рвануть кусок мяса из тел. Пару раз они драли челюстями и хитин убиенного собрата, столкнулись между собой еще несколько раз, но затем даже паучьих мозгов хватило, чтобы понять, что еды хватит на всех, и они, растащив тела, начали пожирать их.

Принцесса наблюдала за происходящим широко раскрытыми глазами. Бледное лицо, жестко поджатые губы.

Тротт, опустившись на соседнюю ветку, прижался к стволу и коснулся ее плеча.

— Вы могли бы объяснить мне, что собираетесь сделать, — тяжело и тихо сказала Алина, повернув к нему голову. — Зачем вы рисковали? Мы могли оттащить тела к поляне вехента. К той, мимо которой проползали.

Его кольнуло то, как спокойно она уже говорит об этом. Как спокойно относится. Одно дело они с Четом, другое — принцесса с чистой душой и нежной улыбкой. Ему бы не хотелось, чтобы ее вообще касался такой выбор. Чтобы это все вообще коснулось ее души.

Но вслух он сказал другое:

— Нам нужно было создать впечатление, что они случайно попали под лапы охотящихся эндемиков, Алина. Вехент не оставит следов, но на месте их убийства и на пути к его логову найдут кровь — и это вызовет подозрение. А пауков здесь из-за пожара собралось много и это можно представить как несчастный случай. Лорхи оставят кости, но измолотят их, оставят обрывки тел, но в таком виде, что наличие ран от оружия не определит даже лучший следователь.

Она молча кивнула. Взяла с пояса флягу, отпила, глядя на то, как рвут лорхи тела. Максу невыносимо тяжело было видеть этот почти равнодушный взгляд. Как будто это он был виноват — что не уберег ее от такого опыта.

Раздался птичий свист Чета — «путь свободен». Мелькнула его фигура далеко справа.

— Нужно идти, — проговорил Тротт и тут с берега раздалось мычание рога. Алина дернулась, со страхом посмотрела на Макса. Первому вторил еще один, затем, несколькими секундами спустя — третий... Наступила оглушающая тишина, прерываемая только чавканьем лорхов — и в этой тишине должен был прозвучать четвертый рог. Той группы, которую доедали сейчас пауки.

Где-то вдали раздалась отзвуки встревоженных голосов. Заверещали на берегу стрекозы.

— Они же сейчас пойдут искать их. — Принцесса перевела взгляд вниз — под тушу паука, туда, где лежало объеденное, истрепанное тело и рядом с ним — рог. Тротт перехватил только воздух — потому что она прыгнула почти под челюсти лорха, выхватывая рог... еле увернулась, поднимаясь в воздух, и под клацанье гигантских челюстей поднесла добычу к губам. Над поляной потек вибрирующий низкий звук.

Макс, не успев даже чертыхнуться, рванулся к ней, уводя в сторону от паутиной нити взбешенного лорх-хаша. Схватил за руку — она бросила рог наземь, и потянул дальше, за

папоротники, оглядываясь, чтобы убедиться, что пауки вернулись к пиру.

— А теперь — по земле, — прошипел он, направляя Алину вниз. — За Четом!

Это было единственное, что он мог сказать разумного.

Она лишь вытерла с лица кровь того, кому принадлежал рог, и молча побежала за драконом. И ее даже не передернуло.

Передернуло Тротта.

О привале пришлось забыть — беглецы снова неслись по лесу ближе к пожару, чтобы обойти остальные группы охотников и замести следы. Даже если учесть, что безрассудный поступок принцессы дал им немного времени — в следующую переключку пропажа обнаружится. Остается надеяться, что за это время лорхи дожрут тела до неузнаваемости.

Было ужасающе душно, но ветер пока помогал путникам — струился в сторону пожара. Стало понятно, почему чащи вдоль обрыва не задеты пламенем — каменные выходы шли не только террасами перпендикулярно берегу, но и длинными языками параллельно нему, создавая естественные преграды.

Лицо принцессы было покрыто пленкой пота, волосы повлажнели, но она держала дыхание — и лишь немного замедлялась на спусках и уступах. Бежала наравне с мужчинами. Взглянула на Тротта — и, видимо, все прочитала в его глазах, потому что в ее собственных мелькнуло очень знакомое упрямое выражение.

Через время, показавшееся бесконечностью, за спинами послышался далекое гудение рога. Второе. Третье.

И тишина.

А затем, повторно, сильнее, настойчивее — еще раз. И еще. Долгая, очень долгая пауза, за которую беглецы успели пересечь еще две террасы и роци между ними — и только тогда снова зазвучали рога, так долго, что стало понятно — пропавшую группу обнаружили.

Оглянувшись через несколько минут, Макс заметил, как далеко позади над деревьями поднялись четыре стрекозы и полетели к лагерю. Оставалось только гадать, свяжут ли уничтоженные пауками тела с путниками, которых ловили уже долгое время — и которых должен быть убить пожар и бог. Или все-таки нет.

На шаг беглецы перешли тогда, когда террасы закончились и началась низина с пружинящей под ногами мшистой землей, так плотно заросшая папоротниками, что бежать не получалось. Было душно и влажно даже в тени — а солнце сюда, под густые кроны, почти не проникало.

Принцесса, не останавливаясь, сняла с пояса флягу, зубами выгащила пробку, плеснула воды на руку и стала ожесточенно оттирать запекающуюся кровь вокруг рта. Тротт молча шел в нескольких шагах рядом. Дракон оглянулся на него, на нее — в глазах его мелькнула жалость, он замедлился еще немного.

Она снова подставила руку, чтобы плеснуть воды — и что-то пробормотала ругательное. Руки у нее дрожали так, что не попала в ладонь.

— Я помогу, — сказал Тротт, снимая с пояса свою флягу. — Остановитесь.

Чет скользнул дальше. Алина замерла у поваленного, увитого лианами и толстыми наплывами мха папоротника. Руки подставила — но смотрела в сторону. Упорно. Умылась, затем с усилием повернула голову и с тем же упрямством посмотрела прямо в глаза Максу.

— Если бы я предполагал, что вы способны так рискнуть, я бы лучше уничтожил всех иномирян в этом лесу, — выталкивая из себя слова, проговорил он. — Вы хоть представляете, что бы было со мной, погибни вы там?

Она выпрямилась и посмотрела на него уже не с упрямством. А с каким-то щемящей, оглушающей яростью.

— Я, — прошептала она свистяще, задрав голову, почти скалясь, — представляю ли я? Я? Нет, откуда же мне представить, профессор Тротт! А теперь и вы наконец-то можете это понять! Жаль, что слишком поздно! — Она ткнула мокрыми ладонями ему в грудь. — И не смейте больше меня отчитывать. Никогда! Вы не имеете никакого права меня отчитывать — после того, как сами, как упрямый осел, как... — голос ее сорвался, она закашлялась, но продолжила: — Сколько раз вы рисковали собой, хотя именно вы должны дойти до портала в целости? И что? Вы — мужчина! Вы — герой! А стоило мне совершить разумный поступок, так я безрассудна?

— Это было неразумно, — отчеканил он. — Самоубийственно.

— Это был единственный выход в той ситуации, — рявкнула она. — И вы бы ничего бы не сказали, если бы это сделал Четери!

Он выдохнул, заставляя себя успокоиться — хотя внутри все дрожало от злости. Протянул руку, коснулся ее щеки, шеи — и притянул к себе.

Она так удивилась, что даже не стала бить его дальше. Просто стояла, тяжело дыша, напряженная, как струна, у его груди.

— Потому что Четери десятки лет сражался с монстрами, — сказал он тихо в ее макушку — от нее пахло гарью, потом, землей и тиной, и все равно ему хотелось коснуться ее губами. — И потому что он не моя жена.

Принцесса замерла — и вдруг за мгновение расслабилась, успокаиваясь.

— И слава богам, — откуда-то из-за папоротников ворчливо прокомментировал дракон. — Я бы не согласился, видит богиня. А теперь, когда вы так славно поругались, мы можем идти?

Принцесса хмыкнула в грудь Тротту. И он сам тоже улыбнулся — но Алина уже отступала от него. В лице ее не осталось ни следа недавней ярости.

— Подожди, Четери, — попросила она, доставая нож. — Ты не мог бы... подойти ко мне? Я кое-что придумала.

Тротт прикрыл глаза и заставил себя молчать, наблюдая, как она делает на ладони небольшой разрез и чувствуя, как ходят на скулах желваки. И затем он тоже молчал, когда она собственной кровью выводила сзади на рубахе Мастера слова: «Нам остался день пути».

Четери через плечо косился одобрительно.

— Опять будем ссориться? — тихо спросила принцесса, когда Тротт взял ее руку, чтобы залечить.

Он покачал головой, проводя пальцами над раной. Кровь наполняла ее ладонь. Дракон в стороне жадно пил воду, задрав голову.

— Похоже, — сказал Тротт, — мне придется привыкать к тому, что вы теперь сами принимаете решения, Алина.

Она улыбнулась, отняла руку — уже почти залеченную. И поднесла к его губам.

— Жалко, если пропадет, — проговорила она серьезно. — Я бы предложила и Четери, но неизвестно, как на него подействует черная половина моей крови. Остаетесь только вы. Нам ведь нужно использовать любую возможность чуда, правда?

Тротт покачал головой — но вопреки всему, что ощущал, склонился к ее ладони и коснулся языком потеков крови.

Было солоно и горячо, по телу словно плеснуло жаром — и он, чувствуя, как по телу

пробегают жаркая дрожь, провел языком по коже еще раз и еще — пока на ладони не осталось ничего кроме розового шрамика. Выпрямился.

— Не так страшно, да? — прошептала принцесса с нежностью, аккуратно касаясь его губ пальцами — то ли глядя их, то ли стирая кровь. Он не стал себе отказывать — поцеловал эти пальцы и усмехнулся.

— Не страшнее, чем вы в гневе, леди Тротт.

Сбоку раздалось покашливание, и они повернулись к дракону. Тот выглядел таким же уставшим, как они оба, но смотрел на них с очень исследовательским прищуром.

— Отчего-то именно сейчас я понял, что хочу к жене, — проговорил он иронично и задумчиво. — И если мы тронемся наконец с места, я увижу ее раньше, чем через еще пятьсот лет.

— Сразу три лорха оказались в одном месте? И тха-нор Уанши оказался так неосторожен, что они уничтожили его отряд? — хмуро поинтересовался тиодхар Тмир-ван, которому доложили о найденных останках. — Как это могло произойти? Он управлял десятками раньяров и охонгов, он мысленно заставлял лорхов плести сети длиной в сотни шагов, он бы остановил паука, если бы тот решился напасть.

— Я не меньше твоего знаю о силе Уанши, -с поклоном ответил один из охотников. — И вот что скажу: мы осмотрели лес, и гнезда лорхов были слишком далеко от места, где убили норов. Рядом находилась лишь паутина лорха, которого мы нашли с оторванной башкой. Возможно ли, чтобы в одном месте столкнулись сразу три лорха, а норы этого не увидели до тех пор, пока одному из пауков не оторвали голову, а два других не напали на отряд? Да, пожар делает всех тварей безумными, но Уанши не был безумцем.

— Вы осмотрели землю?

— Да, о тиодхар, — снова поклонился нор. — Мы нашли следы, будто что-то волочили, или кто-то полз от берега. Но там слишком много зверья, чтобы утверждать, что это были люди.

Тмир-ван взглянул на окровавленный рог и оружие Уанши, которые принесли ему.

— Однако я знаю человека, который способен оторвать голову лорху, — задумчиво проговорил он. — И знаю, кто может идти с ним. Неужели их не уничтожил ни пожар, который пустили по лесу мы, ни огонь господина нашего Девира? — он бросил взгляд к стенке шатра, туда, где стояли статуэтки богов.

Помолчал.

— Что прикажешь делать, о тиодхар? — спросил охотник.

— Если верно то, что я думаю, — ответил Тмир-ван, — то ни людям, ни охонгам с ними не справиться. Я дам тебе перья крылатых, которые мы нашли у мелькодеры, возьми с собой норов на раньярах и невидши, пусть поищут след. Найдут — не щади никого, пусть сразу убивают. Да, среди тех, кого мы ищем, должна быть девка. Это поможет вам найти их. Пришлешь мне связного, если обнаружите след, и второго — когда своими глазами увидите их. Иди.

Ловчий вышел, а Тмир-ван тут же приказал разыскать жрецов, чтобы они в случае обнаружения беглецов были готовы вознести молитву богам, привлекая их внимание.

Если божественным господам Лортаха настолько важно уничтожить девку и ее спутников, что сам Демир не погнушался ударить по ним огнем, то промолчи тиодхар сейчас — и его участь будет предрешена. Но беспокоить их следует только если обнаружится след, а на другом конце следа — те, кто так нужен богам. Не раньше, иначе, если след никуда не выведет, под гнев попадет сам Тмир-ван.

Он сообщит богам, как их верный воин, а дальше уже пусть сами решают, вмешиваться вновь или нет. Свою часть дела он сделает.

Солнце еще не успело заметно сдвинуться в стальном небе, как на место, где обнаружили останки охотников и труп паука, высадились несколько стрекоз, с которых соскользнули под три десятка невидши. Всадники с арбалетами и принесенными из нового мира автоматами распределились по раньярам.

«Ищите следы людей, чья кровь не пролита здесь, — приказал мысленно тха-нор,

который возглавлял группу. — Ищите женский след. Ищите того, кому принадлежат эти перья».

Невидши, обтеревшись обонятельными щелями и носами о перья, разбежались по округе, часть закрутились по спирали, как покрытые хитином псы, щелкая челюстями и подвизгивая. Наконец, след был взят. Сначала они рванули против течения реки — и через два часа остановились на обрыве у реки, затем побежали обратно, жадно втягивая плоскими носами воздух. И, снова пройдя поляну с останками, шагах в сотне от нее возбужденно завизжали, найдя устойчивый след, идущий ближе к пожару.

И через несколько сотен шагов идущие за невидши ловчие обнаружили-таки едва заметный, смазанный отпечаток мужской ноги в пыли у подножия каменной ступени. А чуть дальше, уже в лесу — маленькой женской.

К Тмир-вану отправили связного, а остальные всадники поднялись на стрекоз и полетели следом за невидши.

* * *

Пятое мая по времени Туры, Лортах

Ко второй половине дня земля под ногами путников стала совсем влажной, и только плотный ковер мхов спасал от увязания в грязи. Мхи царили повсюду — они, ярко-зеленые, бурые, оранжевые и фиолетовые, создавали пестрое одеяло на земле, покрывали толстенные стволы, широкими полотнами свисали с нижних ветвей папоротников.

И сами папоротники здесь были особенно огромными, высоченными — и бутылочные, и словно сплетенные из множества стволов, и витые, и чешуйчатые — все поднимались метров на тридцать, на меньше, впившись в почву мощными мшистыми корнями, которые были шире самой Алины. Сломанных и упавших деревьев было по-прежнему много, поэтому пробираться приходилось с трудом.

— Река рядом, — сообщил неизвестно откуда появившийся Чет и снова исчез меж стволами, не увидев, как Тротт согласно кивает.

Алина и сама слышала запах большой воды — чуть тинный, рыбный, прохладный, но, в отличие от спутников, если бы не видела карту, еще не смогла бы сказать, в каком направлении расположена река. Хотя... побродила она тут еще несколько месяцев, и этому научится.

— Не дай боги, — прошептала она неслышно, и тут же сжала зубы, потому что чем ближе они подбирались к порталу, тем неотступнее билась в голове мысль, что скорое возвращение на Туру для нее означало конец для лорда Тротта. И, если выбирать, то она бы лучше осталась тут, с ним.

Это если бы у нее был выбор. И у него.

Было очень душно, воздух казался плотным, влажным. Вдалеке глухо погромыхивало — собирался дождь. Вокруг по-прежнему много было и живности — значит, полоса пожара от удара бога еще не закончилась и огонь полыхает где-то справа. Но это Алину пугало не так, как человеческие следы — сначала беглецы наткнулись на цепочку, другую, но по мере продвижения мхи стали выглядеть так, будто по ним то и дело проходили целые отряды. Враги были очевидно близко, и их было много.

— Охонги, — тихо сказал Тротт в ответ на ее взгляд, брошенный на почву, словно

взрытую остриями. — Да, враги рядом. Зато наши следы здесь будут незаметны.

Тротт был очень сосредоточен и отслеживал каждый шорох, каждый звук, а Четири и вовсе стал двигаться почти неуловимо, как хищник, и Алина никак не могла удержать его в поле зрения — вот он здесь, а вот его нет. Да и сама принцесса чувствовала себя одновременно невозможно измотанной и при этом очень собранной. Собранности очень помогал гул то и дело пролетающих где-то слева стрекоз и все усиливающийся запах муравьиной кислоты — ветер, дующий от реки, волнами кидал его в лица беглецам.

От напряжения, голода — удалось перекусить на ходу остатками сушеных лепешек и мяса, но с того времени прошло уже несколько часов, — и усталости у нее начало дергать в висках, а уши словно заложило — казалось, что в них что-то гудит, и чем дальше они продвигались, тем сильнее был этот гул. И только когда к нему начал примешиваться непонятный многоголосый визг, словно скрип цикад на ночном летнем поле, принцесса поняла, что не в усталости дело. Со стороны реки действительно шел шум, похожий на жужжание гигантского роя ос, и он становился все громче. А Алина — все тревожнее.

— Вы это слышите? — спросила она в спину Тротта. — Понимаете, что это? Может, рядом еще один большой лагерь наемников? С загонами инсектоидов?

Он, не сбавляя шага, отрицательно повел головой.

— Визг гораздо тоньше того, который издают охонги. Раньяры гудят ниже. Не исключаю, что здесь обитают какие-то неизвестные мне инсектоиды. Или — все возможно — тут колония птиц, издающих подобные звуки. Или мутировавших дневных ящеров... любопытно было бы посмотреть.

Она невольно вынырнула из усталости и тревожности, улыбнувшись — так знакомо и понятно было ей это «любопытно». Но лишь на мгновение — и тревожность снова сомкнула на ней свои воды.

— Если честно, мне уже совсем не любопытно, — призналась она вполголоса. — Не хочу, чтобы пришлось выяснять. Совсем немножко же осталось... совсем немного... — она спохватилась, — Матвей, мы вот-вот будем на месте, нам идти часа два или три, мы скоро будем на месте...

Ее бормотание прервало далекое птичье посвистывание от Четири, и Тротт указал принцессе двигаться чуть левее, в сторону реки, откуда и доносился звук. Алина выдохнула, готовясь к тому, что снова придется бежать, спастись или кого-то убивать.

Но к тому, что она увидела, подойдя к дракону, она не была готова.

Он стоял, укрывшись под гигантским папоротником, который рос на небольшом земляном перешейке, шагов двадцати в ширину. Тротт, ускоряя шаг, посмотрел вправо, влево, и недоуменно выругался. И Алина тоже смотрела во все глаза — но пока не понимала, зачем создано то, что она видит.

По левую руку, сколько хватало взгляда, шла стена, хаотично сваленная из десятков стволов с еще не успевшими завячь листьями. Где-то эта стена превышала несколько человеческих ростов, где-то состояла из двух-трех стволов — и сквозь щели в них Алина разглядела реку — точнее, это точно не было рекой, это было узким и грязноватым рукавом метров семи-десяти в ширину, который с обеих сторон был окружен стеной из поваленных деревьев.

На том берегу видимая часть стволов были покрыты ошметками какой-то белой субстанции, но как ни вглядывалась принцесса, она не могла понять, что это. За стеной из уничтоженных деревьев чудилось беспрестанное шевеление, да и уже надоевший шум здесь

был громче, ввинчиваясь в голову. Что же там может быть?

— Никаких идей, — прошептал Тротт в ответ на ее вопросительный взгляд.

— И у меня тоже, — проворчал Четери. — Я думал, уж вы поумнее старого дракона, вы поймете...

В воде меж затопленных стволов и коряг непрерывно что-то шевелилось, хлюпало и взвизгивало — словно там билась крупная рыба.

Алина отвернулась — все равно не разглядеть, шагнула вправо, выглядывая из-за папоротника — и остановилась, сначала на рефлексе пригнувшись, а затем только осознав, что ее не видно. Но организм уже погнался адреналин по венам — потому что справа от перешейка работали десятки, если не сотни тха-охонгов.

Под управлением всадников они расчищали очень длинную — она заворачивала дугой и почти касалась горящего леса, — и такую же узкую, как канал справа, полосу в лесу, от которой, как зубцы от расчески, отходили рвы параллельно воде. Алина видела, как инсектоиды выкорчевывают папоротники, отбрасывая их в стороны, поднимают пласты земли, углубляя почву на метра два-три... словно они строили...

— Каналы! — ошарашенно прошептала принцесса и завертела головой. — Вот что это такое! Это не рукава реки, это искусственные каналы! Они строят систему каналов!

— Да, — согласился Четери. — Затем эту перемычку сроят, и все они заполнятся водой. А между каналами останутся острова.

— Но зачем? — неподалеку рухнуло дерево, отброшенное тха-охонгом, и пятая Рудлог вздрогнула. — Это же огромный труд! — она посмотрела на Тротта.

— Не знаю, — ответил он сдержанно. — Когда я путешествовал по Лортаху, я подобного не встречал. И не слышал о таком.

— Кто знает, может, они собрались тут сажать какие-то местные злаки, чтобы кормить армию, — вмешался Четери. — В Йеллоувине я видел системы каналов для посадки риса. Правда, они устроены иначе.

— Или они так защищают равнину с порталами от огня, — Тротт кивнул на горящий за вырытой дугой лес. — Но тогда разумнее было построить один большой, а не десяток маленьких, перемежая их островами. Или ограничиться вырубкой.

— Да, — согласилась принцесса, наблюдая за строительством. Затем повернула голову обратно к воде — и увидела, как над островами ближе к равнине, над лесом в воздух поднимаются десятки стрекоз. Они все поднимались и поднимались — уже не десятки, несколько сотен, собираясь вокруг одной, зависшей в центре, а затем рванули прочь.

Мужчины тоже проводили взглядом стаю раньяров.

— Выходит, на отдельных островах все же содержатся инсектоиды? — пробормотала она. — Но в чем смысл вкладывать столько сил, если им достаточно загонов на равнине?

Ответа не нашлось ни у кого. Снова раздалось погромыхивание близкой грозы, а за ней — треск впереди, словно ломались деревья — и тело опять среагировало само: Алина взлетела до ближайшей ветки большого папоротника, держась так, чтобы ее не заметили с открытой местности, а дальше поползла по стволу под прикрытие листьев. Рядом опустился Тротт, Четери, как белка, вскарабкался едва ли не быстрее него. И уже дальше они наблюдали, как в сотне метров от них несколько тха-охонгов с шумно переговаривающимися всадниками, обтираясь хитиновыми боками о папоротники и ломая кусты, идут к рукаву, чтобы напиться.

— Придется рисковать и идти по кронам, — тихо сказал Четери, пока гиганты пили,

загребая воду челюстями и помогая передними лапами. — Хотя уже понятно, что здесь все кишит тварями и иномирянами, и достаточно кому-то поднять голову...

— Выбора все равно нет, — откликнулся Тротт. — Через огонь мы не пройдем, к равнине тоже лучше без необходимости не соваться, — он кинул взгляд на остров за рукавом.

Алина молча согласилась — она не хотела выяснять, что там так верещит и шумит. Отсюда не было видно земли на острове, но она могла бы поклясться, что среди зелени и белесых стволов мелькает что-то живое и непонятное.

Они ждали — и использовали это время, чтобы глотнуть воды, съесть по сухарю и намазаться мазью, данной им тимавеш, чтобы обмануть нюх инсектоидов. От них всех теперь несло мускусом и тухлой рыбой, но запах муравьиной кислоты, пропитавшей все вокруг, заглушал даже эту вонь. Да и от папоротников пахло всем на свете — огурцами, ванилью, розами, картошкой, какими-то острыми специями — какофония запахов, от которых обоняние начало отключаться.

— В путь, — шепнул ей лорд Макс, когда тха-охонги прошествовали обратно к рытью канала. И она, примерившись, махнула крыльями и перелетела с ветки на ветку.

Это оказался тяжелый путь. Гроза громыхала все ближе, и листья становились все более влажными и скользкими.

Первых людей они встретили уже через минут десять — у большого ствола сидели наемники вокруг костра, на котором парил котелок. Затем беглецы снова увидели, как огромные тха-охонги со всадниками идут к воде, еще через сотню метров — неспешно бредущих по протоптанной дороге охонгов с иномирянами. Над кронами то и дело пролетали стрекозы.

Один раз пришлось выждать, спрятавшись за короткими пушистыми листьями, пока пройдут снизу три охонга. На них за спинами обычных норов сидели странные люди — бритые наголо, в длинных одеждах.

— Жрецы, — шепнул Тротт Алине.

Охонги поводили передними лапами, на которых были обонятельные щели и ворсинки, слегка беспокоились, но на кроны деревьев внимание не обращали. То ли мазь тимавеш работала, то ли усилившийся ветер, который порывами бил от реки и раскачивал папоротники.

Алина вся превратилась во внимание — пряталась в листьях, перелетала с ветки на ветку, угадывая, чтобы никто из проходящих или сидящих внизу не поднял голову. Она видела, как легко и незаметно прыгает с кроны на крону Четери, как спокойно ждет Тротт, пока она выберет момент и тоже преодолеет открытое пространство, как сам он передвигается от ветки к ветке в пару взмахов крыла.

Беглецы все чаще встречали охонгов с жрецами, да и на пролетающих стрекозах принцесса видела всадников в тех же длинных одеждах. И все увиденное никак не складывалось для нее в цельную картину.

Враги были сверху, враги были снизу — так много, что принцесса вновь провалилась в ледяную собранность, и пусть сердце стучало все сильнее, но страх теперь ощущался как что-то незначительное и отдельное от нее.

Путники так и двигались по стволам, зажатые между строящимся каналом и заполненным водой рукавом в узкой полосе папоротников. Близко к берегу не подбирались — но Алина видела, что от канала то и дело отходят небольшие заводи, заваленные

деревьями, и по-прежнему ловила взглядом в воде какое-то шевеление, как будто там плескал кто-то крупный.

На ее глазах в такую заводь опустилась большая стрекоза, сворачивая запятой брюшко — на рудложских реках стрекозы так же откладывали яйца, и, видимо, здесь процесс размножения не сильно отличался от туринского.

— Но если есть яйца, то должны быть и... — пробормотала принцесса, пролетая дальше, и не закончила — дернулась от страха.

На стволе у реки застыла огромная черная бескрылая стрекоза — размером с половину дерева, в три этажа, не меньше. Но глаза ее были пусты, и когда они пролетели мимо, Алина поняла, что это перелинявшая нимфа — личинка стрекозы, пустая оболочка, вскрытая на спине.

Такие оболочки стали попадаться все чаще, а то и несколько, со всех сторон ствола. Увидела принцесса и как из воды выбирается мокрая нимфа, чтобы застыть на папоротнике, и процесс линьки — вылупления молодой стрекозы из спины такой закаменевшей личинки. Это было отвратительно и прекрасно, и Алина еще долго оборачивалась, чтобы посмотреть, как новорожденная, оставаясь на стволе рядом со сброшенной во время линьки шкурой, расправляет крылья, чтобы просушить их.

Тротт тоже оглядывался туда — а потом поймал взгляд Алины и покачал головой. И она словно услышала его голос.

«Не время. Но я понимаю вас».

Раньеры то и дело опускались, чтобы отложить яйца, вода в рукаве вскипала, и Алине казалось, что там мелькают огромные клешни и челюсти. И теперь она уже понимала, кто это.

В один из переходов Алина увидела, что деревья на соседнем острове теперь обклеены широченным, в несколько метров, слоем чего-то непонятного, больше всего похожего на светло-бурую монтажную пену, превращавшую гигантские папоротники в пирамиды с пышной шапкой листьев. То и дело попадались стволы с остатками этой пены, будто ошметками. Они и мелькали в этих лесах, когда путники смотрели на них с обрыва над рекой. Но понимания, что это такое, не появилось.

Ветер становился все сильнее и все оживленнее было движение внизу и сверху — очень сложно было двигаться, не привлекая ничье внимание. Попадались целые лагеря со жрецами — Алина с содроганием увидела на одном таком большой валун, покрытый бурыми подтеками, и еще ускорила, словно за ней гнались все армии этого мира.

Быстрее, быстрее к дому, прочь из этого жестокого мира, от этих жестоких людей... она неслась так, будто в нее впрыснули живой воды, когда вдруг ее перехватила на одном из папоротников горячая рука и голос лорда Макса попросил:

— Подождите. Нас там увидят.

Она сначала посмотрела на него — бледное лицо, ярко-зеленые глаза, влажная кожа, тяжелое дыхание — эхо ее собственного. А затем — туда, куда он указывал.

Чет, зависший на ветке выше, тоже смотрел вперед.

Там, метрах в десяти от них, находилось расчищенное пространство, на котором копошились тха-охонги, поднимая пласты земли со стороны сухого канала к уже заполненному. По всей видимости, здесь намечался конец острова, который скоро будет заполнен водой. И никак было не перелететь через этот промежуток — их точно бы увидели и рабочие на тха-охонгах, и жрецы, которые следили за строительством.

— Придется чуть-чуть вернуться, чтобы нас не увидели, и перебираться на соседний остров, — сказал Чет очевидное.

Алина, тяжело дыша, повернула голову к воде — ветки больших папоротников над каналом отстояли друг от друга метров на шесть.

— Мы-то перелетим, — сказал Тротт, словно вторя ее мыслям, — а ты как?

Волосы его тоже были влажными от пота.

— Перепрыгну, — ответил Чет. — А если нет, — он хмыкнул, — переплыву.

Тротт первый перелетел на соседний остров, скрылся в кроне высоченного дерева, из-за облепившей его массы похожего на белую пирамиду, и кивнул Алине. Та в два удара крыльев опустилась ему в руки.

Четери забрался еще выше, легко пробежал по ветке и с разбега прыгнул вперед — но в этот момент ударил порыв ветра, и Алина ахнула, глядя как дракон летит вниз, в темную воду. Он успел сгруппироваться, нырнуть в рукав рыбкой, почти бесшумно.

Наступила тишина.

— Он выберется, — проговорил Тротт. — Главное, что не разбился.

Однако руку на ее плече он сжал до боли.

Алина перевела взгляд в воду. Там что-то бурлило и плескало, затем начало всплывать на поверхность. Алина присмотрелась, зажала рот рукой, чтобы не вскрикнуть.

На берег неувовимо выбрался целый и живой дракон, перемахнул через сваленные деревья, полез по светло-бурой массе к спутникам, вкалывая в нее клинки. За его спиной в воде бултыхалось штук пять огромных — в три Чета длиной — личинок стрекоз, их рвали другие нимфы.

Принцесса посмотрела на пенистую твердую массу, по которой поднимался Четери, и ей вдруг показалось, что она шевелится. А затем... почти у подножия она вспучилась небольшим пузырем, лопнула, и оттуда выбрался полупрозрачный тха-охонг, размером с автомобиль. Он, подвизгивая и вереща на пределе слуха, жадно начал поедать эту пену, пока по соседству с ним вылуплялись новые — и тут же кидались тоже жрать ее — или соседей, которые недостаточно резво вылуплялись.

— Как удобно, — проговорил Чет с нижней ветки, мотнув мокрыми волосами и бросив взгляд на землю. — Сами себе корм.

— Кажется, я понял, что это такое, — Тротт подал руку дракону. Тот не стал отказываться, принял, подтянулся выше.

— Я тоже, — сдавленно сказала Алина. — Это оотека. У нас на Туре такие откладывают богомолы. Это такой белковый контейнер для яиц, где созревают и появляются на свет нимфы богомолов.

— Так что же... это все вокруг — личиночник? — громко спросил Чет, отжимая волосы и с любопытством наблюдая за вылупляющимися охонгами. Сейчас с верхних слоев оотеки свешивались целые гроздья новорожденных инсектоидов, они цеплялись друг за друга, спускаясь к земле, а вылупление все не останавливалось и казалось, что внизу уже больше сотни нимф. Визг стоял невыносимый.

— Гигантский плодильник. Если считать, что в охонгах смешаны черты муравьев и богомолов, то все становится на свои места, — прокричал Тротт. — Видимо, такие же расположены в других местах империи, а здесь создают новый для обеспечения армии. Здесь и каналы для того, чтобы плодились стрекозы, и острова для охонгов и тха-охонгов. Вот откуда шум, который мы слышим — это тысячи стрекоз и охонгов. Однако, — он кинул

взгляд вниз, — нужно поспешить, пока эти красавцы не решили, что мы тоже неплохая закуска.

Для Алины последующее движение превратилось в фантазмагоричную смесь фильма ужасов и научно-познавательной передачи. Путники двигались с кроны на крону, с островка на островок — оказалось, они разделены каналами и поперечно, и на каждом находились разные инсектоиды на разной стадии созревания. Внизу на каждом острове визжали и толпились сотни охонгов и десятки тха-охонгов. Они дожирали остатки оотек, оставляя на коре деревьев жалкие опметки, рвали слабых и медлительных. Попадались и пустые островки — и Алина видела, как огромный тха-охонг с раздутым подбрюшьем странно выгибается, поднимая задние лапы и обвивая ими огромный толстый папоротник почти у самой кроны — и из подбрюшья его идет та самая пена, в которые он укладывает зеленоватые яйца и снова покрывает их пеной. Сколько же способна произвести одна самка? Сотню? Сотни?

Видела принцесса и то, как к воде опустился раньяр с парой жрецов, которые стали выдувать в большие дудки что-то вибрирующее, неприятное человеческому слуху, невыносимое. Алина, перелетая с ветки на ветку, даже начала слышать там своеобразный ритм.

И в этом ритме со всех сторон к жрецам из леса, от воды стали слетаться стрекозы. Они кружили вокруг под звуки этих странных дудок, чуть ли не касаясь друг друга крыльями. Всадник на раньяре с жрецами потянул его вверх — и за ним поднялись стрекозы, и к стае по мере подъема присоединялись все новые и новые, пока их не стало под сотню и прибытие новых не прекратилось — и тогда вся стая полетела за жрецами к равнине.

Видела она и то, как на один из островов, полный уже перелинявших и взрослых охонгов,

спускается на стрекозе богато одетый тха-нор со свитой. Как он, ничего не боясь, встает на берег, — и охонги явно подчиняются его мысленным командам, послушно собираясь вокруг, а он оседлывает одного из них — и вся стая уходит следом по мелководью.

— И ведь все они пойдут к нам на Туру, — сказала принцесса, когда они на пару минут остановились отдохнуть в кроне высоченного папоротника перед очередным рывком. По ее прикидкам они уже скоро должны были дойти до границ плодильника — осталась максимум четверть пути. Крылья от порхания с ветку на ветку ныли, внизу топтались, по всей видимости, несколько дней как вылупившиеся охонги — уже коричневатые, подростые. — Представляете, сколько их тут? — продолжила она. — Сколько они растут — неделю, две, и затем ведь на Туру? Неужели мы не можем что-то сделать?

— Мы можем дойти до портала, — сказал Тротт. — Это единственное, что мы должны сделать.

Алина посмотрела под ноги, где копошились молодые охонги, упрямо подняла на него взгляд. Чет рядом засмеялся.

— Нет, — проговорил Тротт. И твердо повторил: — Нет, Алина.

— Если уж в потомке Вечного Воина проснулась воинственность... — сквозь смех начал Четери, но не закончил, махнул рукой. — Я хочу это услышать.

— Вы сами видели, как хорошо горят эти папоротники, — зашептала Алина горячо, глядя только на Макса, — и оотеки тоже должны гореть, как хитин у охонгов, и нимфы стрекоз... на нас даже не подумает никто, решат, что занесло от лесного пожара...

Только что она ощущала себя измотанной и слабой, но мысль о том, что нужно что-то

сделать, мелькнувшая было и почти ушедшая, вдруг пробудила ее. Усталость словно лавиной смывало горячечным, полубезумным возбуждением. Так много вокруг было опасности, что разум отключался, а инстинкты вопили — уничтожить, сжечь дотла! Она никогда не испытывала подобного — и потому спокойствие Тротта действовало одновременно и раздражающе, и успокаивающе. Раздражающе — потому что ей не хотелось говорить, ей хотелось действовать.

— Вы предлагаете прыгать по островам и поджигать их? — осведомился лорд Макс ровно. — Тогда, когда мы должны как можно скорее попасть на безопасную территорию?

Он словно невзначай взял ее за руку, приложил палец к запястью, считывая пульс, — кожа от его прикосновения в секунду остыла, стало легче дышать, и принцесса выдохнула, вдруг приходя в себя.

— Достаточно будет поджигать папоротники по ходу, — проговорила она уже спокойнее. — Сделать факелы, обмотать вот этим вот, — и она кивнула на ошметки волокнистой белковой массы на стволе, — поджигать и двигаться дальше. Ветер сделает остальное.

— Нет, — повторил Тротт. Взял флягу, протянул ей. — Выпейте.

Четери одобрительно хмыкнул.

— Но почему? — спокойно поинтересовалась Алина после того, как сделала несколько глотков. Возбуждение уходило, и в душе снова воцарялось равновесие. — Мы могли бы хотя бы попробовать. Нам это почти ничего не будет стоить. Если и задержит, то на какие-то минуты.

— Потому что нам осталось идти час, максимум — два, и вы будете в безопасности, — сказал Тротт тихо. — Потому что нужно подходить ко всему с точки зрения разума и приоритетов, а не эмоций. Мой приоритет — довести вас в целостности и сохранности до осколка серпа. А затем и до портала.

— Но ведь иногда нужно поддаваться эмоциям, — грустно ответила Алина. И она сама не могла бы сказать, про пожар она или про весь их путь.

— Не в этом случае, — покачал головой Тротт. — Огонь может как отвлечь, так и привлечь сюда внимание, особенно если в придумку с пауками не поверили. Для того, чтобы местные поверили, что пожар перекинулся с уже горящего леса, надо поджигать папоротники с той стороны. Вдобавок сюда идет гроза, — они все посмотрели на иссиня-сизые тучи, которые уже закрыли треть неба, но двигались на диво медленно. — Даже если мы подождем лес, дождь через несколько часов затушит пожар, и усилия пройдут втуне...

Алина беспомощно взглянула на Четери. Тот понимающе улыбался.

— Сверхцель, — продолжил Тротт тоном, который Алина про себя называла «профессорским». — Всегда нужно помнить о ней и не тратить ресурс на побочные цели. Ну и самое главное — если мы уже завтра выйдем на Туру, этот плодильник перестанет иметь значение, потому что закроются порталы. А если не выйдем, тем более.

— Он прав, — мягко сказал дракон. — Да и ветер дует с равнины нам в спины, нам придется двигаться очень быстро, чтобы не попасть под созданный нами же пожар.

— Я знаю, — проворчала она. — Я все это понимаю... не знаю, что на меня нашло.

— Это красная кровь, — объяснил Четери. — Ты убегаешь, но это претит ей и твоей сути — ведь Воин заповедовал встречать врага лицом к лицу. Потому она требует боя.

— Лучше бы она помогла мне вызвать огонь, — проговорила принцесса, поворачивая руку ладонью вверх. Но, увы, пламени не появилось — хотя на секунду ей показалось, что

тело полыхнуло, словно в жилах плеснуло чистым огнем.

Они быстро перепроверили прилегание сумок и ножей в ножнах, чтобы не били по телу, прикрепили фляги на пояса — когда охонги под ногами вдруг сначала замолчали, а затем прыснули в стороны, забиваясь под корни огромных деревьев. Сверху раздался гул, и беглецы все прижались к стволу, наблюдая, как пролетают над каналами, выстроившись в широкую шеренгу, стрекозы с вооруженными всадниками — Алина заметила перекинутые через плечо туринские автоматы и затаила дыхание. Норы внимательно смотрели вниз.

— По наши души, — сухо озвучил очевидное Тротт.

— Скорее всего, — согласился Четери. — Но меня больше интересует, что могло заставить безмозглых инсектоидов так испугаться, чтобы прятаться, — он оглянулся туда, откуда они пришли. — Веди ее вперед, — бросил Мастер через плечо. — Я догоню.

* * *

Четери проскользил по кронам на два островка назад — и там издали заметил бронированные спины невидши, которые неспешно бежали на четырех конечностях от ствола к стволу — по которым ранее убегали Четери, Тротт и Алина. Островки казались опустевшими — молодая живность, похоже, не обладала толстокожестью взрослых инсектоидов, и, почуяв запах невидши, инстинктивно пугалась их как нечто, способное убить и сожрать.

Дракон, не теряя времени, понесся обратно — уже по земле, потому что бежал он куда быстрее, чем прыгал по кронам — и только для переправы через каналы он взбирался на деревья.

Тротта с принцессой он догнал через пару островов после того, где он их оставил.

— Невидши, — коротко сообщил он. — Несколько десятков. Идут по нашему следу, в трех островах за нами.

Тротт бросил взгляд вперед — и Чет тоже посмотрел. Бесконечное сплетение ветвей, лиан, мхов. Ни просвета, ни конца гигантского плодильника.

— Мы не успеем дойти, — сказал он. — Нагонят.

— Не успеем, — Четери остановился, прижался к стволу, облепленному высохшими остатками оотеки, пережидая, пока пролетят развернувшиеся обратно раньяры с вооруженными всадниками, которые все так же вглядывались сквозь пышную зелень. Сунул руку в сумку, достал тряпицу с кресалом и трупом, выданными путникам в деревне тимавеш.

— Все-таки огонь? — спросила восстанавливающая дыхание принцесса, и зеленые глаза ее были полны страхом и предвкушением. Повернулась к Тротту. — Вы так убеждали меня, что он не нужен!

— Да, дитя Красного, — ответил вместо Макса Четери, — обнаруживать себя было опасно, но сейчас необходимость выше опасности. Так бывает, когда обстоятельства меняются, и плохое решение становится лучше, чем никакого. Нас и так обнаружат, поэтому нужно задержать их. С этим справится только огонь.

Он черкнул острым кремнем по железистому кресалу над слоистым остатком — и он действительно занялся огнем, неохотно, медленно, поверхностно, как шелк. Но чем большую площадь он занимал, тем глубже и сильнее расходилось пламя.

Макс тем временем быстро вырубил толстые, с человеческую руку, сучья из двух

высохших огромных листов, упавших на землю, взлетел с ними, сунул в огонь один, передал Чету. Дракон тут же спустился на землю, начал поджигать облепленные шелкоподобными обрывками волокон. Макс сунул в огонь второй сук.

— Вы сейчас летите вперед, — услышал Четери его слова, обращенные к принцессе. Поднял голову — и отвернулся, потому что Тротт склонился к юной супруге так близко, что еще немного — и коснется лбом. — Нам нужно будет перекрыть им и соседние острова, чтобы вынудить передвигаться по воде. Возможно, их там проредят нимфы стрекоз и нам потом, в бою, будет легче. Мы догоним вас. Летите вперед, к безопасной зоне, и не останавливайтесь.

Пропитанные смолой папоротники занимались хорошо — струйки огня, раздуваемые предгрозовым ветром, бежали вверх по стволам, по сухим нападавшим листьям. Задымилась влажная подложка островного леса, стала стрелять смолистыми язычками.

— Хорошо. Дайте и мне огня, — попросила Алина. — Я могу поджигать сухой по пути!

— Нет, — бросил Тротт. — Это привлечет к вам внимание. Вас обнаружат всадники на стрекозах и тогда за вами пойдет вся оставшаяся на равнине армия, а нам нужно, чтобы они отвлеклись на огонь. Летите так, и не вздумайте возвращаться, понятно? Если вдруг мы не выйдем... ждите сигнала от Александра и как-то сигнализируйте, где вы. Постарайтесь сотворить щит и пролететь к ним. Вперед!

Четери увидел, как он коснулся ее лба быстрым поцелуем и спрыгнул вниз.

— Поджигашь и летишь за ней, — крикнул дракон. — Я пойду следом, прикрою вас!

Тротт на ходу кивнул, и, подбежав с горящим факелом к краю канала, перемахнул через него. А принцесса послушно полетела вперед.

* * *

Вперед, вперед, вперед! С кроны на крону, через каналы... спрятаться от всадников на стрекозах и замереть. Как тяжело дышится...

Тааак... сейчас вот здесь к стволу прижмемся... меня нет, нет, нет... здесь никого нет. А теперь побежала дальше! Только не оборачивайся, Алина, не останавливайся. Не подводи Макса. Помнишь, как ты подвела его тогда, когда тебя схватили?

Внимательнее, дурочка! Кто ж знал, что мелкие охонги так высоко прыгают. Чуть не схватил. Взбесились они, что ли?

Как же бьется сердце. Темно. Туча уже на полнеба, закрыла солнце, гром грохочет так, что не слышно инсектоидов. Или это вечер наступил уже?

Нет, они на самом деле взбесились. То ли из-за наступающей грозы, то ли из-за огня. Ветер дует в спину и уже несет с собой смолистый дым.

Далеко ли огонь? Далеко ли Макс? Только не оглядывайся, не надо, не сбивай темп.

Оглянулась все-таки. Не могу иначе. Может, вернуться? Может, его уже схватили?

Как полыхает... как визжат инсектоиды... жаль их, что ли? Их?

Вперед. Ты должна идти вперед. Делай свою часть работы. Не подводи его.

Он сильный и быстрый. В конце концов, в его сердце находится Черный и он спасет его, если будет смертельная опасность. И Четери справится. Они вдвоем стоят целой армии.

...Как жаль, что я не стою даже одного бойца.

Жди, жди, жди... а теперь броском через канал. Мамочки! Так... запомнить... ох, боги... запомнить, что нимфы раньяров тоже прыгают из воды за добычей, как акулы... чуть ног не лишилась.

Все, все, очнись. Ты жива. Вперед, Богуславская! Потом поплачешь! Вперед, через не могу! Через страх!

Осталось немного, совсем немного... три острова прошла... сколько же их еще?

Снова оглянулась. Пожар полыхает уже стеной, инсектоиды беснуются, валятся в воду, и сколько же там стрекоз... как Максусу проскочить?

И Четери, конечно же, Четери.

Они ведь должны были меня уже догнать? Да ведь?

Прекрати! Вперед иди. Вперед, Богуславская. Тебе нужно дойти до осколка серпа. Нужно развязать им руки, чтобы они не подставлялись из-за тебя.

Что это? Неужели последний остров? Да... вот перемычка строящегося канала. За ним не лес даже, а пойменный луг, а уж за ним снова лес. Значит... дальше прямо по лугу до леса, и потом до осколка. Только через канал перелететь. И все. Охонгов под ногами больше можно не бояться.

Стой! Нельзя прыгать. Еще раньяры... ждем. Жди... пока можешь еще один раз оглянуться...

Невидши. Невидши, невидши, невидши... штук шесть... мне и одного хватит... мамочки, мамочки...

Так, взяла себя в руки! Сейчас... раньяры развернутся... у тебя будет несколько секунд... пока невидши на том конце острова.

Сейчас... сейчас... боги... улетайте уже... здесь никого нет... сей-ча-а-ас...

Полетела!

Алина Рудлог перемахнула через канал и, чувствуя ноющую боль в раненом крыле, стрелой полетела над лугом к лесу.

Далеко ли по лесу до осколка? Сколько еще бежать?

Она усиленно работала крыльями — улететь бы как можно дальше, пока не отказали, — и на лету оглянулась.

Пылал, клубился черным дымом жаркий пожар на полнеба, которому осталось пара островов до края плодильника — и ветер гнал огонь вперед, к Алине.

Во все стороны разлетались стрекозы без всадников.

Один из всадников на улетающих раньярах оглянулся, увидел ее и что-то закричал соратникам. Три стрекозы одна за другой стали разворачиваться — но одна отчего-то полетела не за ней, а в сторону равнины. А с острова, с которого она пару минут назад улетела, один за другим прыгали в воду бронированные невидши.

Она почти долетела до леса, когда проклятое крыло снова беспомощно проскользило по воздуху, и ее кинуло вниз, на высокую траву — не было рядом Тротта, который бы поддержал, смягчил падение. Инерцией ее протащило по лугу — и Алина, оцарапанная, порезавшаяся об острые стебли, вскочила и побежала к лесу — туда, где высокая, выше колена растительность не будет мешать убежать. Сердце частило, как заведенное, от дыма становилось все тяжелее дышать — но рука ее легла на нож, и стало спокойнее.

В любом случае, живой она им больше не дастся.

Трава становилась ниже, впереди темными тенями манили папоротники. Алина обернулась — невидши уже вдвое сократили расстояние между ними, и неслись так быстро,

что даже опережали всадников на стрекозах.

Сердце билось быстро, но кровь в жилах словно заледенела. В голове звенело от страха, от бессилия, от обреченности.

Вперед, Богуславская. Ты им не противник — но в кронах есть шанс продержаться до прихода Четери. И Макса.

Если они придут.

* * *

Опускались сумерки, щедро приправленные предгрозовой теменью. Тротт летел вперед, то и дело останавливаясь и поджигая оотеки на папоротниках, кустарники и подложку на островах. Лучше всего горели сваленные стенами подсохшие деревья по краям каналов — и он поджигал и их, и летел дальше, следом за принцессой, перепрыгивая с острова на остров, перелетая через строящийся канал, чтобы добавить огня, чтобы стена огня была пошире — и смогла остановить невидши.

Их он пока не видел, но был уверен, что встреча вот-вот состоится. Хотя Чет планировал увести выживших в огне за собой — и покрошить по пути как можно больше. Дракон взял на себя поджог островов через каналы справа — чтобы поднять стену огня хотя бы до основного русла реки, оставив Тротту левую сторону: остров, по которому они бежали до обнаружения невидши, второй — между строящимся каналом и заполненным, и пространство за строящимся каналом до тлеющего пожара. Чтобы тварям пришлось постараться, чтобы обойти огонь.

В какой-то момент, когда источников возгорания стало достаточно, а усиливающийся ветер начал работать как гигантский поддув, пламя зажило своей жизнью, заревело, опаливая спину и крылья, и полетело вслед за Троттом, окутывая удушливым дымом, задерживаясь на несколько минут только у каналов. Но и они не становились для него препятствием.

Впереди мелькнуло светлое пятно, и он на мгновение замер — неужели Алина? Решила вернуться? Но нет, это был раскачиваемый ветром большой ошметок оотеки.

— Ей хватит ума бежать вперед, — пробормотал он неслышно. — Хватит дергаться.

Он больше всего боялся снова увидеть ее схваченной. Она должна добраться до безопасной зоны — а он обязан прийти за ней, чтобы завтра провести ее к порталу.

В небесах разворачивалось впечатляющее зрелище — с одной стороны черная туча с фиолетовыми подсветами молний, с другой — подсвечиваемый красным дым. Над головой метался молодняк раньяров, то и дело тройками пролетали наемники, высматривая поджигателей, но пока Тротту удавалось от них прятаться — хотя, видят боги, в сумерках с факелом в руке это было почти невозможно. Он прикрывал его от взглядов сверху крылом.

Инсектоиды орали так, что болели барабанные перепонки. Во всех мирах живые твари боятся огня — и этот не был исключением. Нимфы охонгов сплошняком заполняли берега островов, топчась у слишком глубокой для них воды, затем, когда огонь подбирался вплотную, в панике начинали сыпаться в воду — и одни перебирались на соседние острова по спинам других. То и дело из воды выныривали гигантские личинки стрекоз, поедая нежданую добычу.

Тротт прошел с огнем уже несколько островов и двигался над каналом, когда вода чуть впереди и сбоку вспухла дорожками выстрелов — а затем сквозь окружающее акустическое

безумие пробился стрекот автоматов.

Он выругался. Крыло дернуло — но боли не было, пули прошли сквозь кончик, через верхушки перьев. Пришлось задействовать щит, который он не ставил, чтобы не истощиться раньше времени. От невидши он будет полезнее. Но сейчас деваться некуда.

Щит вдруг получился таким крепким, будто он был не на Лортахе, а на Туре, и ставил его с помощью стихийных умений.

Тротт метнулся вперед, под кроны, кинул в кучу сухих стволов факел — раз обнаружили, поджигать дальше возможности нет, — и полетел вперед, лавируя меж деревьев, над обезумевшими охонгами. То и дело звучали автоматные очереди, от папоротников слева и справа отлетали щепки.

Тротт резко затормозил, пропуская стрекоз вперед, метнулся назад и вверх, выскочив над кронами за хвостами трех раньяров, призвал Дезейды — и, пока всадники разворачивались, снес голову автоматчику. Тело завалилось назад, обливаясь кровью — Тротт потянулся было к автомату, но он выскользнул из рук убитого, падая в воду... а дальше пришлось нырять вниз, пролетев опасно близко к челюстям развернувшейся стрекозы, потому что застрекотал автомат с другой стороны.

Макс вынырнул сбоку завертевшегося раньяра, подрубил ему крыло — и не успел уйти от судорожного взмаха, полетел вместе с завалившейся стрекозой в воду. Рухнул, поднимая тучи брызг, и, отплевываясь, ничего не видя, уцепился за бьющее туда-сюда крыло, вылетел с ним из воды и тут же махнул крыльями, набирая высоту — вслед за ним цапнули челюстями по щиту две личинки, оказавшиеся рядом.

Щит затрещал, но выстоял.

— Вшиих! — ударили по нему два арбалетных болта — то стреляли иномиряне с оставшейся в воздухе стрекозы. Снизу жутким криком заорал и затих человек, по всей видимости, тоже встретившийся с голодной нимфой.

Макс дернулся вверх — к преследователям, но всадник дернул вырост на шейном сочленении раньяра и тот полетел назад, ближе к подбирающемуся огню, а затем и вовсе вбок, в сторону лагеря на равнине. За подмогой? Тротт было рванулся догнать его, чтобы здесь через минут двадцать не оказалась вся лорташская армия, — но заметил шевеление в воде и увидел, как вдоль дымящихся берегов плывут, поблескивая хитиновыми спинами и высоко, неестественно задрав головы, с десятков невидши.

Он снова выругался и полетел меж островов над каналом дальше. Нужно было догонять Алину. Оглянулся — за его спиной невидши выбрались на берег и тут же понеслись следом с невиданной скоростью. За ними летели стрекозы.

Через минуту он долетел до края острова — и увидел далеко у леса принцессу, к которой неслись несколько невидши и раньяров.

Он бы не успел к ней даже если бы мог здесь выстроить Зеркало — но он все равно рванул вперед.

* * *

Четери мчался по ближайшему к основному руслу реки острову — между ним и тем, на котором должен бы был бежать сейчас Макс, находилось каналов семь, не меньше. Позади на соседних островах все горело, и только здесь Четери не использовал огня. Во-первых,

здесь остались лишь ошметки оотек — остров оказался пуст, с него явно недавно увели стаю охонгов. А во-вторых и главных, за Мастером сейчас неслись десятки невидши — по земле, по стволам, по кронам. Он выманил их сюда, на чистое от огня пространство, показавшись у канала между уже подожженными островами. Часть из невидши осталась в каналах, покалеченная огромными нимфами, часть не успела пройти по островам до того, как их накрыло пламя... но и тех, кто бежал сейчас за ними, Четери хватало с лихвой.

Они были быстрее него — хотя он мчался как ветер, — и понемногу догоняли. А он выжидал — стая растягивалась на ходу, распадалась на несколько групп, которые было удобно резать по отдельности.

Вот и сейчас он услышал свист воздуха и отпрыгнул в сторону, завертевшись волчком, отбил первый, второй удар страшных лезвий из рук невидши и снес ему голову. И, не ожидая, пока догонят следующие, побежал дальше.

«Используй слабые стороны врага. А сильные — превращай в слабые», — говорил Мастер Фери.

Невидши быстры и сильны, но они почти неразумны и не понимают, что одолеть его можно лишь стаями. Они нападают сразу и очень прямолинейно, со всей мощью, но от них не нужно ждать хитрых движений и неожиданных решений, как у бойцов, у которых ум тоже является оружием.

Четери прыгнул вверх, уходя за спины подобранных к нему двух невидши, — они развернулись почти мгновенно, но он был быстрее — и еще две головы покатались на влажную землю. А он снова побежал.

Впереди мелькнула водная гладь канала, Мастер взобрался на ствол — а на соседний как огромный муравей вскарабкался первый из выбегающих на берег невидши, и когда Чет прыгнул через канал, тварь прыгнула одновременно, чтобы сшибить беглеца, нанизав на лезвия, уронить в воду и добить уже там.

Четери в прыжке изогнулся — но все же лезвие на крошечное мгновение коснулось его одежды, вспарывая ткань, — развернулся, рассекая тварь, и свалился в воду у берега. К нему тут же поплыли, несколько нимф — и он в один прыжок перемахнул через стену из стволов и побежал дальше.

Нагоняющие его твари тоже выползли на берег, потеряв пару особей из стаи в челюстях нимф, и понеслись следом. Они подбирались все ближе и все плотнее — и все ближе был тот момент, когда ему придется столкнуться сразу с тремя-четырьмя десятками тварей одновременно. Чем больше покрошит на бегу, тем больше вероятность, что сможет остаться в живых.

Потому что он, конечно, победит их. Но и у Мастеров есть предел.

К шатру тиодхара Тмир-вана, который наблюдал за пожаром, морщась — столько боевой силы погибнет там, и нужно будет строить новый плодильник, — почти одновременно спустились два раньяра со всадниками. И норы, перебивая друг друга, доложили, что своими видели крылатую девку — и за ней сейчас идет охота, и что крылатого колдуна тоже видели.

Тмир-ван мог отличить поджог от естественного пожара, но ветер перед грозой был так силен, а огонь, который дошел до плодильника после удара бога-Девира, до сих пор не удалось потушить, что он засомневался. Пламя от такого ветра могло перекинуться от уже имеющегося пожара — было бы удивительно, если бы не перекинулось.

Но беглецы были обнаружены — и он, повернувшись к шатру, кивнул ожидающим там жрецам. За спиной тут же полилась молитва — чтобы привлечь внимание богов, чтобы рассказать им о том, что недостойные их внимания почти попались. Что решат сделать боги?

Тмир-ван благоговел перед мощью богов, но не стал ждать их решения.

— Возьмите еще сотню невидши и две сотни бойцов, — приказал он ожидающим его тха-норам. Летите за этими людьми, — он указал на ловчих, принесших вести об обнаружении, — и убейте тех, кого хотят видеть мертвыми наши боги.

* * *

Алина нырнула под кроны папоротников — невидши повизгивали уже совсем рядом, громко жужжали стрекозы — всадники то ли спешили, то ли зависли перед лесом. Обернуться и посмотреть, что конкретно происходит, не было времени.

От бега болело в груди, мышцы ныли так, будто сейчас схватит судорога — и тело вело себя странно — кровь то плескала огнем, то словно застывала льдом.

Алина, хлопнув больным крылом по воздуху, взлетела на один из папоротников, глянула вниз — к стволу на четырех лапах подбиралась шестерка невидши, — и посмотрела туда, откуда она прибежала. Острова полыхали, а у кромки леса действительно опускались на землю стрекозы, спешили всадники с автоматами.

Принцесса подождала, пока невидши заберутся выше — и перелетела на следующий папоротник. Затем еще на один. Твари прыгали за ней с кроны на крону, иномиряне с оружием наперевес уже вошли в лес, но она все же отрывалась от врагов. До тех пор, пока крыло не подвело опять — и она опять не побежала по земле, виляя меж стволов — потому что в нее стали стрелять.

Ей показалось, что откуда-то спереди пахнуло теплом, когда сбоку раздалось взвизгивание, в нос ударило вонью муравьиной кислоты, и она упала на землю, перекатилась по ней, поднялась, завертелась вокруг, готовая к тому, что сейчас ее проткнут. Но невидши отчего-то скользили по кругу метрах в трех от нее, не подходя — а наемников и видно не было за папоротниками.

Под ее ногами вдруг колыхнулась земля — и она, глянув вниз, вдруг поняла, почему невидши к ней не подходят. И, заледенев от страха, почти потеряв сознание, взмыла ввысь на

занывшем крыле — время словно замедлилось, раскрываясь следом за ней гигантскими челюстями вехента, на чью полянку она ступила.

Тварь разочарованно заскрипела, так же медленно оседая в свою ловушку, прыгнул в сторону поднимающейся Алины один невидши, другой — но она их не видела. Она смотрела на берег, туда, где летел в ее сторону лорд Макс. За ним гнались по земле невидши, гнались всадники на стрекозах — вот одна нагнала, щелкнула огромной челюстью, и он покатился вниз. В траву.

Раньяр рухнул сверху.

И в этот момент ее крыло снова подломилось и она полетела вниз, в пасть к вехенту.

Тело скрутило паникой. Алина открыла рот и беззвучно закричала, заорала, хватаясь за ладонями за голову. Тело ее затрясло — и словно скукожилось, превращаясь в невыносимо ледяную точку, которая вдруг взорвалась огнем... который снова стал льдом, расширившись сферой тлена, которая уничтожила и подобравшихся к принцессе невидши, и лес, и вехента, и людей, — все на расстоянии метров пятнадцати вокруг.

Принцесса упала в тленную пыль, не помня себя, продолжая кричать — и тут сверху сверкнула молния, раздался оглушительный грохот грома, и на пятую Рудлог, второй раз жизни впавшей в фамильный стихийный срыв, полились потоки воды, остужая и приводя в себя.

Алина очнулась в грязи, хватая ртом воздух, как рыба, слабая, вымотанная. С трудом села, помотала головой.

Сложно осознавать себя, когда ты уже должна быть мертва. Когда то, что твое сердце еще бьется — следствие случайности, перенапряжения и неожиданного взаимодействия двух стихий в крови.

Вокруг осталась лишь земля, остовы папоротников и камни. Сверкали молнии — и в их сиянии она увидела, что у леса все еще идет бой. В глазах все расплывалось.

Она обернулась.

Тьма, которая вышла из ее тела, разрежала лес как ножом — и за ее спиной наткнулась на непреодолимую стену. Там деревья стояли целые, шелестя под дождем зелеными кронами с золотистыми отливом. Оттуда веяло теплом. До невидимой границы трава превратилась в пыль, за нею — стояла сочная и словно присыпанная золотистой пылью.

А потом Алина поняла, что это не пыльца. Это свет. Все там, за границей, источало теплый, едва заметный свет.

Снова ударила молния. Алина повернулась обратно к бою.

Ей казалось, что она видит, как одна за другой садятся на берег раньяры, с которых под потоками дождя спешиваются иномиряне. Ей казалось, что она видит Чета, который, смеясь, танцует в потоках воды, сражаясь с невидши. Ей казалось, что она видит крылатого Тротта, который поднимается в воздух, раскрывает руки — и от него льется во все стороны та же тьма, которая только что вырвалась из ее тела, и сила эта раз в пять больше чем та, которую он вызывал ранее, когда они убегали от пожара и Макс держал Алину за руку.

Принцесса лизнула свою ладонь — ту самую с которой она поила его кровью, и вкус теплой воды привел ее в чувство.

Она поднялась и, шатаясь, побрела туда, где с двух сторон шагах в ста от нее шел бой. Туда, куда с берега бежали десятки иномирян. Иномиряне с арбалетами в руках бежали и со стороны большого русла, сбоку... к ней? К ней?

Мысли ворочались в голове медленно и тупо, и она никак не могла понять, что ей

делать.

Тротт в развороте мазнул по ней взглядом, снес голову невидши, снова взмыл в воздух и что-то заорал ей, махнув рукой.

Она знала, что он кричит. Не слышала, но понимала.

«Беги к осколку, иначе, клянусь богами, я сам тебя убью, Алина!»

Сверкнула молния, ударил гром. Алина остановилась. Тротт больше не смотрел на нее — ему не до нее было. Шагнула вперед — и наткнулась на автомат, который лежал там, где, видимо, тление настигло иномирянина — потому что тут же лежало лезвие ножа и пряжка от ремня, несколько магазинов для автомата. Все, что осталось от человека.

Ощущение сюрреализма ударило так, что закружилась голова — слишком чуждо смотрелось оружие Туры тут, в чужом ему мире.

Алина никогда не стреляла и не держала в руках оружие. Но подняла его, как гадюку, осторожно — тяжелое, скользкое, непривычное. Прижала к себе, навела ствол на бегущих иномирян — и нажала на спусковой крючок.

Автомат дернуло, больно ударив ее в плечо, ствол задрался вверх — но она ухитрилась выровнять его. Люди рванулись в стороны, попавшие под очередь, валились как подкошенные, а она все стреляла и стреляла, пока в магазине не закончились патроны.

Она посмотрела налево — Четери продолжал бой с невидши, но их в траве лежало уже больше, чем напрыгивало на него, от Макса снова потянуло холодом — и нападающие на него твари рухнули пылью, хотя в этот раз радиус истлевания оказался куда меньше.

Он повернул к ней голову.

— Бегом! — донесся до нее сквозь дождь его крик.

И только тогда она подобрала еще пару магазинов из грязи, перебросила автомат через плечо и побрела под ливнем к невидимой границе, за которой деревья и травы светились мягким золотым светом и от которой веяло теплом. Впереди было спасение. Впереди была передышка.

Сейчас все будет хорошо... все будет хорошо... шагов двадцать и все будет хорошо.

Алина сначала почувствовала опасность, затем — всплеск холода, который мог быть инициирован только Жрецом, и только затем услышала крик-выдох Тротта: «Четери!».

Развернулась, не веря, что случилось что-то еще. С одной стороны к ней летел Макс, за которым хитиновой рекой неслись невидши... а с другой, под дождем, со стороны задымленной реки, там, где бился с тварями дракон, на ее глазах силой Жреца проявилась огромная — втрое выше самых высоких деревьев — похожая на страшного кузнечика тень. И тень эта поднимала копьё с шестью наконечниками, целясь в Четери. Копьё это могло бы пронзить целый дом, не то что одного дракона.

Мастер услышал, бросил взгляд вверх — и, перепрыгнув через нескольких невидши, понесся к Алине. Копьё с грохотом воткнулось в землю почти вплотную к его спине, давя невидши, подняло волну почвы. В стороны и выше папоротников взметнулся град осколков, меж которыми лавировал дракон, но его все равно било в спину, по плечам и голове. Тень засвистела на пределе слуха — так отвратительно, что принцесса зажала свободной рукой ухо — и ударила снова, туда, где на убегающего дракона прыгала свора невидши, словно ориентируясь по ним. Принцесса вскрикнула.

Четери вильнул вправо — и снова ушел от страшного копьё буквально на шаг, на полшага, но ушел!

— К осколку! — кричал ей Тротт. Она стала отступать спиной, боясь отвернуться.

Сбоку она ощутила какое-то движение, повернула голову — и увидела, как прыгает на нее с мечом неизвестно как подобранный близко иномирнин. Не всех положила под пулями?

Тело само пропустило его мимо, рука сама легла на нож — тренировки с Троттом не прошли даром, и Алина почти отстраненно поднырнула под вновь бросившегося на нее врага и ударила его ножом в бок, снизу вверх, как учил ее Тротт.

Человек пробежал еще несколько шагов и упал.

Алина попятилась, снова бросила взгляд на Тротта.

Макс был ближе Четери — но принцесса теперь видела не только его. Она видела, как за его спиной проявляется еще одна огромная тень, паукообразная, с почти человеческим торсом — точь-в-точь, как бог-Нерва, которого они видели на куполе над горами, но в сотню раз меньше. Она будто не видел ни Алину, ни Тротта, — но четко видел, как за ним бегут невидши, и раскручивал плеть... Жрец скрывал их троих от взора местных богов, но защитит ли он от удара?

Ударил — и плеть столкнулась с защитой Черного. Алину ударной волной отбросило назад, Тротт свалился на землю, но тут же поднялся. Четери неслись к ним, уходя от невероятно быстрых ударов огромного копья — и сверху то и дело летели ошметки земли, камни, песок.

Тень-паук подтягивала к себе плеть, чтобы ударить вновь — и принцесса забарахталась в грязи, в которую превратился уничтоженный ее силой лес, перевернулась на живот, бросив взгляд на границу осколка, до которой было шагов пятнадцать — она начала светиться еще сильнее, поднялась на четвереньки, и заставила себя встать. А затем побежала вперед. Ей казалось, что она бежит очень быстро, но через пару секунд ее за руку дернул Тротт, поволок за собой.

Сзади по щиту ударили — и они оба кубарем покатались по грязи, остановившись шагах в пяти от границы. Четери уже был совсем близко, с одной стороны за ним шагала тень с копьем, с другой снова раскручивала плеть тень Нервы, когда все вокруг вдруг залило жуткое красноватое сияние... грозные облака расступились, очерчивая гигантский силуэт инсектоидного бога с копьем. Он был как невероятно увеличенная копия своей же тени, которая пыталась сейчас нанизать Четери на острия, морда его была ужасающая и спокойная одновременно — и от него шли волны парализующего страха.

А копьё его, высекая из воздуха молнии и вихри, понеслось вниз, на смертных.

— Омир! — выдохнул Тротт.

Прыгнули в стороны тени... Алина на четвереньках рванулась к сияющей золотом границе, так быстро, как могла, чувствуя, как уже придавливает ее к земле невероятное давление. И Тротт дернул ее под мышки вперед и вверх, вталкивая за золотую границу и вваливаясь за нее сам.

Там тоже шел дождь, но совсем легкий, будто на границе отсекалась вся ярость грозы.

Загрохотало, потемнело так, что остался только подсвеченный красным силуэт бога и змеи молний — и под этот грохот в прыжке залетел за границу Чет и рухнул на землю. Алина даже не успела обрадоваться тому, что он здесь — она, задрав голову, вцепившись в руку Тротта наблюдала, как чудовищное в мощи своей копьё с дичайшим, невыносимым грохотом врезается в землю перед осколком, убивая всех, кто был там — и невидши, и людей, и инсектоидов, — как оно поднимается вновь под громовой скрежет — голос рассерженного бога — и бьет теперь уже в сам осколок, раз, второй, третий.

— Сейчас мы умрем, — бормотала Алина бездумно, глядя вверх, туда, где золотом и

красным разбегались трещины от ударов по невидимой границе, расположенной раза в два выше папоротников, — наверняка умрем же, умрем, умрем...

У нее тряслись руки, у нее тряслось все тело — и рука Тротта в ее руке была ледяной, сжимающей ее пальцы до боли. Он тоже смотрел вверх, и мокрое лицо его казалось вырезанным из белого мрамора, таким он был бледным.

Она так бормотала и бормотала, втягивая голову в плечи от грохота и мощи очередного удара, прикрываясь крыльями, — а бог-Омир все бесновался, бил по осколку, вызывая золотое свечение, бил вокруг — словно не видел их, словно не мог знать, убил уже или нет. Хотя почему «словно»? Он ведь и не мог видеть — из-за защиты Жреца. И, возможно, осколка серпа...

Алина дернулась — и Тротт сильнее сжал ее руку. Насекомopodobная морда гигантского бога — с вытянутыми красновато-желтыми глазами, с двумя шевелящимися усиками-антеннами между ними, каждый из которых был больше самого огромного папоротника, с шевелящимися жвалами под мордой — склонилась к осколку, что-то шипя... затем он зачем-то обвел его копьем... и исчез.

Мир затих. Осталось только тяжелое дыхание Алины и Тротта... и мерный плеск грязевых волн снизу прямо у золотистой границы. Копье Омира уничтожило широкий берег реки, по которому они убегали, на котором шел последний бой — и теперь там был окруженный выбросами почвы котлован шириной в километр, не меньше, в который водопадами рушилась река с двух сторон русла, образуя водовороты и большие волны.

— Они ведь не дадут нам выйти отсюда, — прошептала Алина едва слышно. — Они теперь знают, что мы здесь, и будут ждать нас.

— Верно, — ответил Тротт сипло. Отнял руку, потер лицо. — Великий, — позвал он, — ты слышишь нас?

— Слышу, птенец, — ответил он сам себе, и его глаза полыхнули ядовитой зеленью, а от тела повеяло холодом. — Если другого пути не будет, придется рисковать и перебрасывать нас к одному из порталов. Не сегодня — после беснования бога здесь энергии и пространство так возбуждены, что велик риск забросить нас далеко за равнину или в пасть ко врагу. Надо подождать, пока успокоится. Хотя и говорил я, что здесь и так энергии скомканы, перепутаны, пространство искажено, а после землетрясений и открытия нового портала и того хуже стало... но раньше бы рискнул, а сейчас, пока не успокоится, не рискну.

Он прислушался к себе и вдруг погладил Алину по голове.

— Ты храбрая и достойная дочь, пташка, и кровь твоя дала сыну моему сил пережить сегодняшней бой, а мне — ту каплю, без которой я бы не удержал защиту. Слава отца — такие дети, как ты и сын, отдавший мне свое сердце... — он снова прислушался и покачал головой. — Чую близкую смерть, но власти здесь над ней нет. Но у тебя сила моя, птенец...

Глаза его потухли, оставив слабое сумеречное сияние. Алина непонимающе посмотрела на него — а затем развернулась, туда, куда он смотрел. Там на траве лицом вниз лежал Четери, и в золотистом умиротворяющем сиянии было видно, что спина у него и задняя часть бедер — сплошное кровавое месиво, из которого торчат осколки камня и трава. Волосы тоже были в крови.

С такой силой била тень копьем по земле, что ошметки посекали спину дракона как лезвия, как бы быстр и нечеловечески ловок он ни был.

Тротт шагнул к Мастеру, присел рядом, поднося руку к губам. Четери дышал — тяжело, со свистом, — открыл глаза и посмотрел на Макса внимательным чистым взглядом. Губы его тронула улыбка.

— Я думал, так и отойду, пока вы там обнимаетесь, — прошептал он. — Подлатаешь меня, ученик? Не хочу пропустить самое веселье...

— Береги силы, — попросил Тротт, проводя над его спиной рукой. Сплошная гематома, содранная кожа, сломанные кости, поврежденный позвоночник. Макс снял с пояса флягу, полил на спину, смывая грязь, потому что силы дождя для этого не хватало. Отбросил. Ему в руку ткнулась еще одна — принцесса протягивала ему свою. Алина стояла напротив, бледная, со слезами на глазах, наблюдая, как смывается со спины грязь вперемешку с кровью — затем снова потянулась к ножу и полоснула себя по руке.

— Только попробуйте что-то сказать, — предупредила она, протягивая ладонь к Тротту.

Он покачал головой — и сделал несколько глотков, и пил ее кровь до тех пор, пока руки не затрясло от силы, и он снова не увидел их полупрозрачными. Коснулся тела дракона, увидев мельком, как Алина залечивает себе рану, — и то тоже подернулось дымкой, стало туманным, показывая все, что было сломано, отбито, треснуто и разорвано.

— Потерпи, Мастер, — попросил он. — Я отправлю тебя в сон, но тебе все равно будет больно.

Четери улыбнулся обескровленными губами.

— Боль — значит жизнь, — прошептал он. — Не трать силы, Мастер Фери научил нас отстраняться от боли. Я уйду в транс. Делай, что нужно, Макс. Успею поспать.

Он глубоко, размеренно задышал — Тротт видел, как замедляется измученное адреналином сердце, как холодеет тело, — и когда глаза Четери остекленели, и только медленное дыхание показывало, что он еще жив, Тротт проник ладонями в его тело и стал сращивать надорванную селезенку, убирая сгустки крови и составляя сосуды. Затем настал через смещенных и спрессованных позвонков... губы сушило, голова кружилось, а Тротт торопливо, стараясь не думать о том, насколько хватит его сил, правил истерзанного дракона.

Раздались шаги.

— Я принесла еще воды. Сбегала к реке под осколком, — раздался голос принцессы.

— Лейте, — просипел Тротт, отнимая руки от дракона.

Грязи на спине было еще очень много — и принцесса, вылив обе фляги, схватила еще одну у Чета и побежала куда-то меж золотых деревьев.

Мастер дышал так же ровно и размеренно, и глаза его по-прежнему смотрели в одну точку. Ни дрожи по телу, ни стоны — Тротт желал бы такого самоконтроля.

Он прошел руками по голове — сотрясение, несколько рваных ран от камней — и залечил ее. Проверил вздувшуюся синяком шею, плечо... и выругался, обнаружив застрявшие несколько пуль. Видимо, дракона успели достать норы, высадившиеся на берег. Четери изумительно быстр — но он не бог, и уйти одновременно от пуль и десятков атакующих невидши почти невозможно.

Однако он продолжал бой с ранением, с которым другой бы свалился от слабости.

Тротт, чувствуя, как пульсирует внутри отданное принцессой тепло, вытаскивал пули,

застрявшие в плечевой кости, залечивал, затягивал пулевые отверстия, останавливал кровь из крупных сосудов. Со спины все еще сочилась розово-красная сукровица.

Прибежала принцесса — и он снова подождал, пока она льет на спину, на ноги, показывая, куда сейчас нужно лить — и под топот ее ног продолжил лечение. Удалить врезавшийся в спину камень, приложить лоскут кожи, залечить, остановить кровь... убрать щепки, травинки, снова приложить, снова срастить... запустить регенерацию, когда под руками меж лоскутами образуется тонкая розовая кожа... и снова удалять камни и сращивать кожу, и снова, и снова... подождать, пока Алина выльет воду и не думать, что она речная, что с микроорганизмами и грязью — грязь на спине страшнее.

Это была долгая, изматывающая, тяжелая работа. За границей осколка закончился ливень, тучи ушли, открывая две луны на небе. Судя по дальней полосе света — поздний вечер. Тротт еще и половины не сделал, когда у него начало резать в глазах, а каждый приход принцессы он начал угадывать по дальнему теплу, которое приближалось к нему — и становилось легче.

— Пойдите со мной, — попросил он хрипло, когда Четери оказался безукоризненно чист. Вода вокруг медленно испарялась туманными фонтанчиками. Алина остановилась за его плечом, не прикасаясь — но в глазах прояснилось, и стало отчетливо видно, где он пропустил микротрещину, где остался надорванный сосуд, а где все хорошо.

Сердце Мастера работало ровно, спокойно, уверенно.

Тротт долго еще складывал полосы кожи, заставлял ткань регенерировать, нарастать, ошметок за ошметком, чистил гематомы, вытаскивая крошечные кровяные сгустки из тканей, проверял позвоночник и ребра, нашел гематому в почке, вычистил и ее, срастил сосуды... кажется, он просил пить — и тогда губ Макса касалась фляга, и он делал несколько глотков теплой и удивительно вкусной воды, — просил подержать одну руку, другую — и принцесса тут же хватала Чета, приподнимая руки, чтобы Макс мог осмотреть подмышки и бока. Затем помогла перевернуть дракона на спину — он так и смотрел в одну точку застывшим взглядом и дышал размеренно, и зрачки его даже не реагировали на тень и свет.

Спереди Четери был цел — только на лице и рубахе ошметки хитиновых доспехов и слизи. И грязь.

— Все, — шепнул ему Тротт. Поднялся, пошатнувшись, покрутил головой.

— Все? — устало переспросила принцесса.

— Цел, — он попытался улыбнуться, но вряд ли вышло. — Цел. Теперь все зависит от того, сколько крови он потерял и как быстро сила Инлия в его жилах восстановит его. Его нужно устроить где-то в сухом месте...

— Может, вот в этом? — спросила принцесса, указывая ему за спину. Он оглянулся — и увидел большой, старый дом. Папоротник-дом, подсвеченный золотистым, такой же, как дома в долине тимавеш, но много, много больше и шире. Вокруг него росли кусты ягод, фруктовые деревья... были здесь и поваленные папоротники, под которыми росли грибы.

Тротт огляделся. Таких домов здесь было несколько — и меж них порхали птицы, верещали ночные ящеры. Где-то неподалеку он различил плеск родника — жаль, Алина не умеет еще слышать и ей пришлось бегать к воде. И все здесь было пропитано теплом и умиротворением, как будто дома у очага, как у матери в объятьях.

— Пойдет, — проговорил он. — Давайте попробуем его дотащить.

У его ног зашевелился дракон. Приподнял голову.

— Я сам добреду, — проговорил он, и только по чуть натреснутому голосу Макс понял, что Мастер все чувствовал — пусть не боль, пусть отголосок боли, но и этого хватило. — Только... помогите мне встать. Негоже входить в такой дом ползком...

Он тяжело оперся на плечо Макса, подтянул себя вверх, подобрав ноги. С усилием и помощью Алины встал. Постоял, приходя в себя.

— Я уже и забыл, каково это — испытывать слабость, — проговорил он сипло. — Спасибо, друзья.

Мастера отвели в дом — внутри он светился тем же мягким золотом, что все вокруг, и стояли по кругу лавки, и много там было утвари. Чета уложили на такую лавку — Алина слетала на второй этаж и притащила толстое плетеное одеяло, подушку, несколько цветных пледов. Нашла в одном из плетеных ларей одежду, разворошила в поисках вещей на крупного Чета, нашла что-то цветное, лоскутное... отвернулась, пока дракон с помощью Тротта снимал ошметки рубахи и штанов и надевал новые. Макс рассказывал, что случилось после того, как Мастер забежал за границу осколка.

— Сам заснешь? — поинтересовался Тротт, когда закончил разговор.

— Уже засыпаю, — серьезно ответил Четери, отнимая от губ поданую Алиной флягу. Глаза его действительно слипались. — Да и вам не мешало бы.

— Не помешало бы, — согласился Макс, глядя, как дракон уходит в глубокий сон. Еще раз провел над ним рукой, покачнулся, осознавая, как чудовищно устал. И направился на выход — ему нужно было прийти в себя, побыть в тишине.

Алина, доставшая из ларя какую-то рубаху, проводила его взглядом. Он вышел, но далеко не ушел — опустился на поваленный ствол рядом с домом, бессильно потер глаза, опустил голову.

Он был почти без сил и не хотел, чтобы Алина видела его таким.

Раздались тихие шаги. Принцесса подошла ближе, еще ближе. Остановилась почти вплотную, коснулась его плеч теплыми ладонями. Замерла и погладила по голове — раз, и два.

И такое от нее шло тепло и жалость, что Макс выдохнул, обнял ее за бедра и прижался лбом к ее животу — потому что здесь и сейчас вдруг перестало быть важным все остальное кроме нее и той трогательной силы, с которой она пыталась его, взрослого мужика, утешить и поддержать.

* * *

Алина глядела на склоненную к ней голову, на свои пальцы в темных влажных волосах, и со всей отчетливостью понимала, что именно так она хочет провести всю жизнь. Чтобы в моменты побед и в моменты слабости он приходил к ней, и чтобы она всегда могла прийти к нему. Чтобы ничего не значил остальной мир, когда они рядом. Чтобы он мог так прижиматься к ней, признавая, как она ему нужна — и никогда бы не было больше никаких преград и никаких условностей.

В этот самый миг, касаясь его плеч и шеи, касаясь волос и чувствуя, как он замирает под ее руками, как добровольно сдается ее ласке, она осознала все то, что не могла понять до сих пор, — как сильно, как невыносимо сильно и глубоко она его любит. И разозлилась на себя — как она могла не замечать в себе то, что нельзя было не заметить? И улыбнулась, потому

что сердце ее наполнено сейчас было такой нежностью, что не вынести было.

Тротт повернул голову и коснулся губами ее руки. Отодвинулся. Глаза у него были сонные, словно пьяные. Алина смотрела на него, улыбаясь. Ей хотелось прокричать ему в лицо то, что она только что поняла — но она только набрала воздуха, чтобы решиться, и не успела.

Он помотал головой и еле сдержал зевок.

— Нам нужно выспаться, — тихо проговорил он. — Завтра тяжелый день.

— Да, — согласилась она, вдруг тоже ощутив, как же чудовищно она устала. — Да.

* * *

Легли они на лавках там же, где спал Четери — и сил не хватило даже вымыться, даже поесть. Алина лежала на лавке напротив Макса и смотрела на него, сонно моргая, и все осмысливая свое откровение и вспоминая все то, что было между ними от самого знакомства и до этой минуты, и удивляясь, и хмурясь, и посмеиваясь — так она и заснула, улыбаясь.

* * *

Друзья, я не знаю, получится ли на этой неделе продолжение — у меня очередной ребенок заболел, а в субботу и воскресенье я в Москве на Нонфике. Напишу ближе к выходным. Друзья из Москвы, обратите внимание, у нас с вами встреча в 12 часов 8 апреля в Лектории. Смотрите всю информацию в группе вконтакте. Я перезалила все с 12 главы, там было много правок, но это не окончательная редакция. Окончательная — после окончания части. Все, что было 12.1, 12.2 и тп, я поделила на 12, 13 и 14 главу. Внутри есть небольшие абзацы-дополнения, новый текст — в 14 главе.

Над осколком того, что когда-то было грозным оружием богини огня и вулканов, неслась по небу луна. И посеченный, покореженный серп светил ей почти забытой надеждой.

Под его защитой спали трое, совершившие почти невозможное, несущие благословение матери-Хиды. Там спали те, кто способен вернуть миру мир.

В старых богах Лортаха почти не осталось силы — но надежда всегда придает сил.

Ока-жар всегда одной рукой карала, а другой награждала, третьей отбирала, а четвертой дарила. Она была богиней пожаров и богиней домашних очагов, раздора и мира. На теплых ее землях росли целительные плоды и здоровые люди.

Те, кто ел плоды, напитанные жаром Оки, становились точнее, быстрее и сильнее.

Что она могла дать тем, кто мог вернуть ее миру мир?

Только покоя и сил. Точности в руках. И скорейшего исцеления.

Макс открыл глаза — и в первые мгновения поразился мягкой, умиротворяющей тишине, царившей вокруг. Он лежал на боку на широкой лавке — и принцесса спала напротив, подложив ладонь под щеку, подтянув к животу колени и накрывшись крылом. Лицо ее в золотистом свете было чумазым и спокойным, спокойным было и дыхание, а губы — расслабленно приоткрыты.

Он некоторое время смотрел на эти губы — просто смотрел, приходя в себя после сна, отстраненно удивляясь, насколько отдохнувшим себя ощущает. Перевел взгляд за причудливое, образованное расщелиной в коре окно — сквозь едва заметное сияние было понятно, что снаружи — глубокая ночь.

Нежно и тоскливо пела какая-то пташка. Покрикивали ночные ящеры, ветерок шуршал большими листьями старых папоротников, шелестела снаружи трава. Сонно и расслабленно было Макс, и он снова посмотрел на Алину. На одежде ее, на рукавах виднелись бурые пятна. Кровь. То ли ее, которую она отдала ему. То ли того человека, которого убила.

Он не хотел для нее такого опыта. Но хорошо, что научил. Что у нее не дрогнула рука.

Она зашевелилась, губы чуть дрогнули — и Макс прикрыл глаза. Сон слетел окончательно, и реальность ударила по жилам адреналином, застарелым страхом и глухой решимостью.

Последний день. Последний рывок. Скоро она будет в безопасности. А на Туре за ней есть кому присмотреть. Четыре присмотрит.

Он мотнул головой, с некоторой виной понимая, что только сейчас вспомнил про дракона, неслышно встал и направился к нему.

Мастер спал на животе, подложив руку под голову, и сердце билось ровно и хорошо, и дыхание было дыханием здорового человека. Оно чуть изменилось — Четыре за какое-то мгновение почувствовал, что кто-то подошел, вынырнул из сна, осознал, что это Тротт и снова ушел в сон.

Тротт провел руками над его телом — и вновь пришла пора удивляться, потому что не было никакого остаточного воспаления, постшокового состояния. Если бы Тротт своими руками не сращивал вчера подранную на лоскуты спину, он бы сказал, что Чет сейчас практически восстановился — нужно еще немного времени, и о ранах не будет ничего напоминать.

Макс мягко ступил назад — восстановился или нет, а хороший долгий сон дракону, который спал последние дни часа по два, точно не повредит.

Тишина и мерное дыхание спящих звало снова лечь, закрыть глаза, немного отодвинуть реальность, но разум говорил, что ему слишком мало осталось времени, чтобы тратить его на сон, а тело напоминало, что у него есть свои надобности. Что он грязен до невозможности. Что хочет пить.

И жить.

Он посмотрел на принцессу и тронул языком пересохшие губы. Зашарил по поясу в поисках фляги.

Сколько же силы таится в красной крови, если даже здесь, в чужом мире, разбавленная напополам кровью другой стихии, она настолько усилила и его щит, и его способности? Или дело в том, что они женаты? Как было бы интересно изучить этот феномен, понять, как бы сработала она на Туре!

От этой мысли он дернулся, ощущая холодок в сердце. С силой потер глаза пальцами. Понял, что фляга осталась снаружи — там, где они латали Четери.

Сегодня последний день. О чем ты думаешь?

Под глазами принцессы залегли тени и скулы были так резко очерчены — как бывает у постоянно недоедающих людей.

Думай о другом. О другом. О насущном.

Нужно разжечь костер и добыть птицу на бульон. И порыться в припасах тимавеш.

Об этом думай.

Думай о том, как довести ее в целости. О том, сколько же в ней упорства, потому что как она держится — непонятно.

Да, поставить котелок и к реке. Не тратить время на сожаления и страх.

Нужно встретить смерть хотя бы не грязным как свинья.

Он повернулся к двери. Птицы снаружи пели мелодично и нежно — не утренняя пробуждающая песня то была, а тихая колыбельная. Принцесса снова зашевелилась, перевернулась на живот. Крыло соскользнуло на пол, и она едва слышно застонала от боли.

Тротт так же мягко, аккуратно ступая, подошел к ней, присел рядом и повел руками над крылом, убирая остаточное воспаление после ранения, укрепляя потянутые связки и надрывы в мышцах.

Ей бы покоя... да. Один день остался. Один день.

Он потянулся, чтобы погладить черные перья, и едва успел остановить себя. Еще не хватало разбудить.

Пусть спит.

Один день остался.

Если он все сделает правильно, завтра она уже проснется в безопасности.

Около папоротника росли кусты осидши, и Тротт наклонился, сорвал ягоду, другую. Улыбнулся сладко-кислому вкусу. И пошел в соседний дом искать припасы. А затем, когда над костром уже побулькивал хитиновый котелок со свежоощипанной птицей, направился к реке — родник, из которого Макс набирал воду, оказался совсем крошечным: не вымоешься, хватит только напиться.

По пути он зашел в один из домов-папоротников, порылся в сундуках, добыв чистую одежду и цветастое полотно под полотенце. И, дойдя до опушки леса, на мгновение притормозил.

Между лесом и рекой лежал луг — в шелковистой траве под фиолетовым небом пробегали золотистые отблески, ночные маленькие цветы сияли туманными пятнышками. Осколок серпа Оки-жара был шириной метров пятьдесят, не больше — но там, где он пересекал реку, вода тоже едва заметно светилась золотом.

Тротт бросил одежду и полотно в траву, разделся, вошел в воду. Теплая, как парное молоко, чистая.

Блаженство.

Вспыхивающие мягким светом струи огибали большие валуны, которые выступали из воды то тут, то там, а по полосам мха и обнажившимся песчаным берегам видно было, что ранее вода была на метра полтора-два выше.

Сейчас она текла вспять. Слева, за отдаленной золотистой границей, продолжал шуметь гиганский водопад — то воды все еще извергались в котлован, образовавшийся после удара копья бога-Омира. Но здесь, под защитой старого оружия, было покойно, и течения почти не ощущалось — он пускалось вскачь за границей.

Пришлось, прихватив с берега песка для помывки, пройти между валунов шагов двадцать, прежде чем воды оказалось хотя бы по пояс.

Он натирался песком и смотрел на другой берег, туда, где в тридцати-сорока метрах от реки заканчивался осколок. Там, за следом от копья Омира, которой образовало ров, заполненный водой, и редкими деревьями в свете лун виднелся лагерь наемников. А меньше, чем в полукилометре — большой сияющий портал, к которому им предстоит пробиваться. Макс видел патрули, которые не видели его, видел сотни спящих стрекоз, шатры и тха-охонгов, слышал отдаленное, словно сильно приглушенное границей верещание, и понимал, что каждый шаг после того, как они выйдут за границу, может стоить им жизни.

Он выдохнул, расслабляя тело и изгоняя страх, жалея, что не может сейчас сразиться с Четом — бешеная нагрузка и клинки Мастера быстро выбили бы из него ненужные эмоции. Окунулся с головой, вынырнул, отфыркиваясь, и вновь начал отмываться.

Все-таки полноценный сон и чистота — одни из самых изысканных удовольствий во всей Вселенной. Они проигрывают только азарту решения сложнейшей задачи. Открытиям. Изучению границ своего дара. Преодолению себя.

И все это — ничто по сравнению с ощущением пальцев Алины Рудлог в его руке.

Он закрыл глаза и нырнул снова.

Один день остался. И она будет жить.

* * *

Непростые сны снились в эту ночь пятой принцессе дома Рудлог. Тяжелые. Странные.

... То бесконечно шла она по хлюпающей грязи, раздвигая речную траву, то картинка менялась — и опускалось сверху гигантское копьё бога-Омира...

... Следом отчего-то оказывалась на Туре, и видела, как колдует рядом Димка Поляна, наблюдала свои руки — огромные, с широкими ладонями, — с которых срывается ввысь поток стихии и над головой образуется большая туча, видела страшных невидши и тха-охонгов... Стрелковского с оружием, кровь и грязь, снова Димку — раненого, окровавленного у туши инсектоида, снова свои руки, в крови друга...

...То слышала свой голос: «Матвей, мы дошли, дошли», а руки снова становились

тонкими, девичьими — вот только держали они нож, и снова и снова убивала она во сне человека, чувствуя, как кровь его струится по ее коже...

...Но когда сердце начинало выпрыгивать из груди и ей хотелось кричать, сон вдруг окутывало золотистое сияние, и тогда они хохотали с Полей, бегая по яблоневому саду, или сидели за столом с сестрами, или держала она за руку лорда Тротта и он смотрел на нее нечитаемым внимательным взглядом...

...И в сердце становилось тепло и легко, и прочь отступали страх и боль. Отступали терзающие душу образы, и сон становился целительным и сладким...

...Пока не накрывало ее ощущение невыносимого одиночества, непоправимого, страшного — и не рыдала она на больничной койке, глядя на недвижимое тело рядом?

...И снова словно кто-то мягким теплом накрывал ее сердце, заставляя кошмар покрываться дымкой, верить, что этого не будет, не случится, что не может случиться!..

Кто знает, отчего она проснулась? Был это птичий крик или легкий звук шагов, или ощущение чьего-то взгляда, который мягко выдернул ее из сна, заставил глубоко вдохнуть свежий, пахнущий сочной древесиной и травой воздух?

Так ей было хорошо и спокойно, что Алина повернулась набок, накрывшись горячим крылом, и продолжила нежиться и потягиваться на твердой лавке, не открывая глаз и слушая, что происходит вокруг. Только ресницы отчего-то были мокрыми, да на краю памяти таял исчезающий страх.

Она втянула носом воздух. К запаху травы и дерева отчетливо присоединился запах дымка. К шелесту травы и пению птиц — ровное дыхание кого-то спящего неподалеку.

Она снова глубоко вдохнула — и ощутила сладковато-кисленький ягодный запах. Приоткрыла один глаз, прижавшись щекой к лавке — и увидела на полу у своей лавки деревянную плоску, на которой лежал скрученный плотный папоротниковый лист, заполненный ягодами.

Алина улыбнулась и часто заморгала, сядя на лавке.

За окном было темно, напротив спал Четери, лицом вверх, вольготно развалившись на лавке и раскинув руки, свисающие до пола. Значит, Тротт готовил снаружи.

Моргнула еще раз, чувствуя, как мотает ее от счастья к осознанию, подхватила зеленый кулек и, откинувшись на стенку, положила первую ягоду в рот.

Она была теплой и изумительно вкусной. И Алина, чувствуя, как ягода за ягодой растекается во рту сладость и терпкость, закрыв глаза, вспоминала все с самого начала. Как она, голая, испуганная, пряталась в лесу и ела такие вот ягоды — тут они были заметно крупнее и слаще. Как пришел за ней Тротт, надел на нее рубаху и провел ее долгим путем — который изменил и ее, и его, и сделал их невозможно близкими.

Что бы ни было дальше, этого уже не изменить.

Кулек опустел — но она еще долго сидела, закрыв глаза, вспоминая их путь, наслаждаясь ощущением, что никуда не нужно бежать, что здесь — безопасно, несмотря на лагерь иномирян и близкий портал, который она ночью, бегая за водой, видела на противоположном берегу.

Стоило вспомнить о портале, и принцесса осознала, что к аромату ночного леса и готовящейся еды примешивается едва заметный запах засохшей крови. Чужой крови.

Алина посмотрела на свои руки — но они, слава Богам, были чистыми — отмыла вчера, когда набирала фляги в реке. Зато и рукав, и подол рубахи были в крови.

И нож остался в теле того, кого она убила.

Все же из автомата — это проще. Когда не видишь лиц, не запоминаешь их.

Она на секунду прижала руки к лицу, с силой вжимая ладони в глаза, останавливая выступившие слезы. Тело зануло, кожа вдруг показалась очень чувствительной, зазудела, требуя смыть кровь. Ужас. Грязь. Страх.

Отчаяние, потому что он сегодня перестанет быть.

— А ну-ка прекрати, Богуславская, — прошептала она себе. — Еще никто не умер. Встряхнулась, поднялась, мимолетно удивляясь, что совсем не болит крыло, на цыпочках направилась ко вчерашнему ларю с одеждой.

Четери повернулся на бок, посмотрел на нее сонно.

— Как ты? — тут же встрепелась Алина. — Хочешь, принесу поесть? Попить?

— Спать хочу, — пробормотал дракон почти неразборчиво, снова закрывая глаза. — А ты иди, малышка. Иди. А то, — добавил он с сонным весельем, — ходите и ходите... ходите здесь и ходите...

Она свела брови недоуменно — но он уже перевернулся на другой бок и засопел. И она, поколебавшись, достала из ларя цветастое покрывало и накрыла его — понимая, что ему не сильно-то это надо.

Но у нее здесь был тот, кто позаботится, а у Чета — нет.

Дракон едва слышно благодарно хмыкнул и укутался в покрывало, подтянув ноги.

Алина подхватила несколько вещей и вышла в ночной лес, который выглядел на диво уютным и нестрашным из-за мягкого и едва заметного сияния травы. Темно-фиолетовое небо уже чуть серело со стороны равнины. Значит, совсем скоро утро. Совсем скоро.

Лорда Макса снаружи не оказалось, зато обнаружился котелок с мерно булькающим варевом из порубленной птицы. Алина широкой палочкой сняла пену, огляделась. Где же он?

— Хотя где он еще может быть, — пробормотала она уверенно и направилась к реке.

И действительно лорд Макс оказался там — за лугом на берегу лежали вещи, а он, по пояс в воде, натирался песком, нырял, доставал со дна ил и мыл им голову. Алина посмотрела на него от деревьев и побрела к нему по мягкой траве.

* * *

Тротт услышал шаги задолго до того, как принцесса подошла к берегу — и усмехнулся, в который раз поражаясь ее упорству.

— Так и думала, что вы здесь, — с иронией сказала она ему в спину. Затопталась на берегу, раздеваясь.

— Так и думал, что вы придете, — в тон ей ответил Макс.

Принцесса тихо засмеялась.

— Не поверите, но на этот раз я пришла действительно вымыться.

Раздался почти неслышный плеск — она вошла в воду, выдохнула от удовольствия. Направилась к нему.

Тротт, осознав, что напряжен и отслеживает ее движения так, будто к нему со спины подкрадывается хищник на мягких лапах, нырнул, смывая с головы ил, который с большой натяжкой можно было назвать очищающим средством. Когда вынырнул — принцесса была уже рядом, на шаг позади. Она тоже успела нырнуть, и Тротт краем взгляда выхватил ее

светлое тело, по которому текли солнечные капли, острую юную грудь, тонкую шею — руки дрогнули, и Макс приподнял крыло, перекрывая обзор.

Принцесса заплескалась, фыркая и оттираясь с тем же усердием, как только что он сам. И только Макс чуть расслабился, как она подалась к нему: пахнуло сладким ягодным дыханием, теплые губы прижались к плечу — и тут же отпрянули.

— Спасибо за ягоды, — проговорила принцесса совершенно светским тоном и невозмутимо продолжила отмываться.

Тротт закрыл глаза, выравнивая дыхание — хорошо, что вода здесь все же по пояс, а не ниже.

— А теперь вы можете сбежать, — подсказала Алина грустно.

И он покачал головой и так и сделал — нырнул и поплыл в сторону, к золотистой границе, а затем обратно.

Нужно было поговорить с ней, как она должна держаться при прорыве. Что передать Алексу и Марту с Вики. Нужно было убедить ее, что ее вины в том, что он развееется, нет, что это его решение — но ему не хотелось нарушать ее умиротворение. И он дал себе еще несколько минут сделать вид, что все хорошо.

Когда он вернулся, принцесса сидела на большом, омываемом золотистыми потоками, валуне у берега, уже одевшись какую-то пеструю рубаху, обхватив голые колени руками и глядя на противоположный берег. Помахала ему тряпьем и преувеличенно бодро крикнула:

— Я взяла вашу одежду и полотенце в заложники, профессор!

Тротт подошел, выдержав взгляд, которым она окинула его сверху вниз — любопытный, чуть смущенный. Она коснулась полотном, заменяющим полотенце, его плеча, груди, промокая капли — и он взял его, обтерся. Натянул штаны, надел рубаху, разрезав на спине под крылья. Алина уже не смотрела на него — она глядела на портал и на огни вражеского лагеря, просвечивающего сквозь папоротники с той стороны.

— Странно смотреть и понимать, что в любой момент оттуда могут выйти Александр Данилович и другие маги, — проговорила она. — И нужно же написать об этом где-то... вдруг они вчера не слышали, что мы уже около портала?

— Не нужно писать, — сказал он тихо. Встретил ее непонимающий взгляд. — Мы вчера привлекли слишком много внимания. Теперь равнина наверняка под постоянным присмотром теней и их хозяев.

В ее глазах появилось осознание.

— У нас есть защита, — прошептала она, — и Жрец попробует нас перенести к portalу. У нас будет возможность пробиться под его защитой. А у них нет.

Тротт кивнул.

— Если они выйдут сюда, их уничтожат либо тени, либо сами боги за несколько мгновений. Мы не будем ждать, пока они пробьются сюда и дадут сигнал. Как только Четери проснется, будем прорываться. Судя по его ритмам, ему нужно еще часа два — три. Придется выступать после рассвета.

Принцесса на секунду уронила лицо в руки. Но снова подняла голову. Глаза ее лихорадочно блестели.

— Значит... вот-вот?

— Да, Алина.

Слова все не находились, и он просто смотрел на нее.

Она помолчала, разглядывая противоположный берег и портал.

— Я ведь потеряла нож. Не смогла вытащить его из... из...

— Я отдам вам свой, — пообещал Тротт и погладил ее по плечу. — Вдобавок у вас есть огнестрел.

— Да. И я научилась ставить щит.

— Я видел. Вы молодец. Не бойтесь. Вы сегодня уже будете среди родных.

— А вы? — горько спросила она, поднимая на него глаза.

Сердце его кольнуло холодом.

— А я буду счастлив, если это получится у вас, принцесса. Там остались мои друзья. Люди, ближе и дороже которых для меня нет... не было. Скажите им, что я ни о чем не жалею. И что жизнь продолжается.

Алина помотала головой.

— Я не верю, что мы говорим об этом, — произнесла она тихо. Глаза ее лихорадочно блестели. — Я даже не верю, что мы прошли так далеко, лорд Макс! Но самое страшное, что я должна умирать от страха и тревоги за себя, но я ничего не чувствую. Я смотрю на тех, кто сегодня будет убивать нас, но мне настолько все равно, будто мы уже умерли. И только на вас я смотрю и...

— Это шок, — прервал он ее, бросив взгляд на портал через плечо. Потрогал ладонью ее лоб, привычно взял за руку, чтобы коснуться большим пальцем под браслетом на запястье. — И место такое, магическое. Я тоже это ощущаю.

— Но я ведь действительно в каком-то смысле уже умерла, — сказала она глухо, не отнимая руку. — Той Алины, которая спустилась сюда, уже нет.

— Вы вернетесь на Туру, и все, что было тут, забудется, — пообещал Тротт. — Наша психика милосердна и мы забываем тяжелые времена.

— Вас я никогда не забуду, — тяжело повторила она уже не раз сказанное. Подняла руку, погладила его по плечу, по заросшей щеке — и он поймал себя на том, что хочет потереться об ее ладонь. Перехватил ее руку. Сжал у лица, собирая остатки разума.

— Вас не смущает, что ваш друг может наблюдать за нами сейчас?

Она покачала головой.

— Мне уже все равно, — и она, осторожно высвободив ладонь, погладила его по голове. — Как и на то, что будет со мной. Но я не могу принять, что вы сегодня умрете. Что вас больше не будет. — Алина скользнула рукой на его губы и мягко, неуверенно обвела их пальцами. Так, что он почувствовал, как дрожат ее рука. — Разве вам не страшно?

Он не мог отступить. Не мог двинуться с места.

— Мне страшно, — сипло проговорил он. — Я бы очень хотел выйти с той стороны... с вами.

Алина молчала, глядя на него сияющими зеленым глазами. Губы ее были приоткрыты, и он выдохнул, склоняя голову, и сделал то, что так давно хотел — коснулся губами ее обнаженного колена.

Хоть это себе позволить. Хоть немного.

Тлеющее желание ударило в кровь — и он застонал, скользнул на второе, прижимаясь губами к ее коже. Он бы с ночи до утра мог целовать ее — так сладка она была. Но у него не было на это времени. И права не было.

Он выдохнул и отпрянул, шатаясь, словно пьяный. В голове шумело.

Принцесса смотрела на него — и в глазах ее стояли слезы.

— Никто не хочет умирать, Алина, — проговорил он, выталкивая слова из сведенного

горла. — Но я уже прожил долгую жизнь и это была очень неплохая жизнь, несмотря ни на что. И если я могу закончить ее, вернув на Туру бога... и вас, зная, что вы будете в безопасности, что у вас впереди еще не менее долгая жизнь...

Она тряхнула головой, словно сбрасывая с себя оцепенение. В глазах ее медленно разгоралось знакомое упрямство.

— Я когда-нибудь говорила вам, какой вы красивый, лорд Тротт? — спросила она дрожащим голосом.

Макс покачал головой, понимая, что не справится. Отступил еще на шаг, другой, обошел, шатаясь, валун — и вышел на берег, в теплую мягкую траву. Подальше от соблазна. За спиной раздался шумный выдох и плеск — принцесса соскочила с валуна в воду.

— У м-меня остался один вопрос! — звонко и зло крикнула она ему в спину. — Повернитесь, черт п-побери, и ответьте на него, лорд Макс, глядя мне в глаза! Ну же? Вы никогда не были трусом!

Он действительно не был — и потому медленно повернулся и остановился, глядя, как сердито шагает она к нему, как задирает голову, останавливаясь в двух шагах от него. Как раздраженно встряхивает волосами, до невозможного выпрямляя плечи.

— Вы! Практик. Циник. Абсолютно н-несентиментальный человек. Так почему вы отрицаете все, что может спасти вас? П-почему ведете себя так глупо? Почему готовы пожертвовать жизнью, но не н-н-навредить мне, вы, благородный, упертый осел?

— Вы сегодня необычайно ласковы, принцесса, — усмехнулся он, цепляясь за иронию как за последний бастион.

— Н-не смейте уходить с темы, — четко проговорила Алина, глядя ему в глаза. — Почему вы все это время были готовы оставить з-здесь жизнь, но только не тронуть меня?!!

— Потому что я люблю вас больше жизни, — сказал он, словно в воду нырнул. То, что давно должен был сказать — потому что слова эти прозвучали совершенно естественно и правильно. И принцесса, запнулась, остановилась, набирая воздуха...

— Н-но ведь я тоже, тоже вас очень люблю! — крикнула она яростно. — Я не знаю, можно ли найти кого-то во всей вселенной, кто любил бы сильнее меня! И сейчас, именно сейчас, когда я поняла это, вы оставляете меня навсегда? И даже не хотите п-попробовать спастись! Не хотите даже попробовать остаться со мной!

— Я мог бы сделать это раньше, — проговорил он медленно, глядя ей в глаза, и желая прикоснуться, утешить — и запрещая себе это сделать, — но я до сих пор не простил себя за то, что поддался слабости тогда. И до этого... я вел себя с вами не слишком достойно, Алина.

— Так вы что, так наказываете себя? — неверяще спросила она.

— Я делаю то, что должен. Если бы вы пересилили себя в свою брачную ночь, то я всегда был бы для вас тем, кто выкупил свою жизнь вашей болью и вашим телом. Я не должен был трогать вас, зная, что вы пережили кошмар в твердыне, что вы попросту боитесь.

Алина горько улыбнулась, не отводя взгляд.

— Я ведь ничего больше не боюсь, лорд Макс, — прошептала она. — Только потерять вас.

— А сейчас в этом нет смысла. Вы лишь получите лишнюю эмоциональную привязку к тому кошмару, что пережили здесь. А вы должны жить дальше без кошмаров, — он перевел дыхание. Все-таки погладил ее по щеке — с нежностью, с тоской. — Вы так юны, чисты и невинны, принцесса. Вы... с вашим упрямством, наивностью и любознательностью... не

должны были попасть в этот мир и не должны были привязываться ко мне. Вы вернетесь — и рано или поздно встретите человека, с которым построите жизнь без привязки к той грязи, что случилась с вами здесь. Вы вернетесь, погорюете обо мне и будете свободны.

Она тяжело засмеялась.

— Какой вы смешной, — сказала она зло. — Вы бы тоже забыли меня, если бы сумели выйти?

От нее пахло сладкими ягодами и солеными слезами. Он не мог врать — и молча покачал головой.

— П-профессор, моя невинность осталась там, где меня пытались изнасиловать, — жестко напомнила она. — Не телесная, но душевная — да. Моя чистота осталась в лесах, где п-погиб наш отряд и где я впервые убила человека. Я чувствую себя старше на миллион лет. И это уже навсегда со мной. Да как вы не п-понимаете! — она прерывисто вздохнула. — Вы говорите так, будто мне удастся выйти. Вы и мысли не допускаете, что это будет не так. Но ведь вы реалист! Вы понимаете, что мы уже сегодня можем погибнуть?

— Вы будете жить, — твердо пообещал он. Ее яростность задевала что-то в его душе, и дыхание становилось тяжелее, и сердце ускорялось. — Я клянусь, что вы будете жить.

— Мы могли погибнуть к-каждый день с момента, как я оказалась здесь, — горячечно, лихорадочно говорила она, глядя ему в глаза. И в ее взгляде было столько боли и отчаяния, что ему самому становилось больно. — Мы можем погибнуть сегодня! И я не хочу умереть, не познав, что такое — быть с человеком, которого любишь. Боги, да мне страшно умереть, понимая, что я даже никогда не целовалась по-настоящему!

Его брови невольно приподнялись.

— Я припоминаю иное, — осторожно сказал он. — После нашего брачного обряда... я совершенно точно вас целовал. И это было вполне по-настоящему.

— Да я не успела ничего понять! — возмутилась она, яростно сверкая глазами. — Вы, лорд Тротт, как-то резко предпочли целовать другие места! А я была так напугана, что ничего не запомнила!

Последнее Алина почти выкрикнула ему в лицо, и он качнулся навстречу этой ее ярости, привлекая к себе, и поцеловал прямо в сердито поджатые губы — они, ягодные, теплые, сразу дрогнули, расслабляясь, раскрываясь. В глазах ее близко-близко плескалось изумление — он сжал ее сильнее, и принцесса сдавленно, тихо застонала ему в рот, обводя языком его губы. По телу его прошла дрожь, и ушли все звуки и ощущения, кроме прижатого к нему горячего тела, нежного тепла и дыхания, неуверенных и воспаляющих кровь ласк языка, легких пальцев в его волосах на затылке.

Он целовал ее так, будто она всегда принадлежала и будет принадлежать ему — нежная, отважная девушка, словно созданная специально для него. И когда отстранился, мир продолжал вращаться вокруг, никак не желая собираться в реальность — реальной была только Алина Рудлог, которая смогла сделать его сердце снова живым.

— Теперь вам не страшно умирать? — спросил он хрипло, переводя дыхание.

Она посмотрела прямо ему в глаза — припухшие губы, блестящие глаза. Покачала головой.

— Теперь еще страшнее, профессор.

— И верно, — пробормотал он, подхватывая ее на руки.

— Куда вы меня несете? — спросила принцесса, щекоча губами его шею.

— Целовать вас, — пробормотал он. — Так, чтобы нам обоим было не страшно

умирать, Алина.

Она улыбнулась ему в шею.

— Сейчас мне совсем не страшно, лорд Макс.

— Макс, — попросил он хрипло. — Хочу услышать, как ты зовешь меня по имени.

— Макс, — прошептала она послушно и осторожно провела языком по его коже.

Солнце чужого мира уже обняло край неба предвестником рассвета, когда Тротт бросил полотно среди мягких трав и опустил на нее Алину Рудлог. Он опустился рядом — и она стянула с него рубаху, и первой коснулась губами его груди. А затем позволила снять одежду с себя.

— Все правильно, — горячо шептала она ему в губы, пока он касался ее тела, гладил, ласкал, — все между нами правильно, Макс. — Ты показал мне стихии... ты всему научил меня... Выживать и драться. Летать и убивать. Кому, как не тебе, учить меня любви, Макс?

Крылья ее ласкали его спину, а руки — легли на плечи, когда он, склонившись над ней, целовал ее ягодные нежные губы так, чтобы она точно никогда больше его не забыла — и принцесса отвечала, подаваясь навстречу, вцепившись в его плечи так, будто боялась, что он снова уйдет.

Но он никуда бы уже не мог уйти. Он исполнял то, что обещал — изгонял из нее страх, и на этот раз никуда не торопился. Потому что на краю смерти нет смысла торопиться. На краю смерти можно делать то, что хочешь.

И он оторвался от ее губ и спросил шепотом, глядя в затуманенные глаза:

— Вы знаете, как на древнесеренитском называют красивые женские губы?

* * *

Алина покачала головой. Ей не было страшно — она была ошеломлена и оглушена тем, что происходило. И пусть она знала древнесеренитский с пяти лет, она даже под страхом пытки не вспомнила бы то, о чем он ее спрашивает.

— *Deae arcus*, — прошептал он. — Лук богини. За божественный изгиб, — он снова поцеловал ее, и она с наслаждением ответила ему — так вкусен он оказался, и такую дрожь вызывали касания его языка. Он скользнул ниже, по шее к выемке над ключицей. — *Locus sericus*, — продолжил он. — Место шелка.

— Я уже поняла, что вы отлично учились в университете, профессор, — прошептала она, откидывая голову — потому что целовал он со знанием дела, и борода щекотала и царапала ее кожу. Она чувствовала ладонями его кожу, рассеченную шрамами, ласкала его под крыльями — он вздрагивал, выдыхал тяжело, снова склонялся к ней.

— Макс, — напомнил он, спускаясь ниже, к груди. — *Vertex teneritatis* ... вершина нежности... еще ее в стихах называли *Masculina mors*, мужская погибель... а это, — он коснулся языком пупка, — *puteus desiderii*, колодец желания...

Ей было и смешно, и горячо, и нежно — такой лорд Тротт... Макс, конечно же, Макс, был ей незнаком, и сам он улыбался, то и дело поглядывая на нее темными глазами, словно проверяя, не боится ли она снова, не хочет ли прекратить. Она сжимала его волосы, чувствуя, как от каждого касания по телу пробегает дрожь и оно становится все пластичнее, все горячее — и плещут по коже мягкие волны желания, все нарастая и грозясь захлестнуть ее с головой.

По правде говоря, сейчас бы она умерла, если бы он прекратил.

— А это, — он коснулся губами колен, и дыхание его стало прерывистым, — это... *ma insania*...

— Моя одержимость? — попыталась вспомнить Алина. — Как странно называли их серенитки...

— Серенитские поэты называли колени *ianitores*... привратники. Потому что они скрывают... *locus mellis*, — шепло прошептал он, разводя ее ноги и скользнул по колену губами ниже, по внутренней поверхности бедра. — Место меда.

Она вцепилась в его волосы до боли, выгибаясь, и с первыми же касаниями застонала, переживая сладчайшее в мире наслаждение — и слыша его стон. А когда он накрыл ее своим телом, первой потянулась к его губам, обхватила ногами его бедра — и лишь широко распахнула веки, выдыхая горячечно и сладко. Потому что не было никакой боли — только непривычное, тугое движение внутри, ощущение тяжелого тела сверху, дыхание с хриплым постаныванием, губы, обжигające висок. И глаза, поплывшие и темные, которые поймали ее взгляд — и не отпускали уже, пока его движения не стали жестче и быстрее, а она не начала подрагивать, чувствуя, как стягивает ее напряжением — и не отпускает, вновь унося куда-то в эйфорию под ощущение того, как тоже дрожит его тело, и как хрипло, сдавленно он стонет, сжимая ее ладони до боли.

Солнце вызолотило и траву, и их двоих, сплетенных, неспособных оторваться друг от друга. И не было страху сейчас места в их сердцах.

— Да, — сказал Макс хрипло ей на ухо. Дыхание сбило у них обоих. — Все между нами правильно, Алина.

Она облизала губы и поцеловала его в висок, глядя судорожно ходящую туда-сюда влажную спину и слыша, как частит его дыхание. Ее тело было легким-легким, и она не хотела ни двигаться, ни говорить. Но сказать было нужно.

— Обещай мне, — попросила она, так же с трудом переводя дыхание, — что если у тебя будет хотя бы малейшая возможность вернуться ко мне, ты это сделаешь. Я буду ждать тебя, Макс. Буду ждать на той стороне.

— Обещаю, — сказал он и провел губами по ее виску. — *Ma insania*. Моя любовь.

01/05/23 Добавлено: Друзья, заболела, пока дальше писать не могу

* * *

Дорогие читатели, вот и закончилась первая часть КК12.

Для тех, кто присоединился к выкладке только с этой книги — на лето, когда заканчиваются школа и сад, я всегда уйду в отпуск с детьми, потому что с ними я не могу писать. До лета я продолжу писать кк12 и продолжу выкладку в этом же файле второй части, чтобы не делать с апреля большой перерыв до осени, но осенью главы второй части будут перенесены в новую подписку.

Первая часть будет потихоньку редактироваться и к концу мая, к окончанию подписки, примет свой почти окончательный вид.

Я говорю "почти", потому что после окончания книги целиком в 1 часть наверняка будут вноситься еще какие-то изменения.

Следующий эпизод — старт 2 части, скорее всего, в следующие выходные.

Часть 2. Глава 1.1

Друзья, со стартом второй части КК12 нас!

Пожалуйста, имейте в виду, что полноценная выкладка второй части будет осенью, когда я вернусь после летнего перерыва. Первая часть, оплаченная по подписке, завершена, сейчас корректоры завершают вычитку, я ее выложу и открою скачивание. Когда будет 12 часть целиком, я не могу предсказать. 13 книга точно будет.

До закрытия подписки на первую часть (конец мая-начало июня) я буду выкладывать написанные эпизоды из второй части сюда, чтобы вам не ждать осени, а мне не открывать подписку в отдельном файле второй части перед перерывом. Когда подписка на первую часть закончится, я главы второй части отсюда удалю и верну осенью уже во второй.

Пожалуйста, не нужно считать, что раз я сюда выкладываю эпизоды, то они уже оплачены, и когда будет подписка на вторую часть, я заставлю вас платить дважды. Пишу, потому что уже прилетали подобные претензии и мне это очень неприятно слушать. Сейчас я выкладываю их бесплатно для подписчиков на первую часть, но бесплатно не значит, что они ничего не стоят.

Периодичность выкладки — по мере написания, главы сейчас сложные, поэтому никаких сроков я дать не могу.

С любовью, Ирина Котова

Глава 1

*Наши души — большая гагара,
Лети, гагара, ввысь, под самое небо,
Лети, гагара, под стопу к Триединому,
Посмотри вниз, посмотри вперед,*

На Ньюрдхельме, самом северном полуострове Бермонта и всего материка Рика, уж двенадцатый день шло Большое Камлание. Место ритуала было видно издалека по вихрю необычайно яркого полярного сияния, поднимающегося до стратосферы всполохами зеленого, розового и голубого.

Но не только это было необычным.

Тундра, обычно покрытая снегом до конца мая, цвела пятнами лишайников, белыми цветами богульника, морошки и голубики, зеленью карликовых берез, сосен и ив. Северные лисицы, олени, лемминги и песцы, ошеломленные внезапным изобилием, паслись, охотились и тучнели на глазах. Полярные совы и куропатки вили гнезда, а на берегу, от которого вдруг отступил большой лед Северного океана, возлежали тюлени и морские львы, лениво шевеля хвостами под вибрирующий, разносящийся на десятки километров звук больших барабанов, звон колокольчиков с одежд и гортанное пение.

*Будут ли наши дети здоровы,
Будет ли родить наша земля,
Так же ласкова будет ли мать-вода,
Сможем ли мы дышать воздухом нашего мира,
Что несет нам здоровье и удачу,
Не потухнет ли огонь наш,
Вернется ли смерть к нам,
Чтобы проще было равновесию мира,*

Чтобы всем вещам был свой порядок.

По кругу были сложены шестьдесят огромных костров, в которых резвились огнедухи, выглядевшие здесь, на севере, золотыми лисицами с множеством хвостов. Равновесники, привлеченные ритуалом, расползались под ногами шаманов упругим ковром из вьюнков, а большие варранты, покрытые белым лишайником, и огромные, размером с листолет, духи воздуха, вскормленные на неукротимых стылых ветрах и принимавшие здесь облик пушистых полярных сов, приносили для костров валежник. То и дело в море прыгали большие полупрозрачные косатки, глядя на танец почти тысячи шаманов, пришедших сюда со всех кочевий северной и степной Туры, а самые любопытные отращивали себе крылья и зависали у ритуального круга, а их водяная поверхность подрагивала от вибраций.

Дни сменялись короткими, на пару часов, полярными ночами — порой духов смерти, которые здесь выглядели как полупрозрачные серые вороны со светящимися зеленым глазами и медленно кружили над кострами, дразня огнедухов. Солнце, не успев спрятаться за горизонт, снова поднималось над ним, и продолжалась совместная пляска людей и духов, привлеченных мощью обряда, которого доселе не бывало, и вливающих в него и свои силы.

Когда спустишься вниз, гагара,

Скажи, откуда ждать беды,

Скажи, когда ждать беды,

Скажи, как спастись от беды...

Много, много шаманов пришли на Большое Камлание, и в круг у костров они вставали по очереди — когда одни падали без сил, на их место вставали другие, которые спали в чумах, восстанавливая силы, и готовили на кострах хоску — напиток из меда, трав, ягод и оленьего молока, чтобы все, и молодые, и старые, смогли дотанцевать до конца обряда.

На двенадцатую полночь полярное сияние полыхнуло и растворилось, позволяя всем, кто замер сейчас, глядя сквозь прорези духовых масок наверх, в наступившей оглушительной тишине прозреть сквозь время.

И увидела коллективная душа, собелита, как восходит над океаном солнце и замирает там последним рассветом. Увидела застывшие над миром полупрозрачные фигуры Великих стихий, склонившихся в ожидании над Турой. И пять золотистых канатов, уносящихся в Туру в бесконечность космоса узрела, и зарождающийся шестой.

А затем — как крутятся над Турой светлые и черные вихри, уничтожая все на своем пути, такие огромные, что люди — песчинки у их подножия, крохотные птички с жаркими душами. И спасения нет нигде, кроме как под землей, в небесах, если ты ловок — или там, где теплым огнем светит благодать Триединого.

Мелькнуло это видение — и погасло вместе с вихрем сияния и жаркими кострами. И тогда шаманы залечили раны на земле, оставшиеся от костров, оседлали духов: кто водных, чтобы на их спинах доплыть до поселений вдоль океана, кто воздушных, чтобы успеть вглубь материка, — и понеслись во все стороны.

Шестое мая, 5.00 утра, Бермонт, Ренсинфорс

1.00 по Иоаннесбургу

Полина

Ее величество Полина-Иоанна ворочалась в большой постели, пытаясь заснуть до оборота. Но сон не шел.

— Наверное, я уже выспалась на всю жизнь, — проворчала она в темноту, кидая украдкой взгляд за окно, где уже давненько светало. Может, полетать минут пятнадцать, раз

все равно не спится?

Но нет, не дай боги, потеряет счет времени и шлепнется вниз медведицей. Да и сил нет. Пусть сон не идет, зато сейчас она может побыть наедине с собой, позволив мыслям течь лениво и без принуждения.

Уж больше недели, с той поры, как Игорь Иванович вколол свою последнюю иглу, Полина проводила в облике человека восемнадцать из двадцати четырех часов в сутках, и в сон в облике медведицы проваливалась до полудня аккуратно в шесть утра, когда иные подданные уже вставали.

— Или на пробежку? — прошептала она вслух. — Хотя что там за эти полчаса побегаешь, только разогреться...

Слабость, сопровождавшая ее со времен Солнечного моста, почти отступила, дел было много и в отделе госбезопасности, где она стажировалась, и в создании женских отрядов самообороны из дочерей линдморов и простых бермонток, и в работе с беженцами.

С тех пор, как она отправила линдморам грамоты с проектами приказов о поступлении женщин на военную службу и на учебу в высшие магические университеты, прошло две недели. И это были очень насыщенные недели, потому что пришлось срочно организовывать комитет, занявшийся женской мобилизацией и контролировать его работу, открывать по городу и стране десятки мобилизационных пунктов, а также искать военных, способных перешагнуть через предубеждения, отсортировать девушек по умению управляться с холодным и огнестрельным оружием, начать обучать их и сразу отправлять в помощь патрульным.

В столицу стали прибывать десятками и сотнями простые и медвежьи девы с земель всех бермонтских кланов, и в мобилизационных пунктах встали очереди из девушек и женщин, желающих поработать в дружинах, выучиться на регулировщиц и патрульных. Пришлось решать вопросы с их размещением — благо, в Ренсинфорсе сейчас было множество опустевших казарм, — с питанием, с формой, ибо маломерных среди берманов не бывало. Благо, почти все женщины Бермонта хорошо управлялись и с иглой, и с швейными машинками, и могли подогнать форму себе по фигуре.

Гвардейский полк замка Бермонт тоже пополнился рекрутками, но очень титулованными — по совету леди Редьялы.

— Раз Ровент решил прислать тебе младшую дочь, — сказала она, — то и остальные линдморы поступят так же, дабы не ронять свою честь. Окажи им уважение, прими девушек в гвардейские рекруты. Так и ты сможешь проходить с ними построения и часть службы, и они будут под твоим началом. Дашь им сержантские звания, а офицерские получают после обучения.

— Мне, если честно, и фрейлин многовато, — вздохнула Полина, но, понимая разумность совета, выпустила указ о формировании женского гвардейского полка, но с условием, что в него войдут не только берманки, но и обычные девушки, показавшие отличные результаты по физической форме и обращению с холодным и огнестрельным оружием. И теперь по четыре часа вечерами, после посещения мероприятий в столице, после стажировки в отделе госбезопасности, она занималась с гвардейским полком. И думала о том, что неплохо бы было найти такую, как Люджина Дробжек на офицерскую должность. Потому что по лицу Хиля Свенсена, когда он глядел на рекруток, было понятно, что он испытывает очень сложные чувства. Как и по лицам других берманов.

Собственно, увидев это, Полина уверилась в правильности своих решений.

Люджины здесь не было — но она сама могла бы стать такой, как Люджина. И первое, что она сделала — произнесла короткую речь.

— Бермонт — страна сильных мужчин, — сказала она, встав перед строем. — И не менее сильных женщин. Пришла пора показать свою силу не только в управлении домом.

Девушки были очень разными, серьезными и смешливыми, с горящими глазами и равнодушными, высокомерными и послушными, из союзных и соперничающих кланов, но ей пока некогда было разбираться в хитросплетениях их отношений друг к другу и к ней самой — а оно тоже было разным. Ей было некогда — зато в радость было размяться и тяжело поработать физически после нескольких часов в отделе госбезопасности.

Генерал Ульсен, глава отдела, относился к ней примерно так, как она — к рекруткам. С некоторой настороженностью.

— Для начала ты пройдешь стандартное обучение, моя королева, — терпеливо объяснял он, — где стажерам объясняют принципы секретности, безопасности, законности и действий вне закона. Вы будете изучать старые дела, разбирать удачные находки и провалы, решать ситуативные задачи. Читать отчеты самостоятельно, делать выводы, задавать кураторами вопросы. А дай боги, закончится война, поступите в Королевскую академию безопасности уже с хорошим багажом знаний.

Она и изучала — старые агентские операции: как работали с подпольными бандитами, с контрабандистами, как выискивали шпионов других стран, и для нее это было лучше, чем чтение приключенческих романов. И отличное знание языков пригодилось, потому что часто преступность была международной и свидетельства, улики были на других языках.

Демьян правильно сделал, что решил нагрузить ее делами — это обеспечило ее безопасность лучше любой охраны, потому что сейчас ей было не до полетов.

Она снова перевернулась, снова посмотрела на часы. Пять двадцать семь. Четыре минуты прошло, а кажется, что вечность!

— Может, отчеты перечитать? — снова спросила она себя и тут же зажмурилась, приказывая себе спать.

Но не спалось. Тревога, которая фоном звучала вокруг с самого начала войны, в последние дни стала сильнее. И как ни выматывай себя — никуда от нее не деться.

Ей сразу после пробуждения в полдень и вечером после ужина докладывали обстановку — и она знала сейчас, что Иоаннесбург под ударом, и что в Инляндии крупная битва, и что в Йеллоувине бой подходит к концу, и иномиряне уже разбиты, идет зачистка последних отрядов. Знала она и то, что Демьян в составе сводного бермонтско-рудложско-блакорийского войска наступает на Блакорию.

Последний раз они разговаривали первого мая, пять дней назад — когда на Демьяна было совершено покушение, и с тех пор у мужа не было ни минутки связаться с ней. Полина скучала — но запретила себе просить организовать связь с ним. Она и так знала, что он тоже скучает и, если не звонит, то очень-очень занят. Главное, что жив. Что армия, в которой он идет, уже выиграла несколько крупных битв и продавила иномирян вглубь Блакории. А при таком темпе до Рибенштадта каких-то три-четыре недели — поэтому нужно ждать, пока Демьян загонит иномирян обратно в портал под блакорийской столицей и заниматься своими делами.

Она через день созванивалась с Мариной — сестра была какой-то загадочной, и Поля прямо чувствовала, что ей хочется поделиться каким-то секретом.

— Я расскажу тебе, — пообещала сестра после прямого вопроса, — только сама пойму

окончательно, что со мной происходит. В любом случае по сравнению с тем, что творят наши старшие и Алина, это ерунда.

Полина знала, что Ангелина участвовала в спасении драконов из Драконьего пика, и послала ей огнептицу с восторгом и поздравлениями. Замирая от недоверия, слушала вчера вечером отчет о том, как ее сестра Василина остановила часть армии на подступах к Иоаннесбургу — впрочем, после того, как Поля по телевизору увидела кадры огромной огнептицы, которая летела над Севером Рудлога, она уже почти не удивлялась Васиным изменениям.

И, конечно, Полина часто думала об Алине — смутно догадываясь, что время в Нижнем мире, откуда родом жестокие захватчики, не могло не изменить сестру. Но после того, как Демьян сказал, что пойдет на помощь в Нижний мир, Поля вдруг уверилась, что все будет хорошо.

Она всегда верила в него.

И, конечно, ее то и дело посещала мысль о том, что все ее сестры, за исключением, наверное, Каролины — которая говорила при созвонах только о своих картинах и жаловалась, что скучает, — принимают активное, героическое участие в спасении мира. Хотя и Каролина тоже... прорицает вот. И только она сама, Полина, заперта в замке и занимается какой-то рутинной на фоне глобальной катастрофы и всеобщего самопожертвования.

— Во-первых, ты успела погеройствовать раньше нас всех, — сказала ей Марина серьезно, когда она поделилась этими мыслями. — Ты спасла Демьяна, спасла Бермонт, сама еле выкарабкалась. Еще не все иглы вколоты, ты еще одной лапой во власти смерти, а уже думаешь, что недостаточно делаешь. А во-вторых, Поля, в отсутствие Демьяна ты — глава Бермонта. Помни об этом. Да, в твоём характере лезть на рожон, ты не можешь сидеть на месте. Но не всем нужно спасать мир, кому-то нужно думать о таких банальных вещах, как еда, кров и здоровье для людей. Посмотри на Мариана — пока Вася дозвывалась в лаве дестихийного духа Рудлога, он стойко занимался страной и детьми. Стал он от этого менее значимым? Нет, как и ты. Твой вклад не меньше из-за того, что ты не на передовой. А тем, кто на передовой, очень важно знать, что есть те, кто обеспечивает им тыл.

— Спасибо, — проговорила Полина. — Когда ты стала такой мудрой, Марина?

Сестра скептически хмыкнула.

— Может, — сказала она с легкой грустью, — мы просто взрослеем, Пол?

Полина наконец начала задремывать — глядя на рассвет за окном и думая о том, что впереди июнь, когда от зари до зари какой-то час. И вспоминая, как Демьян обещал, что они летом будут гулять с ним по ночному лесу, ходить звериными тропами, есть ягоды и мед, охотиться и учить Полю принимать и понимать звериную часть себя.

В окне что-то мелькнуло, по стеклу словно деликатно царапнула большая лапа, и Полина подскочила, выхватила из-под соседней подушки пистолет, прицелилась, перекатываясь кровати, чтобы рухнуть вниз, в укрытие. Выглянула: в окне проявилась огромная полупрозрачная совиная морда — она опустилась вниз, и Поля увидела почти утонувшего в пушистых перьях старика.

— Тайкахе! — ахнула она, бросила пистолет на постель, подскочила к окну, открыла его, улыбаясь и хмурясь одновременно.

Шаман с усилием поднялся, сошел по крылу — он был исхудавший, пахнувший костром, травами и молоком. Развернулся в проеме, что-то ласково и гортанно сказал гигантской сове

— и она смазанным пятном улетела куда-то вбок.

В покои Полины распахнулись двери, вбежали гвардейцы, целясь в старика. Тот с достоинством поднял темные руки.

За спинами охранников стояла, приложив руки к груди, одна из фрейлин.

— Это Тайкахе, — так величественно, словно ничего необычного не происходит, и она не стоит в пижамных штанах и майке, проговорила Полина. — Все в порядке, бойцы. Спасибо за бдительность. Виньяна, — позвала она фрейлину, — прикажи накрыть в гостиной завтрак. — Она глянула на часы: пять сорок пять. — Я не успею, но мой гость должен быть сыт. И оставьте нас.

— Эйх, прости меня, солнце Бермонта, что я так нехорошо ворвался к тебе, — проговорил шаман слабо, когда за охранниками закрылась дверь. — Нехорошо, нехорошо. Но дело срочное, боялся не успеть до того, как заснешь. Несколько часов летел, но успел.

— Ты садись, — Полина, слушая, налила ему воды, подала, он жадно выпил, присел в кресло, смотрясь в нем крайне чужеродно.

— Слушай, медвежья жена. В полночь сегодня закончили мы Большое камлание. Пели песни, заглядывали в огонь, ходили вокруг костров-до-неба в большом круге, били в барабаны. Горе увидели, ай великое, — он говорил, а колокольчики на его одежде тревожно звенели. — Мои братья по духу полетели во все стороны, в ближние селения и дальние, а я к тебе направился, чтобы ты других правителей оповестила. Тьма вот-вот шагнет на Туру, солнечная королева, и не будет от нее спасения, кроме как под землей и в храмах Триединого. Бермонт стоит на камне, камень нас и спасет. Прикажи людям прятаться в подвалы, тем, кто в горах — в пещеры, а остальным — идти под защиту Творца. Не тронет тьма места, где есть его свет.

И тебе надо уходить вниз, в скалы, и всему городу. В ближайшие дни решится судьба Туры, и даже если выстоят те, кто составляет основу и суть нашей планеты, множество городов и селений будет сметено с лица Туры.

Тебе голос, дочь Воина. Отдавай приказы, есть у тебя еще время. Скажи, что селение можно спасти, если выставить вокруг служителей Триединого с защитной молитвой — они знают, какой. И если нет в селении храма или служителя, то пусть люди забираются в самые глубокие подвалы и там читают молитвы. Отец Бермонта Михаил суть твердь земная, последним треснет он, а если уж падет, то и планеты не станет.

— Поняла, — сказала Полина без лишних вопросов. На часах было пять пятьдесят.

Она уже на ходу позвонила генералу Ульсену и за две минуты, очень четко и коротко передала ему суть разговора и свой приказ. Затем — Василине, которая не спала и находилась на каком-то совещании. И в конце, уже спускаясь в подземелье, отцу с Каролиной.

Тайкахе шел рядом с ней, слушая и одобрительно кивая.

Она успела спуститься в часовню и передать через фрейлин приказ леди Редьяле и всей замковой челяди спускаться в подземелья — и заснула прямо у входа, сделав всего несколько шагов по светящимся мхам.

* * *

Если все пойдет хорошо, то до или на выходных будет еще эпизод.

Часть 2. Глава 1.2

Шестое мая, 1.00 — 9.00 утра, Йеллоувинь, Менисей
21.00 — 05.00 по Иоаннесбургу

Как ни торопился Вей Ши вернуться обратно в Тафию, не мог он просто так уйти с поля боя — пусть даже битва закончилась и шло добивание сотен разбежавшихся и разлетевшихся инсектоидов. Но судьба решила так, что он остался единственным Ши императорской крови, который участвовал в бою, и поэтому нужно было зайти в командный пункт, известить о том, что уходит: ведь на него могли рассчитывать, его принялись бы искать. Как солдат он должен был доложить старшему по званию, как будущий император обязан был высказать благодарность генералитету и офицерам за умело разработанную стратегию битвы. Да и ментальную лакуну для общения с отцом спокойнее создавать из защищенного места, дабы не наткнуться на отбившегося инсектоида.

Путь к командному пункту Вею указал один из усиленных равновесниками бойцов. Наследник доехал туда с успевших подсохнуть за эти дни полей на медицинской машине с ранеными, спрыгнул с подножки в лесу, потому что тяжело было выносить отчаяние, боль, страх раненых. Кедровые и лиственничные шумели так умиротворенно, будто недавно не звучали неподалеку взрывы и стоны умирающих. Вей шагнул в ночи к освещенному лагерю и чувствовал, как постепенно отпускает его жесткое напряжение последних дней.

Заболел порез на шее, оставленный клинком убитого повелителя иномирян — впервые с ранения Вей ощутил этот порез, коснулся его, коснулся длинной серьги, которая так раздражала его и в результате спасла и ему жизнь, и весь Йеллоувинь. И улыбнулся — потому что девочка-Кейя, Каролина, сама того не ведая, и в этом оказалась прозорлива.

В лагере было живо, светило несколько наземных фонарей, в сотне метрах от кучно стоящих машин связи и командования, от больших штабных палаток, находился полевой госпиталь: там суетились врачи, подвозили и подвозили раненых. Там же стояли огороженные ширмами душевые, парила прачечная, неподалеку пытела большая полевая кухня, пахло рисовой кашей с мясом и овощами.

У наследника Йеллоувиньской империи прозаически забурчало в животе. Вслед за способностью чувствовать физическую боль вернулся и голод.

Но он умел терпеть голод.

Пойманный по пути к штабу солдат, вытянувшись по струнке, доложил:

— Генерал Хэ Онъ в штабной палатке, заканчивает совещание по итогам боя, ваше высочество!

— Как ты узнал меня? — с удивлением спросил Вей Ши.

— По глазам, мой принц, — восхищенно отчеканил солдат. — Янтарем переливаются! Кто ж сейчас не наслышан, что вы появились в сердце битвы, убили императора иномирян и привели нас к победе?

Это бесхитрое и яркое восхищение было очень знакомым, очень искушающим — о, как он купался он почти все прошлые годы и как приятно было бы поддаться ему снова! Гордыня, та, что ранее возносила его высоко над простолюдинами, обрадованно подняла голову, но Вей сжал зубы и проговорил:

— Я сделал то же, что сделал бы любой боец нашей армии, солдат, будь у него моя сила. Каждый из нас привел Йеллоувинь к победе. И ты тоже. А повелителя иномирян победил

мой дед, светлейший император Хань Ши. Никто иной с врагом бы не справился, даже я.

Он хлопнул замершего солдата по плечу и пошел дальше, к большой темно-зеленой палатке, почти растворившейся в ночи.

Генерал Хэ Онь, увидев наследника, встал из-за стола, сложил руки и поприветствовал его уважительным поклоном. Вей Ши тоже склонил голову — перед возрастом и заслугами командира, а затем, сдержанно и торжественно, как будто они были на приеме во дворце, поблагодарил всех поднявшихся.

Все выглядели измотанными, были здесь и раненые командиры подразделений, с перевязанными головами, руками — но и его лицо, одежду, руки, покрытые пятнами крови, грязи и инсектоидной слизи, разглядывали со страхом и благоговением. И снова словно вернулось одно из чувств — он почувствовал, как заудела кожа, осознал, как несет от него кровью и потом, и понял, что никуда не сможет уйти, не вымывшись.

— Генерал, — проговорил он, — уделите мне немного времени.

— Конечно, мой принц, — отозвался Хэ Онь. — Вы желаете поговорить здесь?

Вей качнул головой.

— Я скоро верну вас к совещанию, генерал. Не стоит срывать людей с места. Это дело нескольких минут. Прогуляемся.

Неспешно двигаясь от одной службы к другой, Вей рассказал о том, что должен уйти и на него дальше рассчитывать не стоит, а затем спросил о последних днях деда, и узнал, как высаживал он семена равновесников, чтобы усилить своих гвардейцев, и как сам лично ходил в разведку. И как пил последний чай меж величественных старых лиственниц и кедров.

— Шатер его императорского величества все еще стоит, — голос генерала дрогнул и он указал на едва виднеющийся среди больших деревьев скромный шестиугольный шатер, у которого стоял почетный караул. — Никто из нас не посмел коснуться его вещей, а верный слуга светлейшего Хань Ши, Йо Ни, ушел в Пьентан с Ли Соем. Пусть теперь этот шатер пригодится тебе, янтарный принц. Я приставлю к тебе адъютанта и прикажу принести тебе ужин.

Вей некоторое время смотрел туда, куда указывал Хэ Онь. Горло вдруг свело. Он кашлянул.

— Не нужно адъютанта, генерал, — сказал он скрипуче. — Ты забыл, что по званию я рядовой гвардеец? У меня есть руки, я сам способен взять себе еды.

— То, что ты без звания, не лишает тебя твоей крови, — возразил старик. — Здесь каждый почтет за честь послужить тебе, мой принц. Я бы уважил твое желание, но ты сам говорил, что торопишься. Не отказывайся, это экономит твое время.

Раньше бы Вей уперся из принципа. Но не сейчас.

— Ты прав, Хэ Онь, — проговорил он. — Благодарю.

Вей обмылся в походном душе и переделался в выделенную ему военную форму — ему казалось кощунственным войти туда, где провел последние дни дед, не очистив тело. Помощник, выделенный ему, молодой боец, отправился за ужином, а Вей, скрипяще-чистый, снял перед шатром обувь и шагнул внутрь.

И сердце сжалось — потому что внутри было просто и аскетично: циновка, невысокий столик, сундучок с личными принадлежностями, подставка с несколькими ве-лой, шелковой национальной одеждой, так любимой дедом, — и в то же время едва заметно позвякивали на столе крохотные колокольчики на подставке, играя с потоками воздуха, а на поверхности

чаши для омовения рук плавали розовые лепестки.

Вей прижался лицом к шелку ве-лой и несколько раз вдохнул и выдохнул. А когда отстранился, на ткани остались мокрые пятна.

Снаружи донесся запах еды, показавшийся ему невероятно вкусным — что он там успевал поесть за эти дни? Но Вей сел на циновку, скрестив ноги, закрыл глаза, и мысленно позвал отца. Цэй Ши, будущий император, откликнулся сразу. Словно ждал этого все это время.

«Я счастлив слышать тебя, сын, — раздался его голос в голове. — Мое сердце просит поговорить с тобой сейчас, ибо я знаю, что именно ты проводил моего отца и твоего деда в последний путь. Я хочу знать, как ты жил все это время, и чтобы ты знал, как мы ждем тебя. Но сначала я должен закончить траурную церемонию памяти Хань Ши. Отдохни. Я приду к тебе в сон через пару часов».

«Я не могу спать, потому что я должен уйти в Тафию, отец, — ответил Вей сдержанно. — Ты знаешь, что я обещал Мастеру защищать его жену, знаешь, что дед предсказал, что последний портал откроется, когда пройдут шесть суток после его смерти. Остались сутки. И теперь я знаю, что портал откроется в Тафии, в храме Триединого. Я должен идти туда — там не только жена Мастера, но и простые люди, к которым я... привязался. Сейчас во мне есть силы призвать равновесника, достаточно большого для того, чтобы отнести меня».

Цэй Ши помолчал.

«Ты ведь не будешь принуждать меня остаться, отец?», — спросил Вей Ши, готовый защищаться.

«Нет, сын, — ответил будущий император. — Если твой путь сейчас — путь воина, кто я, чтобы препятствовать ему? Дед пытался, и все же ты на поле боя. Об одном прошу — подожди, пока я освобожусь. Клянусь, что не буду препятствовать тебе. И помогу. Раз один из Ши дал обещание, он должен его исполнить. Я закончу церемонию, затем мне нужно сходить к Колодцу: пусть я не коронован, но моя кровь тоже ему по вкусу. Клянусь, к утру ты будешь в Тафии. А сейчас отдохни. Силы тебе пригодятся».

Вей открыл глаза, покачнулся — все же он бесконечно вымотался за бой. Выглянул из палатки, поднял оставленный у порога поднос с дымящимся чайничком, рисовой кашей и консервированным мясом, и поужинал так, будто это была лучшая еда в жизни.

А затем лег на бок на циновке, накинув на себя дедов ве-лой, и прикорнул, строгонастроено наказав себе проснуться через два часа.

Во сне девочка-Каролина печально обнимала его за толстую шею и гладила по шкуре. А он видел все словно со стороны — так устал, что и во сне спал. Валялся на боку у ручья и глаз открыть не мог.

— Мне очень жаль твоего дедушку, — говорила она ему в ухо, и он сонно дергал им. — Весь дворец оделся в темно-фиолетовый, уже несколько дней идут траурные мероприятия. Вы очень красиво радуетесь, Вей Ши, и очень красиво горюете, ты знаешь? Твои бабушки обрезали волосы... так странно, когда у тебя их три. Я видела твоего отца на церемониях, Марья Васильевна сказала, что нам нужно выказать уважение и присутствовать. Он постарел на десяток лет. И все его жены очень красивые... твоя мать — третья? У тебя ее губы и линия скул, я сразу поняла, что это она. И она такая молодая... А твои сестры и тети... само совершенство.

Речь ее лилась, как ручей, и он отдыхал, как большой кот, пригревшись у чужого тепла. И словно видел все церемонии ее глазами: и как в первый день овдовевшие императрицы и

наложницы во главе с первой императрицей, бабушкой Вей, Сапфиновой бабочкой Туи Сой Ши, в сопровождении всей большой семьи Ши, всех дядей, тетей, сестер и высоких придворных, поднимаются на цветущий некрополь — туда, где захоранивают почивших Ши, высаживая над их могилами деревья и цветы, и кладут в могилу пряди волос деда, которые были у каждого из родных, и его коронационный наряд. А затем жены и наложницы обрезают волосы, которые растили всю жизнь, а ныне сыпят в могилу мужу — чтобы мягче было в посмертии. И все среди великанов-деревьев и могил исполняют Танец Прощания, медленный и величественный, под тоскливые звуки флейт и смычковых эрху.

— Позавчера Пьентан запускал в воздух фонарики, и это было очень красиво. А сегодня твой отец призвал, наверное, тысячи журавлей, и крутился, раскинув руки, и что-то пел, а они огромной стаей крутились над ним, — говорила девочка, — а потом отпустил, и они полетели ввысь! Я это обязательно нарисую, это было так красиво, Вей! Белый журавли в темно-синем небе поднимаются вверх и становятся алыми от далекого заката... Твоя тетя Юнлинь объяснила мне, что у вас есть поверье, что журавли помогают душе быстрее подняться в небесные сферы. А еще листья на деревьях все пожелтели, словно осенью, но тетюшка сказала, что через шесть дней они опадут и вырастут снова, опять весенними. — Он слушал и видел и полет сотен журавлей, и траурный наряд природы в честь великого Ши. — Как же жаль твоего дедушку... а я никого из своих не знала. И мама умерла, когда я была совсем маленькой. Я ее почти не помню. Не помню лицо, представляешь? — На нос ему капнула слеза и он заворчал. — Поэтому я тебя понимаю. Ты хотя бы говорил с ним, когда уже был взрослым. Мог обнять... Помнишь его голос... Тетюшка Юнлинь сказала, что если я буду тренироваться, я смогу вспомнить. И смогу возвращаться в эти воспоминания.

Она долго так болтала, и он засыпал все сильнее, видя то, что происходило в Пьентане ее глазами, и чувствуя, как расслабляется тело. Затем он услышал сдавленное ойканье.

— Прости, что испугал тебя и вторгся сюда, красная дева, — раздался тихий голос отца. Словно он опасался испугать девчонку. — Но мне нужно поговорить с сыном.

— Конечно, ваше высочество, — растерянно проговорила красная принцесса. — Я пойду. В другой сон. Подслушивать не буду, обещаю!

Вей хотел сказать, что ее надо будить, а то обязательно подслушает, но снова вышло лишь заворчать.

— Благодарю, — с изумительным спокойствием ответил Цэй Ши. Мягко толкнул стихии в лакуне — и Вей ощутил, когда они с отцом остались одни.

— Просыпайся, сын, — Цэй Ши коснулся его ладонью и полилась от него живительная родственная сила. — Поговорим.

Когда Вей очнулся, отец в человеческом облике стоял у ручья и с удовольствием оглядывал ментальную лакуну — ручеек, рябинку, лес. А Вей смотрел на него — отец был молод, всего сорок четыре года, повыше деда и пошире его — сказывалась и служба в армии, и дальше работа главным военным инспектором империи. Чисто выбрит — бороду Ши начинают отпускать после коронации. Изящество, свойственное всем Ши, сквозило в его движениях и жестах.

Они мало общались из-за службы и обязанностей отца и были почти чужими, но Вей с детства относился к нему с почтением.

— Как выросла твоя сила, — сказал отец с удовольствием. — Как рад я видеть тебя, сын.

— И я, отец, — ответил Вей Ши, поднимаясь на ноги. Поклонился, подошел ближе,

поцеловал руку — отец обнял его, похлопав по спине, и отстранился.

— Покажи мне, как умер твой дед, — попросил он, садясь на берег.

И Вей, сев рядом, положил его руку себе на лоб и показал.

— Я всегда знал, что он велик, но теперь я понимаю, что он величайший из Ши, слава нашего первопредка, — сказал отец, когда увидел и бой, и смерть, и победу глазами Вей. — Я рад, что ты оказался рядом. Что смог помочь ему и проводить его, сын. И в посмертие он ушел, оставив свою кровь защищать Йеллоувинь. Но я знаю, что он усыпил тебя, когда ты приближался к Менисею. Как ты сумел проснуться?

— Красная, с которой я связан обрядом, мне помогла, — нехотя ответил Вей. — Меня выбросило сюда, а здесь она сумела подпитать меня.

— Какая маленькая девочка и как много она уже сделала, — задумчиво проговорил отец. — Благодаря ее видениям Пьентан избавлен на ближайшее время, а то и навсегда от удара иномирян. Хотя, кто знает, что ждет нас впереди. Но дойти к нам теперь они могут лишь с юга Рудлога. Или из Песков, если ты прав и портал откроется там.

— Ты все-таки отпустишь меня? — еще раз спросил Вей Ши.

— Когда это Ши отказывались от своих клятв? — с мягким упреком спросил отец. — Мы не так много общались, сын, но я помню то, о чем предпочел не помнить твой дед — что спокойствие к Ши приходит с возрастом. Чем мы старше, тем больше в нас гармонии, но я всегда спрашивал себя — могли бы мы быть мудрыми, если до этого не совершали отчаянных поступков?

— И дед? — усомнился Вей Ши.

— Ты помнишь его спокойным, как море в шгиль. А я еще застал последний приступ его гнева, когда он обнаружил, что министр финансов — казнокрад. Тогда мы отстраивали главный павильон. Красная кровь дала нам гневливость, но и в Желтом есть зверь. Тигр спокоен, пока не прыгнет, сын.

— И ты совершал? — недоверчиво продолжил принц.

— Разве ты не помнишь, что я выкрал твою мать, когда погибла моя третья супруга? — напомнил будущий император, и Вей опустил голову.

— Как мама?

Голос его дрогнул.

— Она любит тебя, — ответил Цэй Ши.

— Я сильно ее обидел, отец. Я был высокомерен и глуп.

— Ты найдешь слова, чтобы это исправить, сын.

— Если выстоит мир. И мы.

— Поэтому я и отпускаю тебя, сын, — сказал отец. — Бермонт воюет в Рудлоге, Эмираты и Пески — помогают в Инляндии. Негоже, если в критические для Туры дни равновесные Ши не придут на помощь Пескам. Мы всегда почитали драконов, да и в наших интересах, чтобы иномиряне из Песков не вышли. Да, я бы предпочел, чтобы армейские части повел мой младший брат, а не ты, но раз данное слово ведет тебя туда, что я могу сделать против судьбы? Потому я уже приказал генералу Хэ Оню выделить тебе к утру оставшимися боеспособными гвардейцев и магов. Отдохни, Вей. Тебе лететь до Тафии на равновеснике не менее пяти часов — поспи эти пять часов. Ли Сой уже вернулся из Пьентана в Менисей, он восстановится и поутру откроет для тебя и твоих отрядов Зеркало туда, куда ты покажешь.

— Но стихии сейчас нестабильны, он не сможет перенести много, отец, — напомнил

Вей.

— Поэтому я ходил к духу Колодца, сын. Недавно он смог перенести будущую Владычицу Ангелину в Пески. Я напоил его своей кровью, и пусть я не коронован, он поможет нам. Завтра перед проходом через Зеркало призови любого равновесника и позови духа Колодца через него. Он поможет. Главное, чтобы там, куда ты попросишь его перенести людей, была вода.

— Спасибо, — выдохнул Вей. — Спасибо, отец!

— Я прикажу оповестить королеву Рудлога о том, что портал откроется в Тафии и что ты придешь на помощь, с тем, чтобы она передала это своей сестре. А теперь... спи дальше, мой сын. Тебе понадобятся силы. И... я очень рад, что ты наконец-то разглядел в простых людях... людей.

* * *

Следующий эпизод, скорее всего, в следующие выходные. Главы идут сложные, точно не могу сказать, возможно, будет раньше.

Часть 2. Глава 1.3

Ночь с пятого на шестое мая, Лаунвайт

2.30 по инляндскому времени, 4.30 по времени Иоаннесбурга

Где-то между двумя и тремя часами ночи раньяр, которым управлял связной Арвехши, пролетел над тихими окраинами Лаунвайта, столицы Инляндии, направляясь к ближайшему portalу. Жрец Имити-ша за спиной бормотал молитвы, нервно оглядываясь назад — потому что в лунном свете были видны нагнавшие их драконы, и расстояние между ними сокращалось.

Драконов Арвехши заметил недавно — и использовал всю ментальную силу, чтобы подстегнуть стрекозу. Впереди уже виднелись мерцающие цветком ворота на Лортах, и, уже подлетая к ним, связной с облегчением увидел, как поднялись навстречу драконам всадники на раньярах, оставленные охранять ворота.

Он не стал смотреть на бой — направил стрекозу вниз и нырнул в окруженные несколькими полосами обороны ворота на Лортах. Только волны пошли по туману, поглотившему и раньяра, и связного со жрецом, и удерживаемого сетью Лесидия дракона.

Дымка над раскинувшим лепестки цветком-portalом снова стала недвижимым. Наступила тишина.

Прошло несколько десятков минут, когда что-то начало меняться в мире. Неслышно. Мягко.

Подул ветерок, которого только что, в теплой майской ночи, не было. Он дул, набирая силу, и вот уже в ночном небе, в котором отчаянно бились драконы, пытаясь прорваться к portalу, медленно тронулись с места и потекли в стороны легкие облака.

Прошло несколько десятков минут, и облака вернулись обратно, сомкнувшись над portalом сильнейшей грозой с градом и молниями, перекрыв видимость, заставив раньяров — прибиться к земле, а драконов подняться выше туч и со страхом наблюдать, как разворачивается вокруг грозовой шторм.

Они очень устали за долгую, почти пятичасовую гонку, они были ранены в прерванном ненастьем бою, но один за другим они пытались прорваться сквозь кипящую молниями тучу, чтобы добраться до портала. Но ветер, который всегда был им отцом и другом, частью их сути, словно потерял разум, и выкручивал им крылья, кидая под разряды в брюхе огромной тучи.

Они метнулись в одну сторону, в другую — и решили облететь тучу по краю, чтобы подобраться к portalу уже в человеческом обличье.

Под грохот молний, под свист ветра никто не ощутил, как почти неощутимо начинает подрагивать земля — а далеко у берега море, спокойное и безмятежное, идет мелкой серой рябью и нервно кидает волны на берег.

Ночь с пятого на шестое мая, Лаунвайт

2.30 по инляндскому времени, 4.30 по времени Иоаннесбурга

Люк Дармоншир, каких-то пару десятков минут назад закончивший бой с Ренх-сатом, торопливо, зажав сигарету в зубах, разговаривал по военной связи с полковником Майлзом, докладывая о событиях, в которых принимал непосредственное участие. На площади меж туш инсектоидов горели костры, на брусчатке сидели сотни пленных под охраной. Охраняли и строение, где заперли отдельно вражеского генерала и отдельно — высокопоставленных

тха-норов. Медики грузили в машины тяжело раненых — в том числе и спящего Таммингтона, у которого Люк определил небольшое сотрясение и множественные ушибы, — маги во главе с бледной леди Викторией тут же оказывали бойцам первую помощь или отправляли в стазис.

Адъютант герцога, Вин Трумер, нашедший начальство, сейчас набирал для Люка еды в полевой кухне. Пусть удалось подпитаться от Марины, но физический голод никто не отменял, и нужно забросить в желудок хоть что-то, чтобы не сорвало головушку в полете.

— Леди Дармоншир тоже была здесь? — с изумлением переспросил в трубке Майлз.

— Не удивлюсь, если она и сейчас здесь, — со смесью иронии и восхищения отозвался Люк и на всякий случай посмотрел в небо. Затем, отвечая на следующий вопрос полковника, проводил взглядом носилки с искалеченным, застывшим в стазисе Ольреном Ровентом. Дармоншир знал, что бывали случаи, что вовремя наложенный стазис позволял пришить оторванную конечность обратно. Собственно, он сам в прошлом году почти потерял ногу в аварии на ралли — кость была в хлам и конечность держалась на лоскуте кожи — и только благодаря стазису, виталистам и высококлассным хирургам он все еще двуногий. Но в замке Вейн не было нейрохирургов — значит, предстоит везти в Виндерс и надеяться, что там ему помогут.

Та гонка вспоминалась как нечто не просто из прошлой жизни — как сон, словно дурил, рисковал, нарывался на смерть кто-то другой.

Хотя он и сейчас этим занимается. Просто сейчас есть ради кого и чего это делать. А не просто ради пощекотать себе нервы.

— Отдельные кварталы еще в боях, — говорил он внимательно слушающему Майлзу, — недобитые невидши попадают в переулках, выходят на площадь. Есть окопавшиеся группы иномирян. На зачистку потребуется как минимум дня три.

— Если не неделя, — буркнул Майлз. По паузам было понятно, что он что-то помечал себе. С севера, оттуда, где пытались уйти крупные отряды иномирян, раздавались звуки перестрелок. А Люк слушал Майлза, говорил сам, и нервничал — потому что сразу нужно было бы хватать Ренх-сата и мчаться выручать брата по стихии, наставника и друга... но иномирянскому генералу сейчас оказывала помощь леди Виктория, чтобы он не подох от кровоизлияния в мозг до того, как поможет спасти Нории, а Люку нельзя было уйти, не согласовав это с Майлзом. В Нестингере оставалось еще достаточно захваченных городов, и пусть большая часть инсектоидов и иномирян полегла здесь, в Норбидже, нужно зачистить тылы и фланги, прежде чем перегруппироваться и идти вперед.

А без змея воздуха это будет очень сложно сделать.

И, самое главное, нагнать раньера с Нории Люк уже не успевал, даже если поднимется ввысь и оседлает высотные ветра. Леди Виктория сказала, что Владыку пленили около половины десятого вечера. Значит, раньер с сетью вот-вот будет у портала. Вот-вот. И ему нужно оказаться там прямо сейчас — тогда есть еще вероятность перехватить врага.

Что он будет делать после того, как перехватит, он не знал.

Люк до разговора с Майлзом попросил Викторию перенести его и Ренх-сата к Лаунвайту, но она только покачала головой и без лишних слов махнула рукой. Зеркало, принявшее было наливать сереброем, задрожало и рассыпалось на тающие осколки.

— Эта сеть, этот артефакт, которым пленили Владыку, почти уничтожила мой резерв, — объяснила Виктория со злой досадой. — Я сейчас на подпитке от накопителей, моего резерва уже достаточно для мелких манипуляций — но стихии нестабильны, и его не хватит,

чтобы построить сейчас устойчивое Зеркало. Мне нужно хотя бы два часа на восстановление.

— Нет у нас двух часов, — тяжело ответил Люк.

— Нет, — согласилась волшебница. — Но вопрос не в этом. Простите за прямоту — я крайне уважаю Владыку, но если они уже унесли его в Нижний мир, то что вы сможете сделать, герцог? Макс... Профессор Тротт, который знает много о том мире, говорил, что наша стихийная магия там не работает, разве что получится принести с собой накопители и тянуть стихийную силу из них. Но у вас нет стихийной силы, есть родовая, которая там, как я поняла, исключительно слаба и опирается только на силу крови, которая де-факто и является накопителем. Нужно понимать, что ваши возможности будут крайне ограничены.

— У вас не осталось боевых артефактов, которые я смог бы использовать? — поинтересовался Люк.

— Естественно, если вы решитесь, я полечу с вами, чтобы подстраховать хотя бы здесь, и отдам вам все, что может активировать обычный человек, — Виктория глянула на пальцы, унизанные кольцами. — Но в Нижнем мире я сейчас буду бесполезна, герцог. Мои накопители почти на нуле. Повторюсь, мне нужно хотя бы два часа, чтобы вывести свой резерв на приличный уровень.

— Я пойду один, — твердо проговорил Дармоншир. — Вы нужны Инляндии, леди Виктория.

Она покачала головой.

— Послушайте же меня. Возможно даже, что там у вас останутся слабые ментальные способности, возможно, вы сможете построить кратковременный щит, как это мог делать Макс — но учтите, что источник его стихии тоже там, в Нижнем мире. Даже если вы осилите все это исключительно на силе своей крови, вы все равно точно не сможете обернуться в змея. И на что вы тогда рассчитываете? Артефакты, если они будут действовать в том мире, дадут вам краткое преимущество, но вас просто задавят чистом. Что вы сможете сделать, кроме как погибнуть там?

Этот же вопрос задал ему сейчас и командующий Майлз, когда Люк, рассматривая мизинцы, унизанные кольцами Виктории, поставил его в известность о том, что он собирается делать дальше.

— Я не знаю, полковник, — честно и устало ответил Дармоншир. — Знаю лишь то, что Нории бы полетел за мной, если бы поймали меня. Он и здесь оказался из-за меня. Какой тогда из меня союзник, если я ничего не попытаюсь сделать?

— Дармоншир, — сухо ответил Майлз. — Но *что* вы можете сделать?

— Главное — догнать, тут или в другом мире, — раздраженно ответил Люк. — Возьму огнестрел, ножи, артефакты, перейду в Нижний мир, заставлю Ренх-сата донести меня на стрекозе туда, куда отправили Нории. А там что-нибудь придумаю. Заболтаю их, предложу что-нибудь взамен. Того же Ренх-сата. Откажутся, придумаю еще что-нибудь. Они падки на золото, предложу золото. Возможно, моих возможностей хватит на то, чтобы уйти и увести Нории. Я же счастливчик, вы же знаете, полковник.

Майлз не принял легкомысленного тона.

— Вы понимаете, что к тому моменту, как вы долетите до портала, Владыка может быть уже мертв? Можно взять с собой бойцов, тех же берманов верхом на драконах, но вы прекрасно знаете, что вокруг порталов все кишит раньярами. Ваше сопровождение просто уничтожат на подлете, это уж не говоря о том, что у людей после боя просто нет сил. А

внизу стоит Ренх-сату подать голос, и уничтожат уже вас.

— Я все понимаю, Майлз, — ответил Люк, снова прикуривая. — Поэтому я никого не буду брать с собой. Я не хочу ослаблять армию еще больше. Мы сломали им хребет, дальше, даже если я останусь там, вы сами с помощью Тамми дойдете до столицы и очистите Инляндию.

— Но в чем смысл вашей вылазки, если вы понимаете, что это бессмысленно? Поставить галочку напротив пункта «Я сделал все, что мог?» Или героически погибнуть в очередной раз?

— Нет, Майлз. Просто сделать все, что могу.

— И дать им двух высоких заложников вместо одного?

— Поэтому я запрещаю вам выкупать меня чем угодно, Майлз, если даже меня будут резать на ваших глазах. Это моя воля. Сообщите в Рудлог, как наладите связь, что Нории похищен. И моим родным. И жене... она поймет, почему я улетел.

Люк говорил, убеждал и все прикидывал, как ему попасть к порталу вместе с Ренх-сатом... на спине змея ни один человек не удержится, слетит, соскользнет, даже если вцепится в перья. Посадить его в машину и потащить в пасти? Как вариант...

В глазах вдруг на мгновение потемнело, и он ощутил изменение стихий как вибрирующий выдох, как резкое падение напряжения — когда лампочки вдруг тускнеют и начинают мигать. И сначала он заметил сбой в движении ветра, слабый, почти незаметный, затем едва ощутимый нутряной гул земли, и уже после увидел, как ветры и ветерки, подрагивая, скачками смещаются выше и ниже, сплетаясь и расплетаясь, заворачиваясь в невидимые пока вихри и снова успокаиваясь. Это выглядело как дальнейшее эхо, слабый отголосок того, что Люк испытал над Милокардерами, когда над ними с Тамми, Энтери и Нории прошла волна после гибели Хань Ши. Это ощущалось как преддверие посмертного шторма Луциуса и Гюнтера.

Майлз еще что-то сухо говорил в трубку, взывал к разуму, но Люк не слышал его.

Неужели Нории погиб?

Нет, если бы он умер, разгон стихий был бы в сотни раз быстрее. Хотя... что он знает об этом? Черт... черт... может, это не связано с Нории? Может, просто опять скачкообразно просели стихии, как уже бывало?

Он выдохнул, сплюнул сигарету, представив, как ему смотреть в глаза Ангелине Рудлог, если он ничего не сделает. Как ему смотреть себе в глаза, если он не попытается вытащить того, кто пришел на помощь ему. Если он хотя бы не вернет сюда его тело.

Он найдет, что предложить Ренх-сату — и даже если тот обманет, а он обманет, увести его за собой Люк успеет.

— Венсан, — прервал он хрипло. — Я теряю драгоценное время. Я знаю, что опять подвожу вас, но я верю в ваш гений. Вы справитесь без меня?

Майлз помолчал.

— Да, герцог, — ответил он кратко. — Конечно.

Люк передал трубку связисту, и, под завывания ветра направляясь к полицейскому участку, в котором заперли Ренх-сату, схватил протянутый адьютантом бутерброд, жадно заглотив его в несколько укусов, запил на ходу сунутым в руку чаем. Вин тут же подсунул ему еще один, затем яблоко, и Люк, укусив, поморщился, то ли от кислоты, то ли от чувства вины перед Мариной.

Но она поймет. Она тоже уходила так — вопреки разуму за своей подругой.

Он посмотрел на городские часы, которые отсвечивали красноватым от костров. Почти три часа ночи. Если бы он оказался в Лаунвайте сейчас, он, возможно, еще успел бы перехватить раньяра до портала.

Да, иномирянская ловушка может атаковать его, как атаковала Викторию, но ведь можно попробовать издали приземлить раньяра вихрем. Только бы оставить Нории здесь, а там уже найдется способ заставить Ренх-сата снять сеть.

Но как успеть? Снова просить огромных духов о помощи? Все-таки подняться вверх и попробовать нырнуть в верхние воздушные реки, поймать попутный поток?

Только бы беснующийся ветер и уже осязаемое подрагивание земли не означали бы самое худшее.

Взгляд его упал на разбитые витрины магазинов. И он застыл, поднося огрызок ко рту.

Он может успеть. Или умереть, если учесть, что опыта не так много, и делал он это, когда стихии были куда стабильнее.

И последний раз, перед спасением Берни, когда он хотел пройти этим путем, внутри царил хаос. Но и он был слабее.

— Лейтенант, — попросил он адъютанта, — добежите до тех магазинов, посмотрите, есть ли там зеркала. И доложите мне. И еще... мне нужно оружие, которое я могу взять с собой. Легкие автоматы, патроны к ним. Пара ножей. Сухпайки, аптечка. Короче, соберите мне полную разгрузку. И... найдите меч нашего пленного. Тоже оружие. А, и еще. Молока. Пару пачек.

— Так точно, — откликнулся Трумер и бегом направился к витринам через площадь.

У полицейского участка и внутри охраны было в десятки раз больше, чем высокопоставленных пленных, и все они были магами с ментальной защитой. Ренх-сат выглядел куда лучше, чем сразу после боя: он сидел на лавке в камере, откинувшись на стену, и боролся со сном, как бывает после виталистических процедур. Борода его была в крови, как и татуировка-паутина на голове, взгляд — мутным и тяжелым. Он смотрел на Викторию, которая держала одну руку на его лбу, а вторую — на диафрагме, с выражением пса, который вот-вот рванется и вцепится в горло.

Волшебница взирала на это равнодушно, сухо интересуясь:

Колет в висках? В глазах двоится?

Ее не смущало, что он не отвечал. Похоже, она слышала мысли.

Когда Люк вошел, тиодхар перевел на него тяжелый взгляд, полный четкого и яростного желания отомстить.

— Подлатали, леди? — поинтересовался Дармоншир. — Жить будет?

— Будет, — ответила Виктория. Она стала еще бледнее и выглядела старше, чем обычно.

В участок вбежал нагруженный Вин Трумер, вытянулся рядом с Люком:

— Ваша светлость, нашел зеркало! — отчитался он, передавая герцогу рюкзак, разгрузочный пояс, подсумки, оружие. Под мышкой у него был за рукоять зажат меч Ренх-сата, к которому генерал прикипел взглядом.

— Хорошо, — Люк, застегивая на себе экипировку, почувствовал, как начинает колоть ладони от нетерпения. — Леди, можно сделать так, чтобы наш друг ближайшие сутки не заснул?

Волшебница молча вытащила из сумки на поясе крошечный, с полмизинца, флакончик, откупорила его.

— Откройте рот, — сказала она сухо.

Генерал, естественно, не отреагировал. Дармоншир уже понял, что он признавал только силу. И насилие.

— Открывай, — устало приказал Люк. — Иначе я заставлю открыть. — Он оглянулся. — У кого ключи от его наручников?

Когда ему передали ключи, он отстегнул один из наручников и пристегнул к своей руке. Ключ сунул во внутренний карман формы. Ренх-сат, позволивший влить в рот содержимое флакончика, чуть порозовел, взгляд стал яснее.

— А теперь встань, — сказал Люк. И под испепеляющим взглядом генерала снял с него пояс с ножнами, сунул туда меч, перекинув пояс через плечо на манер перевязи.

— Ты же не уметь биться на мечах, — процедил генерал. — Зачем он тебе?

— Это тебе, — ответил Дармоншир небрежно, глядя ему в глаза. — Поможешь мне — оставлю тебя там и верну меч. Ударить в спину — перережу им же горло. Хочешь свободу, генерал? Твоя свобода за свободу моего друга.

Ренх-сат криво усмехнулся, глядя на Люка как на идиота.

— Держи от меня мой меч подальше, колдун, — сказал он почти весело. — Моя рука привыкла к нему. Глядишь, я успею схватить и перерезать тебе горло раньше.

— Все-таки полетите? — спросила Виктория, равнодушно выслушав этот обмен любезностями.

— Пойду, — уточнил Люк. — Есть такая возможность... наверное.

Она с удивлением взглянула на него, затем в глазах засветилось понимание.

— Тогда я пойду с вами. Я уже предупредила командующего.

— Я уже сказал, что не стоит, леди, — Дармоншир не стал уточнять, как отреагировал Майлз.

— Герцог, — терпеливо проговорила Виктория, — если вы сможете провести за руку через подпространство одного человека, то сможете и меня. Пусть мои силы сейчас невелики, но я помогу вам. Принцип перемещения через Зеркала магические и обычные идентичен, а я еще в состоянии хоть как-то стабилизировать проход. В конце концов, должен быть кто-то, кто сообщит вашим родным, что вы добрались до портала в Нижний мир, а не были убиты по пути. А если у меня получится попросить наших общих знакомых о помощи, то, возможно, я не буду совсем уж бесполезна.

— Хорошо, — сказал Люк, не желая тратить время на споры. — Это ваше решение, леди Виктория. Поспешим. Лейтенант, ведите нас.

Ветер усилился десятикратно, прибывая костры к земле — их срочно тушили, потому что искры летели далеко. Люк, вдыхая дымный воздух, ощущая, как бьется стихия, понимал, что если ветер будет так усиливаться, то к утру начнется ураган, с которым ему не получится совладать.

Трумер вел их по по площади к разбитым магазинам, на них глазели солдаты и пленные. Пленный генерал спокойно, размашисто шагал рядом с Люком. Лишь иногда тянул на себя руку, словно проверяя крепость цепочки. Люк в очередной раз посмотрел на него, наткнулся на задумчивый и слегка насмешливый взгляд. Приподнял брови, приглашая говорить.

Он ничуть не обманывался видимой покорностью пленника и каждую секунду был готов к нападению.

— На что ты надеяться, колдун? — не стал молчать Ренх-сат. Из-за ветра ему пришлось повысить голос, за его усмешкой скрывалась ярость. — Наши боги не отдавать своих жертвы.

— Тогда молись им, чтобы они согласились обменять жертву на тебя, — ответил Люк громко.

Вражеский генерал хмыкнул.

— Ты совсем не понимать нас, — проговорил он сквозь смех. — Они, скорее, убить меня, и в наказание, и чтобы у тебя не быть возможности что-то требовать. Нет, они разом убить нас обоих.

— Хорошим же ты служишь богам, — едко заметил Люк.

— Я служить силе, — проговорил Ренх-сат со спокойной уверенностью в своей правоте. — Сила — единственное, что править мирами. Пока ты сильный, у тебя есть власть. Ты быть сильнее. Ты победить. Ничего нет важнее силы.

— Есть, — звучно сказала Виктория вдруг. — Есть.

— Что же? — осведомился Ренх-сат неохотно, и герцог, подняв голову и глядя на сплетающиеся в растерянности ветра, отстранено подумал, что есть во враге и простое человеческое любопытство. Или он забалтывает, чтобы отвлечь внимание — как бы делал сам Люк.

— Любовь, — просто ответила волшебница. — Она правит миром. Голая сила разрушает, только любовь заставляет ее созидать.

— Что это? — после паузы недоуменно спросил генерал. И все стало понятно. И Виктория поморщилась, с жалостью глядя на него.

Люк воспринимал этот разговор как что-то сюрреалистичное, так неуместен он был здесь, среди кровавого последа недавней битвы, воя ветра, запахов дыма и пороха, пота, крови и муравьиной кислоты.

— Это... привязанность, самоотверженная привязанность к кому-либо, — ответила Виктория задумчиво. — Между мужчиной и женщиной, матерью и ребенком. У тебя же есть мать, Ренх-сат?

В последнем вопросе послышались исследовательские нотки.

Ренх-сат усмехнулся.

— У нас мальчиков забирать от мать в пять лет, чтобы они не расти слабыми. Я не помнить свою мать. Значит, эта любовь делать слабым?

— Но именно ты сейчас в плену, — напомнила Виктория. Ренх-сат оскалился, но ничего не сказал. — Ты бьешься за своих богов из поклонения силе и из страха наказания. Но страх делает слабым. А любовь дает силу. Силу биться за того, кого любишь.

Трумер потянул на себя разбитую дверь магазина, и она со скрипом вывалилась на мостовую — адъютант только успел отпрыгнуть в сторону.

— Я через витрину заглядывал, — объяснил он. — Вот там, смотрите, ваша светлость! Единственное уцелело!

Люк шагнул вперед, потянув за собой Ренх-сата. И остановился в темноте перед огромным зеркалом, отражающим всю компанию в полный рост.

— Никто не дергается, иначе останетесь там навсегда, — предупредил он. — Леди, дайте мне руку.

Он сжал пальцами прохладную ладонь волшебницы, всматриваясь в тусклую поверхность и вспоминая кабинет Луциуса Инландера. Закрыв глаза — перед внутренним зрением контур зеркала медленно налился светом, а когда открыл — увидел кабинет. Словно сквозь мутное стекло, искаженно и тускло, но увидел.

Виктория сжала его руку. А Люк выдохнул, чувствуя холодок в груди, и шагнул вперед.

Его ошпарило холодом. С одной стороны на своем, иномирянском, цедил что-то нервное застывший истуканом Ренх-сат, с другой сосредоточенно вдыхала и выдыхала Виктория — он чувствовал, как от нее идут волны чего-то уравнивающего, стабилизирующего.

— Мы ведь не сюда должны были попасть? — спросила она ровно.

— Нет, — так же тихо, ощущая, как вибрируют под ногами дорожка, ответил Люк. — Мы должны были сразу выйти в кабинете.

Подпространство сминалось, ворочалось, искажалось, и сияющая дорожка была шире и бледнее, чем обычно — но тонкой нитью соединялась с бледным окошком впереди. Люк всмотрелся в него, притягивая его взглядом. Показалось, или оно стало ближе?

— Ну, — прошептал он, начиная уже подрагивать от холода, — вперед. Вперед!

И шагнул, гипнотизируя окошко взглядом. Шаг дался тяжело, словно рюкзак за спиной был набит не вещами, а кирпичами. Виктория выдохнула, делая шаг вправо — краем глаза он увидел, что дорожка становится уже, — и аккуратно взяла за руку Ренх-сата, отцепившись от Люка.

— Иначе мы не пройдем, — пояснила она. Она была уже совершенно белой — но глаза были сосредоточенными, и продолжали идти от нее мощные волны стабилизации.

Ренх-сат молчал, глядя вперед. На лице его выступили бисеринки пота.

Дармоншир кивнул, сделав второй шаг. Третий. Четвертый. Дорожка под ногами загуляла как струна, Виктория зашептала что-то уже отчетливо — но у Люка было четкое ощущение, что он держит дорожку силой своей воли, и если сейчас потеряет концентрацию, все они свалятся в бездну, расплывшись на осколки льда.

Из носа потекла кровь, полетела вниз, в бездну. Капля, другая, третья... и вдруг дорожка засияла ярче, дернулась, как струна — и они все вывалились в королевском кабинете.

Люк поднялся на четвереньки, помотал головой, стуча зубами. Вывернутая рука, к которой был прикреплен наручник, ныла. Сам Ренх-сат, бледный в синеву, тер себя свободной рукой по лицу.

Дармоншир огляделся. Здесь было темно и пыльно, но все еще пахло вишневым табаком Луциуса Инландера — а снаружи выл ветер и грохотал гром. Леди Виктория, шатаясь, добралась до ближайшего кресла и рухнула в него. Порылась в сумке, выпила один тоник, другой.

— Уважаемые хранительницы, — позвала она скрипуче, словно через силу, — вы здесь?

Ей никто не ответил, и она с силой выдохнула.

— Кажется, я переоценила свои силы, герцог, — сказала она, с трудом выговаривая слова. — Тоники поддержат меня, но сейчас я точно не смогу двигаться за вами. Если только сюда не придут хозяйки этого места.

— Да я сам слегка себя переоценил, — признался Люк, пытаясь встать. — Или не слегка.

Руки дрожали, холод словно поселился внутри и не желал уходить. Ренх-сат, на удивление, выглядел поживее, но он был гораздо крупнее Люка. Или это работал недавно выпитый тоник?

— Почтенные хранительницы, — снова слабо позвала Виктория. — Вы ведь нас слышите?

Люк поднялся, прислонился к стенке рядом с зеркалом — и рядом с ним так же привалился к стене пленник. Страшно захотелось курить.

— Инри, Осси, — позвал Люк, дрожащими руками доставая сигарету, дергая зажигалкой. Затянулся теплым дымом, закашлялся. — Я же чувствую, что вы здесь. Нам нужна помощь.

Из угла за королевским столом потянуло холодком, за клубился туман. Зашипело, и Люк улыбнулся.

— Помощьссс, — раздалось из угла. — Помощьссс емуссс... кудассс полезссс глупыйсссс змеенышшш? Какуюсссс тебе помощьссс?

Из тумана показались две размытые змеицы. Одна подползла к Виктории, заглянула ей в лицо. Вторая напрямик направилась к Люку.

— Рад, что нынешние времена не сказались на остроте ваших языков и вашей красоте, — галантно заметил Люк.

— Льссстецссс, — прошептала Инри, подползая ближе. — Тысссс опятьссс ссссиний, змеенышшш? Укусссить тебя, что лиссс?

— За этим и пришщц... тьфу, пришел, — Люк протянул руку. — В прошлый раз вы меня знатно согрели. И взбодрили.

Змеица подозрительно покосилась на него, затем на пленника, который напрягся и взирал на овиентис, словно размышляя, чем их можно убить, если понадобится.

— А этоссс ктоссс? Едассс намссс?

— Скорее, мне, — буркнул Люк. — Сожру, если этот добрый человек не поможет мне освободить Владыку Нории. А вам его есть не нужно, я вам молока принес. Но сначала — согрей меня, почтенная. Пожалуйста.

— Айсссс, дамсссский угодикуссс, — зашипела Инри польщенно и скачком вцепилась в запястье Люка. Он дернулся — холод отступил мгновенно, по жилам плеснуло кипятком. Ренх-сат тоже дернулся — и дальше смотрел на происходящее так, будто осознал, что колдун-то ненормальный.

— А тысссс, волшшшшебница? Ты зачемсссс такая сссслабая сссстала? — с укором поинтересовалась у Виктории Осси.

— Я не специально, — ответила Виктория, с усилием улыбнувшись. — Великая хранительница, его величество Луциус показывал мне сокровищницу Инландеров. И я припоминаю там с десятков очень мощных накопителей. Не могла бы ты одолжить мне один... мне очень нужно помочь его светлости.

— Ссс-вет-ло-сссти, — зашипела-засмеялась змея. — Я бы и радассс, волшшшебница. Но нашшша ссуть такова, чтоссс мы должныссс охранятьссс ссссокровища детей Инлияссс от чужих. А тыссс, хоть и вернаяссс, но чужаяссс. Нельзяссс нарушшшать правилассс, даже если мирссс на краюссс гибелиссс и мы тожессс... Вообщессс, мы должныссс убитьссс тебя за проникновениессс, но ты с змеенышшшемссс...

Инри, вцепившаяся в запястье Люка, что-то прошипела.

— Чтоссс? — раздраженно вскинулась Осси, отодвинувшись от Вики.

— Дайссс и нессс занудсстуйссс, — так же раздраженно ответила Инри, отцепившись от запястья и зализав раны языком. Люк так и стоял у стенки, отходя от эйфории.

— Нельзяссс! — шикнула Осси.

— Формалиссстетка!

— Ессстет давниессс закониссс! Без разрешения старшей белой кровиссс нельзяссс!

— Вотссс тебессс сссстаршая белаяссс кровь! — Инри мотнула головой на Люка. — Змеенышшш!

— Я согласен, если вдруг мое согласие требуется, — поспешно сказал Люк. — Пусть хоть все выносит, если это поможет.

— Вссссе, — раздраженно зашипела Осси, — поколенияссс предковссс копилиссс, создавалиссс себе ложессс, а он всссе!

— Да идиссс ужесс! — пришикнула на нее Инри. — Ищисс!

Овиентис, плеснув хвостом, исчезла.

— Подождать надоссс, — ворчливо сообщила оставшаяся змеица. — Покассс найдетссс... пока волшшшебница восстановитссся...

— Я не могу ждать, — проговорил Люк. — Леди Виктория, вы знаете, к какому порталу я полечу. Успеете нас перехватить — хорошо. И я оставлю вам молоко для наших дам. Нальете им, хорошо?

Виктория кивнула, не открывая глаз. Она и дышала-то сейчас с трудом.

Люк прошел по пустым и гулким коридорам Глоринтийского дворца. Пленник не дергался — шагал рядом, глядя вокруг со сдержанным интересом.

Дармоншир бы тоже не дергался, если бы его вели в родной мир.

Входные большие двери были заперты — пришлось разбивать окно, из которого тут же ударил ветер наполоам с ливнем, перелезая, рискуя порезаться. Люк прыгнул наружу, подождал, пока вылезет Ренх-сат, огляделся в поисках того, в чем можно было бы перетащить генерала в зубы...

Прямо перед парадным крыльцом стоял длинный белый королевский автомобиль марки «Лунный ветер» с хищным носом и широким пассажирским отделением. И, как помнил Люк, с бронированным кузовом, мощнейшим двигателем и магической защитой и усилителем. Видимо, Луциус тоже был неравнодушен к роскошным скоростным автомобилям.

Дармоншир хмыкнул, одобряя, и направился к машине.

Замок пришлось взламывать — пригодился меч Ренх-сата, такой тонкий, что пролез между стеклом и дверцей. Промокший генерал, похоже, уже ни на что не реагировал, лишь наблюдал со злой настороженностью.

— Не пытайся выпрыгнуть, расшибеься, — сказал Люк перед тем, как отстегнуть наручники. Распахнул дверь. — И не бойся. Я тебя не сожру.

Ренх-сат бросил на него угрюмый взгляд и полез внутрь. А Дармоншир скинул в багажник рюкзак и оружие и, обернувшись змеем, схватил автомобиль и поднялся в воздух, лавируя меж потоками сошедших с ума ветров.

Ураган все усиливался. Герцог уже вылетел за пределы города и летел низко над лесом, когда чудовищный порыв ветра швырнул Люка к земле, второй — вновь подбросил вверх, третий — снова дернул вниз, к кронам деревьев... и вдруг ударило ощущением, как снова мигает, слабея рывками, напряжение белой стихии — но не змей успел как-то отреагировать, как машина полетела на землю, а следом за ней он сам — обернувшийся человеком.

* * *

Друзья, с завтрашнего дня старшая дочка у меня на каникулах, поэтому до 10 июня я пишу только на выходных. Затем две недели, когда мои дети у свекров (если никто не

заболеет, ттт), и я пишу очень активно, а затем с 26 июня я уйду в отпуск до осени.

Но я поговорила с модераторами АТ, к сожалению, правила сайта, как оказалось, не позволяют вот так выкладывать в одной книге части другой книги. Поэтому на следующей неделе я их отсюда удалю (эта глава последняя, которая так выложена), перезалью отредактированную первую часть и закрою подписку. Часть можно будет скачать.

А сюда я вернусь осенью, с открытия второй части КК12.

Nota bene

С вами был [Цокольный этаж](#), на котором есть книги. Ищущий да обрящет!

Понравилась книга?

Наградите автора лайком и донатом:

[Королевская кровь-12. Часть 1](#)